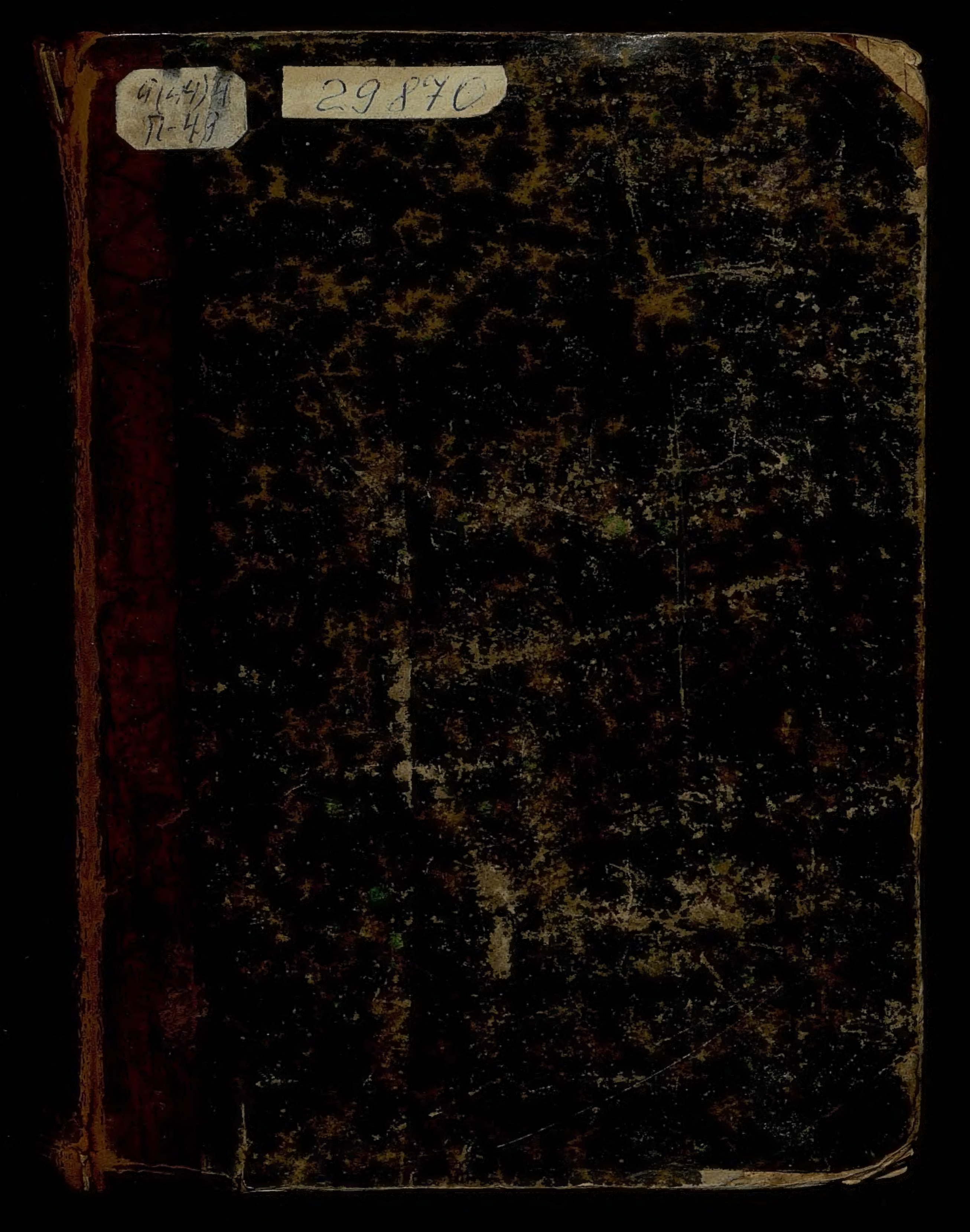
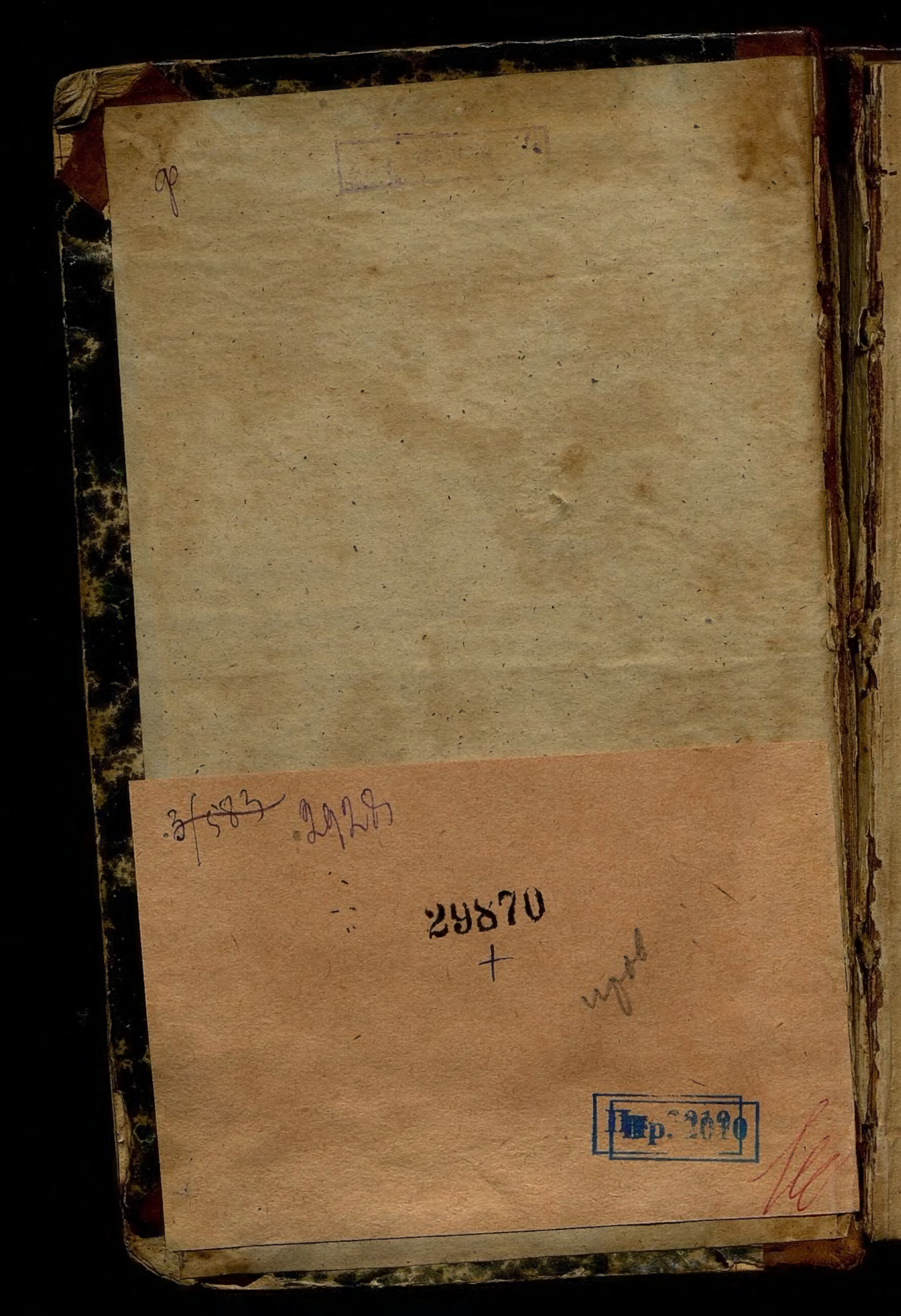
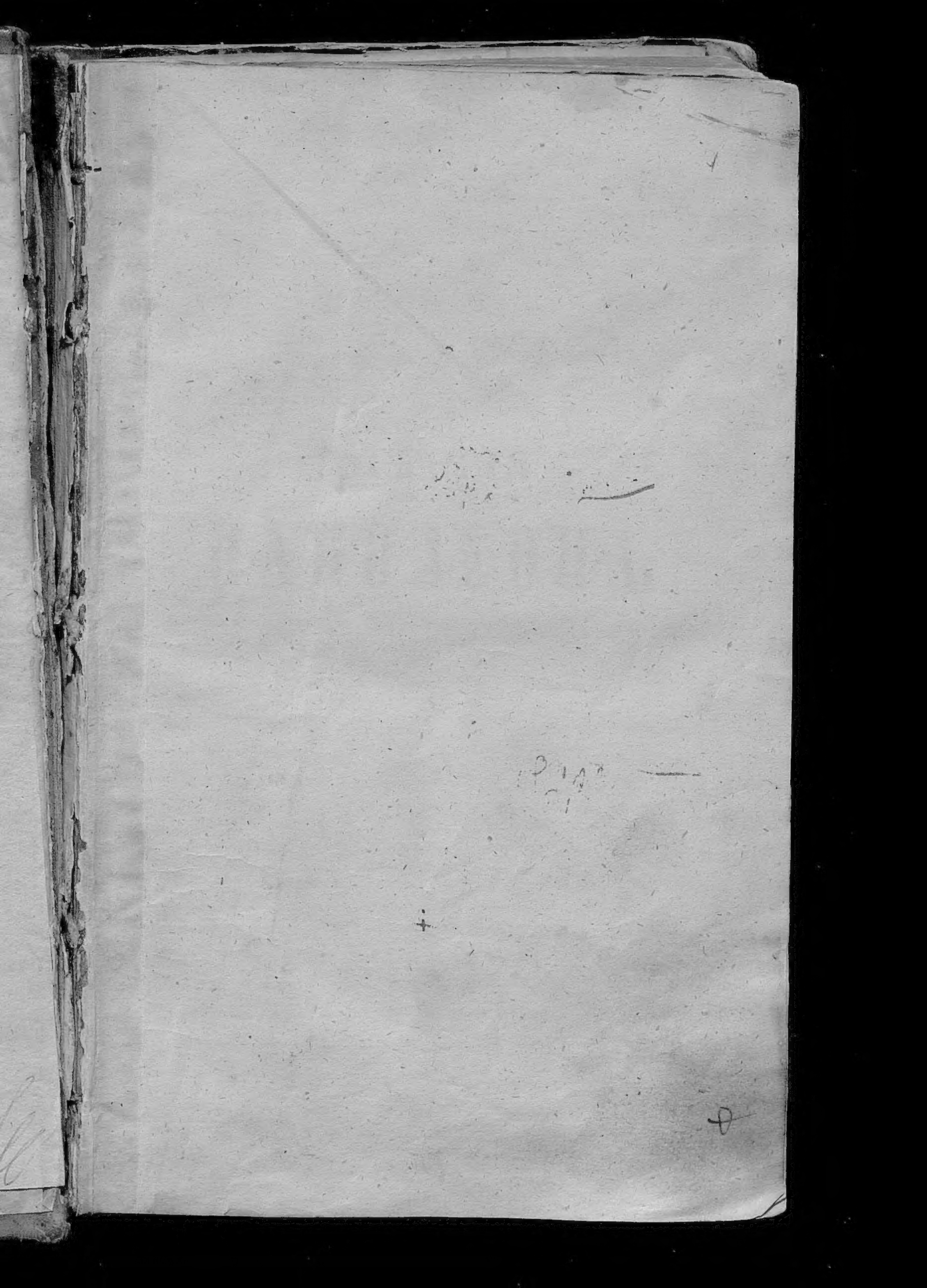
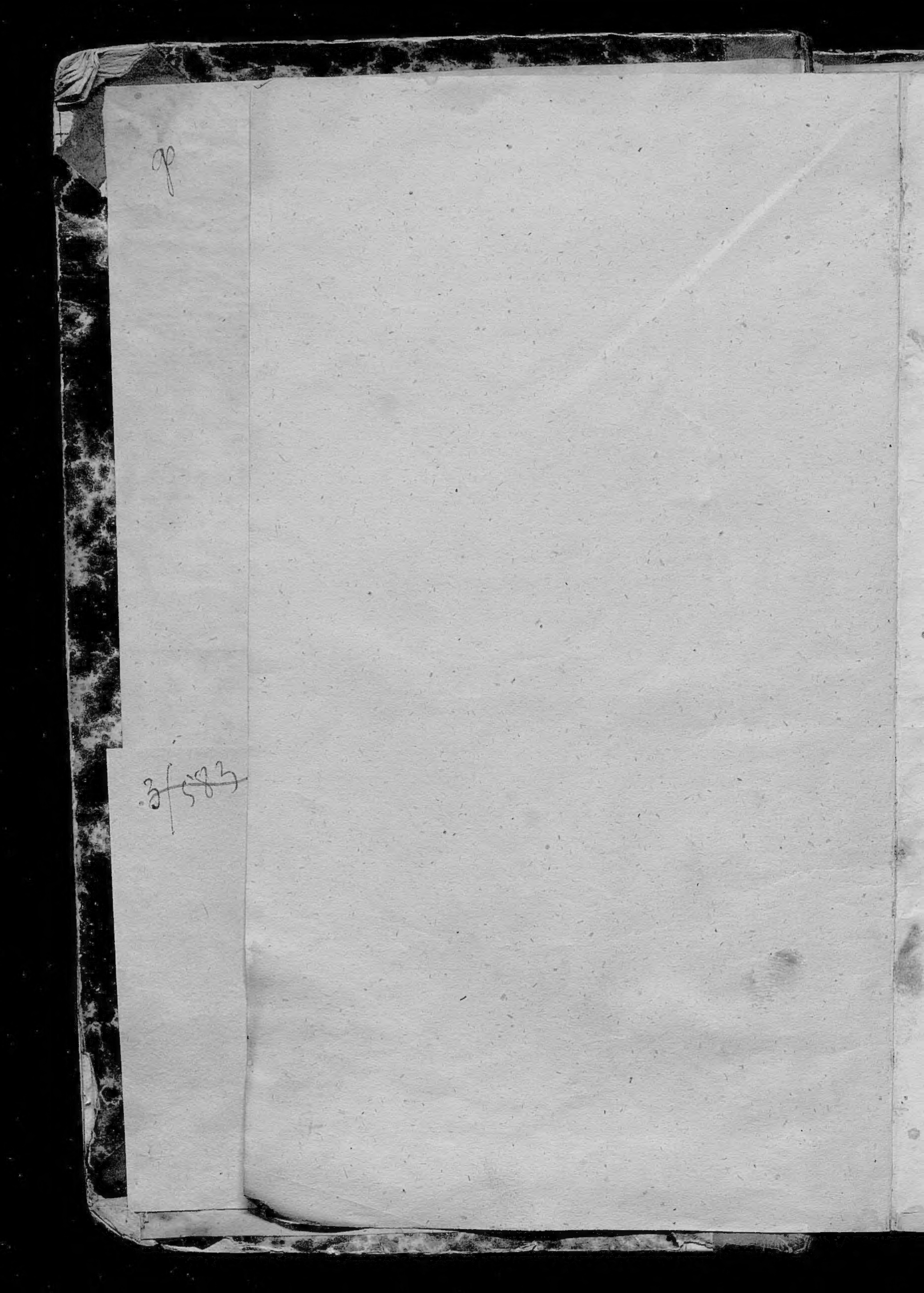

П-48
29870

3/583

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

IV.

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

СОЧИНЕНІЕ

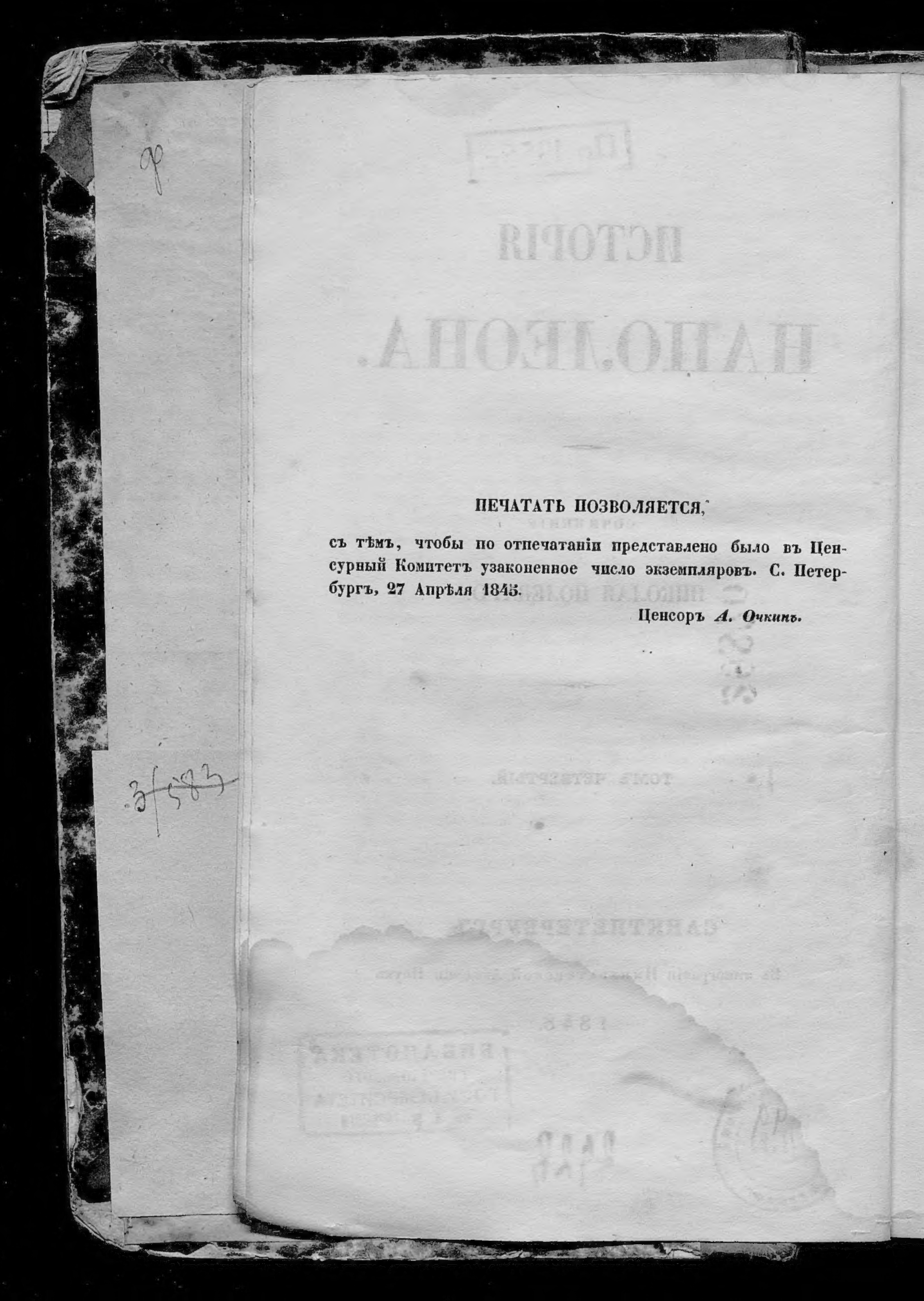
НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 Апрѣля 1845.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Исторія Наполеона

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВОЙНА СЪ АВСТРІЕЮ. — ШЕНБРУННСКІЙ МИРЪ.
1809 г.

Napoléon est un être extraordinaire, mais peu connu; j'ai voulu faire la campagne d'Autriche avec lui pour mieux apprécier ses talens; il a su fanatiser ses soldats au point de faire marcher cinq cent mille guerriers comme un seul homme. Son système est parfait pour aller en avant; mais si jamais il recule, il est perdu; c'est un général d'invasion.

П. Л. Курье.

Причины поспѣшнаго возвращенія Наполеонова во Францію были внутреннія и внѣшнія. Первыя состояли въ обнаружившемся движеніи умовъ, показывавшемъ, что оппозицію мнѣній не могли задушить ни власть, ни угрозы Наполеона. Вторыя состояли въ явной готовности Австріи на войну съ Наполеономъ, и обширныхъ средствахъ, приготовленныхъ ею на борьбу рѣшительную.

Какимъ-то волшебнымъ заклятіемъ ознаменована была Испанія для Наполеона. Какъ пагубный кладъ, она губила его пріобрѣтеніемъ и потерею, неудачею и успѣхомъ. Мы видѣли, что вообще негодованіе возникло противъ него послѣ событій Байонскихъ. Враги его вопіяли о нестерпимомъ вѣроломствѣ и наг-

ломъ хищенія, и самые приверженцы находили дѣло недостойнымъ величія Наполеонова. Преувеличенные слухи о возстаніи Испанцовъ, напыщенныя воззванія, хвастливыя извѣстія объ ихъ побѣдахъ, оправдываемыя заботливостью Наполеона, поѣздкою его самого въ Испанію и движеніемъ сильныхъ войскъ, произвели радость во врагахъ, уныніе въ приверженцахъ и общее осужденіе; глухо слышно было объ его ослѣпленномъ властолюбіи, которое губитъ войско и славу Франціи. Завоеваніе Испаніи почитали невозможнымъ. Разгромъ защитниковъ Испаніи и изгнаніе Англичанъ показали возможность его — новое нарѣканіе! Удивительно ли, славно ли, что громадными силами Наполеонъ задавилъ храбрыхъ, но нестройныхъ Испанцовъ! Другіе называли лживыми извѣстія о побѣдахъ Наполеона, ссылаясь на извѣстія Англичанъ и Испанцовъ. Неожиданное возвращеніе Наполеона въ Парижъ подтверждало сомнѣнія, а нерѣшительность дѣлъ въ Испаніи послѣ отъѣзда его сдѣлала ихъ почти достовѣрностью. И между тѣмъ, непреклонный противъ угрозъ Австріи, онъ предпринимаетъ новую войну, требуетъ новыхъ пожертвованій! Война въ Испаніи! Война за Рейномъ, когда дружба Россіи такъ сомнительна! Оппозиція усиливалась. Парижскіе салоны аристократовъ шумѣли; народъ роптaлъ. По крайней мѣрѣ, такъ казалось Наполеону. Уже одно то, что послѣ событій въ Испаніи являлись слова: *возстаніе народа*; *народная война*, возбуждали гнѣвъ его, такъ что два ничтожныя событія во Франціи

показались ему особенно опасными. Законодательный Корпусъ осмѣлился отвергнуть проектъ уголовнаго закона. Не дерзая спорить, Корпусъ рѣшился прибѣгнуть къ балотировкѣ и утвердился на большинствѣ баловъ. Наполеонъ изъявилъ гнѣвъ свой Камбасересу, отъ 27-го Ноября, осуждая, какъ самое противорѣчіе, такъ и способъ изъявленія его. «Не думаютъ ли люди, составляющіе Законодательный Корпусъ, что они Народное Собраніе? И какой законъ совершенъ? Предложенный законъ также могъ быть несовершенный, но польза его была очевидна. Съ чего вздумали балотировать голоса? Для чего было не составить комитета, гдѣ каждый сказалъ бы свое мнѣніе. Но что я узнаю изъ вашей балотировки? Одно то, что вы осмѣливаетесь противиться волѣ моей, не зная тому причины.» Другой случай умножилъ досаду Наполеона на подчиненныхъ. Законодательный Корпусъ, получивъ испанскія знамена, явился поздравлять императрицу Жозефину съ побѣдами императора въ Испаніи. Императрица радуется, сказано было въ отвѣтѣ ея, видя, что «первая мысль императора послѣ побѣды, была мысль о *Корпусѣ, представляющемъ націю* (pour le Corps qui représente la nation).» Отвѣтъ императрицы былъ напечатанъ во всѣхъ журналахъ, кромѣ Монитера, и вскорѣ въ Монитерѣ явилось грозное замѣчаніе, диктованное Наполеономъ. Оно особенно любопытно, изображая тогдашнюю мысль его о сущности его правленія. «Е. В. Императрица не сказала словъ, ей приписанныхъ,» говорилъ

Наполеонъ. «Она хорошо знаетъ наши постановленія; она знаетъ, что *первый представитель націи* есть *Императоръ*, ибо всякая власть идетъ отъ Бога и народа. Въ порядкѣ нашихъ постановленій, послѣ Императора слѣдуетъ *Сенатъ*, послѣ Сената *Государственный Совѣтъ*, послѣ Государственнаго Совѣта *Законодательный Корпусъ*. Если бы въ нашихъ постановленіяхъ былъ *корпусъ, представляющій націю*, онъ былъ бы *властителемъ* (serait souverain), а другіе корпуса были бы ни чѣмъ, и его воля составляла бы все. Конвентъ, и даже Законодательный Корпусъ, были представителями нашихъ постановленій. Президентъ оспоривалъ тогда мѣсто короля. Но отъ сего преувеличенія идей произошли отчасти всѣ наши бѣдствія. Нынѣ не только были бы нелѣпы, но даже преступны требованія *приписывать представительство націи кому нибудь, кромѣ Императора*. Законодательный Корпусъ, несправедливо называемый симъ именемъ, долженъ бы называться *Законодательнымъ Совѣтомъ* (Conseil législatif), ибо онъ не имѣетъ права *не только составлять, но даже предлагать законы*. Въ порядкѣ нашей конституціонной іерархіи, первый представитель націи есть Императоръ, и его министры — орудія его рѣшеній. Вторая представительная власть есть Сенатъ, третья Государственный Совѣтъ, имѣющій истинныя принадлежности законодательства. Законодательный Совѣтъ занимаетъ четвертую степень. Все придетъ въ безпорядокъ, если другія конституціонныя идеи

превратятъ порядокъ идей нашихъ монархическихъ постановленій.» Особенную досаду свою излилъ Наполеонъ на Талейрана и Фуше. Одинъ, оскорбленный замѣчаемою къ нему холодностью, угодникъ всѣхъ партій, раздѣлялъ общее мнѣніе о невыгодѣ войны съ Испаніею, хотя прежде самъ совѣтовалъ Наполеону взять Испанію. Другой хитрилъ, изъявлялъ сожалѣніе; по крайней мѣрѣ, оба дѣйствовали робко и уклончиво, усиливая тѣмъ дерзость оппозиціи. Слыша о сплетняхъ парижскихъ, Наполеонъ оскорблялся неблагодарностью и неблагонамѣренностью своихъ министровъ. «Мнѣ надобно все дѣлать самому! Они не только не думаютъ помогать, но во всемъ идутъ на перекоръ. Съ этими людьми одно мученье, и они вредятъ Франціи, показывая, что у насъ есть разногласіе. Но что дѣлать?» прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія — «надобно употреблять людей, каковы они есть!» По пріѣздѣ въ Парижъ, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Фуше, Талейрана, Лебрюна, Камбасереса и Декре. Разговоръ начался общими, отдаленными разсужденіями объ обязанностяхъ знатныхъ сановниковъ, о необходимости ихъ осторожнаго поведенія, о важности для общественнаго мнѣнія того, что они говорятъ. Здѣсь гнѣвъ Наполеона высказался горькими упреками Талейрану и Фуше, одному за его двуличіе, другому за стараніе угодить всѣмъ партіямъ. Они молчали, не смѣя оправдываться. «Ваши почести, ваши богатства — кому одолжены вы ими? Мнѣ, одному мнѣ! Какъ можете вы удержать

нихъ? Черезъ меня только!» говорилъ Наполеонъ. «Оглянитесь, вспомните прошедшее! Я все забылъ, но ваша неблагодарность, ваше неблагоразуміе заставятъ меня обо всемъ вспомнить!» — Государь! неужели вы предполагаете что нибудь умышленное! — отвѣчалъ наконецъ Талейранъ. — «Умышленное? Тогда я не такъ говорилъ бы съ вами! О, князь Талейранъ! неужели вы не знаете, что глупость хуже всякаго заговора? Продолжайте, но я увѣряю васъ, что если начнется опять революція, какая бы она ни была, она раздавитъ васъ первыхъ!» Тѣмъ все кончилось. Талейранъ только уволенъ былъ отъ званія оберъ-каммергера. Фуше остался на своемъ мѣстѣ.

Оппозиція въ трепетѣ смолкла. Но не нужно было голоса ея, ибо, конечно, никто лучше Наполеона не постигалъ, что Испанія была ошибкою его, потому, по крайней мѣрѣ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ дѣломъ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ Европы Испанія являлась не менѣе пагубною Наполеону. Не могли не осуждать слишкомъ наглаго неуваженія правъ государственныхъ въ дѣлѣ Испаніи, не могли не замѣтить ошибки и неудачи его, и отсюда первая мысль воспользоваться затрудненіями, въ какія поставитъ онъ себя, если принужденъ будетъ вести въ одно время двѣ огромныя войны. Союзъ Англіи и хвастовство Испанцевъ и Португальцовъ увеличивали важность сопротивленія Испаніи и Португаліи. Другое ложное мнѣніе раждали слова: *народное возстаніе, народная война.* Не понимая ха-

рактера Испанской войны, ни мѣстныхъ обстоятельствъ, дававшихъ средство защиты Испанцамъ, видѣли геройство въ дѣлахъ ихъ, открывали новое средство побѣды въ ихъ возстаніи, кричали о Байленѣ, какъ о второмъ Моргартенскомъ сраженіи, гдѣ швейцарскіе пастухи разбили полчища Императора. Головы Германцовъ загорѣлись поэтическими мечтами, и Австрія всячески подкрѣпляла ихъ. Надѣялись, что Наполеонъ будетъ отраженъ Испанцами; услышали объ его побѣдахъ, и тогда поспѣшали войною уже для того, что не хотѣли ни допустить охлажденія умовъ, ни упустить случая увлечь на помощь Англичанъ. Надѣялись, что, при твердомъ рѣшеніи воевать, Англія явится съ дѣятельнымъ пособіемъ, Англія, уже не вѣрившая Австріи послѣ Кампо-Форміо и Леобена. Ожидали, что *народы* грозно возстанутъ противъ притѣснителя ихъ; что Германія и Италія послѣдуютъ примѣру Испанцовъ. И неужели политика Россіи до того измѣнилась, что успѣхъ не увлечетъ ея? Надѣялись, по крайней мѣрѣ, что Россія останется неутральною. Наконецъ уже не могли и остановиться, слишкомъ увлеченные всеобщимъ стремленіемъ. Общественное мнѣніе превозмогало осторожный разсчетъ политики, и Вѣна въ началѣ 1809 года походила въ семъ отношеніи на Берлинъ осенью 1805-го и лѣтомъ 1806 года. Австрія горделиво считала свои огромныя ополченія, и какъ будто въ первый разъ сознавала средства, какія оставались еще у нея, послѣ столькихъ потерь и пораженій, она, без-

прерывно обвинявшая себя, что пропустила случай на возмездіе Наполеону въ 1807 году. Теперь она не упуститъ его.

Не смотря на льстивыя увѣренія австрійскаго посла въ Парижѣ, и изъявленіе дружбы французскому послу въ Вѣнѣ, непріязнь очевидно умножалась. Австрійскіе агенты въ Испаніи и Италіи, позволеніе продавать въ Вѣнѣ сочиненіе Цеваллоса объ Испанскихъ событіяхъ, переговоры объ избраніи въ короли Испаніи сына королевы Каролины, и въ регенты эрцъ-герцога Карла, посредничество австрійскаго посла въ мирѣ между Англіею и Турціею, при безпрерывно продолжавшихся вооруженіяхъ, не оставляли ни какихъ сомнѣній. Австрія отказалась рѣшительно признать Іосифа королемъ испанскимъ; Наполеонъ жаловался, требовалъ отвѣтовъ. Меттернихъ медлилъ. Ему предложили посредничество Россіи и назначили для переговоровъ съ нимъ Румянцова, все еще бывшаго въ Парижѣ. Послѣ нѣсколькихъ свиданій, онъ сказалъ, что долженъ требовать дальнѣйшихъ приказаній, въ Декабрѣ отправился въ Вѣну, и не возвращался въ Парижъ.

Наполеону и Австріи равномѣрно казалось всего болѣе важнымъ рѣшеніе императора Александра, ибо оно было почти вѣрнымъ ручательствомъ успѣха той или другой стороны. Мнѣніе императора Александра не измѣнялось — онъ оставался другомъ Наполеона. «Что выиграете вы войною?» говорилъ онъ Шварценбергу, присланному въ Петербургъ для переговоровъ. «Что вамъ за дѣло до Испаніи? Нашъ врагъ Англія,

и ваши дѣйствія удаляютъ отъ мира, къ которому мы могли бы ее принудить.» Шварценбергъ жаловался, что Австрія не была допущена въ Эрфуртскіе переговоры. Ему отвѣчали, что въ Эрфуртѣ не было заключено ничего враждебнаго противъ Австріи. «Вы смотрите на дѣла, какъ они были за двадцать лѣтъ. Теперь все измѣнилось, и не можетъ обратиться къ прежнему порядку,» говорилъ императоръ Александръ, убѣждая Австрію не возмущать спокойствія Европы. Онъ предложилъ наконецъ взаимное ручательство Франціи за Россію и Россіи за Францію, въ безопасности Австріи съ обѣихъ сторонъ, подтвердилъ также готовность на посредничество. Шварценбергъ ни отъ чего не отрекался, но требовалъ въ такомъ случаѣ, чтобы прекращено было вооруженіе войскъ Рейнскаго Союза, и Французскія войска удалились бы за Рейнъ — условіе неисполнимое! Императоръ Александръ дѣйствовалъ искренно. «Гибель Австріи,» писалъ онъ Румянцову, «будетъ существеннымъ бѣдствіемъ. Оно отразится и на насъ. Надобно употребить все, дабы сохранить спокойствіе между тремя великими имперіями, установить равновѣсіе, которое одно въ состояніи упрочить миръ.» Голосъ хладнокровной мудрости не могъ быть услышанъ.

Переговаривая съ Россіею, Австрія вела также переговоры съ Англіею, требуя союза и субсидій. Англія отказала въ субсидіяхъ, и отвѣчала, что все пособіе ея въ настоящее время ограничится содѣйствіемъ въ другихъ мѣстахъ, но прямое содѣйствіе

Англіи учинено будетъ, когда Австрія начнетъ войну. Впрочемъ, никогда Англія не показывала такой дѣятельности, какъ въ началѣ 1809 года. Предложеніе мира Наполеономъ и Александромъ, присланное изъ Эрфурта, было отвергнуто. Каннингъ отвѣчалъ Шампаньи и Румянцову, Октября 28-го, что священныя узы связываютъ Англію съ Испанцами, и миръ дотогда только можетъ быть заключенъ, когда къ договорамъ допустятъ Юнту, управляющую отъ имени короля испанскаго Фердинанда VII-го. Называя правителей Испаніи *инсургентами* (insurgés espagnols), Румянцовъ возразилъ, что подобное условіе невозможно, и что Россія уже признала королемъ Іосифа. «Россія соединена съ Франціею на войну и на миръ, и не будетъ отдѣлять выгодъ своихъ отъ выгодъ Франціи, но обѣ онѣ готовы заключить миръ, если онъ будетъ справедливъ и равенъ для всѣхъ сторонъ.» Шампаньи изъяснялся гораздо рѣшительнѣе, говоря, что Англія ошибается, если приписываетъ желаніе мира, изъявляемое Франціею и Россіею, ихъ слабости, или необходимости, но что умѣренность, ими изъявляемая, есть признакъ величія и могущества. «Говорить объ Испанскихъ инсургентахъ, все равно, что со стороны Франціи потребовать приглашенія къ мирнымъ переговорамъ католическихъ инсургентовъ Ирландіи, съ коими также имѣла она нѣкогда сношенія, какъ Англія съ Испанцами.» Каннингъ жаловался (Декабря 9-го) на неприличіе отвѣта; говорилъ, что Англія рѣшилась не оставлять Испаніи, и не

допуститъ хищенія, коему подобнаго нѣтъ въ исторіи.»—«Не понимаемъ,» писалъ онъ Румянцову, «какое обязательство долга, либо выгоды, или какое правило русской политики можетъ заставить признавать права, присвояемыя Франціею, низлагать и повергать въ заключеніе государей, друзей своихъ, и похищать владычество надъ народами независимыми и самобытными. Если таковы основанія, которыя предположила Россія, жертвуя за нихъ честью и средствами своими, и если утверждать ихъ соединилась она съ Франціею, Англія видитъ стараніе увеличить и продолжить бѣдствія Европы, и не ей должно приписать продолженіе войны, отнимая всякую надежду на миръ, согласный съ честью и справедливостью.» Переговоры кончились, и отзывъ короля парламенту, Декабря 15-го, явно говорилъ о томъ. «Мы видѣли, что нельзя было достигнуть мира, и потому призракъ переговоровъ объ немъ могъ быть полезенъ только нашему врагу. Онъ давалъ возможность Франціи разсѣвать недовѣріе и зависть въ совѣтахъ тѣхъ, кто соединяется съ нами сопротивляться угнетенію. *И если между народами, надъ коими тяготѣетъ союзъ Франціи, или коимъ допускаетъ она сомнительную* (précaire) *и неопредѣленную независимость, есть такіе, которые могутъ еще колебаться въ выборѣ между неизбѣжною гибелью, слѣдующею изъ продолженнаго бездѣйствія, и неизвѣстною опасностью усилія издѣгнуть гибели, обманчивая надежда мира между Англіею и Франціею учинилась •*

бы пагубною симъ народамъ. Тщетная надежда
возвращенія тишины могла бы замедлить ихъ при-
готовленія, и рѣшительность ихъ могла бы поко-
лебаться опасеніемъ, что они принуждены будутъ
продолжать борьбу одни. Англія полагаетъ, что
дѣйствительно, въ томъ состояла главная цѣль пред-
ложеній, присланныхъ изъ Эрфурта.»

Мы видѣли участіе, принятое Англіею въ дѣлахъ
Испаніи и Португаліи, и говорили, что безъ пособія
Англичанъ Испанцы не имѣли возможности проти-
виться. До Января 1809 года, Англія переслала въ
Испанію 78 милльоновъ франковъ деньгами, болѣе 200
орудій, 200 тысячь ружей и огромные запасы поро-
ху, аммуниціи, сукна, холста, военныхъ снарядовъ,
сабель, пикъ и проч. Только изувѣрство, отвергнув-
шее помощь Англіи войскомъ, не допустило пособія
быть болѣе дѣйствительными, и сдѣлало походъ Му-
ра и Берда безполезнымъ. Не смотря на то, Англія,
Января 14-го 1809 года, заключила новый договоръ,
по коему утвержденъ «*миръ христіанскій*, прочный и
неизмѣнный,» и гордость испанская согласилась на-
конецъ на помощь Англійскихъ войскъ. Въ Португа-
ліи, совершенно послушной Англичанамъ, при помощи
ихъ, образовалась защита, которой, какъ увидимъ да-
лѣе, не могли уже преодолѣть силы Наполеоновы.
Русская эскадра, находившаяся въ устьѣ Таго, до-
сталась Англичанамъ. Избѣгая безполезной траты
людей и гибели кораблей, адмиралъ Сенявинъ усло-
вился (Сентября 3-го 1808 года), послѣ капитуля-

ціи Жюно, что русскіе корабли отдадутся *на сохраненіе Англичанамъ*, съ тѣмъ, что они *возвратятъ ихъ по заключеніи мира.* Русскія войска и матросовъ Англичане обязались на свой счетъ перевезть въ Россію, послѣ чего сданы были Сенявинымъ всѣ 10 кораблей, съ 676 пушками, и Англичане имѣли удовольствіе видѣть ихъ приведенными въ Плимутъ.

Кромѣ дѣйствій на Пиренейскомъ полуостровѣ, Англія изыскивала всѣ средства вредить Наполеону. Она уподоблялась ловкому бойцу, который, не выходя въ бой грудь съ грудью, бѣгаетъ вокругъ своего противника и изыскиваетъ случаи поразить его. Флоты англійскіе были разсѣяны по всѣмъ морямъ, войска англійскія являлись въ Испаніи, Португаліи, Сициліи, Швеціи. По прибытіи Мюрата въ Неаполь, онъ хотѣлъ показать разницу правленія миролюбиваго Іосифа и своего воинскаго владычества. Стараясь соединить силы, и готовя высадку въ Сицилію, онъ началъ ее завоеваніемъ островка Капреи, памятнаго пребываніемъ Тиверія. Англичане заняли и укрѣпили его. Замѣчательно, что коммендантомъ Капреи былъ сиръ Годзонъ Лоу — въ послѣдствіи стражъ изгнанника изъ Европы на Африканской Капреѣ. Генералъ Ламаркъ, съ 2600-ми солдатъ, подплылъ ночью, Октября 4-го; Французы тихо вскарабкались на утесы капрейскіе и заняли часть острова Анна-Капри. Годзонъ Лоу защищался на другой половинѣ острова. Мюратъ распоряжалъ сраженіемъ, находясь на Кампанелльскомъ мысѣ. Вся битва происходила въ ви-

ду Неаполя, жители коего покрывали берега, и рукоплескали отвагѣ Французовъ и мужеству своего короля. Годзонъ Лоу принужденъ былъ заключить капитуляцію, по которой позволили ему удалиться въ Сицилію. На слѣдующій годъ Мюратъ хотѣлъ переправиться въ Сицилію, и Англичане усилили тамъ флотъ и войско. Договоромъ, Марта 30-го, Англія обязалась содержать въ Мессинѣ и Агостѣ 10,000 войска, умножая его по мѣрѣ надобности, и платить 300 тысячь ф. ст. субсидій на содержаніе войска сицилійскаго. Король Фердинандъ IV-й обязался давать отчетъ въ употребленіи денегъ каждые три мѣсяца.

Пособія Англичанъ Швеціи были гораздо менѣе значительны. Англія показывала явное нежеланіе сражаться съ Россіею, безпрерывно старалась убѣдить императора Александра на разрывъ съ Наполеономъ, и видѣла притомъ невозможность успѣть въ чемъ нибудь, при безразсудствѣ Густава Адольфа и превышающей силѣ его противниковъ. Изъ Даніи угрожали ему войска Наполеона; въ Норвегіи собраны были датскія войска; Руские занимали Финляндію, гдѣ слабые отряды шведскаго генерала Клингенпора отступили въ сѣверныя области. Неприступный Свеаборгъ сдался, Апрѣля 6-го, покоренный не столько силою оружія, сколько «золотымъ порохомъ,» какъ выражался министръ русскій, графъ Аракчеевъ. (*)

(*) Описаніе Финл. войны, А. И. Данилевскаго, стр. 50.

Густавъ Адольфъ не думалъ защищать Финляндіи, гдѣ недоступность мѣстоположеній могли бы поддержать храбрость Шведовъ при небольшомъ усиліи, и напротивъ, послалъ генерала Армфельда завоевать Норвегію. Датчане, предводимые принцомъ Христіаномъ-Августомъ Голштейнъ-Августенбургскимъ, храбро защищались противъ Шведовъ, худо вооруженныхъ, худо одѣтыхъ, прогнали ихъ, и даже вступили въ Швецію. Густавъ смѣнилъ Армфельда и послалъ вмѣсто него генерала Цедерстрема, а самъ ждалъ между тѣмъ Англичанъ и распоряжался высадкою въ Данію. Генералъ Джонъ Муръ явился наконецъ съ 12,000 Англичанъ, и адмиралъ Сомарецъ съ эскадрою. Муръ объявилъ, что ему велѣно только защищать Швецію, если Французы и Датчане сдѣлаютъ высадку, но запрещено идти въ Данію, въ Норвегію, или въ Финляндію. Не высаживая войскъ на берегъ, Муръ поѣхалъ объясняться съ Густавомъ въ Стокгольмъ. Густавъ требовалъ предоставленія ему полной власти надъ англійскимъ корпусомъ, и, разсерженный хладнокровнымъ отказомъ, арестовалъ Мура. Англійскій генералъ не оскорблялся поступкомъ Густава, но, переодѣтый, тайно уѣхалъ изъ Стокгольма и удалился изъ Швеціи съ войскомъ. Мы уже видѣли погибель его въ Испаніи, куда обратили его корпусъ. Къ счастію Густава, послѣ бѣгства Ла-Романы, Бернадоттъ не имѣлъ возможности сдѣлать высадку, но положеніе Густава не улучшалось, хотя, подкрѣпленный войсками, Клингспоръ воспользо-

вался растянутымъ положеніемъ русскихъ войскъ въ Финляндіи и успѣлъ оттѣснить ихъ. Успѣхи его были остановлены побѣдами графа Каменскаго при Куртанѣ и Оравайсѣ. Въ Августѣ Шведы были оттѣснены до Гамле-Карлеби, и Клингспоръ спасъ остатокъ своихъ войскъ заключеніемъ перемирія. Высадки изъ Швеціи на финляндскіе берега были отбиты. Сраженія между гребными судами русскими и шведскими являлись незначительны, и флотъ шведскій былъ запертъ въ Юнгферъ-Зундѣ. Адмиралъ Гудъ явился на помощь Шведамъ съ двумя кораблями. Русскій адмиралъ Ханыковъ не осмѣлился на бой и удалился къ Балтійскому Порту. Англичане овладѣли однимъ Русскимъ кораблемъ, послѣ храбраго защищенія, и блокировали Русскую эскадру. Густавъ гордился успѣхами, послалъ къ императору Александру письмо въ укорительныхъ выраженіяхъ; но торжество его было непродолжительно: буря заставила Англичанъ и Шведовъ удалиться, и адмиралъ Сомарецъ кончилъ тѣмъ все пособіе Шведамъ. Другія суда его эскадры наблюдали берега Пруссіи и Даніи, захвативъ нѣсколько купеческихъ кораблей. Осенью Англичане удалились изъ Балтійскаго моря. Положеніе Густава явилось гибельно. Императоръ Александръ отослалъ письмо его безъ отвѣта, не утвердилъ перемирія, предалъ суду Ханыкова за слабыя дѣйствія, смѣнилъ Буксгевдена и приказалъ рѣшительно выгнать Шведовъ изъ Финляндіи. Клеркеръ, начальствовавшій ими, не осмѣлился сражаться, и, по договору

Ноября 19-го, очистилъ Финляндію по Торнео. Густавъ не унимался. Жалуясь на англійскаго посла Торнтона, онъ принудилъ смѣнить его, и потребовалъ отъ преемника его Мерри флота, войскъ, полтора милльона ф. с. денегъ, и на 300 тысячь ф. с. военныхъ снарядовъ, обѣщая поставить подъ ружье всю Швецію, отнять у Рускихъ Финляндію и у Датчанъ Норвегію. Гнѣвъ его на отказъ переходилъ границы. Онъ хотѣлъ задержать англійскаго посла и захватилъ англійскія суда въ швеціи. Подозрѣвали помѣшательство ума въ несчастномъ королѣ шведскомъ. Собственные подданные его возставали противъ него, и отказывались повиноваться. Англичане охотно увольняли его отъ союза, и даже сами предложили ему мириться съ Россіею и Даніею. Онъ не внималъ ничему.

Перемирію Россіи съ Турціею минулъ срокъ въ Апрѣлѣ 1808 года. Не смотря на упорство Турковъ, они не хотѣли воевать. Перемиріе продолжили. Коварная политика Наполеона поддерживала упорство Турковъ. Бунтомъ и паденіемъ Селима не ограничились смятенія въ Турціи. Мустафа-Байрактаръ рѣшился возстановить власть Селима, двинулся съ войскомъ къ Царьграду, и возмутилъ янычаръ и народъ. Осажденный въ сералѣ, султанъ Мустафа думалъ прекратить бунтъ смертью несчастнаго Селима; его удавили и тѣло его было выброшено бунтовщикамъ. Но злодѣйство возбудило только большую ярость мятежниковъ. Мустафа былъ низверженъ, заключенъ въ

тюрьму, гдѣ томился Селимъ съ братомъ Мустафы, Магмутомъ, и юнаго Магмута возвели на престолъ. Байрактаръ захватилъ себѣ званіе Верховнаго Визиря (Іюля 28-го). Гордясь успѣхомъ, онъ не думалъ объ уступкахъ, хотя послѣ событій въ Испаніи, Наполеонъ отказался отъ Турціи, совѣтовалъ не спорить противъ требованій Россіи, и послѣ Эрфуртскаго конгресса прекратились переговоры турецкаго посла въ Парижѣ. Надѣясь все кончить мирно, императоръ Александръ послалъ, въ Октябрѣ, въ Царьградъ адъютанта своего Краснокутскаго, предлагая Байрактару переговоры. Байрактаръ согласился, и обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ два дня. Но вмѣсто отвѣта, Краснокутскій услышалъ о гибели Байрактара. Нововведенія, возобновленныя имъ, и жестокость поступковъ его, возбудили противъ него мятежъ. Войска отвсюду сбѣжались, соединились съ народомъ и Янычарами, и напали на Байрактаровыхъ сейменсовъ. Онъ защищался отчаянно, велѣлъ удавить Мустафу и мать его, и бросить бунтовщикамъ трупы ихъ, но, преслѣдуемый упорно, принужденъ былъ затвориться въ своемъ домѣ. Видя гибель неизбѣжную, онъ предупредилъ ее, взорвавши домъ свой, гдѣ погибли вмѣстѣ съ нимъ нападавшіе на него. Страшнымъ пожаромъ, въ которомъ сгорѣло 4000 домовъ, кончилось смятеніе. Магмутъ остался на тронѣ оттоманскомъ. Управленіе дѣлами принялъ старый паша Юссуфъ. Онъ подтвердилъ согласіе на переговоры съ Россіею, уже безъ посредства Франціи. Конгресъ

назначенъ былъ въ Яссахъ, но тщетно ожидали пословъ турецкихъ. Видно было, что дѣло можетъ кончиться только войною. Турція еще колебалась, вопреки убѣжденіямъ австрійскаго посла и лорда Пажета, присланнаго въ Царьградъ. Причиною того, что Оттоманы не принимались за оружіе, было совершенное разстройство войскъ и недостатокъ средствъ войны. Турки требовали у Англичанъ денегъ. Адеръ, новый посолъ Англійскій, прибылъ тогда въ Царьградъ. Флотъ Коллингвуда приблизился къ Дарданелламъ, и не рѣшаясь еще на войну съ Россіею, Турція заключила миръ съ Англіею, вопреки угрозамъ Латуръ Мобура, оставшагося французскимъ повѣреннымъ послѣ Себастіани, вызваннаго Наполеономъ. Договоромъ Января 5-го, 1809 года, Англичане возобновили союзъ и торговлю съ Оттоманами.

Видя дѣятельность англійской политики, Австрія, не смотря на отказъ въ субсидіяхъ и союзѣ, не сомнѣвалась въ ея помощи, особливо слыша, что въ англійскихъ портахъ готовится новая экспедиція, чрезвычайно огромная, цѣль коей была неизвѣстна. Довольно, если Англія усилитъ дѣйствія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и отвлечетъ силы Наполеона, если Швеція и Турція отвлекутъ Россію, ибо послѣ безплодныхъ переговоровъ Шварценберга, на союзъ Россіи уже не было надежды. Но что составляло великія и главныя надежды Австріи, то было ожиданное «возстаніе народовъ,» какъ говорили тогда.

Война Прусская и Тильзитскій миръ усилили ро-

нотъ и негодованіе Германцовъ, и, въ ненависти къ Французамъ, соединились всѣ званія и состоянія. Не говоря объ оскорбленіи жителей въ областяхъ, насильно отданныхъ другимъ — Тиролѣ, подчиненномъ Баваріи, Пруссакахъ, Гессенцахъ, Брауншвейгцахъ, отданныхъ Іерониму, и принужденныхъ повиноваться чуждымъ чиновникамъ, чуждымъ законамъ, писаннымъ на чужомъ языкѣ, когда кровь и слезы обитателей, ихъ богатства и достоянія утучняли побѣдителя и были жертвою его сборщиковъ, не упоминая о Ганноверѣ и другихъ областяхъ, которыя оставались безъ рѣшенія ихъ участи, управлялись военнымъ образомъ и не знали кому передастъ ихъ Наполеонъ, вся Германія была возмущена и оскорблена рѣшительно. Аристократія, лишенная преимуществъ, духовенство, у коего отняли имѣнія, купцы, раззоряемые континентальною системою, жители Ганзеатическихъ городовъ, коихъ лишили правъ ихъ, военные люди, оскорбляемые гордостью Французовъ и памятью объ ихъ торжествахъ, всѣ были готовы, всѣ хотѣли мстить Наполеону. Испанія казалась примѣромъ того, что должна была дѣлать Германія. Имя Испанцовъ являлось какимъ-то символомъ народной чести и любви къ отечеству, при опоэтизированныхъ разсказахъ о геройствѣ и побѣдахъ Испанцовъ. Владѣльцы, принадлежавшіе къ Рейнскому Союзу, не смѣли пользоваться такимъ расположеніемъ умовъ; но тѣмъ сильнѣе старались извлечь изъ всего свою пользу Пруссія и Австрія, одна тайно, другая явно. Важ-

нѣйшимъ лицомъ въ Пруссіи былъ тогда баронъ Штейнъ, министръ финансовъ. Стараясь облегчить тяжесть прусскаго долга, онъ придумывалъ разныя мѣры, не щадилъ нововведеній въ законахъ, и подкрѣплялъ духъ народный. Вѣрнымъ товарищемъ его являлся графъ Стадіонъ. Рѣшились употребить средствомъ для всеобщаго союза Германіи тайныя общества, въ родѣ масонскихъ. Одни учредили публичныя, объявляя цѣлью ихъ науки и знанія; другія были скрытныя, подъ названіями *Союза добродѣтели* (Tugendbund), *Тевтоніи, Германіи,* и проч., скрываясь въ глубокой тайнѣ. Множество отдѣленій и ложь сихъ обществъ разсѣялись по всей Германіи, проникли въ Тироль и въ Италію. Къ нимъ принадлежали Штейнъ и Стадіонъ; въ нихъ приняли участіе графъ Витгенштейнъ-Саинъ, Блюхеръ, Шилль, друзья ихъ Шарнгорстъ, военный министръ Пруссіи, генералъ Гнейзенау, множество генераловъ и офицеровъ прусской, австрійской, вестфальской службы, и войскъ Баваріи и другихъ членовъ Рейнскаго Союза. Одни возбуждали солдатъ, другіе — народъ. Янъ, знаменитый педагогъ Германіи, посвятилъ жизнь свою на то, чтобы ходить по Германіи и всюду поощрять духъ народный. Хотѣли уничтожить всякое подражаніе Французамъ, возвратить Германцовъ къ ихъ древнимъ обычаямъ, даже придумали особенную германскую одежду. Университеты германскіе принимали во всемъ жаркое участіе. Коцебу, удалившійся въ Россію, Арндтъ, бѣжавшій въ Швецію, Гентцъ, пере-

ѣхавшій въ Австрію, писали неутомимо. Особенное общество составилось въ Эльсѣ, мѣстопребываніи принца Брауншвейгскаго. Лишенный родоваго наслѣдства, онъ получилъ въ наслѣдство небольшое княжество Эльское, въ Силезіи, учредилъ въ немъ мѣсто сборища враговъ Наполеона, офицеровъ, солдатъ, студентовъ, и вошелъ въ сношенія съ Стадіономъ, обѣщая, въ случаѣ войны, выставить нѣсколько полковъ, ворваться съ ними въ Саксонію, въ Вестфалію, возмутить войска сихъ государствъ и возставить народъ въ Гессенѣ и Брауншвейгѣ. Тайные агенты Австріи отправились, баронъ Гормайеръ въ Тироль, маіоръ Сентъ-Амбруазъ въ Піемонтъ, графъ Паравичини въ Валтелинъ и Форалсбергъ, полковникъ Маккарелли въ Далмацію. Въ Голландіи усердно дѣйствовали общества Оранжистовъ, какъ назвали себя приверженцы Оранской династіи. Тироль ждалъ только знака къ возстанію. Надѣялись, что такимъ образомъ Германія, Италія, Голландія покажутъ примѣръ блистательнѣе Испанцовъ, а объ согласіи Пруссіи не изъявляли никакого сомнѣнія.

Среди сихъ надеждъ, въ началѣ 1809 года кончены были всѣ военныя приготовленія Австріи. Наполеонъ зналъ явныя и тайныя средства, на него направляемыя, и уже не думалъ о переговорахъ. Меттернихъ, возвратясь въ Парижъ, увидѣлъ холодную рѣшительность Наполеона. Являясь среди другихъ пословъ при Дворѣ, онъ не удостоивался отъ Наполеона ни одного слова. «Почему императоръ не го-

воритъ со мною?» спрашивалъ онъ у Шампаньи. «Потому что говорить болѣе не о чемъ!» отвѣчалъ ему Шампаньи.

Наполеонъ молчалъ, потому что, не тратя болѣе словъ, онъ дѣйствовалъ. Дѣло предлежало огромное. Если Россія, особливо занятая войною съ Швеціею и Турціею, если Пруссія, угнетенная, лишенная средствъ, если Англія, нерѣшительная на союзъ съ Австрійцами, безопасили его съ одной стороны, съ другой, на рукахъ у него была война испанская. Надлежало обезопасить Италію отъ впаденія Англичанъ изъ Сициліи. Огромная экспедиція, приготовляемая въ Англіи, также занимала Наполеона, ибо явно было, что цѣлью ея была не Испанія. Наконецъ, жребію битвъ надлежало предать судьбу Франціи, когда Австрія собрала силы, какихъ никогда не собирала прежде.

Наполеонъ спѣшилъ увѣриться окончательно въ союзѣ Россіи, и въ доказательство искренности дружбы требовалъ пособія войсками, по Эрфуртскому договору. Онъ согласенъ былъ, чтобы вся помощь ограничилась корпусомъ войскъ — даже доволенъ былъ неутралитетомъ Россіи, въ крайнемъ случаѣ. Пока шли о томъ переговоры, Румянцову предложено было согласіе Наполеона на принятіе взаимнаго ручательства Россіи между нимъ и Австріею. Новыми увѣреніями отвѣчала Пруссія Наполеону, и доказывая, что не хочетъ принимать никакого участія въ дѣлахъ Австріи, король Прусскій отправился

въ Россію съ своею супругою, объявляя предлогомъ путешествія, что намѣренъ посѣтить своего союзника и благодѣтеля, императора Александра. Волненія, слишкомъ явно возбуждаемыя тайными германскими обществами, обратили на себя строгое преслѣдованіе Наполеона. Не заботясь о средствахъ, онъ приказалъ перехватить переписку Штейна съ Витгенштейномъ. Тайна заговора была открыта, и письма Штейна напечатаны въ Монитерѣ, съ замѣчаніемъ, что «Пруссіи неприлично имѣть министромъ подобнаго мятежника.» Король Прусскій спѣшилъ удалить Штейна. Онъ тайно бѣжалъ и укрылся въ Австріи. Всѣ помѣстья его, находившіяся въ земляхъ Рейнскаго Союза, велѣно конфисковать. Витгенштейнъ отъ всего отрекся, увѣряя, что не имѣлъ никакихъ сношеній съ Штейномъ, и что письма Штейна были клевета, которою хотѣли погубить его. Всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ въ Италіи велѣно предавать военному суду, и разстрѣливать въ 24 часа. Французы, подданные государей Рейнскаго Союза, и даже помѣщики земель Союза, должны были оставить австрійскую службу, и въ слѣдствіе сего конфискованы были въ Виртембергѣ помѣстья Стадіона и Меттерниха. Мстя за дерзкія распоряженія Наполеона, Австрійцы захватили въ Браунау курьера, ѣхавшаго изъ Парижа въ Вѣну. Наполеонъ отвѣтствовалъ такимъ же поступкомъ и захватилъ курьера, посланнаго изъ Вѣны въ Парижъ. Австрія окончательно отвергла посредничество, предложенное Румянцовымъ. На вѣнскіе валы велѣно

было поставить пушки, и 200 орудій оградили австрійскую столицу.

Сомнѣній въ близкой войнѣ не было. Съ Февраля, корпусъ Удино двинулся къ Аугсбургу, корпусъ Массены, шедшій въ Испанію, обращенъ былъ за Рейнъ, къ Ульму; корпусъ Даву сближался къ Регенсбургу. Объявлено было, что въ сѣверной Германіи соберется 80,000, подъ начальствомъ Бернадотта, но тѣмъ скрывали только походъ Саксонцовъ и Вестфальцовъ въ Австрію. Въ Польшѣ, Вестфаліи, Голландіи, собирались войска; другія шли въ Италію, гдѣ вице-королю приданъ былъ руководителемъ Макдональдъ. Изъ Валладолида, Января 15-го, велѣно уже было Рейнскому Союзу поставить арміи на военную ногу. Марта 2-го уже приказано было идти въ походъ всѣмъ войскамъ Рейнскаго Союза. Бертье отправленъ былъ въ Германію съ подробными наставленіями. Часть французскаго войска обращена была изъ Испаніи, гдѣ остались только Сенъ-Сиръ, Жюно, Мортье, Викторъ, Ней и Сультъ. Все число войска, которое Наполеонъ могъ обратить противъ Австріи, простерлось такимъ образомъ до 300 тысячь, а именно: Поляковъ, съ Понятовскимъ, охранявшихъ герцогство Варшавское, 18,000; Саксонцовъ и Голландцовъ 20,000, Вестфальцовъ, оберегавшихъ сѣверную Германію, 15,000. Главная армія состояла изъ корпусовъ: Ланна и Удино, въ Аугсбургѣ, 25,000; Даву, въ Регенсбургѣ, 45,000; Массены, въ Ульмѣ, 30,000; Баварцовъ, съ Вреде, Деруа и наслѣднымъ

принцомъ, подъ начальствомъ Лефевра, въ Мюнхенѣ, Ландсгутѣ и Страубингѣ, 30,000; Виртембергцовъ, съ Вандамомъ, въ Гейденгеймѣ, 12,000; другихъ войскъ Рейнскаго Союза 12,000, всего до 160,000; Итальянская армія составляла 60,000; корпусъ Мармона въ Далмаціи 15,000; число всѣхъ орудій при арміяхъ превышало 500. Наполеонъ полагалъ еще въ 50,000 вспомогательный Русскій корпусъ. Разсѣянное положеніе войскъ Наполеоновыхъ въ Германіи, Польшѣ, Италіи и Далмаціи, происходило отъ того, что силы Австріи угрожали вторженіемъ всюду, когда неизвѣстенъ еще былъ планъ, предположенный непріятелемъ. Вся австрійская армія составляла болѣе 300,000, при 700 орудій (не считая 100 тысячь милиціи). Она раздѣлялась на 11-ть корпусовъ, подъ главнымъ начальствомъ эрцъ-герцоговъ Людовика и Фердинанда, и генераловъ графа Беллегарда, графа Коловрата, князя Гогенцоллерна, барона Гиллера, князя Розенберга, барона Кинмейера, маркиза Шателера и графа Гіулая. Главною арміею, составлявшею до 180,000, и собранною въ Богеміи, начальствовалъ эрцъ-герцогъ Карлъ, съ званіемъ генералиссимуса. Одна дивизія австрійская стояла на предѣлахъ Саксоніи, другая близъ Зальцбурга, третья на предѣлахъ Тироля, четвертая на границѣ Далмаціи. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ предводительствовалъ 50,000 въ Каринтіи; эрцъ-герцогъ Фердинандъ, съ 40,000, былъ на границахъ Польши.

Наполеонъ оставался въ Парижѣ, и по видимому,

не заботился скорымъ прибытіемъ на мѣста войны. Хотѣли воспользоваться его отсутствіемъ. Послѣднимъ дипломатическимъ сношеніемъ было свиданіе Меттерниха съ Шампаньи; оно окончилось явною размолвкою. «Вы принуждаете императора къ войнѣ!» вскричалъ Шампаньи. «Кажется, миръ никогда не былъ въ числѣ подвиговъ, коими ознаменовано славное поприще императора!» отвѣчалъ улыбаясь Меттернихъ. «Вы надѣетесь на ваши силы?» — «По крайней мѣрѣ хотимъ испытать ихъ!»

Когда министръ Австріи обмѣнивался укорительными рѣчами съ министромъ Наполеона, война уже началась. Марта 27-го издана была въ Вѣнѣ декларація, гдѣ исчислялись всѣ причины войны: оскорбленія Наполеона Австріи, составленіе Рейнскаго Союза, разрушеніе Римской имперіи, континентальная система, вооруженіе Рейнскаго Союза, вѣроломныя дѣла въ Испаніи. «Австрія желаетъ мира, но мира прочнаго, мира, который не нарушали бы безпрерывныя угрозы, враждебныя покушенія, даже предложенія, коими разрушается безопасность другихъ державъ (Австрія объясняла здѣсь предложеніе Наполеона о передачѣ ей Силезіи, о завоеваніи Сербіи), мира, который позволялъ бы народамъ прочно благоденствовать подъ правленіемъ законныхъ государей. Пусть увѣрятъ ее въ такомъ мирѣ, въ установленіи порядка дѣлъ, на началахъ взаимной независимости, и всѣ ея требованія будутъ удовлетворены.» Если прокламацію австрійскую нельзя еще было почитать

объявленіемъ войны, сомнѣнія не оставилъ длинный манифестъ Австріи, гдѣ повторено было все сказанное въ деклараціи. Наконецъ, Апрѣля 6-го, отданъ былъ приказъ войскамъ эрцъ-герцога Карла, призывавшій ихъ на битвы; Апрѣля 8-го издано воззваніе императора Франца къ его подданнымъ, и въ тотъ же день эрцъ-герцогъ Карлъ обнародовалъ воззваніе ко всѣмъ народамъ Германіи, призывая ихъ свергнуть иго притѣснителя, возстать и освободить Германію и Европу, идти противъ враговъ народною войною, даже если бы правительства, втайнѣ раздѣляющія намѣренія ихъ, не хотѣли, или не смѣли обнаружить своей воли. На Испанію указывали, какъ на примѣръ доблестей. Такіе призывы на народныя возстанія обнародованы были генераломъ Розенбергомъ къ Баварцамъ, генераломъ Радивоевичемъ къ жителямъ Байрейта, генераломъ Амъ-Энде къ Саксонцамъ, эрцъ-герцогомъ Іоанномъ къ Итальянцамъ, эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ къ Полякамъ. На манифесты и приказы австрійскіе отвѣчали манифестами Баварія, Виртембергъ, Саксонія и князь Примасъ, укоряя Австрію, что она возбуждаетъ народы противъ законныхъ властителей, употребляетъ средства бунта и возмущенія, хочетъ снова возложить на Германію иго своей власти, низверженной паденіемъ *мнимой* Римской имперіи. «Баварцы!» говорилъ король Максимиліанъ, «вѣроломное нападеніе Австріи заставляетъ меня удалиться изъ столицы. Оно будетъ наказано. Предводимые нашимъ августѣйшимъ покро-

вителемъ, мы побѣдами будемъ отвѣчать на постыдныя призванія Австрійцовъ, возстановляющихъ народы на государей, разсѣвающихъ начала бунта и возмущенія. Они исчезнутъ передъ нашимъ мужествомъ и геніемъ нашего великаго покровителя, исчезнутъ сіи возмутители спокойствія и будутъ лишены средства впредь вредить намъ.» Слова вскорѣ должны были замѣниться дѣломъ. Апрѣля 9-го, войска австрійскія, въ одно время, перешли во многихъ мѣстахъ за границу и вступили въ Баварію, Саксонію, Тироль, Варшавское герцогство и Италію.

Главная австрійская армія собрана была, какъ мы сказали, въ Богеміи. Планъ эрцъ-герцога Карла состоялъ въ томъ, что онъ хотѣлъ предупредить наступательныя дѣйствія Наполеона быстрымъ движеніемъ изъ Богеміи на Дунай къ Регенсбургу, или къ Вюрцбургу, раздѣлить его разсѣянныя войска, уничтожить ихъ по частямъ, не допуская соединиться, занять Баварію, идти на Рейнъ и тѣмъ принудить къ союзу Виртембергъ и другія Прирейнскія владѣнія. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ долженъ былъ вторгнуться въ Италію, когда Шателеръ возмутитъ Тироль. Эрцъ-герцогу Фердинанду велѣно занять Варшавское герцогство, наблюдать движеніе русскихъ войскъ, и обезопасить возстаніе Пруссіи и сѣверной Германіи, гдѣ дивизія Амъ-Энде должна была занять Саксонію, когда герцогъ Брауншвейгъ-Эльскій вступитъ въ Гессенъ, Брауншвейгъ и Ганноверъ, а дивизія Радивоевича во Франконію, всюду возбуждая къ возстанію

жителей и войско. Первымъ препятствіемъ, связавшимъ волю эрцъ-герцога Карла, явилось повелѣніе гофъ-кригсъ-рата, придуманное стратегиками Грюномъ и Мейеромъ: предписывалось учинить наступательное движеніе, но по обоимъ берегамъ Дуная. Коловратъ и Беллегардъ, съ 50,000, должны были идти, какъ онъ предполагалъ, по лѣвому берегу прямо на Регенсбургъ, но эрцъ-герцогъ Карлъ долженъ былъ переправиться на правый берегъ Дуная, достигнуть Инна, перейдти его въ Шардингѣ, и послѣ сего дѣйствовать соединенно съ Коловратомъ и Беллегардомъ, отрядивъ корпуса эрцъ-герцога Людвига и генерала Гиллера на Ландсгутъ и Мюнхенъ. Генералъ Іеллахичъ долженъ былъ соединять дѣйствія Главной арміи съ Тирольскою и Итальянскою, находясь, съ 10,000, въ Зальцбургѣ, выше Браунау на Иннѣ. Какими стратегическими разсчетами оправдывались распоряженія гофъ-кригсъ-рата, придумавшаго столь сложное, разъединенное и отдаленное движеніе, разгадать было трудно. Но Австрійцы такъ были увѣрены въ вѣрности своего разсчета, что императоръ Францъ самъ явился на Дунай, и остановился, Апрѣля 9-го, ниже Регенсбурга, въ Шардингѣ, желая «быть личнымъ свидѣтелемъ побѣды храбрыхъ войскъ своихъ.» Принужденный замѣнить прежній планъ свой планомъ гофъ-кригсъ-рата, эрцъ-герцогъ Карлъ долженъ былъ исполнять его. Тяжело двигалась Австрійская армія. Начавъ переходъ через Иннъ Апрѣля 10-го, едва въ шесть дней достиг-

ла она изъ Браунау до Ландсгута. Наполеону было довольно.

Заваленный дѣлами, онъ былъ въ Парижѣ и работалъ, почти не выходя изъ своего кабинета, обнимая политику всего міра; но неусыпно наблюдалъ онъ между тѣмъ за Австрійцами и слѣдилъ за ихъ каждымъ движеніемъ. Нѣсколько курьеровъ ежедневно скакали изъ арміи въ Парижъ и привозили его въ армію повелѣнія, въ коихъ опредѣлялись всѣ подробности распоряженій. Дорожные экипажи и свита Наполеона были готовы. Онъ имѣлъ уже въ рукахъ своихъ декларацію, манифесты, приказы австрійскіе, и готовилъ на нихъ отвѣтъ въ донесеніи, поданномъ на его имя Шампаньи. Отъ Парижа до главной квартиры арміи учреждены были телеграфы, которыми въ 36 часовъ передавались извѣстія въ Парижъ. Апрѣля 12-го, вечеромъ, получено было въ Парижѣ извѣстіе о переходѣ Австрійцовъ черезъ Иннъ Апрѣля 10-го, а въ два часа по полуночи, въ тотъ же день Наполеонъ мчался уже по дорогѣ въ Германію, сопровождаемый Шампаньи и Марс. Жозефина была съ нимъ. Въ Монитерѣ было объявлено, что «императоръ и императрица отправились въ Страсбургъ и скоро возвратятся въ столицу.» Камбасересу передано было главное управленіе, Фуше надзоръ надъ Франціею. Оскорбленный Меттернихомъ, который старался тайно достать свѣдѣнія изъ военнаго министерства, Наполеонъ велѣлъ проводить его немедленно изъ Парижа, подъ прикрытіемъ жандармовъ. На другой день

донесеніе Шампаньи Наполеону было прислано Сенату. «Государь!» говорилъ онъ, «побѣдоносное оружіе ваше предало вамъ Вѣну, и большая часть австрійскихъ областей была занята вашими арміями. Жребій Австрійской имперіи былъ въ рукахъ вашихъ. Императоръ австрійскій явился въ вашъ лагерь. Онъ умолялъ васъ прекратить борьбу, столь бѣдственную тѣмъ, кто ее началъ. Онъ обѣщалъ оставить васъ на будущее время спокойнымъ въ Европѣ, дабы вы могли употребить всѣ силы ваши противъ Англіи, признавалъ справедливыми вознагражденія, пріобрѣтенныя правомъ побѣды, клялся вамъ дружбою и вѣчною благодарностью. В. В. тронулъ печальный примѣръ превратности жребія человѣческаго. Безъ глубокаго чувства, вы не могли видѣть монарха, прежде столь могущественнаго, лишеннымъ силы и величія. Вы были великодушны къ государству, къ столицѣ его, могли удержать свои завоеванія, и возвратили ихъ. Имперія Австрійская возобновила свое бытіе. Не безъ удивленія видѣла Европа дѣла величія и великодушія. Но вы благодѣтельствовали неблагодарнымъ. Клятвы забыты, злые совѣты увлекли монарха Австріи.» Подробно излагались потомъ всѣ переговоры, увѣренія въ дружбѣ, вооруженіе Австріи, союзъ съ Англіею, сношенія съ Испанцами — выводомъ была война, обѣщаніемъ побѣда.

Оставя Жозефину въ Страсбургѣ, Апрѣля 16-го проскакалъ Наполеонъ черезъ Лудвигсбургъ и Диллинтенъ, гдѣ видѣлся съ королемъ виртембергскимъ

и съ королемъ баварскимъ, оставившимъ Мюнхенъ, куда въ день отбытія его вступили Австрійцы. Въ Дармштадтѣ представлялся ему Биньонъ. «Я скоро позову васъ занять въ Вѣнѣ то же мѣсто, какое вы занимали въ Берлинѣ,» сказалъ ему шутливо Наполеонъ. Апрѣля 17-го, утромъ, прибылъ онъ въ Донаувертъ, гдѣ назначилъ свою главную квартиру.

Отличительныя черты четвертаго похода Наполеонова противъ Австріи были тѣ, что никогда прежде не были выдвинуты съ обѣихъ сторонъ столь многочисленныя войска, и никогда Австрійцы не были одушевлены такимъ мужествомъ, предводимые любимымъ вождемъ своимъ, бывшимъ въ цвѣтѣ лѣтъ, изучившимъ театръ войны и средства свои, имѣвшимъ досугъ и время теоретически обдумать планъ похода и практически начать его исполненіе. Число войскъ было равное съ обѣихъ сторонъ, но достоинство ихъ не было равно. Значительныя силы Наполеона оставались въ Испаніи. Въ Германской арміи его не было и на половину Французовъ. Остальное составляли его союзники, когда войско Австрійское состояло изъ подданныхъ императора Франца, имѣло преимущество въ артиллеріи, и что было не менѣе важно, по недоразумѣнію Бертье, успѣло уже поставить непріятеля въ невыгодное положеніе.

Здѣсь надобно припомнить описаніе мѣстъ войны 1805 г., ибо война начиналась на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ торжествовалъ Наполеонъ ульмскую побѣду. Разница была въ томъ, что Австрійцы дѣй-

ствовали наступательно. Французская армія занимала Регенсбургъ, на Дунаѣ; здѣсь былъ Даву; за нимъ стояли другіе корпуса въ Донаувертѣ и Ульмѣ. Массена былъ въ Ульмѣ, Удино въ Аугсбургѣ. Лефевръ съ Баварцами находился на Изерѣ, въ Мюнхенѣ и Ландсгутѣ, сообщаясь отсюда прямою дорогою съ Регенсбургомъ. Точное повелѣніе Наполеона предписывало *«занять Регенсбургъ, если Австрійцы не начнутъ наступательныхъ дѣйствій.»* Въ противномъ случаѣ, приказано было *отступать, оставить Изеръ и стать по рѣкѣ Леху, отъ Донауверта на Дунаѣ, до Аугсбурга.* Бертье ничего не понялъ. Австрійцы успѣли сдвинуться по правому берегу Дуная къ Регенсбургу, когда главныя силы ихъ напали, Апрѣля 16-го, на Ландсгутъ и принудили генерала Деруа отступать на Нейштадтъ къ Дунаю, куда отступали также Вреде изъ Straубинга и наслѣдникъ баварскій изъ Мюнхена. На другой день Австрійцы потянулись на Нейштадтъ и Регенсбургъ. Гиллеръ занялъ лѣвѣе Мосбургъ. Еслибы преслѣдованіе Лефевра производимо было живѣе, онъ былъ бы отброшенъ за Дунай, Даву отрѣзанъ въ Регенсбургѣ и окруженъ съ обоихъ береговъ Дуная; Удино съ Массеною принуждены были отступить за Лехъ, и армія Наполеона была бы вся приведена въ разстройство. Даву видѣлъ опасность и хотѣлъ уклониться къ Ингольштадту. Строгое повелѣніе Бертье заставило его остаться въ Регенсбургѣ; другое прислано было Лефевру идти и отнять Ландсгутъ — то и другое зна-

чило непремѣнную гибель обоихъ корпусовъ. Здѣсь явился Наполеонъ. «Что такое вы дѣлаете?» гнѣвно воскликнулъ онъ, едва увидѣлъ Бертье. «Не будь я увѣренъ, что вы мнѣ другъ, я почелъ бы васъ измѣнникомъ! Вы погубили Даву! А гдѣ Массена? гдѣ Удино?» Немедленно посланъ былъ приказъ Лефевру сосредоточиваться и держаться въ Нейштадтѣ, Массенѣ и Удино идти къ Инголштадту и Ландсгуту; но важнѣе всего было спасти Даву. Онъ уже былъ тогда отрѣзанъ. Наполеонъ призвалъ Саварп, далъ ему конный отрядъ, велѣлъ пробиться сквозь непріятельскія войска и передать приказъ Даву, что если онъ можетъ удержаться, пусть остается въ Регенсбургѣ и держится, «но я считаю это дѣломъ невозможнымъ,» говорилъ Наполеонъ, «и въ такомъ случаѣ пусть онъ отступаетъ по Дунаю на Абенсбергъ и Нейштадтъ, а я подкрѣплю его.»

Планъ Наполеона былъ извлеченъ съ изумительною вѣрностью изъ самыхъ невыгодъ его положенія. Точками дѣйствій являлись здѣсь: *Регенсбургъ,* гдѣ былъ Даву, *Ней-Маркъ*, гдѣ находился Лефевръ, *Аугсбургъ* и *Донаувертъ,* гдѣ стояли Удино и Массена. Эрцъ-герцогъ Карлъ напиралъ изъ Ландсгута на Нейштадтъ, отрѣзывая Даву, которому угрожали съ другаго берега Беллегардъ и Коловратъ. Надлежало удержаться въ Нейштадтѣ, пока Удино придетъ изъ Донауверта черезъ Инголштадтъ. Между тѣмъ Массена займетъ Ландсгутъ, ударитъ съ тыла, отрѣжетъ войска Австрійскія въ Мосбургѣ и Мюнхенѣ,

а сопротивленіе Даву сдѣлаетъ безполезными войска, Коловрата и Беллегарда. Принужденный отступать Даву ударитъ во флангъ эрцъ-герцогу Карлу, когда, по соединеніи съ Удино, Наполеонъ устремится на него съ фронта. Оборонительное положеніе переходило такимъ образомъ въ наступательное и ставило въ опасное положеніе торжествовавшаго непріятеля. Важнѣе всего были здѣсь быстрота для Массены, вѣрное соображеніе силъ для Даву, и упорство защиты для Лефевра. «Дѣятельность, быстрота! Надѣюсь на васъ!» приписалъ Наполеонъ своеручно на приказѣ къ Массенѣ. «Если Даву удержится въ Регенсбургѣ, слѣдствія будутъ безмѣрныя. Онъ удвоитъ мои силы и мы здѣсь кончимъ войну. Но паче всего не должно отваживаться и увлекаться. Если Даву надобно будетъ отступать, пусть онъ уничтожитъ мосты и оставитъ въ Регенсбургѣ отрядъ, съ приказаніемъ умереть не сдаваясь. Всего важнѣе загородить отступленіе непріятелю за Дунай и не допустить соединенія его съ войсками на лѣвомъ берегу!» Таковы были распоряженія, посланныя съ Савари. Удержаться въ Нейштадтѣ Наполеонъ предоставлялъ себѣ. Прибытіе его въ армію объявлено было слѣдующимъ приказомъ.

«Солдаты!»

«Непріятель на землѣ союзнаго съ нами государя. Онъ хочетъ, чтобы мы бѣжали передъ нимъ и оставили нашего союзника. Какъ молнія, быстро являюсь среди васъ. Солдаты! вы окружали меня, когда императоръ австрійскій приходилъ на бивакъ мой

въ Моравіи, вы слышали, какъ просилъ онъ моей милости, и клялся вѣчною дружбою. Трижды побѣжденная, Австрія всемъ обязана нашему великодушію, и три раза была вѣроломною. Успѣхи наши вѣрное ручательство за побѣду, насъ ожидающую. Пойдемъ, и пусть при видѣ насъ непріятель узнаетъ своихъ побѣдителей!»

Въ Абенсѣ, передъ Нейштадтомъ, собрано было до 40,000 войска. Кромѣ дивизіи кирасировъ, она состояла изъ Баварцовъ и Виртембергцовъ. «Солдаты Баварскіе!» говорилъ имъ Наполеонъ — «являюсь среди васъ не какъ императоръ Французовъ, но какъ защитникъ вашего отечества. Вы будете сегодня сражаться одни. Довѣряюсь вашей храбрости. Я уже расширилъ предѣлы вашей земли, но вижу, что еще мало сдѣлалъ для васъ. Я сдѣлаю Баварію столь могущественною, что она въ состояніи будетъ сражаться одна съ Австріею. Въ штыки, Баварцы, и уничтожимъ непріятеля!» Апрѣля 19-го начались движенія Даву, Массены и Удино. Битва загорѣлась вдругъ въ десяти мѣстахъ.

Разсчетъ Наполеона основанъ былъ на медленности Австрійцовъ. Онъ не ошибся. Безполезно оставляя Коловрата и Беллегарда за Дунаемъ, и также безполезно отдѣливъ Іеллахича въ Мюнхенъ, эрцъгерцогъ Карлъ имѣлъ еще 100,000 войска и шелъ на Нейштадтъ. Онъ могъ стать въ Абенсбергѣ, на дорогѣ изъ Регенсбурга въ Нейштадтъ, и совершенно загородить дорогу Даву, который долженъ былъ

проходить передъ Абенсбергомъ дефилеи между Аббахомъ и Пастизааломъ. Упорно тѣснимый сзади Коловратомъ и Беллегардомъ, сбитый ими въ дефилеи аббахскія, остановленный отъ Абенсберга эрцъ-герцогомъ Карломъ, Даву испыталъ бы бѣдствіе, подобное Кавдинскому пораженію Римлянъ. Силъ у эрцъ-герцога Карла доставало остановить Даву и удержать Наполеона, который хотѣлъ помогать ему отъ Нейштадта. Но кромѣ того, что медленностью похода допустили Наполеона собрать Баварцовъ, въ Нейштадтѣ, услышавши, что Даву остается еще въ Регенсбургѣ, эрцъ-герцогъ Карлъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, оставилъ корпуса Гиллера и эрцъ-герцога Людвига, 50,000, передъ Нейштадтомъ, предписывая наблюдать Наполеона, отрядилъ въ Абенсбергъ генерала Тьерри, только съ 6000, и вздумалъ идти самъ на Регенсбургъ, дорогою вправо черезъ Роръ, надѣясь застать еще тамъ Даву. По крайней мѣрѣ, надлежало еще болѣе спѣшить при такомъ распоряженіи; но всю ночь простояли Австрійцы и только утромъ 19-го Апрѣля пошли тремя колоннами къ Регенсбургу, влѣво, 15,000 на Тенгенъ, въ центрѣ 25,000 на Данцлингъ, вправо 23,000 на Эглофштейнъ. Гораздо ранѣе ихъ, получивъ приказъ черезъ Савари, выступилъ изъ Регенсбурга Даву, убѣжденный въ невозможности удерживаться въ Регенсбургѣ, гдѣ оставленъ былъ имъ, для защиты переправы черезъ Дунай, одинъ полкъ. Каменный мостъ регенсбургскій, произведеніе Римлянъ, не могли разрушить вполнѣ и

только отчасти изломали и завалили его. Пока Австрійцы искали непріятеля тамъ, гдѣ уже его не было, Даву счастливо проходилъ аббахскія дефилеи. По двумъ дорогамъ, найденнымъ въ горахъ, направо къ Дунаю, шли дивизія Гюдена и Морана, на Пейсингъ, налѣво дивизіи Сентъ-Илера и Фріана, на Заалгауптъ и Тенгенъ. Лефевръ, съ отрядомъ Баварцовъ, ожидалъ войска Даву у Абенсберга и Аригофена. Сентъ-Илеръ и Фріанъ встрѣтили у Танна лѣвую колонну эрцъ-герцога Карла, предводимую Гогенцоллерномъ. Сильнымъ ударомъ они смяли ее и съ потерею 4000 принудили отступить къ Гаузену. У Аригофена Гюденъ и Моранъ встрѣтили отрядъ Тьерри; стѣсненный съ другой стороны Лефевромъ, онъ, разбитый, отброшенъ былъ къ Оффенштеттену. Даву соединился съ Наполеономъ и составилъ армію въ 85,000, а съ тѣмъ вмѣстѣ Гиллеръ былъ отдѣленъ отъ эрцъ-герцога Карла. Гренадеры корпуса Удино находились уже 19-го въ Пфаффенгаузенѣ, на дорогѣ къ Ландсгуту; Массена долженъ былъ прибыть туда въ ночь на 20-е Апрѣля, слѣдовательно, Гиллеру угрожали во флангъ и при отступленіи на Ландсгутъ въ тылъ. Оставя Даву, съ 25,000, въ Абенсбергѣ и Аригофенѣ, Наполеонъ отрядилъ Ланна, съ двумя дивизіями корпуса Даву и кирасирами Нансути, на Роръ, и тѣмъ совершенно отрѣзалъ сообщенія между эрцъ-герцогомъ Карломъ и Гиллеромъ. Съ 40,000, устремился онъ въ промежутокъ между Роромъ и войсками Гиллера; Вреде оставленъ

былъ въ Зигенбургѣ, занять вниманіе Австрійцовъ; Виртембергцы были посланы на Оффенштейнъ, Баварцы на Кирхдорфъ, прикрываемые Ланномъ. Къ несчастію Гиллера, онъ разсѣялъ свой корпусъ, держась съ 22,000 между Майнбургомъ и Пфаффенгаузеномъ, оставя эрцъ-герцога Людвига, съ 10,000, въ Зигенбургѣ, князя Рейсскаго, съ 15,000, въ Кирхдорфѣ, и Тьерри съ 5000, въ Оффенштеттенѣ. Окружаемый превосходнымъ числомъ, Тьерри бросился къ Рору, былъ схваченъ Ланномъ, разбитъ и прогнанъ за Ротенбургъ. Гиллеръ послалъ туда для спасенія его 14,000-й отрядъ, и тѣмъ совершенно ослабилъ себя. Лефевръ стѣснилъ эрцъ-герцога Людвига и князя Рейсса, и принудилъ ихъ отступать къ Пфаффенгаузену. Ночь остановила всѣ сіи битвы, вообще названныя битвою Тангскою, стоившія Австрійцамъ до 7000. Бросая обозы и раненыхъ, Гиллеръ старался достигнуть Ландсгута. Его преслѣдовали. Веселый и довольный, Наполеонъ объѣзжалъ ряды Баварцовъ, благодаря ихъ и обнявъ въ виду войскъ наслѣдника Баварскаго, неотлучно при немъ бывшаго. «Вы славно начинаете, принцъ,» говорилъ онъ, «и когда будете такъ поступать, солдаты всегда пойдутъ за вами! Помните, что если король засядетъ дома, всѣ сдѣлаются домосѣдами — тогда, прощай слава и царство!»

Неожиданный оборотъ войны и быстрота движеній до того разстроили всѣ соображенія эрцъ-герцога Карла, что онъ не думалъ помогать Гиллеру, не

смѣлъ нападать на Даву, сдвигалъ правое крыло свое къ Регенсбургу, послалъ туда остатки войскъ Гогенцоллерна, и велѣлъ сблизиться Беллегарду къ Штадтамгофу, на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Регенсбурга, оставляя Колловрата безъ дѣйствія на дорогѣ ингольштадской, въ Амбергѣ. Весь успѣхъ Австрійцовъ состоялъ только въ томъ, что начальникъ полка, оставленнаго въ Регенсбургѣ, храбро отбившій первый приступъ непріятеля, щадя безполезную трату храбрыхъ, сдалъ городъ и положилъ ружье, вопреки противорѣчію его подчиненныхъ, желавшихъ исполнить приказъ Наполеона и умереть, не сдаваясь. Успѣхъ былъ ничтоженъ, но явился важнымъ по его послѣдствіямъ, ибо сдача Регенсбурга открыла путь для отступленія за Дунай эрцъ-герцогу Карлу. Онъ еще не думалъ однакожь тогда отступать, и 21-го Апрѣля рѣшился даже принять сраженіе близъ Регенсбурга, надѣясь тѣмъ спасти Гиллера.

Утромъ 21-го Наполеонъ усиленно преслѣдовалъ Гиллера съ Баварцами, Виртембергцами и отрядомъ Ланна, пока Удино шелъ къ Ландсгуту, изъ Мосбурга, а Лефевръ, съ кирасирами и частью Баварцовъ, поддерживалъ сообщеніе съ Даву, которому приказано сражаться оборонительно съ эрцъ-герцогомъ Карломъ. Гиллеръ успѣлъ достигнуть до Ландсгута, остановился здѣсь и рѣшился защищаться отчаянно. Къ досадѣ Наполеона, Массена замедлилъ въ Мосбургѣ; отрядъ его, подъ начальствомъ Клапареда, перейдя Изеръ, вмѣсто того, чтобы отрѣзать от-

ступленіе отъ Ландсгута, почелъ необходимымъ ожидать остальныхъ войскъ Массены. Гиллеръ отбилъ упорную аттаку Морана. Наполеонъ двинулъ отрядъ Мутона. По горящему мосту, безъ выстрѣла, Французы ворвались въ городъ. Угрожаемый Массеною съ тыла, Гиллеръ отступилъ въ безпорядкѣ, оставя 25 пушекъ и потерявъ болѣе 10,000. Не останавливаясь перешелъ онъ за Иннъ и только близъ Зальцбурга могъ привесть въ порядокъ свои войска.

Даву превосходно исполнилъ между тѣмъ порученіе Наполеона. Полагая, что вѣрнѣе устрашить непріятеля нападеніемъ, нежели ждать нападенія, которое показало бы слабость силъ его, и при усиленной аттакѣ непріятельской могло быть пагубно, онъ двинулся изъ Абенсберга, встрѣтилъ на лѣвомъ берегу рѣки Лабера корпусъ Розенберга, близъ Унтеръ-Лейхлинга, и завязалъ съ нимъ дѣло. Недоумѣвая о числѣ непріятелей, эрцъ-герцогъ Карлъ не рѣшился идти въ битву самъ, послалъ Гогенцоллерна подкрѣпить Розенберга и велѣлъ Коловрату переходить Дунай и соединяться съ главною арміею. Только почью на 22-е, Коловратъ успѣлъ переправиться. Розенбергъ удержался, отразилъ всѣ аттаки Даву, не замѣчая, что онъ нарочно не усиливалъ нападеній, ибо ему надобно было только развлечь вниманіе эрцъ-герцога Карла. Къ ночи стихъ бой, стоившій 3000 съ обѣихъ сторонъ. Утромъ 22-го Апрѣля, имѣя, по соединеніи съ Коловратомъ, до 79,000, эрцъ-герцогъ Карлъ расположился сражаться наступатель-

но. Коловрату велѣно обойдти Даву отъ Аббаха, а Розенбергу приказано держаться, пока совершится сіе движеніе. Тогда нападеніемъ съ двухъ сторонъ эрцъ-герцогъ Карлъ хотѣлъ уничтожить Даву, ибо увѣрился въ слабости силъ его.

Около полудня Розенбергъ неожиданно прислалъ извѣстить, что около него явился сильный непріятель, и что онъ не можетъ болѣе удержаться. Дѣйствительно, устоять было невозможно — здѣсь явился самъ Наполеонъ.

Послѣ взятія Ландсгута, отправивъ Бессьера, съ дивизіею Вреде, дивизіею Молитора и тремя полками конницы, преслѣдовать Гиллера и занять Браунау на Иннѣ, оставя въ Ландсгутѣ Удино, съ корпусомъ Ланна, Виртембергцами и частью кирасировъ, Наполеонъ спѣшилъ къ Даву. Массена слѣдовалъ за нимъ. Утромъ Апрѣля 23-го Наполеонъ перешелъ за Лаберъ въ Экмюлѣ (Eggmühl). Ланнъ, съ Гюденомъ и Сентъ-Илеромъ, напалъ на Розенберга слѣва, Наполеонъ съ Виртембергцами съ фронта. Заслышавъ пальбу, Даву возобновилъ нападеніе справа. Наполеонъ отдалъ справедливость Австрійцамъ, схваченнымъ быстро и внезапно. Они дрались мужественно, но неравный бой не могъ продолжиться. Въ 6-ть часовъ вечера Розенбергъ началъ отступать, и таково было смятеніе эрцъ-герцога Карла, что, подкрѣпляя Розенберга, онъ не рѣшился двинуть всей своей арміи и начать общую битву, не только не перевелъ за Дунай Беллегарда, но даже остановилъ обходное дви-

женіе Коловрата и наконецъ рѣшился отступать и переходить за Дунай. Войска его стѣснились къ Регенсбургу, шли черезъ Дунай по мосту, наведенному ниже города, и черезъ мостъ регенсбургскій. Смятеніе отступавшихъ умножили бѣглецы Розенберга. Конница французская сбила австрійскую, поставленную въ Эглофштейнѣ, преслѣдовала ее до Кафферинга, разстроила аттаками выставленный за нею пѣхотный отрядъ и обратила его въ безпорядкѣ къ Регенсбургу. Самъ эрцъ-герцогъ Карлъ остановилъ Французовъ, предводительствуя резервомъ князя Лихтенштейна. Держа въ рукахъ знамя, онъ вводилъ свои полки въ бой подъ ядрами и картечами. Наполеонъ прекратилъ преслѣдованіе, давая отдыхъ войску, измученному безпрерывными битвами и переходами. Трофеями Экмюльской битвы были 12 знаменъ, нѣсколько тысячь плѣнныхъ, пушки, обозы. Герой двухъ-дневнаго сраженія, Даву былъ награжденъ титуломъ князя Экмюльскаго.

Всю ночь продолжалась переправа Австрійцовъ за Дунай. Она еще не кончилась и Регенсбургъ былъ загроможденъ ранеными, а въ улицахъ его тѣснились артиллерія и обозы, когда Французы, рано утромъ, начали канонаду и пошли на Регенсбургъ. Наполеонъ предводилъ ими съ Ланномъ и Даву. Массенѣ велѣно идти вправо и занять Пассау на Дунаѣ; Лефевръ, Вандамъ, Удино и Сентъ-Илеръ отправлены къ Браунау, подкрѣплять Бессьера. Битва у Регенсбурга завязалась свирѣпая. Французы ворвались въ

городъ, но были выгнаны. Велѣно штурмовать Регенсбургъ. Ланнъ повелъ штурмовыя колонны. Внезапно поразила всѣхъ страшная вѣсть — заговорили, что Наполеонъ раненъ, и оружіе готово было выпасть изъ рукъ его храбрѣйшихъ усачей! Дѣйствительно, пуля съ городской стѣны ударила въ землю подлѣ Наполеона, и отраженная отъ земли, задѣла большой палецъ на лѣвой ногѣ, причинивъ сильную контузію; палецъ распухъ. Наполеонъ не разувался уже нѣсколько дней. Съ трудомъ могли снять сапогъ. Призвали Ивана, хирурга императорскаго, который наскоро перевязалъ ногу. Все стѣснилось вокругъ Наполеона, спокойно увѣрявшаго, что нѣтъ опасности. «Попали мѣтко! вѣроятно, выстрѣлилъ Тиролецъ. Они славные стрѣлки!» говорилъ Наполеонъ, смѣясь, Дюроку и Ланну. «Да зачѣмъ вы здѣсь, государь?» воскликнулъ съ досадою Ланнъ. «А какъ же иначе? мнѣ надобно видѣть все, что дѣлается!» отвѣчалъ Наполеонъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на лошади и скрывая боль ноги, скакалъ по рядамъ при радостныхъ кликахъ солдатъ. Нѣсколько линій выше, или далѣе, пуля могла раздробить пятку и рана была бы тяжелая, если не смертельная.

Видъ Наполеона одушевилъ солдатъ. Они лѣзли на стѣны и упорная защита не остановила ихъ. Ланнъ схватилъ лѣстницу, закричалъ солдатамъ: «Я вамъ покажу, что маршалъ вашъ не разучился быть гренадеромъ!» и бросился черезъ ровъ. За нимъ пошли дружно; стѣны не защитили Регенсбурга и страшная

рѣзня и рубка начались въ улицахъ. Городъ горѣлъ; непріятель бѣжалъ; остальные защитники Регенсбурга стали у пороховыхъ ящиковъ и угрожали зажечь ихъ. Едва могли остановить раздраженныхъ солдатъ. Австрійцы перебрались за Дунай и завалили мостъ регенсбургскій. Канонада гремѣла съ обоихъ береговъ. Слыша о переходѣ войскъ своихъ за Дунай, если такъ должно назвать бѣгство эрцъ-герцога Карла, императоръ Австрійскій, изъ Шардинга, гдѣ ждалъ онъ извѣстій о побѣдахъ, поспѣшно отправился въ Вѣну, Апрѣля 23-го. Черезъ нѣсколько часовъ, Шардингъ былъ занятъ Французами; войска австрійскія отступали не останавливаясь до Хама въ Богеміи, куда пришли черезъ два дня.

Достаточно было бы пятидневной кампаніи Наполеона, съ 18-го до 22-го Апрѣля 1809 года, на имя великаго полководца тому, кто совершилъ ее. Апрѣля 12-го онъ въ Парижѣ — 17-го уже на берегахъ Дуная. Армія его въ невыгодномъ положеніи, разбросана, угрожаема 180,000 сильнаго, одушевленнаго надеждами войска. Извлечь пользу изъ гибели Даву, соединиться съ нимъ, угадать точку нападенія, устремиться на Ландсгутъ, разбить одну половину непріятеля, привесть въ недоумѣніе другую, обратиться къ Абенсбергу, быстрымъ появленіемъ усилить страхъ противника, спутать всѣ разсчеты его, заставить безъ боя идти за Дунай, и торжествовать въ *пять* дней *пять* такихъ побѣдъ, каковы были: *Танuская*, *Абенсбергская*, *Ландсгутская*, *Экмюльская* и

Регенсбургская. Невольно вспоминаете слова римскаго историка объ Аннибалѣ. *) Въ пять дней Австрійцы потеряли до 60,000 человѣкъ; война изъ оборонительной перешла въ наступательную; Наполеонъ угрожалъ столицѣ австрійской.

Не менѣе было искусство Наполеона пользоваться побѣдою. Ему предлежало два плана: одинъ—преслѣдовать армію эрцъ-герцога Карла, не дать ей исправиться и окончательно разбить ее; другой — ударить на Вѣну и овладѣть австрійскою столицею. Наполеонъ предпочелъ второе. Говорили, что тщеславіе занять столицу побудило его оставить неоконченнымъ пораженіе Австрійцовъ, дать имъ время соединить силы и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, привесть тѣмъ себя въ положеніе затруднительное. Напротивъ, разсчетъ былъ здѣсь вѣрный. Гористое мѣстоположеніе Богеміи давало средство Австрійцамъ затруднить походъ и побѣду. Корпусъ Гиллера могъ между тѣмъ послужить узломъ, къ которому сосредоточивались другія войска, когда, напротивъ, Наполеонъ отдѣлялся отъ своихъ пособій. Занятіе Вѣны придавало новый блескъ походу, передавало Французамъ огромные запасы непріятельскіе, разрушало вооруженіе Венгріи, сближало дѣйствія армій въ Италіи и Польшѣ, и заставляло Австрію поспѣшать миромъ, къ чему подало уже надежды письмо эрцъ-герцога Карла, отправлен-

*) Bellum maximè omnium memorabile quae unquam gesta sint (послѣдняя война его всегда казалась достопамятнѣе прежнихъ). *Титъ-Ливій.*

ное имъ послѣ перехода его за Дунай. «Государь!» писалъ онъ Наполеону, «громъ пушекъ вашихъ возвѣстилъ мнѣ о прибытіи вашемъ, не давши мнѣ времени поздравить васъ. Едва извѣстился я о томъ, какъ вы удостовѣрили меня въ справедливости извѣстія пораженіемъ войскъ моихъ. Вы взяли много плѣнныхъ, и намъ достались они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ васъ не было. Предлагаю вамъ размѣнять ихъ. Горжусь, сражаясь съ величайшимъ полководцемъ нашего вѣка. Но еще счастливѣе почелъ бы я себя, еслибы судьба предоставила мнѣ подарить отечество мое прочнымъ миромъ. Въ войнѣ и мирѣ прошу В. В. вѣрить, что особенное желаніе мое влечетъ меня видѣть васъ, и я равно поставлю себѣ за честь найти въ рукѣ вашей мечъ и масличную вѣтвь». Отвѣчая готовностью на миръ, Наполеонъ тѣмъ болѣе усиливалъ воинскую дѣятельность. Мы уже видѣли, что Бессьеръ отправленъ былъ за Гиллеромъ и долженъ былъ занять Браунау, а Массенѣ препоручено было овладѣть Пассау. Тотъ и другой исполнили препорученіе. Опомнившись послѣ перехода за Иннъ, Гиллеръ хотѣлъ отвлечь Бессьера нападеніемъ на Неймаркъ, Апрѣля 24-го. Вреде уступилъ ему; но слухъ о регенсбургской битвѣ заставилъ Гиллера снова удалиться за Иннъ. Оставя Даву показывать видъ, что Французы хотятъ преслѣдовать Австрійцовъ въ Богемію, Наполеонъ велѣлъ Бернадотту сблизиться къ Регенсбургу изъ Саксоніи, и обратилъ всю главную армію на Вѣну. Апрѣля 27-го главная квартира была въ Мюльдорфѣ. Лефевръ от-

правленъ былъ отсюда въ Тироль, гдѣ возстаніе жителей угрожало Мюнхену и сообщеніямъ Наполеона; Массена, Ланнъ и Бессьеръ шли за Инъ; Даву и Вандаммъ слѣдовали за ними. «Солдаты!» говорилъ Наполеонъ въ приказѣ, «вы дополнили храбростью число. Славно показали вы разницу между полками Цезаря и вооруженными толпами Ксеркса. Непріятель бѣжитъ испуганный, и мѣсяцъ не совершится, когда будемъ мы въ Вѣнѣ!» Передъ началомъ новаго похода Наполеонъ осыпалъ наградами отличившихся. Въ первый разъ явился здѣсь титулъ баронскій, данный многимъ храбрымъ генераламъ и офицерамъ. Походъ былъ поспѣшный, ибо Наполеонъ старался не допустить соединенія Гиллера съ эрцъ-герцогомъ Карломъ и опасался, что эрцъ-герцогъ Карлъ перейдетъ черезъ Дунай и встрѣтитъ его въ Маутгаузенѣ, Санктъ-Пельтенѣ, или Кремсѣ. Опасеніе напрасное. Полагая, что Наполеонъ преслѣдуетъ его въ Богемію, только у Будвейса остановился эрцъ-герцогъ Карлъ, и въ странномъ недоумѣніи простоялъ съ 4-го до 7-го Мая. Всю защиту Вѣны составлялъ Гиллеръ, имѣя до 30,000 и 80 пушекъ. Онъ передвинулся на вѣнскую дорогу и сталъ въ крѣпкой позиціи у Эбельсберга. Наполеонъ хотѣлъ обойдти его, но запальчивость генерала Когорна, предводившаго авангардомъ Массены, завязала дѣло. Когорнъ сбилъ три батальона Австрійцовъ, стоявшіе впереди моста на Траунѣ, и ворвался за ними въ Эбельсбергъ. Началась битва въ городѣ. Массена по неволѣ долженъ былъ подкрѣпить Когорна диви-

*

зіею Клапареда, потомъ дивизіею Леграна. Городъ переходилъ изъ рукъ въ руки; дрались въ улицахъ и въ домахъ. Вспыхнулъ пожаръ. Сражавшіеся гибли въ огнѣ; раненые ползали по улицамъ и горѣли заживо; артиллерія и конница давили ихъ, мчась черезъ трупы. Появленіе дивизіи Дюронеля, изъ корпуса Ланна, перешедшей изъ Ламбаха на Штейеръ, заставило Гиллера отступать. Австрійцы потеряли до 7000, Французы до 5000. Наполеонъ пріѣхалъ, когда городъ дымился, заваленный обгорѣлыми и раздавленными трупами. Даже *онъ* невольно ужаснулся страшной картины. «Я прислалъ бы сюда всѣхъ, кто начинаетъ войну», сказалъ онъ, «и пусть бы они увидѣли, чего стоятъ бѣдствія ея человѣчеству!» Онъ упрекалъ Массену за безполезное кровопролитіе, и при встрѣчѣ съ Когорномъ, виновникомъ начала битвы, сказалъ ему: «Вы поступили неблагоразумно — я не люблю такихъ выходокъ! — Виноватъ — отвѣчалъ Когорнъ — но отъ славы, какъ отъ шампанскаго, кружится голова! — «Хорошо, да солдатъ надобно беречь! Много ли осталось изъ вашей бригады?» — Еще на разъ хватитъ! — отвѣчалъ Когорнъ. «Что за человѣкъ!» проговорилъ Наполеонъ, улыбаясь, смотря на Когорна, великана ростомъ, и не зная хвалить или бранить удальца. Но эбельсбергское кровопролитіе не погибло даромъ. Гиллеръ, совершенно разбитый, не смѣлъ нигдѣ остановиться, перешелъ за Дунай, и тѣмъ остановилъ начатое эрцъ-герцогомъ Карломъ движеніе изъ Будвейса къ Вѣнѣ. Послѣ трехъ-дневнаго

бездѣйствія, Гиллеру велѣно наконецъ идти къ Вѣнѣ лѣвымъ берегомъ Дуная, и эрцъ-герцогъ Карлъ снова двинулся къ Кремсу; по извѣстія о занятіи Французами Мелка, еще разъ остановили его. Думали остановить Наполеона, двинувши Коловрата, съ 25,000, на сообщенія его въ Линцѣ; туда велѣно также идти Іеллахичу, войскамъ изъ Тироля, даже эрцъ-герцогу Іоанну изъ Штиріи, что̀ съ Коловратомъ составляло до 70,000. Гиллеру приказано поспѣшать къ Вѣнѣ, занять острова на Дунаѣ и открыть сообщенія съ эрцъ-герцогомъ Максимиліаномъ, занимавшимъ Вѣну 20,000 войска и милиціи — распоряженія поздпія.

Не заботясь о движеніяхъ Австрійцовъ, Наполеонъ сталъ передъ Вѣною Мая 10-го. Къ числу непонятныхъ дѣйствій австрійской стратегіи принадлежало и то, что Вѣну рѣшились защищать. Эрцъ-герцогъ Максимиліанъ возбуждалъ ревность жителей громкими прокламаціями: «Пусть свѣтъ узнаетъ къ чему мы способны! Я среди васъ, жители Вѣны! Трусость только можетъ сомнѣваться въ счастливомъ окончаніи войны. Отдадимъ ли безъ защиты нашу столицу, мѣстопребываніе нашихъ монарховъ? Прочь отъ насъ такое безчестіе! Опасностей мы не страшимся, и отъ нихъ избавитъ насъ быстрый походъ нашей побѣдоносной арміи!» Въ другихъ прокламаціяхъ говорили объ Испаніи, о Сарагоссѣ, о защитѣ Вѣны отъ Турковъ, въ 1682 году. Но Французы были не Турки, Наполеонъ не Куперли, и добрые жители Вѣны не Испанцы. Гофъ-кригсъ-ратъ думалъ гораздо болѣе о томъ, какъ

овладѣть Майнцомъ, нежели объ укрѣпленіи Вѣны. Видя обходъ столицы Французами, защитники ея оставили безполезныя пушки на городскихъ валахъ и укрылись въ старый городъ, или кремль Вѣнскій. Наполеонъ велѣлъ бросить въ Вѣну нѣсколько бомбъ. Защитники отвѣчали пушками. Избѣгая раззоренія жителей, Наполеонъ посылалъ уговаривать эрцъ-герцога оставить безполезную защиту. Французы продолжали движеніе къ Дунаю и овладѣли мостами на рукавахъ его. Помощи не было, и эрцъ-герцогъ Максимиліанъ рѣшился оставить Вѣну и удалиться за Дунай, избѣгая плѣна и гибели столицы. Генералъ Орелли сдалъ Вѣну Мая 13-го. Наполеонъ велѣлъ смѣнить въ Линцѣ Виртембергцовъ (они пришли тогда къ Регенсбургу съ Бернадоттомъ), Даву сблизиться къ Вѣнѣ, и соединилъ у Вѣны Массену, Ланна, гвардію и конницу Бессіера. Занятіе Вѣны остановило движеніе Гиллера. О главной арміи австрійской ничего не было слышно.

Учредивъ управленіе Вѣною, Наполеонъ извѣстилъ о взятіи австрійской столицы приказомъ по арміи, строго запрещая обиду жителямъ и укоряя трусостью Австрійцовъ. «Они оставили столицу, не какъ честные солдаты, но какъ клятвопреступники, угрызаемые совѣстью, означивъ побѣгъ свой раззореніемъ земляковъ, какъ Медея терзая своихъ родныхъ. Видите ли, солдаты, доказательство правосудія и суда Божія надъ вѣроломствомъ и нарушеніемъ клятвы?» Декретомъ Наполеона предписано было уничтоженіе австрійской

милиціи, съ угрозою строгаго наказанія за неисполненіе, и какъ будто отмщая за прокламаціи Австрійцовъ, призывавшія къ возстанію, онъ издалъ воззваніе къ Венгерцамъ, призывая ихъ собраться на сеймъ, отдѣлиться отъ Австріи, избрать короля и объявить независимость Венгріи. Вѣроятно, онъ зналъ безполезность призыва, и его болѣе занимали военныя дѣйствія. Соображая всѣ обстоятельства, онъ рѣшился немедленно перейдти за Дунай. Главная цѣль была здѣсь не дать опомниться эрцъ-герцогу Карлу послѣ паденія австрійской столицы, и разбить его, не допуская соединиться съ войсками въ Венгріи, Штиріи и Польшѣ. Но эрцъ-герцогъ Карлъ и безъ того имѣлъ съ войсками Гиллера до ста тысячь, которыя могъ соединить на Дунаѣ, и переходъ за Дунай, въ виду 100,000 непріятельской арміи, являлся однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ воинскихъ предпріятій. Стратегики славили переходъ Моро при Келѣ, гдѣ сопротивлялась ему одна бригада. Поэты воспѣвали переходъ Людовика XIV-го за Рейнъ, въ виду небольшаго корпуса Голландцовъ. Фридрихъ Великій говорилъ, что невозможно воспрепятствовать переходу, если рѣка течетъ на 20-ти миляхъ; но сто тысячь непріятелей могли заставить задуматься Фридриха и Наполеона, не считая уже войскъ, угрожавшихъ изъ южной Австріи и Венгріи. Увидимъ далѣе, что, не смотря на успѣхи Наполеоновы на Дунаѣ, дѣла въ Италіи и Тиролѣ приняли тогда оборотъ неблагопріятный. Но ничто не остановило Наполеона, и опасность дѣла какъ будто еще болѣе побуждала

его поспѣшить переправою. Онъ хотѣлъ воспользоваться одушевленіемъ своихъ войскъ, запасами, какіе найдены были въ Вѣнѣ, превосходнымъ мѣстоположеніемъ для переправы, и «Я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло,» говорилъ онъ потомъ Жомини.

Стѣсненный богемскими горами, Дунай расширяется въ двухъ миляхъ выше Вѣны и разливается на множество протоковъ, раздѣляемыхъ островами. Самый обширный изъ нихъ, островъ *Лобау* (Lob-Aue), находится въ двухъ миляхъ ниже Вѣны, составляя неправильный треугольникъ, широкая сторона коего отдѣляется отъ праваго берега рѣки узкимъ, изогнутымъ протокомъ, шириною саженъ до 70-ти; другой островъ, ближе къ правому берегу рѣки, отдѣленъ отъ перваго протокомъ около 150 саженъ въ ширину, и отъ праваго берега рѣки главнымъ теченіемъ Дуная, около полуверсты въ ширину, по коему разсѣяно 5 или 6 мелкихъ островковъ. На лѣвомъ, непріятельскомъ берегу, находились здѣсь селенія Энцендорфъ, Эсслингъ и Асперпъ; на правомъ берегу селеніе Эберсдорфъ. Каждое изъ нихъ составляло одну улицу. Въ Асперпѣ могло служить защитою войскамъ, занимающимъ его, городское кладбище; въ Эсслингѣ былъ для такой защиты огромный каменный, хлѣбный магазинъ. Здѣсь, на сихъ поляхъ, нѣкогда Рудольфъ Габсбургскій побѣдилъ Оттокара, короля богемскаго, и положилъ основаніе величію Австрійскаго Дома. Выше Вѣны, миляхъ въ двухъ, гдѣ сходятся дороги изъ Моравіи и Богеміи, близъ селенія Нусседорфъ, на-

ходится на Дунаѣ также большой островъ, отдѣляемый отъ лѣваго берега протокомъ саженъ въ 50, и отъ праваго берега главнымъ теченіемъ Дуная, около 200 саженъ шириною. Переправа тамъ была удобнѣе, ибо высокій правый берегъ защищалъ переправляющихся; но Наполеонъ избралъ переправу въ Лобау, хотя, скрывая свое намѣреніе, показывалъ видъ, что располагаетъ перейти у Нуседорфа. Здѣсь сталъ Ланнъ. Волтижеры переправились на дунайскій островъ; неприятель явился на лѣвомъ берегу, и, казалось, хотѣлъ защищаться упорно. Ланнъ упорствовалъ, по видимому, въ переправѣ. Но между тѣмъ Массена готовилъ мосты у Лобау, и, при неимовѣрныхъ усиліяхъ, все было кончено въ шесть дней. Приготовили 54 огромные плашкоута; недостатокъ якорей дополнили ящики, нагруженные ядрами, и тяжелыя пушки, взятыя въ Вѣнѣ, а понтоны отчасти замѣнили огромными козлами. Въ ночь на 20-е Мая, Наполеонъ, безпрерывно наблюдавшій за работами, самъ отправилъ въ лодкахъ на Лобау первые отряды; мосты были мгновенно наведены и войско начало переходить за Дунай. Тѣмъ болѣе надобно было поспѣшать, что на обширной равнинѣ лѣваго берега не видно еще было неприятеля. Вниманіе Австрійцовъ, сосредоточенное у Нуседорфа, и извѣстіе, что у Линца явились сильные Австрійскіе отряды, оттѣснили Виртембергцовъ, и были удержаны Саксонцами, все увѣряло Наполеона, что Австрійцы вовсе не замѣчаютъ настоящаго мѣста переправы его. Большою опасностью, которую хотѣлъ онъ предупредить ско-

рымъ переходомъ, угрожало необыкновенное полноводье Дуная, внезапно произведенное весеннимъ таяньемъ снѣговъ въ горахъ, изъ коихъ течетъ Дунай; опасность сія умножилась при непрочности мостовъ, обширности ихъ и недостаткѣ времени и средствъ для прочной постройки. Все исполнялось по желанію Мая 21-го Массена перешелъ съ острова Лобау на лѣвый берегъ Дуная. Дивизія Молитора заняла Асперпъ, дивизія Буде Эсслингъ; остальныя войска его и Бессьеръ заняли средину между селеніями. Ланну и Даву велѣно идти поспѣшнѣе отъ Нуседорфа къ мѣсту переправы, замедляемой поправкою мостовъ, безпрестанно портившихся сильнымъ теченіемъ Дуная. Уже 30,000 Французовъ стояло на лѣвомъ берегу Дуная. Наполеонъ переѣхалъ туда, распоряжая переходомъ войска и расположеніемъ его. Ланнъ, войска коего начали переправляться послѣ Массены, былъ при немъ. Внезапно показался многочисленный непріятель, и все мгновенно измѣнило видъ.

Эрцъ-герцогъ Карлъ успѣлъ не только оправиться отъ пораженія, но дополнить и устроить свою армію. Отдавши Наполеону столицу, онъ рѣшился ждать его на лѣвомъ берегу Дуная, и допускалъ постройку мостовъ, хотя видѣлъ всѣ заботы Французовъ. Скрывая соединеніе войскъ своихъ, онъ показывалъ видъ, будто вѣритъ, что переправа будетъ въ Нуседорфѣ. Нападеніе на Линцъ было средствомъ увѣрить непріятеля еще болѣе, что, находясь въ недоумѣніи, онъ раздѣлилъ свои войска. Въ ночь на 20-е Мая, Австрій-

цы вполнѣ соединены были противъ Нуседорфа, и вечеромъ 21-го Мая, 90000 (по извѣстіямъ Австрійцовъ 75000) съ 300 пушекъ быстро двинулись и выступили на асперискую и эсслингскую равнину. Гиллеръ, Беллегардъ, Гогенцоллернъ устремились на Асперпъ; Розенбергъ пошелъ на Эсслингъ; конница и Рейссъ оставались въ резервѣ. Эрцъ-герцогъ Карлъ хотѣлъ однимъ тяжкимъ ударомъ уничтожить перешедшія на лѣвый берегъ войска, не давая имъ возможности соединиться съ бывшими на правомъ берегу, а между тѣмъ приготовилъ средство разрушить мосты.

Положеніе Наполеона было затруднительное. Надлежало отражать тройное число непріятелей, одушевленныхъ надеждами вѣрной побѣды, нетерпѣливыхъ вознаградить прежнія потери. Не успѣли переправить на лѣвый берегъ ни достаточнаго числа орудій, ни снарядовъ, и между тѣмъ разлитіе и полноводье Дуная страшно усиливалось, и мосты часъ отъ часу чаще разстроивало его бурными волнами. Лѣсъ, бревна, обломки домовъ и мельницъ плыли по Дунаю и ломали мосты. Австрійцы приготовили разрушать ихъ, кромѣ того, огромные плоты изъ бревенъ и деревьевъ, и большія суда, нагруженныя каменьями, когда при наступившей ночи Французы не имѣли средствъ остановить и отразить разрушеніе.

Наполеонъ видѣлъ опасность, но хладнокровно распоряжался защитою. Массена сталъ въ Асперпѣ, Ланнъ былъ въ Эсслингѣ. Никакія усилія непріятеля не поколебали Французовъ. Оба селенія переходили изъ рукъ

въ руки, и остались во власти Французовъ. Подъ убійственнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, конница производила аттаки на австрійскія карее, и въ одной изъ нихъ палъ храбрый Эспанья. Ланнъ и Массена являлись героями битвы. Ночь прекратила сраженіе. Французы были стѣснены на прибрежье отъ Асперна до Эсслинга, и отвсюду окружены непріятелемъ. Даже часть Асперна была занята имъ. Ночью надлежало усилить перевозъ войскъ, орудій, снарядовъ. Наполеонъ самъ не отходилъ отъ мостовъ. Съ фонаремъ въ рукѣ, онъ бродилъ въ иныхъ мѣстахъ по колѣно въ водѣ. Но едва пробило три часа по полуночи, его извѣстили о движеніи непріятеля. Французы почти всю ночь стояли подъ ружьемъ. Быстро прискакалъ Наполеонъ на поле битвы и увидѣлъ Австрійцовъ уже готовыхъ къ бою. Съ перешедшими за Дунай ночью, онъ имѣлъ уже до 60 тысячъ войскъ, стѣсненныхъ на берегу Дуная. Желая продлить время, дать болѣе мѣста для движенія войскъ, и ободрить солдатъ, Наполеонъ рѣшился предупредить непріятеля и велѣлъ нападать. Войско двинулось впередъ при радостныхъ кликахъ, видя Наполеона среди своихъ рядовъ. Онъ стоялъ подъ выстрѣлами; однимъ изъ нихъ убило лошадь генерала Монтіона, подлѣ него бывшаго. Австрійцы, устроенные въ колонны шашешницею (en échiquier), двинулись въ одно время съ Французами всею линіею. Сшибка была ужасная. Австрійцовъ отбили отъ Асперна и Эсслинга, и Массена первый повелъ впередъ изъ Асперна дивизіи Мо-

литора, Леграна и Карра-Сенъ-Сира. Плотная громада войскъ сдвинута была вправо отъ него. Наполеонъ готовилъ ударъ въ центръ непріятеля. Здѣсь былъ Ланнъ, съ дивизіею Сентъ-Илера, дивизіею изъ корпуса Удино и дивизіею Буде. За нимъ шли гвардейскіе фузелеры, тиральеры, гренадеры, егеря, всего 6 батальоновъ. Конницу вели Марулацъ, Лазаль, Сентъ-Сюльписъ. Въ резервѣ оставалось нѣсколько эскадроновъ гвардіи и Поляковъ. Даву, съ дивизіями Фріана, Морана, Гюдена, Вандаммъ съ Виртембергцами, дивизія Пансути и часть гвардіи, переправлялись и были еще на правомъ берегу. Имъ назначалось послѣ переправы идти отъ Эсслинга направо, въ лѣвый франгъ непріятеля. Не смотря на преимущество въ числѣ войскъ, и еще болѣе пушекъ, первая линія непріятельская была горячо сбита и постепенно занимаемое пространство давало возможность развивать слишкомъ густыя колонны французскія, смертельно поражаемыя сильною австрійскою артиллеріею. Но эрцъ-герцогъ Карлъ предвидѣлъ ударъ, приготовленный на центръ, также сосредоточилъ войско въ центрѣ и остановился упорно. Французы ломились впередъ. Смѣлая аттака Бессіера, промчавшагося даже до Брейтенлее, главной квартиры австрійской, почти уже рѣшала успѣхъ. Самъ эрцъ-герцогъ Карлъ бросился, съ знаменемъ въ рукѣ, удерживать свои колебавшіеся полки. Вдругъ выстрѣлы французскіе начали замѣтно рѣдѣть, наступательное движеніе войскъ Наполеоновыхъ остановилось, и изумленный непріятель уви-

дѣлъ Французовъ отступающими. Вскорѣ замолкли побѣдные клики Французовъ и перешли въ ряды Австрійцевъ. Вѣсть, ужасная для однихъ, радостная для другихъ, разнеслась по рядамъ обѣихъ армій: главный мостъ на Дунаѣ былъ совершенно разрушенъ судами, плотами, бревнами и деревьями, пущенными по Дунаю; всякое сообщеніе съ правымъ берегомъ было прервано, и Французы, число коихъ страшно уменьшилось въ двухдневной битвѣ, безъ снарядовъ, безъ запасовъ, являлись несомнѣнною жертвою превосходнаго непріятеля, раздѣленные грозно бушевавшею рѣкою отъ товарищей на правомъ берегу. Отступленіе Австрійцовъ быстро перешло въ наступательное движеніе. Французы продолжали отступать, безмолвные, поражаемые ядрами и картечами, громимые аттаками конницы. Сентъ-Илеръ былъ убитъ, ободряя своихъ солдатъ. Еще нѣсколько усилій, и грозные полки Наполеона будутъ сдвинуты, сброшены въ Дунай.

Но среди нихъ былъ *онъ*, мрачный, задумчивый, но безстрашный. Онъ сообразилъ уже свое опасное положеніе — и рѣшеніе его было принято. Не думая о побѣдѣ, прежде всего надлежало спасти войска. Для того битву слѣдовало продолжить и удержаться во вчерашней позиціи, удержаться, чего бы то ни стоило. И такова была надежда Наполеона на себя и на войско свое, что онъ рѣшился на подвигъ, и не ошибся въ надеждѣ. Онъ сознавался потомъ, что не узнавалъ регенсбургскихъ бѣглецовъ въ воинахъ эрцъ-герцога Карла, истощавшаго всѣ средства отваги и

мужества. Австрійцы признавались, что никогда прежде Наполеонъ и войско его не изумляли ихъ такимъ непобѣдимымъ геройствомъ.

Въ 8 часовъ утра началось отступательное движеніе Французовъ. Достигнувъ Асперна и Эсслинга, они стали, и ничто уже не могло ихъ сломить. Пять или шесть разъ Асперпъ и Эсслингъ были взяты Австрійцами и отняты у нихъ. Въ полдень Австрійцы начали обходить Асперпъ, и даже заняли въ тылу Французовъ островокъ Штаделау. Со шпагою въ рукѣ, ведя своихъ солдатъ, Массена бросился туда и выгналъ Австрійцовъ, пока Легранъ, замѣняя его, отчаянно бился въ Асперпѣ. Буде непобѣдимо отстоялъ Эсслингъ. Въ 2 часа по полудни эрцъ-герцогъ Карлъ оставилъ аттаки на оба селенія, ударилъ въ центръ, съ корпусомъ Гогенцоллерна и гренадерами, пока конница пошла въ обходъ между Эсслингомъ и Дунаемъ. Отбитый тамъ и здѣсь, непріятель успѣлъ овладѣть Эсслингомъ. Съ бригадою гвардейцовъ, Мутонъ выбилъ ихъ штыками въ отчаянной схваткѣ, и непріятель остановилъ нападенія. Началась страшная канонада. Французы отвѣчали слабо, но были непоколебимы. Къ ночи канонада умолкала постепенно. Горестная потеря ознаменовала конецъ битвы — однимъ изъ послѣднихъ ядеръ австрійскихъ оторвало обѣ ноги маршалу Ланну.

Непріятеля удержали, но сраженіе было проиграно. Не оставалось сомнѣнія, что возобновлять его на другой день было невозможно. Отступленіе также было

невозможно, ибо главный мостъ съ Лобау на правый берегъ былъ совершенно разорванъ. Наполеонъ отправился на Лобау, призвалъ Массену и другихъ генераловъ, изложилъ имъ бѣдственное положеніе войска, выслушалъ ихъ мнѣнія и сказалъ свое. «Намъ надобно отступать, но у насъ нѣтъ средства, ибо мостъ не существуетъ. Еслибы и могли мы переплыть Дунай на судахъ, чего не допуститъ непріятель, должно оставить раненныхъ, артиллерію, лошадей, погубить армію. Непріятель перейдетъ Дунай въ Кремсѣ, въ Пресбургѣ, и, подкрѣпляемый всею Германіею, уничтожитъ насъ. Силъ у насъ еще довольно. Надобно только задержать непріятеля два-три дня, починить мостъ и переправиться за Дунай въ грозномъ видѣ. Мы призовемъ послѣ того Евгенія изъ Штиріи, Лефевра изъ Тироля, а въ случаѣ крайности, отступимъ отъ Вѣны и обопремся на нихъ. Лобау дастъ намъ средства все устроить. Мы оставимъ лѣвый берегъ, но не должно оставлять Лобау. Надобно перейдти сюда, разрушить малый мостъ съ острова на лѣвый берегъ, и удерживаться здѣсь. Массена! вамъ поручаю довершить что такъ славно вы начали. Вы должны остаться на Лобау и устоять!» Онъ объяснилъ средства защиты. Рѣчь Наполеона одушевила всѣхъ. Мысль его была такъ проста, такъ понятна. Немедленно начался постепенный и стройный переходъ войскъ на Лобау. Къ утру всѣ войска и артиллерія переведены были на островъ съ лѣваго берега; малый мостъ былъ разломанъ, и рукавъ Дуная, между лѣвымъ берегомъ

его и островомъ Лобау, раздѣлилъ двѣ враждующія арміи.

Оставя войска начальству Массены, Наполеонъ спѣшилъ переправиться черезъ Дунай въ лодкѣ. Твердость его поколебалась, когда онъ увидѣлъ Ланна, несомаго гренадерами на носилкахъ; онъ остановилъ ихъ, росился къ старому товарищу, и со слезами обнялъ героя, начавшаго съ нимъ Итальянскій походъ 1796 полковникомъ — участника битвъ при Лоди, Арколѣ, Абукирѣ, Аустерлицѣ, Фридландѣ, побѣдителя при Монтебелло, еще такъ недавно грознаго при Сарагоссѣ и Регенсбургѣ, и вмѣстѣ съ Массеною спасителя арміи въ Эсслингской битвѣ. «Государь!» сказалъ Ланнъ, собравъ послѣднія силы —» простите! Живите для счастія всѣхъ и вспомните иногда о старомъ другѣ вашемъ!» Онъ не могъ болѣе говорить, жилъ еще дня два, и умеръ послѣ отнятія ноги. Наполеонъ нѣсколько разъ посѣщалъ его, утѣшалъ въ страданіяхъ, отправилъ тѣло его въ Парижъ и почтилъ великолѣпнымъ погребеніемъ.

Печальный сѣлъ въ лодку Наполеонъ съ Бертье, Дюрокомъ, Савари и русскимъ офицеромъ, присланнымъ къ нему отъ Императора Александра и находившимся при немъ во время битвы. Всѣ молчали, когда Наполеонъ обратился къ русскому офицеру и воскликнулъ: «Видишь ли, молодой человѣкъ, какъ проигрываютъ битвы?» Онъ опять замолчалъ, и когда вышли на берегъ, едва могъ идти отъ усталости, опираясь на руку Савари. Достигнувъ Эберсдорфа, онъ

бросился на солому и уснулъ мертвымъ сномъ. Почти двое сутокъ онъ не спалъ, но черезъ часъ былъ онъ уже опять на лошади. Первою заботою его была отправка снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ на Лобау, гдѣ стѣснены были тогда артиллерія, раненные, конница и пѣхота, безъ хлѣба и безъ фуража. Солдаты почти двое сутокъ не ѣли ничего, кромѣ сухарей, бывшихъ въ ранцахъ. Между тѣмъ поспѣшно приступили къ починкѣ моста. Къ счастью, въ тотъ день явились въ Вѣну 1200 матросовъ и ремесленный морской батальонъ, которыхъ велѣлъ отправить Наполеонъ изъ Антверпена, предвидя въ нихъ надобность. Собрали отвсюду суда и лодки, подѣлали плоты, привезли запасные понтоны и строительные матеріялы изъ Вѣны. Тысячи народа принялись работать. Суда и бревна, которыя не переставалъ пускать непріятель по Дунаю, не причиняя вреда, послужили въ пользу: ихъ перехватывали и употребляли на постройку моста. Наполеонъ являлся повсюду, и черезъ сутки мостъ былъ готовъ. Войско перешло черезъ него, оставя отрядъ на Лобау и уставивъ берега его баттареями. Раненныхъ еще прежде перевезли въ лодкахъ. Австрійцы занимали лѣвый берегъ, но не двигались съ мѣста и не препятствовали удаленію Французовъ.

Такова была Эсслингская, или Асперnская битва (какъ называли ее Австрійцы). Ни одна изъ битвъ Наполеона и эрцъ-герцога Карла не подвергалась болѣе укорительнымъ порицаніямъ. Обвиняли Наполеона за безразсудную отвагу переходить Дунай въ виду ста

тысячъ непріятелей, забывая о полноводьи Дуная, о средствахъ отступленія, ведя войска на явную гибель. Хваля ловкость, съ какою эрцъ-герцогъ Карлъ скрылъ соединеніе своей арміи, его обвиняли, что онъ не старался усилить нападенія 21-го Мая, допустилъ непріятеля переправиться обратно на Лобау, и особенно, что далъ спокойно возобновить мостъ съ Лобау, и два дня не только не безпокоилъ Наполеона, но даже не двинулся съ мѣста. «Наполеона побѣдилъ не эрцъ-герцогъ Карлъ, но генералъ Дунай,» говорили его непріятели.

Если въ чемъ можно было обвинять Наполеона, то, безспорно, въ излишней самонадѣянности и горделивомъ презрѣніи непріятеля, когда онъ самъ считалъ на войнѣ первымъ правиломъ, что никогда не должно презирать самаго ничтожнаго врага. Онъ слишкомъ обнадѣялся на побѣды 19 — 23 Апрѣля, на робость, какую онѣ должны были произвесть въ непріятелѣ, на храбрость войскъ своихъ. Внезапное полноводье Дуная была несчастная случайность; но самонадѣянность Наполеона не оправдалась ли его дѣятельностью и хладнокровіемъ при неудачѣ, его находчивостью при отступленіи, мужествомъ войска, котораго не могли сломить Австрійцы, и нерѣшительностью эрцъ-герцога Карла, слѣдовавшею послѣ битвы?

Справедливо было сказано, что еслибы на мѣстѣ эрцъ-герцога Карла былъ Наполеонъ, а вмѣсто Французовъ были бы у Наполеона Австрійцы — побѣда не поколебалась бы, и все было бы рѣшено гибелью. Но

едва ли здѣсь не должны кончиться обвиненія. Отдавали справедливость эрцъ-герцогу Карлу за устройство австрійскаго войска, послѣ отступленія его въ Богемію, за возбужденіе духа его, за искусное сокрытіе соединенія войскъ противъ Лобау, за храбрость въ битвѣ, гдѣ онъ не щадилъ себя, и за изобрѣтеніе простыхъ средствъ уничтожить мосты. Но можно ли было оправдать двухдневное бездѣйствіе его послѣ Эслингской битвы? Надлежало, говорили обвинители, испытать нападеніе, и по крайней мѣрѣ, имѣя до 300 орудій, начать усиленную канонаду съ лѣваго берега и тѣмъ нанесть вредъ непріятелю, стѣсненному на Лобау. Эрцъ-герцогъ Карлъ оправдывался въ послѣднемъ обвиненіи тѣмъ, что у него «не было снарядовъ» *) послѣ ужасной растраты ихъ въ битвѣ; но что касается до нападенія, оно было дѣломъ слишкомъ отважнымъ. Надлежало переправиться черезъ протокъ Дуная, не менѣе 70 саженъ шириною, въ виду непріятеля, и выбить его изъ лѣсистаго острова, когда Наполеонъ успѣлъ уже снабдить артиллерію снарядами; храбрость непріятеля была уже испытана по два дня, и отчаяніе придало бы ему новыя силы. Самое

---

*) Такъ сказалъ онъ Императору Александру, когда, въ 1815 г., вмѣстѣ съ нимъ обозрѣвалъ поле Эсслингской битвы. Подъѣхавъ къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, и слушая разсказъ, что, пріѣхавъ въ Эберсдорфъ, онъ заснулъ крѣпко — «Странный человѣкъ!» сказалъ Императоръ Александръ, «поручаетъ другому свою погибающую армію, а самъ ѣдетъ отдыхать и спитъ!»

разстройство непріятеля было не вполнѣ извѣстно, а Наполеонъ стоялъ съ свѣжими войсками на противномъ берегу, и не остался бы только зрителемъ битвы. Эрцъ-герцогъ Карлъ полагалъ, что довольно было кроваваго урока, и предоставлялъ себѣ, въ скоромъ времени, гораздо болѣе вѣрные и легкіе способы довершить свои успѣхи.

Надобно также принять въ соображеніе разстройство войскъ его отъ ужасной потери въ Эсслингской битвѣ. У Австрійцовъ было убито (по ихъ донесеніямъ) *восемдесятъ* офицеровъ и *четыре тысячи сто девяносто девять* солдатъ; ранено *двѣнадцать* генераловъ, *шестьсотъ шестьдесятъ два* офицера и *пятнадцать тысячь шесть сотъ пятьдесятъ одинъ* солдатъ. Всѣ трофеи ихъ составляли 2 генерала и нѣсколько сотъ солдатъ и офицеровъ плѣнныхъ, 5000 раненныхъ, поднятыхъ на полѣ сраженія, 3 пушки и 7 зарядныхъ ящиковъ. Французы потеряли убитыми 4-хъ генераловъ и 7000 офицеровъ и солдатъ; кромѣ доставшихся Австрійцамъ, вѣнскіе госпитали завалены были раненными, и по Дунаю несло множество изувѣченныхъ труповъ. Но, кажется, что слишкомъ преувеличили потерю Наполеона, полагая ее въ 30,000 убитыми, раненными и плѣнными.

«Наполеонъ побѣжденъ!» таковъ былъ тайный шопотъ и явный кликъ во всей Европѣ. Онъ не могъ оспорить ихъ, указывая на побѣду, ибо при извѣстіи объ Эсслингѣ забыты были Экмюль, Ландсгутъ и Регенсбургъ. Не вѣрили неполнотѣ успѣха Австрійцовъ,

преувеличивали его, славили эрцъ-герцога Карла, и ждали освобожденія Вѣны и возстанія Германіи, о началѣ коего скоро заговорили повсюду. Слухи, неблагопріятные Наполеону, казались тѣмъ болѣе достовѣрными, что онъ не противорѣчилъ имъ какими нибудь громкими успѣхами.

Мы уже говорили, что, соединивъ главныя силы на Дунаѣ, Австрійцы въ то же время готовились вступить въ Саксонію, Варшавское Герцогство, Тироль, Италію и Далмацію.

Предводя 50-ю тысячами, эрцъ-герцогъ Іоаннъ шелъ къ Адижу изъ Карніоліи на Фріуль. Вице-король Евгеній, при пособіи Гренье и Макдональда, встрѣтилъ его на Піавѣ съ 45-ю тысячами. Не сождавъ всѣхъ своихъ войскъ, вице-король сразился между Сассилемъ и Парденопе, Апрѣля 16-го, принужденъ былъ уступить, остановился на Піавѣ и отошелъ къ Веронѣ, оставя гарнизоны въ Пальма-Нуовѣ и Венеціи. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ не пользовался успѣхомъ, ждалъ извѣстій съ Дуная, и довольствовался распространеніемъ своихъ прокламацій въ Италіи, возглашая свободу и независимость. «Итальянцы!» говорилъ онъ, «внемлите гласу разума и истины. Они убѣдятъ васъ, что вы рабы Франціи, за которую расточаете ваше золото и вашу кровь! Королевство Итальянское мечта, пустое имя. Конскрипція, налоги, угнетеніе, ничтожество политическое — вотъ ваша дѣйствительность. Хотите ли быть Итальянцами? Соедините силы, руки и сердца съ оружіемъ императора

Франца. Не для завоеваній идетъ къ вамъ его могущественная армія, но для возвращенія вамъ независимости, содѣланія счастливою Италіи, возвращенія свободы начальнику нашей религіи, дарованія вамъ конституціи, основанной на справедливой политикѣ, которая содѣлаетъ Италію независимою, счастливою и недоступною власти чужеземцовъ. Таковы обѣщанія вамъ императора Франца, а его слова священны!»

Удерживаемые привычкою повиновенія, страхомъ наказанія и всего болѣе ненавистью къ Австрійцамъ, Итальянцы не внимали призывамъ и обѣщаніямъ. Тѣмъ сильнѣе вняли имъ Тирольцы, гдѣ все издавна готовилось къ возстанію. Строгія мѣры, принимаемыя Баварцами, усиливали ненависть тирольскихъ горцовъ, подкрѣпляемую католическими монахами. Тайныя сходбища заговорщиковъ бывали у содержателей гостинницъ, изъ коихъ особливо отличался *Андрей Гоферъ*, Вильгельмъ Тель тирольскій, подобно ему богатырь и отважный стрѣлокъ. Капуцинъ Гаспингеръ былъ его другомъ, совѣтникомъ и переносчикомъ вѣстей между заговорщиками. Тирольцы едва могли дождаться желаннаго знака. Сближеніе австрійскаго корпуса, предводимаго маркизомъ Шателеромъ, нѣкогда бывшимъ начальникомъ штаба при Краѣ и Суворовѣ, и воззванія его и генерала Ялловича, подняли весь Тироль. «Тирольцы!» восклицалъ Ялловичъ, «васъ призываетъ вашъ законный государь, вашъ отецъ. Сердце его обливается кровью, видя васъ подъ чуждою властью! Содѣлайтесь снова дѣтьми Австріи. Съ нами

Богъ! Ни что не устоитъ противъ насъ, если мы соединимся! Братья, мы зовемъ васъ въ объятія отца! Тирольцы! Европа и отечество взираютъ на васъ!» Огни загорѣлись на горахъ маяками сбора; тысячи пастуховъ и охотниковъ тирольскихъ сбѣжались отвсюду, и, предводимые Гоферомъ и Гаспингеромъ, ихъ товарищами и австрійскими офицерами, всюду били, рѣзали и погубили болѣе 4000 Баварцовъ и Французовъ; 2000 французскихъ солдатъ, съ генераломъ Биссономъ, были обхвачены со всѣхъ сторонъ и истреблены. Безпорядочными, буйными толпами вторглись мятежники въ Форальбергъ, пробрались даже въ Баварію и въ Италію, такъ, что отряды ихъ достигали Мюнхена и Вероны. Шателеру легко было послѣ того овладѣть Тиролемъ и открыть сообщенія съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ. Отдѣливъ три дивизіи наблюдать движеніе Мармона изъ Далмаціи, Іоаннъ обложилъ Венецію и Пальма-Нуову и укрѣпился въ позиціи при Калдіеро. Но торжество Шателера и эрцъ-герцога Іоанна было не продолжительно. Вскорѣ услышали они о дунайскихъ побѣдахъ Наполеона, походѣ Лефевра въ Тироль, усиленіи войскъ вице-короля Евгенія, походѣ Мармона на сообщенія съ Вѣною, и испуганный быстрою перемѣною обстоятельствъ, вопреки повелѣніямъ изъ Вѣны, эрцъ-герцогъ Іоаннъ почелъ за необходимое отступать и сближаться къ австрійской столицѣ. Вице-король преслѣдовалъ его, въ слѣдъ за нимъ переправился за Піаву, и Мая 8-го поразилъ его въ упорной битвѣ, гдѣ былъ убитъ австрійскій генералъ Вольфскель. Австрійцы потеряли

до 8000, отступили за Тальяменто и удалились въ Норическія Альпы черезъ Феллу. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ считалъ себя безопаснымъ только въ Виллахѣ, оставя отряды въ недоступныхъ мѣстахъ у Мальборгетто, Тарвиса и Пределя. Битвы начались въ сихъ мѣстахъ, памятныхъ зимнимъ походомъ Наполеона въ 1797 году. Мая 17-го вице-король и Греньe отняли у Австрійцовъ Мальборгетто, заняли Флитчъ, Тарвисъ и Предель. Макдональдъ, выступившій къ Лайбаху для сближенія съ Мармономъ, легко овладѣлъ Лайбахомъ и Превальдскою крѣпостью, гдѣ сдались 5000 Австрійцевъ. Отрядъ, посланный изъ Пальма-Нуовы, занялъ Тріестъ, отрѣзалъ сообщенія съ моремъ и съ Англичанами; Мармонъ, тѣснимый до тѣхъ поръ генераломъ Штойквицомъ, съ 8000-мъ корпусомъ, Княжевичемъ, стоявшимъ съ кроатскою милиціею въ Аграмѣ, Цахомъ, занявшимъ Капо д'Истріа, принужденъ былъ остановить свое движеніе; но успѣхи вице-короля развязали ему руки. Мая 19-го эрцъ-герцогъ Іоаннъ получилъ приказъ эрцъ-герцога Карла идти изъ Виллаха на Дунай къ Линцу и тамъ соединиться съ Коловратомъ. Вопреки волѣ главнокомандовавшаго, онъ почиталъ возможнымъ только удаленіе на Грацъ, куда велѣлъ идти Іеллахичу, стоявшему близъ Зальцбурга и соединявшему армію его съ корпусомъ Гиллера.Еррасъ и Дюрютъ, Мая 25-го, перехватили путь Іеллахичу у С. Михеля, разбили его и отбросили на Леобенъ, съ потерею до 5000; другіе обломки корпуса его обратились въ Грацъ; эрцъ-герцогъ Іоаннъ не смѣлъ оста-

новиться здѣсь, отступилъ къ Кормонду, и здѣсь, Мая 27-го, узналъ о битвѣ асперпской. Оставляя его въ покоѣ, вице-король обратился отъ Граца на Зоммерингъ, и 26-го соединился съ отрядами Даву, посланными изъ Нейштадта. Рускѣ поручено охранять Каринтію, Брусье взять Грацъ и защищать Штирію. Вице-король собралъ главныя силы свои въ Зоммерингѣ.

Дѣйствія вице-короля и отступленіе эрцъ-герцога Іоанна встревожили Шателера; но онъ не хотѣлъ уступить. Раздраженный свирѣпствомъ и безчеловѣчіемъ Тирольцовъ, Наполеонъ объявилъ ихъ бунтовщиками и приказалъ разстрѣливать всѣхъ, кто не покорится немедленно, или будетъ захваченъ съ оружіемъ въ рукахъ. Приказомъ Бертье было возвѣщено, что *нѣкто* Шателеръ, «*называющій себя генераломъ австрійской службы*, возмутитель Тироля и виновникъ побіенія Французовъ и Баварцовъ, захваченныхъ имъ въ плѣнъ, объявляется внѣ всѣхъ правъ народныхъ, долженъ быть, если попадется въ плѣнъ, судимъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ въ 24 часа, какъ *атаманъ разбойниковъ*.» Эрцъ-герцогъ Карлъ отвѣчалъ на приказъ Бертье объявленіемъ, что за Шателера будутъ немедленно разстрѣляны взятые подъ Асперномъ генералы Фулеръ и Дюронель. Наполеонъ возразилъ новымъ приказомъ, что, въ случаѣ смерти двухъ генераловъ его, немедленно разстрѣляетъ онъ четырехъ плѣнныхъ генераловъ, князя Коллоредо и графовъ Меттерниха, Гадгена и Пергенъ. Съ 24-мя тысячами, Лефеврь устремился черезъ Зальцбургъ, отбросилъ къ Раштадту

остатки Іеллахича, черезъ Куфштейнъ вступилъ въ Тироль, и здѣсь началось обоюдное убійство, ибо нельзя было назвать *войною* остервенѣлыхъ дракъ между Тирольцами, бившимися за каждый утесъ, и Французами и Баварцами, мстившими за вѣроломное погубленіе товарищей, и знавшими, что неукротимый непріятель не дастъ пощады плѣннымъ. Дрались жены и дѣти. Французы жгли селенія, разстрѣливали, вѣшали безъ пощады. Выгнанный изъ дефилей при Ловерѣ, С. Іоганнѣ и Фейерзингерѣ, разбитый при Воргелѣ и Швантцѣ, Шателеръ удалился къ Бреннеру и здѣсь получилъ приказъ очистить Тироль и идти въ Каринтію. Онъ предложилъ Лефевру условиться объ его отступленіи. Лефевръ прислалъ ему, вмѣсто отвѣта, приказъ Бертье объ его осужденіи. Шателеръ началъ отступленіе, преслѣдуемый Лефевромъ, безъ боя занявшимъ, Мая 19-го, Инспрукъ. Несчастные Тирольцы увидѣли себя оставленными, покорились и просили пощады. Депутація ихъ отправилась въ Мюнхенъ. Ужасы мести прекратились.

Тироль, вѣрный слышанному имъ призванію, исполнилъ надежду, служившую главнымъ основаніемъ дѣйствій Австрійцовъ въ войнѣ съ Наполеономъ. Ожидали, что народы Пруссіи и сѣверной Германіи также исполнятъ свои обѣщанія. Но робость жителей Пруссіи, удаленіе Штейна, строгія мѣры Наполеона и его союзниковъ, несогласіе въ планахъ и, наконецъ, рѣшительный отказъ прусскаго монарха отъ союза и возстанія послѣ побѣдъ на Дунаѣ, разрушили всѣ пред-

положенія. Напрасно, послѣ асперискаго сраженія, въ Кентебергъ, куда возвратился тогда прусскій король изъ Россіи, пріѣхалъ австрійскій агентъ, полковникъ Штейгентешъ, умоляя о союзѣ и народномъ возстаніи; король не рѣшался, не вѣрилъ успѣхамъ австрійскимъ, сомнѣвался, что при первой неудачѣ Австрія оставитъ его мщенію Наполеона. Кромѣ опасенія мести, онъ хотѣлъ еще знать, чѣмъ, при успѣхѣ, вознаградятъ Пруссію и какая будетъ послѣ того судьба Германіи? Ему отвѣчали, что *возобновленіе прежняго порядка дѣлъ* будетъ принято правиломъ. Король возразилъ, что почитаетъ такое условіе невозможнымъ. Усиленіе Австріи и возстановленіе Римской Имперіи страшило его не менѣе владычества Наполеонова. Онъ предложилъ, что за союзъ возвратятъ ему польскія области, Байрейтъ, Аншпахъ, всѣ уступки его Наполеону и, кромѣ того, отдадутъ еще Ганноверъ и часть Саксоніи. Переговоры ни чѣмъ не рѣшались. «Продолжите войну, нанесите еще ударъ — и я вашъ союзникъ», говорилъ король. «Я буду готовиться. Теперь у меня нѣтъ ни оружія, ни пороху. Можете надѣяться на мою дружбу, и если я приду съ войскомъ, то приду *не одинъ*. Охотно позволяю я моимъ подданнымъ служить въ вашемъ войскѣ, посылаю хлѣбъ въ Польшу вашимъ войскамъ и повторяю вамъ: *еще ударъ — и я вашъ*!» — «Можете вѣрить моимъ желаніямъ союза съ Австріею,» говорила королева, «но я мать девятерыхъ дѣте и должна прежде всего думать объ ихъ участи!»

Пруссія ждала рѣшенія, волновалась ожиданіями,

и общій ропотъ осуждалъ короля за его нерѣшительность. Генералы, офицеры, солдаты тайно уходили къ Австрійцамъ. Оппозиція была столь сильна, что тайныя общества рѣшились наконецъ дѣйствовать безъ согласія королевскаго. Члены ихъ, генералы и офицеры, собрались въ Берлинъ. Кромѣ Калкрейта и Блюхера, Каттъ, родственникъ друга Фридрихова, и Шилль, были душею народнаго движенія. Они сносились съ полковникомъ вестфальскимъ Дорнбергомъ, обѣщавшимъ захватить Іеронима, съ герцогомъ брауншвейгъэльскимъ, приготовившимъ свои полки, съ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ въ Польшѣ, съ Амъ-Энде, вступившимъ въ Саксонію, съ Радивоевичемъ, шедшимъ во Франконію, съ Стадіономъ, съ Англичанами, съ оранжистами голландскими, и явно переговаривали съ австрійскимъ повѣреннымъ въ Берлинѣ, барономъ Гольцомъ. Шарнгорстъ пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ уже были Лестокъ и Тауэнцинъ. Шилль ежедневно училъ полки за городомъ и возбуждалъ мужество солдатъ. Принцъ оранскій отправился въ главную армію австрійскую. Нетерпѣніе заговорщиковъ было таково, что еще при первомъ извѣстіи о войнѣ Австрійцовъ, Каттъ явился у Магдебурга съ отрядомъ солдатъ и волонтеровъ. Имѣя тайныхъ друзей въ крѣпости, онъ уговорился, что ночью они впустятъ его въ крѣпость, обезоружатъ и перебьютъ гарнизонъ и учредятъ въ Магдебургѣ главное мѣсто возстанія. Заговоръ былъ открытъ. Отрядъ Катта встрѣтили пальбою, разсѣяли его, и Каттъ едва спасся въ Богемію.

Король прусскій спѣшилъ оправдаться передъ Наполеономъ, приписывая все своевольному безумію Катта. Но черезъ двѣ недѣли возмущеніе вспыхнуло въ Гессенѣ. Нѣсколько тысячь крестьянъ и волонтеровъ собрались близъ Касселя. Подозрѣвая въ умыслѣ Дорнберга, велѣли арестовать его. Онъ бѣжалъ и принялъ начальство надъ мятежниками. Въ бумагахъ его нашли письма Катта и Шилля. Немедленно послали о томъ извѣстіе въ Пруссію. Видя неминуемую гибель, Шилль не медлилъ: онъ возмутилъ гарнизонъ берлинскій; 600 гусаровъ его полка перешли къ нему, и Апрѣля 28-го торжественно выѣхалъ онъ изъ Берлина; 300 гусаровъ присоединились къ нему на пути. Выѣздъ Шилля сопровождался искреннимъ восторгомъ жителей Берлина. Ожидали, что услышатъ о всеобщемъ возстаніи Германіи, и вскорѣ услышали о гибели Шилля. Обратившись къ Магдебургу, онъ потребовалъ сдачи его. Услышавъ отказъ и не имѣя силъ взять крѣпость приступомъ, ни времени, ни средствъ осаждать ее, Шилль бросился къ Гессену, всюду призывая къ оружію. Никто не хотѣлъ слышать его призыва, тѣмъ болѣе, что гусары его грабили, разбойничали, собирали контрибуцію. Онъ узналъ въ одно время о томъ, что король прусскій объявилъ его бѣглецомъ, велѣлъ судить заочно и даже предалъ суду Лестока и Тауэнцина за слабое содержаніе порядка въ Берлинѣ, и что Наполеонъ объявилъ его разбойникомъ, а Іеронимъ положилъ цѣну за его голову. Еще страшнѣе было извѣстіе, что Дорнбергъ былъ разбитъ генера-

ломъ Эбле и едва могъ убѣжать въ Богемію. Возмущеніе Гессена укротилось. Шилль, имѣя уже нѣсколько тысячь солдатъ и отчаянныхъ бродягъ, въ нерѣшительности остановился у Дамица. Слыша, что противъ него идутъ голландскіе и вестфальскіе отряды, онъ бѣжалъ, бродилъ безъ цѣли въ разныя стороны и наконецъ укрылся въ Стральзундѣ. Здѣсь окружили его; Шилль защищался отчаянно и былъ убитъ. Сообщники его разсѣялись. Захваченныхъ въ плѣнъ судили; главныхъ отчасти разстрѣляли, отчасти сослали на галеры. Военная коммисія прусская осудила Шилля заочно на смерть; безславіе и позоръ покрыли память удальца, который при успѣхѣ прослылъ бы народнымъ героемъ.

Побѣды Наполеона на Дунаѣ остановили вторженіе Австрійцовъ въ Саксонію и Франконію и предпріятія герцога брауншвейгскаго. Но едва услышалъ герцогъ о наступательномъ движеніи Австрійцовъ къ Вѣнѣ, какъ выступилъ съ своими войсками и *смертоноснымъ* или *чернымъ легіономъ*, своею гвардіею. Легіонъ составляли самыя удалыя головы. Всѣ они, и самъ герцогъ, были въ черныхъ мундирахъ, съ изображеніемъ мертвыхъ головъ на каскахъ и сѣдлахъ, и давали обѣтъ умереть сражаясь. Герцогъ вошелъ въ Лузацію, возглашая народную свободу: «Германцы! мы идемъ разорвать ваши цѣпи! Насталъ часъ избавленія! Изгладимъ стыдъ и позоръ нашъ!» Король прусскій объявилъ, что герцогъ поступаетъ своевольно и велѣлъ конфисковать его эльское герцогство.

Саксонцы съ генераломъ Тильманомъ напали на него; никто не присталъ къ нему, и герцогъ, съ своимъ смертоноснымъ легіономъ, подобно другимъ, бѣжалъ въ Богемію. Асперская битва возобновила надежды освободителей Германіи. Амъ-Энде открылъ наконецъ военныя дѣйствія. Онъ вступилъ въ Саксонію, призывая къ возстанію. Въ авангардѣ его шелъ легіонъ брауншвейгскаго герцога. Не имѣя силъ противиться, король саксонскій оставилъ Дрезденъ, протестуя противъ возмутительныхъ прокламацій Австріи, побуждающихъ Саксонію къ мятежу. Австрійцы заняли Дрезденъ и Лейпцигъ, и король саксонскій удалился во Франкфуртъ. Радивоевичъ, выступя изъ Эгра, занялъ Байрейтъ и Нюренбергъ, повсюду возмущая жителей. Еще важнѣе были дѣла въ Польшѣ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ вступилъ въ Герцогство Варшавское съ 36,000 войска. Понятовскій встрѣтилъ его у Рацина, съ 12,000, храбро бился, и ночью отступилъ въ Варшаву. Австрійцы приблизились туда, Мая 20, и предложили очистить Варшаву, безъ боя. Понятовскій согласился, но Австрійцы вошли въ городъ при глубокомъ безмолвіи жителей. Войско польское укрылось въ Прагѣ; правительство варшавское удалилось въ Тикочинъ. Жители не скрывали ненависти. Никто не являлся къ эрцъ-герцогу, и не только Варшавское Герцогство, но даже австрійская Польша страшно волновались. Получая извѣстія о побѣдахъ Наполеона, Варшавцы не скрывали своей радости, даже освѣщали домы и пѣли Te Deum въ церквахъ. Австрійцы устроили черезъ

Вислу мостъ въ Горахъ. Генералъ Моръ двинулся къ Прагѣ. Понятовскій разбилъ его при Гроховѣ, а Пеллетье и Сокольницкій разрушили горскій мостъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ не успѣвалъ нападенія и медленно потянулся къ Модлину.

Удаленіе эрцъ-герцога Іоанна отъ Италіи, укрощеніе Тироля, отказъ Пруссіи принять участіе въ предпріятіяхъ Катта, Шилля и герцога брауншвейгскаго и несогласіе на союзъ съ Австріею, легкое утишеніе бунта кассельскаго, вѣрность королей саксонскаго, виртембергскаго и другихъ членовъ Рейнскаго Союза, при спокойствіи жителей Германіи и усердіи Поляковъ — безопасили Наполеона и разсѣяли опасенія его о народномъ возстаніи; но онъ тщательно принималъ мѣры предохранительныя. Жюно и Лагранжу велѣно собирать войска на Майнѣ и въ Аугсбургѣ, и дѣйствовать соединенно съ Вестфальцами и Виртембергцами въ Саксоніи и Франконіи. Опасаясь, что движеніе эрцъ-герцога Фердинанда къ Модлину имѣетъ цѣлью не Польщу, но Пруссію, и соединенное дѣйствіе въ Саксоніи, Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться усердіемъ Поляковъ и встревожить имъ Австрійцовъ. Понятовскому велѣно было идти въ австрійскую Польшу и произвесть тамъ возстаніе. Приказаніе исполнено было столь удачно, что вся австрійская Польша принялась за оружіе. Понятовскій занялъ Люблинъ, Сокольницкій овладѣлъ Сандомиромъ, Пеллетье взялъ приступомъ Замостье, Домбровскій собиралъ легіоны въ Познани. Устрашенный

столь неожиданнымъ народнымъ движеніемъ, эрцъ-герцогъ Фердинандъ спѣшилъ возвратиться въ Галицію. Іюня 2-го Зайончекъ вступилъ въ освобожденную Варшаву, преслѣдовалъ Австрійцовъ и разбилъ отрядъ ихъ на Пилицѣ. Фердинандъ окружилъ Сокольницкаго въ Сандомирѣ, но былъ отбитъ, и согласился дозволить защитникамъ свободный выходъ. Зайончекъ укрѣпился въ Горахъ, Понятовскій въ Пулавахъ. Австрійцы не только не смѣли нападать, но отступили къ Кракову, и Понятовскій началъ наступательное движеніе, усиленный польскою милиціею. Робость Австрійцовъ объяснялась всего болѣе тѣмъ, что въ началѣ Іюня въ Галицію вступили русскія войска.

Непреклонный въ союзѣ, коего не могли поколебать ни убѣжденія Шварценберга, ни тайные переговоры съ прусскимъ королемъ, когда Австрійцы отвергли посредничество и ручательство Россіи, Императоръ Александръ объявилъ, что исполняя договоры съ императоромъ Наполеономъ, будетъ помогать ему оружіемъ. — Едва получены были въ Петербургѣ извѣстія о походѣ Австрійцовъ, Шварценбергу объявлено, что всѣ сношенія Россіи съ Австріею прекращены. Послу русскому велѣно выѣхать изъ Вѣны; «миръ между Франціею и Австріею, издавна сомнительный, разрушенъ,» сказано было въ объявленіи Россіи, Мая 4-го. «Вооруженія Австріи довели къ войнѣ. Россія не могла видѣть ихъ равнодушно, старалась предупредить, предлагала посредничество. Австрія увѣряла, что вооруженіе ея только охрани-

тельное. Событія показали, какъ невѣрны были сіи увѣренія: мѣры защитительныя оказались наступательными. Мѣсто робости заступили честолюбивые замыслы. Безъ объявленія войны, Австрія заняла чуждыя области. Австрія знаетъ, какъ поступитъ въ семъ случаѣ Россія. Она хочетъ лучше отказаться отъ дружбы ея, начиная войну на ея предѣлахъ, нежели отречься отъ честолюбивыхъ замысловъ.» Князь С. О. Голицынъ былъ назначенъ главнокомандующимъ корпуса, собиравшагося на границахъ австрійскихъ. Онъ объявилъ о началѣ военныхъ дѣйствій и вступилъ въ Галицію. «Россія не могла видѣть равнодушно войны между Австріею и Франціею. Все сдѣлано было для ея прекращенія. Австріи объявлено, что, въ силу договоровъ, Россія соединится съ Франціею. Долго скрывая свои приготовленія, подъ предлогомъ мѣръ для защиты, открытымъ нападеніемъ своимъ Австрія явила наконецъ свои горделивые замыслы. Россія прервала съ нею сношенія. Русскія арміи вступаютъ въ Галицію и будутъ отражать силу силою. Но мы идемъ не врагами къ вамъ, мирные жители Галиціи, мы не разрушимъ спокойствія вашего. Такова священная воля Россійскаго Монарха!» — Но здѣсь вскорѣ встрѣтились недоумѣнія. Русскія войска, по многимъ важнымъ причинамъ, не могли двигаться скоро. Наполеонъ предложилъ идти въ Саксонію и дѣйствовать въ тылъ Австрійцамъ. Александръ не согласился и сказалъ, что войска его должны занять Галицію. Такой отзывъ пробудилъ подозрѣнія Наполеона. Напрасно Але-

ксандръ продолжалъ дружескія сношенія. Армія К. Голицына простиралась до 70000. Неудовольствія начались послѣ сего съ обѣихъ сторонъ. Воззванія Понятовскаго, возглашаемыя во имя Польши, возбудили жалобу Россіи. Александръ напомнилъ, что онъ не позволитъ усиленія Варшавскаго Герцогства, и что если Австрія должна искупить свое спасеніе уступкою областей, Галиція можетъ быть отдана Россіи, но отнюдь не Саксоніи. Наполеонъ оскорбился, жаловался, что русскія войска, занявшія Галицію, не допускаютъ тамъ набора польскихъ войскъ; что Сокольницкій, осажденный въ Сандомирѣ, тщетно требовалъ помощи русскихъ генераловъ. Австрійцы пользовались возникавшими недоумѣніями, строго запретили сражаться съ Русскими, и эрцъ-герцогъ Фердинандъ увѣдомилъ даже русскихъ генераловъ, что «Австрія не воюетъ съ Россіею, и если будутъ наступательныя дѣйствія со стороны русской, Австрійцамъ приказано уступать безъ боя.» Одинъ изъ русскихъ генераловъ, князь Горчаковъ, родственникъ Суворова, нѣкогда соратникъ Австрійцовъ на поляхъ Италіи, отвѣчалъ Федринанду, что Русскіе также не враги Австрійцамъ и нетерпѣливо ждутъ, когда соединенно съ ними будутъ сражаться противъ ихъ общаго врага. Письмо Горчакова было передано Австрійцами Наполеону. Онъ отослалъ его Императору Александру, приказывая сказать, что подобный поступокъ не могъ быть учиненъ безъ тайной воли правительства; что если Франція не помогала Россіи воевать съ Швеціею, то потому только,

что помощь была не нужна, и довольно было того, что она допустила Россію взять Финляндію, какъ допускаетъ овладѣть Молдавіею и Валахіею; что медленность движенія русскихъ войскъ и письмо Горчакова показываютъ расположеніе Россіи. Александръ показалъ Коленкуру строгія повелѣнія, данныя Голицыну, идти и дѣйствовать наступательно. Горчаковъ былъ преданъ военному суду, но ничто не могло разсѣять подозрѣнія, запавшаго въ душу Наполеона.

Наполеонъ былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ искренней дружбѣ своего союзника. Увидимъ далѣе тайныя причины поступковъ Александра, требовавшія осторожности при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какія была поставлена Россія, истощенная трехлѣтнею войною съ Наполеономъ; она вела тогда упорную войну на югѣ и на сѣверѣ. Послѣ трактата съ Англіею, въ непріязни Султана не оставалось сомнѣнія. Императоръ Александръ усилилъ армію Прозоровскаго до 80-ти тысячь и потребовалъ, чтобы англійскій посолъ былъ немедленно высланъ изъ Царьграда. Послѣ нерѣшительнаго отвѣта, Прозоровскій началъ военныя дѣйствія. Ему было предписано немедленно перейдти за Дунай. Турки были готовы встрѣтить его, соединивъ до 80-ти тысячь войска, изъ коихъ половина засѣла въ крѣпостяхъ дунайскихъ. Битвы начались неудачнымъ приступомъ Милорадовича къ Журжѣ, Марта 12-го. Прозоровскій двинулся на Браиловъ, думалъ взять его приступомъ, и безполезно потерялъ до 5000, Апрѣля 19-го. Неудачи

привели его, больнаго и слабаго, въ совершенное уныніе. Императоръ Александръ утѣшалъ его, и съ тѣмъ вмѣстѣ приказывалъ не только переходить Дунай, но идти прямо къ Царьграду. «Когда въ наше время переходятъ Альпы и Пиренеи,» писалъ онъ, «Балканы не могутъ быть намъ преградою.» Исполненіе столь смѣлаго плана привело стараго полководца въ большое затрудненіе. Онъ представлялъ, что выполненіе приказанія невозможно, даже потому, что Австрія можетъ соединиться съ Турками. Опровергая мысль несообразную, Александръ подтверждалъ свои распоряженія; но Прозоровскій медлилъ, даже не посылалъ пособія Сербамъ, отправилъ наконецъ небольшой отрядъ, и получилъ извѣстіе о новомъ неудачномъ приступѣ къ крѣпости Кладовской, Іюля 9-го. Въ началѣ Августа русскія войска пошли за Дунай; Прозоровскій переѣхалъ за ними почти умирающій, и черезъ три дня скончался, Августа 18-го.

Также дѣятельно желалъ Императоръ Александръ окончить войну съ Швеціею, и встрѣчалъ медленность и нерѣшительность въ своихъ полководцахъ. Видя упорство Густава Адольфа, онъ приказывалъ войскамъ идти около Ботническаго залива въ Швецію, и посылая приказъ Прозоровскому переходить Балканы, послалъ приказъ Буксгевдену зимою идти по льду прямо къ Стокгольму. Его смѣнили, препоручили начальство Кноррингу, который донесъ о невозможности исполнить предполагаемое предпріятіе Александръ былъ непреклоненъ, смѣнилъ трехъ корпус-

ныхъ командировъ, послалъ въ Финляндію военнаго министра Аракчеева — и воля его была исполнена. Въ жестокіе холода, графъ Шуваловъ пошелъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Торнео. Страхъ овладѣлъ Шведами такъ, что 7000 войска ихъ, съ 22 орудіями, сдались въ плѣнъ безъ боя, и Шуваловъ безпрепятственно шелъ далѣе. Между тѣмъ Барклай де-Толли перешелъ по льду Ботническій заливъ, изъ Вазы къ Умео, и занялъ его безъ битвъ. Всего страшнѣе Шведамъ былъ походъ Багратіона. Съ 16-тью тысячами пошелъ онъ по льду на Аландскіе острова, занялъ ихъ и, Марта 7-го, отважный наѣздникъ Кульневъ явился на шведскихъ берегахъ и овладѣлъ Гриссельгамомъ, въ ста верстахъ отъ Стокгольма. Только нерѣшительность Кнорринга лишила Русскихъ чести занять шведскую столицу, гдѣ не думали защищаться и откуда жители бѣжали толпами. Вскорѣ узнали о событіи неожиданномъ — низверженіи Густава Адольфа. Продолжая свое безразсудное упорство, Густавъ Адольфъ не хотѣлъ ничему внимать, послалъ еще разъ укорительное письмо Александру и требовалъ денегъ и союза Англичанъ, угрожая, при отказѣ, посадить въ тюрьму посла ихъ. Онъ наложилъ даже амбарго на англійскіе корабли. Мерри принужденъ былъ заключить, Марта 1-го, новый договоръ о субсидіяхъ, предвидя скорую развязку жалкой комедіи. Войско шведское было въ бѣдственномъ положеніи, безъ оружія, безъ артиллеріи, безъ одежды, безъ хлѣба, упавшее духомъ. Народъ бунтовалъ. Война 1808 года стоила Швеціи 14 милльоновъ

талеровъ. По плану похода требовалось на войну въ 1809 г. 26 миллiоновъ талеровъ, но цѣнность всей соналичной монеты, обращавшейся въ Швецiи, едва составляла треть сей суммы. Король велѣлъ наложить новую подать, въ 5 миллiоновъ, и насильно сбирать ее. Онъ опасался явиться въ свою столицу и жилъ въ загородномъ дворцѣ Гагѣ. Здѣсь, слыша о появленiи Русскихъ въ Швецiи, онъ сбирался идти сражаться съ ними, когда узналъ, что войска, стоявшiя на норвежскихъ границахъ, возмутились и идутъ къ Стокгольму. Гнѣвъ его перешелъ въ бѣшенство. Онъ отправилъ отрядъ противъ бунтовщиковъ, и самъ спѣшилъ явиться среди оставшихся вѣрными войскъ. Швецiи грозило кровавое междоусобiе. Графъ Клингспоръ, бадачно сражавшiйся въ Финляндiи съ Русскими, баронъ Адлеркрейцъ и другiе генералы и офицеры рѣшились предупредить гибель отечества и принудить короля отказаться отъ безумныхъ затѣй, мириться съ Россiею и спасти Швецiю. Онъ прiѣхалъ тогда въ Стокгольмъ и послалъ забрать всѣ наличныя деньги въ банкахъ. Его не послушались; посланныхъ его прогнали, и Марта 13-го явились къ нему Клингспоръ и другiе заговорщики. «Вы измѣнники!» запальчиво закричалъ Густавъ Адольфъ, выслушавъ ихъ предложенiя. «Нѣтъ, государь, не измѣнники, но вѣрные подданные, желавшiе спасти васъ и отечество,» отвѣчалъ Клингспоръ. Густавъ Адольфъ обнажилъ шпагу и бросился на него. Шпагу вырвали изъ рукъ короля. На крикъ прибѣжали гвардейцы, но ихъ остановили.

Густавъ схватилъ шпагу генерала Стромфельда, бѣжалъ и звалъ солдатъ, но его догнали. Въ отчаянной борьбѣ онъ ранилъ шталмейстера Грипненберга, былъ схваченъ и приведенъ во дворецъ, откуда, подъ стражею, отвезенъ въ замокъ Дроттингольмъ. Онъ казался обезумѣвшимъ, долго говорилъ съ матерью, плакалъ, молился, и 24-го Марта, въ замкѣ Грипсгольмѣ, куда перевезли его, подписалъ странное отрѣченіе отъ престола. *) Низверженіе Густава Адольфа обрадовало всѣхъ. Ненависть къ нему была такъ велика, что не хотѣли передать короны шведской его дѣтямъ. Общее согласіе избрало регентомъ королевства герцога зюдерманландскаго, стараго, бездѣтнаго дядю густавова. Мая 6-го онъ былъ избранъ королемъ на сеймѣ, и

*) Во имя святыя Троицы, мы Густавъ Адольфъ, Божіею милостію король шведскій, объявляемъ: когда, семнадцать лѣтъ тому, мы провозглашены были королемъ, и съ обливающимся кровью сердцемъ наслѣдовали окровавленный тронъ родителя, нѣжно любимаго и чтимаго нами, мы предположили истинную пользу и славу нашего древняго королевства неразлучными съ благомъ народа свободнаго и независимаго. Убѣдясь, что мы не можемъ болѣе продолжать нашего королевскаго правленія, ни поддержать и упрочить, достойнымъ насъ и нашихъ подданныхъ образомъ, спокойствіе и законный порядокъ, мы считаемъ долгомъ сложить добровольно наши королевскія обязанности, дабы посвятить остатокъ дней нашихъ славѣ Бога. Желаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ милости и благословенія Всемогущаго, при счастливой будущности имъ и ихъ потомкамъ. Да, бойтесь Бога и чтите короля! Данъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, 29-го Марта, 1809 года.

Густавъ-Адольфъ.

Іюня 5-го принялъ престолъ, подъ именемъ Карла XIII-го. Свидѣтель дѣлъ брата и паденія племянника, онъ согласился на ограниченіе власти. Дерзость сейма простиралась до того, что низверженіе старшей линіи рода Вазы объявлено рѣшеніемъ народа, и собственное отрѣченіе Густава Адольфа признано притомъ ненужнымъ. Низверженному королю опредѣлили пенсію. Онъ немедленно оставилъ Швецію и поселился съ семействомъ своимъ у тестя своего.

Первымъ дѣломъ Карла XIII-го было перемиріе съ Русскими. Императоръ Александръ объявилъ, что онъ готовъ на миръ, но уступка Финляндіи должна быть первымъ условіемъ мира. Узнавъ отъ посла своего, Алопеуса, что Карлъ XIII-й затруднялся рѣшеніемъ, онъ не допустилъ къ себѣ шведскаго посла, графа Шверина, отправился въ Финляндію, и на сеймѣ въ Борго, Марта 17-го, принялъ присягу жителей Финляндіи какъ герцогъ финляндскій. Смѣнивъ Кнорринга, онъ поручилъ начальство надъ войсками въ Финляндіи Б. де-Толли, и велѣлъ возобновить морскія и сухопутныя военныя дѣйствія противъ Шведовъ. Карлъ XIII-й былъ въ тяжеломъ положеніи. Лишеніе Финляндіи возбуждало негодованіе и отчаяніе Шведовъ. Бороться съ Россіею, при тогдашнемъ состояніи Швеціи, не было ни какой возможности. Онъ просилъ пощады у Александра, пособія у Англичанъ, и отправилъ къ Наполеону барона Розена, умоляя его о покровительствѣ. Наполеонъ отвѣчалъ, что «Швеція должна прибѣгнуть къ великодушію Императора

Александра, прервать сношенія съ Англіею и объявить континентальную систему.»

Если содѣйствіе Россіи было затрудняемо обстоятельствами, независѣвшими отъ воли Императора Александра, тѣмъ не менѣе оно было слабо и подкрѣпляло надежды Австріи, при сомнительномъ отношеніи Пруссіи и сѣверной Германіи, когда, неутомимо дѣйствуя на моряхъ, Англичане успѣшно сражались на Пиренейскомъ полуостровѣ и угрожали Франціи своею огромною экспедиціею. Наполеонъ видѣлъ необходимость возстановить свой перевѣсъ рѣшительнымъ ударомъ, и неутомимо готовилъ его.

Послѣ обратнаго перехода главной арміи за Дунай, онъ переѣхалъ въ Шенбруннъ. Дѣятельныя работы начались на Дунаѣ, въ Нуссдорфѣ, Шпицѣ, Эгерсдорфѣ. Армія растягивалась отъ Палау до Пресбурга. Ея расположеніе удерживало эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна отъ наступательныхъ движеній. Одинъ оставался между Асперномъ и Эсслингомъ, другой бездѣйствовалъ въ Раабѣ, и въ Коморнѣ, венгерскомъ городѣ, на Дунаѣ, между Пресбургомъ и Офеномъ, куда удалился изъ Граца. Императоръ Францъ съ семействомъ былъ въ Пресбургѣ. Войска, Іоанна уменьшенныя до 25,000, были усилены Венгерцами, и возрасли снова до 50,000, хотя онъ отрядилъ генерала Гіулая подкрѣпить отряды, преграждавшіе путь Мармону изъ Далмаціи. Предупреждая соединеніе Іоанна съ главною арміею австрійскою, Наполеонъ отправилъ войска вице-короля на Раабъ и въ то же время дви-

нулъ Лефевра изъ Тироля и Бернадотта съ Саксонцами къ Вѣнѣ. Даву пошелъ къ Пресбургу. Итальянцы были одушевлены наградами и похвалами Наполеона. «Итальянскіе солдаты! добро пожаловать!» говорилъ онъ. «Разсѣявъ и уничтоживъ непріятеля, дерзнувшаго явиться на поляхъ Италіи, вы оправдали девизъ мой: «Богъ далъ мнѣ корону, и горе тому, кто коснется ея!» Близъ Рааба, въ крѣпкой позиціи, эрцъ-герцоги Іоаннъ и Райнеръ ждали вице-короля. Въ годовщину маренгскую, Австрійцы были разбиты, потеряли 3000 убитыми и ранеными и 4000 плѣнными. Поздравляя вице-короля, нещадившаго себя въ битвѣ, Наполеонъ назвалъ побѣду его «*внучкою маренгской битвы.*» Іоаннъ въ безпорядкѣ удалился къ Коморну. Раабъ былъ осажденъ и взятъ приступомъ, Іюня 24-го. Сіи успѣхи вывели изъ затрудненія, въ какое поставило Мармона новое возстаніе Тироля. Возвѣщая имъ побѣду эсслингскую, Императоръ Францъ снова призывалъ ихъ къ оружію. «Полный надеждою на Бога и правду моего дѣла,» говорилъ онъ, «объявляю, что *никогда Тироль не отдѣлится отъ Австріи* и *обѣщаю не подписывать мира безъ сего условія.*» Едва Лефевръ вышелъ изъ Тироля, возмущеніе вспыхнуло тамъ съ большею противъ прежняго силою, и слабый отрядъ Деруа съ трудомъ могъ пробиться въ Баварію. Толпы мятежниковъ снова спустились съ горъ, прорвались въ Форальбергъ, проникли даже въ Швабію, оттѣснили Руска и облегчили Шателеру соединеніе съ Цахомъ и Гіулаемъ, отъ чего составился до-

вольно значительный корпусъ, могшій подкрѣплять возстаніе Тироля и не допускать сообщенія съ Италіею. Мармону приказано разбить Шателера. Послѣ жаркихъ схватокъ при Ликѣ и Оттохацѣ, онъ занялъ Лайбахъ, но остановился здѣсь, далъ время соединиться снова Шателеру, Цаху и Гіулаю, но вознаградилъ остановку поспѣшностью послѣ ихъ соединенія. Австрійцы заняли Грацъ, откуда отступилъ Брусье; но, подкрѣпленный Мармономъ, онъ выгналъ непріятеля изъ Граца Іюня 24-го, и Гіулай удалился на Гиассъ. Мармону приказано, оставя въ Грацѣ Руска, спѣшить къ Лобау, куда уже сдвинулись тогда войска вице-короля, Бернадотта и Лефевра. Препятствуя постройкѣ моста у Пресбурга, гдѣ могли соединиться эрцъ-герцоги Іоаннъ и Карлъ, Даву началъ бомбардировать столицу Венгріи, произвелъ сильный пожаръ, и принудилъ Императора Франца удалиться изъ нея. Въ отвѣтъ на жалобу о безполезномъ раззореніи Пресбурга, Даву отвѣчалъ требованіемъ прекратить здѣсь постройку моста черезъ Дунай. Условіе было принято, ибо эрцъ-герцогъ Карлъ потерялъ уже тогда надежду на соединеніе съ братомъ. Видя грозное сближеніе силъ у Вѣны и Лобау, и готовясь отразить ихъ битвою, жестоко упрекалъ онъ эрцъ-герцога Іоанна за всѣ его дѣйствія, неумѣнье пользоваться успѣхами въ началѣ похода, отступленіе къ Грацу, вопреки приказа идти на Линцъ, оставленіе безъ помощи Тироля, безполезное отдѣленіе Гіулая, движеніе къ Рабу на встрѣчу вице-короля, когда ему приказано бы-

ло идти къ Эсслингу, для соединенія здѣсь съ главною арміею, и наконецъ, допущеніе Мармона соединиться съ Наполеономъ. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ оправдывался необходимостью защиты Венгріи, опасеніемъ движенія Русскихъ изъ Галиціи, и въ свою очередь упрекалъ за бездѣйствіе эрцъ-герцога Карла.

Дѣйствительно, во все время съ асперпской битвы, эрцъ-герцогъ Карлъ простоялъ неподвижно, допустилъ Наполеона кончить всѣ работы на Дунаѣ и довольствовался только укрѣпленіями берега между Асперномъ и Эсслингомъ, увѣренный, что здѣсь опять произведена будетъ переправа. Асперпъ, Эсслингъ, даже Энцендорфъ были неприступно защищены. Пространство между ними покрыто было страшными редутами и баттареями, гдѣ стояло до 300 орудій, за коими собрано было 175,000 австрійскаго войска.

Не такъ дѣйствовалъ Наполеонъ. Успѣвши соединить отвсюду войска, заставя тысячи рукъ работать на Дунаѣ, онъ успѣлъ скрыть какъ расположеніе войскъ, такъ и назначеніе работъ отъ непріятеля. Утверждая Австрійцовъ во мнѣніи, что переправа будетъ произведена въ прежнихъ мѣстахъ, онъ сосредоточилъ войско на Лобау и навелъ два моста между Асперномъ и Эсслингомъ. Три дня прошло въ передвиженіяхъ войскъ, которыхъ не понимали Австрійцы. Іюля 4-го, желая узнать расположеніе войскъ Наполеона, эрцъ-герцогъ Карлъ прислалъ къ нему генерала Вольфа, за какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ. «Неужели вы думаете, что я не знаю, зачѣмъ вы

присланы?» сказалъ ему грозно Наполеонъ. «Знайте, что у меня здѣсь 200,000 войска, и я завтра перехожу за Дунай! Тѣмъ хуже, если вашъ полководецъ ничего не видитъ; но ужъ вамъ я не позволю извѣстить его ни о чемъ!» Вольфъ былъ отосланъ въ Вѣну.

Наступилъ темный вечеръ Іюля 4-го; пошелъ дождь и скоро зашумѣла страшная гроза. Тогда, внезапно данъ былъ знакъ къ переправѣ. Массена зажегъ на Лобау огни; дымъ съ биваковъ его несло на непріятеля. При безпрерывныхъ громахъ небесныхъ, по всему берегу началась канонада. Непріятель отвѣчалъ горячо. Среди дождя, вихря, грома и пушечной пальбы, шесть мостовъ были мгновенно наведены черезъ Дунай, гораздо ниже Энцендорфа, съ восточнаго берега Лобау Войска шли по мостамъ, переплывали въ лодкахъ и судахъ, и въ нѣсколько часовъ, въ виду многочисленнаго непріятеля, совершена была переправа 150,000 Французовъ, и 400 пушекъ раздвинулись вправо отъ Энцендорфа, такъ, что всѣ укрѣпленія Австрійцовъ были обойдены и сдѣлались безполезными. Видя разсчеты свои уничтоженными, эрцъ-герцогъ Карлъ бросилъ редуты Асперна и Эсслинга, послалъ къ эрцъ-герцогу Іоанну приказъ поспѣшать, и, въ ожиданіи его прихода, австрійскія войска поспѣшно начали отодвигаться отъ Дуная. Главная квартира перенесена въ мѣстечко Ваграмъ. Правое крыло Австрійцовъ упиралось въ селеніе Герасдорфъ; лѣвое, отдѣляясь крутоберегимъ ручьемъ руссбахскимъ, въ селеніе Нейзидель. Селенія Адерклау и Русдорфъ, пе-

редъ центромъ, были защищены баттареями. Въ такомъ расположеніи на снѣхъ все приготовилось къ битвѣ. Ободряя войски свои, императоръ Францъ прибылъ въ австрійскую армію. Австрійцы жаждали битвы и надѣялись побѣды. Силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя; артиллерія Австрійцовъ была многочисленнѣе Наполеоновой; позиція войскъ ихъ крѣпкая. Бурная ночь миновалась. Насталъ ясный и жаркій лѣтній день. На обширной равнинѣ ваграмской войска строились въ виду одно другаго. Въ 3 часа по полудни линіи Французовъ были готовы протянуться отъ Эсслинга, откуда прогнали остальные отряды Австрійцовъ, до Ратцендорфа. Даву былъ на правомъ крылѣ, съ Фріаномъ, Гюденомъ и Мораномъ; Массена на лѣвомъ, съ Молиторомъ, Буде, Карра-Сенъ-Сиромъ; Бернадоттъ, съ Саксонцами, и Удино, съ корпусомъ Ланна, въ центрѣ; вторую линію составляли вице-король и Мармонъ; въ резервѣ былъ Бессіеръ, съ пѣшею гвардіею, драгуны, кирасиры, гвардейская и саксонская кавалерія. Эрцъ-герцогъ Карлъ поручилъ лѣвое крыло свое Розенбергу и Гогенцоллерну, правое Коловрату и Кленау; въ центрѣ были Беллегардъ и Лихтенштейнъ. *Триста тысячь* человѣкъ, имѣя съ обѣихъ сторонъ болѣе *восьми сотъ* пушекъ, стали другъ противъ друга. Протяженіе французскихъ войскъ составляло около трехъ миль.

Удивляемый неподвижностью непріятеля, Наполеонъ рѣшился нападать, не смотря на вечерѣвшій день. Въ 6 часовъ по полудни вдругъ двинулись впередъ всѣ

его войска. Австрійцы открыли убійственную канонаду. Растяженіе французской арміи, наступленіе вечера, неустройство нѣкоторыхъ частей войска сдѣлали нападеніе неровнымъ, особливо въ центрѣ Вице-король прорвался къ Ваграму, но Бернадоттъ и Удино не успѣли подкрѣпить его, и Даву не могъ захватить Нейзиделя. Принужденный отступать, вице-король встрѣченъ былъ въ темнотѣ Саксонцами. Они открыли огонь и привели въ безпорядокъ его стройное отступленіе. Но Австрійцы не преслѣдовали непріятеля и оставались на своихъ мѣстахъ. Французы заняли позицію между Нейзиделемъ, Руссдорфомъ и Брейтенлее. На гвардейскомъ бивакѣ собрались къ Наполеону маршалы, генералы и адъютанты его. Сидя на барабанѣ передъ огнемъ, онъ разсуждалъ съ ними, располагалъ подробности завтрашней битвы, разсылалъ приказы. Замѣтивъ безпорядокъ Саксонцовъ и неточность движенія нѣкоторыхъ отрядовъ, онъ не скрылъ отъ Бернадотта своего негодованія. Гнѣвный взоръ его былъ отвѣтомъ Бернадотту, когда тотъ угрюмо замѣтилъ, что «нынѣшняя армія французская не та, что была въ 1796 году и въ булонскомъ лагерѣ. — «Ни я, ни армія моя не перемѣнились съ тѣхъ поръ», возразилъ Наполеонъ, «а если перемѣнились *нѣкоторые* изъ генераловъ моихъ, то, замѣтьте, князь Понте-Корво — тѣмъ хуже для нихъ, и *вы* можете имъ сказать, что я буду умѣть *безъ нихъ* обойтись»? Долѣе всѣхъ оставался съ нимъ Даву, ибо на него возлагалось главное дѣло въ завтрашней

битвѣ. Обозрѣніе позиціи показало Наполеону, что Австрійцы занимали слишкомъ растянутую линію отъ Нейзиделя до Ваграма, за Руссбахомъ, отсюда протягиваясь къ Зюссенбруну и Герарсдорфу. Въ слѣдствіе сего, начало битвы на другой день должно было состоять въ ударѣ Массены на Адерклау и въ нападеніи Даву на Нейзидель. Когда Массена прорветъ линію непріятеля въ центрѣ и отдѣлитъ его правое крыло, Даву обойдетъ Австрійцовъ въ лѣвый флангъ, отвращая тѣмъ опасность приближенія эрцъ-герцога Іоанна, ежечасно ожидаемаго по пресбургской дорогѣ, и поражая отдѣльно лѣвое крыло. Удино, Макдональдъ, Бернадоттъ, Мармонъ и Бессіеръ должны были подкрѣплять Массену и Даву, составляя густыя колонны сзади ихъ линіи. Рѣшительный ударъ Наполеонъ предоставлялъ себѣ. На замѣчаніе Массены, что усиленіе войскъ австрійскихъ на лѣвой сторонѣ Руссбаха предполагало намѣреніе непріятеля обходить лѣвое крыло Французовъ, на Асперпъ и Эсслингъ Наполеонъ возразилъ, что полагаетъ невозможнымъ обходъ его лѣваго крыла на Асперпъ и Эсслингъ, гдѣ оставлена была только дивизія Буде, для прикрытія сообщеній съ Дунаемъ и съ Лобау.

Но именно таково было распоряженіе эрцъ-герцога Карла. Замѣчая, что пространство отъ береговъ Дуная до тыла французской арміи оставалось не занятымъ, онъ совокупилъ огромныя силы на правомъ крылѣ своемъ. Предполагая, что эрцъ-герцогъ Іоаннъ успѣетъ подойдти съ одной стороны, Коловрату пред-

писано было съ другой стороны пробиться на Асперпъ и Эсслингъ, соединиться съ Іоанномъ и стремительно ударить въ тылъ Французамъ. Аустерлицкая битва не научила Австрійцовъ, какъ опасны были подобные *обходы*, когда фронтъ ихъ, не имѣя сильныхъ резервовъ, долженъ былъ выдержать напоръ ста тысячь войскъ, предводимыхъ Наполеономъ.

Едва начало свѣтать, жители Вѣны были пробуждены страшнымъ гуломъ артиллеріи (Ваграмъ въ 16-ти верстахъ отъ Вѣны, Асперпъ въ 4-хъ). Тысячи народа покрыли вѣнскія колокольни, башни, крыши домовъ. День былъ ясный и тихій. Взоры всѣхъ устремлялись на безконечное поле, гдѣ рѣшалась участь Австріи. Всѣ движенія войскъ видны были, какъ на плацъ-парадѣ. Сердца волновались страхомъ и надеждою. Видно было, какъ двигались, смѣшивались, исчезали ряды, вспыхивали и дымились селенія. Извѣстія приходили разнообразныя. Но въ четыре часа по полудни ряды Австрійцовъ начали удаляться, Французы преслѣдовали ихъ, и все скрылось въ пыли, дымѣ и мракѣ ночи, какъ страшный волшебный сонъ. Уныніе овладѣло жителями, и не напрасно. Вскорѣ пришло послѣднее извѣстіе: *Наполеонъ побѣдилъ*. Тысячи тѣлегъ, съ изувѣченными и ранеными, тянулись въ Вѣну и числомъ своимъ являли свирѣпость великой Битвы Ваграмской.

Она была кровава и принадлежитъ къ самымъ обширнымъ и блестящимъ — не побѣдамъ, но сраженіямъ наполеоновымъ. Вопреки вчерашнему бездѣй-

*

ствію, первые всколебались ряды Австрійцовъ, когда Наполеонъ еще устроивалъ войска къ бою. Розенбергъ устремился за Руссбахъ и двинулся на Даву. Наполеонъ не понималъ цѣли нападенія и опасался, не значитъ ли оно приближенія войскъ эрцъ-герцога Іоанна? Онъ послалъ къ Даву кирасировъ Арриги, даже поѣхалъ къ нему самъ. Даву стоялъ крѣпко. Розенберга остановили и начали тѣснить за Руссбахъ обратно. Бой загорѣлся влѣво, у Баумерсдорфа, куда шелъ Беллегардъ, у Адерклау, гдѣ стали Массена и Бернадоттъ. Увѣрившись, что эрцъ-герцога Іоанна нѣтъ слѣдовъ, Наполеонъ хотѣлъ возвратиться къ центру арміи, когда услышалъ страшный громъ пушекъ на оконечности своего лѣваго крыла, и вскорѣ канонада, подвигаясь далѣе впередъ, гремѣла почти въ тылу лѣваго крыла, и къ Наполеону прискакали съ извѣстіемъ, что Массена совершенно разбитъ, Австрійцы прорвались въ тылъ, и овладѣли Асперномъ и Эсслингомъ. Вихремъ помчался онъ къ центру, подъ ядрами и картечами, черезъ всю линію войскъ, и при первомъ взглядѣ убѣдился въ справедливомъ извѣстіи. Коловратъ и Кленау исполнили предписанное имъ. Ударъ 50,000 войска, подкрѣпляемый полутораста пушками, сокрушилъ все, противъ него бывшее. Саксонцы бѣжали первые и смяли другихъ. Къ несчастью, Массена наканунѣ упалъ съ лошади и ушибся такъ, что принужденъ былъ ѣздить въ коляскѣ и потому не могъ вполнѣ распоряжаться движеніями. При видѣ опасности, онъ забылъ себя, вы-

скочилъ изъ коляски, бросился въ толпу бѣгущихъ, и остановилъ ихъ. Пользуясь разстройкою непріятеля, Австрійцы овладѣли въ одну сторону Эпцендорфомъ, въ другую Брейтенлее и Ней-Виртгаузомъ. Наполеонъ прискакалъ въ сію рѣшительную минуту, и первымъ дѣломъ его было выдвинуть впередъ сто орудій гвардейской и резервной артиллеріи. Закрытыя ими, войска Массены спѣшили вновь построиться. Наполеонъ, верхомъ на бѣлой арабской лошади, *Евфратъ*, полученной имъ отъ персидскаго Шаха въ подарокъ, выѣхалъ впередъ и внимательно разсматривалъ поле битвы. Вокругъ него падали мертвые и раненные. Онъ стоялъ неподвижно, и черезъ нѣсколько минутъ спокойно воротился, уже оцѣня всю мѣру опасности и найдя средства побѣды. Велѣно было усилить пушечную пальбу противъ Адерклау. «Стрѣляйте въ нихъ, какъ въ крѣпость!» говорилъ онъ. Массена, подкрѣпленный конницею Лассаля, обращенъ былъ на Эсслингъ, но до времени ему велѣно только держаться. Даву послано приказаніе наступать упорно, перейдти Руссбахъ и овладѣть Нейзиделемъ; Удино долженъ былъ подкрѣплять его, дѣйствуя у Баумерсдорфа во флангъ Розенбергу. Бессьеру и Мармону велѣно аттаковать и удерживать Коловрата, прикрывая движеніе Массены въ тылу. Спокойно удалился Наполеонъ къ заднимъ линіямъ и въ первый разъ понюхалъ табаку. Мысль глубокая лежала на челѣ его, когда смятеніе окружавшихъ его показало ему, что кто-то изъ значительныхъ генераловъ его убитъ. «Qui est celui-là

(*кто-такой*)? спросилъ онъ — «обыкновенный вопросъ его въ подобномъ случаѣ,» говоритъ Савари. Ему донесли, что убитъ Бессьеръ. «Еще!» мрачно воскликнулъ онъ; «но теперь некогда плакать!» прибавилъ Наполеонъ и хладнокровно занялся распоряженіями. Савари, посланный освѣдомиться, донесъ ему, что Бессьеръ сильно оконтуженъ и уже пришелъ въ память. Бой кипѣлъ между тѣмъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Массена успѣлъ отнять Эсслингъ, подкрѣпляясь сильною пальбою съ Лобау, гдѣ стояли запасные парки. Центръ защищала гвардейская артиллерія. Наполеонъ ждалъ рѣшительной минуты и устроивалъ губительную громаду сзади баттарей центра. Сто орудій, подъ начальствомъ Друо и Себастіани, составили ея голову. Далѣе сталъ, тремя колоннами, Макдональдъ, фланкируясь гвардейскою кавалеріею и кирасирами Нансути. За Макдональдомъ были Серра и Вреде, а въ хвостѣ колонны стояла пѣшая гвардія, огражденная съ фланговъ дивизіями Пакто и Дюрюта Нетерпѣливо смотрѣлъ Наполеонъ вправо, гдѣ Австрійцы употребляли всѣ усилія удержать Даву и Удино. Здѣсь пали ихъ генералы Нордманъ, Вечай, принцъ Гессенъ-Гомбургскій; но ни что не могло остановить Французовъ. Даву занялъ Нейзидель, Удино перешелъ за Руссбахъ, и тѣснимый ими, Розенбергъ началъ отступать. «*Теперь пора*!» — воскликнулъ Наполеонъ. Даву и Массенѣ приказано усилить наступленіе. Центръ Французовъ вдругъ всколебался, и подъ громомъ ста орудій въ головѣ, самъ Наполеонъ повелъ свою страш-

ную колонну. Эрцъ-герцогъ Карлъ предвидѣлъ опасность, соединилъ 150 пушекъ, сдвинулъ въ центръ войска, сталъ самъ въ огонь. Ничто не помогло. Селенія одно за другимъ переходили къ Французамъ. Громимые картечью, они смыкались и шли далѣе. Тщетно поколебала ихъ на мгновеніе аттака конницы Лихтенштейна. Ваграмъ былъ занятъ. Массена ударилъ въ то же время, вытѣснилъ непріятеля изъ Асперна и гналъ его, смыкаясь съ центромъ арміи. Даву ломилъ отъ Нейзиделя, и въ 2 часа по полудни Австрійцы отступали во всѣхъ сторонахъ. Въ 3 часа они оставили свою позицію и протянулись параллельно моравской дорогѣ изъ Вѣны, примыкая правымъ крыломъ къ Дунаю. Наполеонъ прекратилъ наступленіе. Французы остановились за Ваграмомъ. Бой умолкалъ, продолжавшись болѣе полусутокъ. Гремѣла только артиллерія. Когда войска французскія становились уже на бивакп, ружейная перестрѣлка вправо встревожила Наполеона. Здѣсь подошли передовые отряды эрцъ-герцога Іоанна. Они явились слишкомъ поздно и спѣшили отступить.

Наполеонъ объявилъ, по обыкновенію, что потеря его при Ваграмѣ состояла изъ *пяти сотъ* убитыми и немногихъ тысячь ранеными. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ потерялъ убитыми и ранеными до 25-ти тысячь. Храбрый генералъ Лассаль былъ убитъ почти въ концѣ битвы Не считая потери Іюля 5-го въ ваграмской битвѣ, 6-го Іюля у Австрійцовъ было уби-

то 4 генерала, 120 офицеровъ, 5,500 солдатъ; ранено 13 генераловъ, 600 офицеровъ и 18000 солдатъ.

Побѣда безспорно принадлежала Наполеону, но битва ваграмская не безславила Австрійцовъ. Отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, они дрались упорно. О дѣйствіи артиллеріи ихъ можно судить потому, что на мѣстѣ битвы собрано было потомъ 26,000 австрійскихъ ядеръ. Какъ при Эсслингѣ, можно было и здѣсь видѣть разницу генія отъ дарованія. Знатоки осуждали диспозицію эрцъ-герцога Карла, придумавшаго обходить въ тылъ 100,000 армію. Онъ оправдывался тѣмъ, что надѣялся прихода эрцъ-герцога Іоанна. Наполеонъ былъ великъ при Ваграмѣ. Внезапность обходнаго движенія Австрійцовъ, неточность въ дѣйствіяхъ конницы при контузіи Бессіера, ни что не смѣшало его распоряженій. Быстрота, съ какою возстановили порядокъ въ началѣ битвы, овладѣніе Нейзиделемъ, какъ ключемъ позиціи, ударъ въ центръ Австрійцовъ, при точности разсчета его и стройности движеній, были дивнымъ дѣломъ генія. Не щадя себя въ битвѣ, Наполеонъ въ теченіе трехъ сутокъ провелъ на лошади 60 часовъ, и спалъ не болѣе двухъ часовъ каждыя сутки. Послѣ него, героями ваграмской битвы были Макдональдъ, Массена, Даву, Удино, Мармонъ. Когда окружили его маршалы по окончаніи сраженія, онъ протянулъ руку къ Макдональду. «Дай мнѣ руку, Макдональдъ и обними меня!» сказалъ онъ. «Я не зналъ тебя! Отнынѣ мы друзья! ты заслужилъ маршальскій

жезлъ!» Со времени заговора Пишегрю, Макдональдъ былъ въ явной немилости у Наполеона. Растроганный словами его, онъ бросился въ его объятія и едва могъ проговорить сквозь слезы: «Государь! я твой на жизнь и на смерть!» Кромѣ Макдональда возведены были въ маршалы Удино и Мармонъ. Массенѣ и Даву назначались высшія награды. Одинъ получилъ титулъ *Князя Эсслингскаго*, другой *Князя Экмюльскаго*. Наполеонъ не хотѣлъ обидѣть наперсника своего Бертье, показавшаго при Ваграмѣ храбрость необыкновенную и, при безпрерывныхъ трудахъ въ послѣдніе дни, едва стоявшаго на ногахъ отъ усталости. Онъ былъ наименованъ *Княземъ Ваграмскимъ*.

Побѣда ваграмская не довольствовала Наполеона. Австрійцы уступили, но стройно и мужественно, могли даже похвалиться немногими трофеями, когда всѣ трофеи Французовъ составляли нѣсколько подбитыхъ пушекъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ, кромѣ раненныхъ, взятыхъ на полѣ битвы — не было взято ни одного знамени! Наполеонъ строго осуждалъ дѣйствія многихъ, говорилъ, что конница вообще дѣйствовала слабо, неловко, и жалѣлъ, что при немъ не было Мюрата. Онъ не допустилъ къ себѣ Бернадотта, упрекая его явною трусостью Саксонцовъ. Бернадоттъ оскорбился, вопія о несправедливости Наполеона, и даже осмѣлился издать приказъ по своему корпусу, гдѣ благодарилъ Саксонцовъ за храбрость и приписывалъ имъ честь побѣды. Наполеонъ хотѣлъ предать его военному суду за столь неслыханное нару-

шеніе подчиненности и порядка, но удовольствовался тѣмъ, что лишилъ его начальства, велѣлъ ему удалиться во Францію, и въ секретномъ приказѣ объявилъ объ его поступкѣ. Объясняя, что «только главнокомандующему, и только императору, если онъ самъ находится при арміи, принадлежитъ право опредѣлять степень похвалы, каждымъ заслуженной,» онъ говорилъ, что «честь побѣды принадлежитъ Французамъ, и именно войскамъ Макдональда, Массены и Удино; что приказъ князя Понте-Корво ложно приписываетъ успѣхъ войскамъ, по большой мѣрѣ, посредственнымъ и что онъ противенъ истинѣ, политикѣ, и національной чести Франціи.»

Скрывая всѣ свои тайныя досады, Наполеонъ велерѣчиво возвѣстилъ Европѣ о своей великой побѣдѣ. Во Франціи велѣно пѣть Te Deum. «Богъ силъ благословилъ оружіе наше, и мы желаемъ, чтобы, по полученіи сего, было отправлено благодарственное молебствіе. — Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, хотя потомокъ Давида, не желалъ царства земнаго и повиновался кесарю въ дѣлахъ земныхъ. Наслѣдуя кесарямъ, мы хотимъ поддержать величіе нашего престола и неприкосновенность нашихъ правъ, съ тѣмъ вмѣстѣ утверждая религію и окружая должнымъ почтеніемъ ея служителей. Среди воинскаго стана и шума битвъ, мы помнимъ о нашихъ обязанностяхъ, уничтожимъ всѣ покушенія невѣжества, слабости, злобы и безумія, мечтающихъ поколебать согласіе Церкви, и провозглашающихъ права ея на независимость троновъ

и народовъ, признанную Греками, Англичанами, Протестантами и Кальвинистами. Тѣ, кто выгоды временныя соединяетъ съ вѣчными истинами религіи и дѣлами вѣры, недостойны назваться учениками Сына Божія, Того, кто сказалъ: «Царство мое несть отъ міра сего!» Всѣ сіи страшныя изъясненія приказа наполеонова объяснятся намъ далѣе событіями въ Римѣ, возмущавшими тогда всѣхъ католиковъ.

Надлежало воспользоваться неполною побѣдою, и дополнить ее преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ непріятеля. Въ ночь на 7-е Іюля Австрійцы начали отступать. Императоръ Францъ, находившійся во время битвы вблизи Ваграма, на моравской дорогѣ, въ селеніи Фолкерсдорфѣ, не дождался конца ея и поспѣшно удалился въ Цнаимъ, на границахъ Богеміи. Вслѣдъ за нимъ пошла австрійская армія, кромѣ корпуса Розенберга, который отдѣлилъ своимъ быстрымъ движеніемъ Даву и принудилъ отступать на Брюннъ. Наполеонъ не понималъ движенія Австрійцовъ, полагая, что отступленіе послѣдуетъ на Пресбургъ, гдѣ эрцъ-герцогъ Карлъ могъ соединиться съ Іоанномъ и притянуть къ себѣ войска, бывшія въ Коморнѣ и Грацѣ, снова занятомъ Шателеромъ и Гіулаемъ, послѣ удаленія Мармона къ Вѣнѣ. Онъ не зналъ еще, что Австрійцы уже не думали сражаться. Эрцъ-герцогъ Карлъ, приведенный въ глубокое уныніе потерею битвы, оскорбляемый упреками другихъ, находясь въ ссорѣ съ Іоанномъ, объявилъ императору Францу, что ожидать успѣха невозможно, что единственное

спасеніе Австріи миръ, и что, въ противномъ случаѣ, онъ слагаетъ съ себя званіе главнокомандующаго. Враги его торжествовали, уговаривали Императора послать ему увольненіе и передать начальство надъ арміями Іоанну. Еще продолжались споры, когда на Австрійцовъ надвинулись силы Наполеона. Императоръ Францъ поспѣшно оставилъ армію и отправился въ Пресбургъ, куда едва могъ пробраться при быстромъ наступательномъ движеніи Французовъ. Отдѣливъ вице-короля съ Саксонцами и Виртембергцами прикрывать Вѣну и наблюдать движенія Іоанна, стоявшаго въ Марчекѣ, за Моравою, Наполеонъ послалъ Даву на Никольсбургъ, Мармона и Баварцовъ на Лаабъ, Массену лѣвѣе, по аустерлицкой дорогѣ на Голлабрунъ и Цнаимъ, а самъ остановился съ войсками Удино въ Фолькерсдорфѣ. Массена нагналъ Австрійцовъ у Голлабруна, потомъ у Шенграбена. Они уходили сражаясь, и эрцъ-герцогъ Карлъ остановился только у Цнаима, въ крѣпкой позиціи, на склонѣ Богемскихъ горъ. Наполеонъ узналъ о томъ 10-го Іюля, встревожился за участь Мармона, который шелъ такъ быстро, что находился тогда въ Тейшвицѣ, и могъ быть отрѣзанъ и разбитъ, ибо Массена былъ отъ него въ маршѣ назади. Даву, Удино, гвардіи велѣно поспѣшать къ Цнаиму, и черезъ нѣсколько часовъ самъ Наполеонъ поскакалъ туда. Мармонъ не былъ потревоженъ, ибо его появленіе заставило сомнѣваться эрцъ-герцога Карла, не идетъ ли сзади Мармона сильное подкрѣпленіе. Онъ не смѣлъ нападать и не хотѣлъ оставить своей крѣп-

кой позиціи, даже когда пришелъ Массена, и горячо началъ съ нимъ бой. Наполеонъ подкрѣпилъ Массену войскомъ Мармона, но велѣлъ только поддерживать битву, ожидая Даву и Удино. Запальчивость Французовъ ничему не внимала. Бой начиналъ усиливаться и едва могли остановить его приказомъ Наполеона и извѣстіемъ, что съ Австрійцами заключено перемиріе. Дѣйствительно, князь Лихтенштейнъ, вѣстникъ мира при Маренго и Аустерлицѣ, явился къ Наполеону и предложилъ ему прекратить военныя дѣйствія и начать переговоры о мирѣ. Въ ночь пришли Даву, Удино, гвардія. Маршалы и генералы окружили Наполеона, умоляли его не мириться, клялись ему побѣдить. Неполная расплата за Эсслингъ подъ Ваграмомъ и гордая увѣренность въ силѣ своей разгорячила всѣ головы. Наполеонъ молчалъ, слушалъ и прекратилъ всѣ возраженія словами: «*Нѣтъ! крови пролито довольно — я принимаю миръ!*»

На другой день, Іюля 11-го, было подписано перемиріе. Оно заключалось на мѣсяцъ, съ условіемъ увѣдомить о прекращеніи его за двѣ недѣли. Кромѣ занятыхъ Французами земель, Австрійцы отдавали имъ Цнаимъ, Брюннъ, всѣ земли по Мораву, до впаденія въ нее Таіи, со включеніемъ Пресбурга, а за Дунаемъ по рѣку Раабъ, и далѣе по границамъ Штиріи и Карніоліи, со включеніемъ Фіума, обязываясь очистить Тироль.

Подписавъ перемиріе, эрцъ-герцогъ Карлъ послалъ его къ императору Францу, вмѣстѣ съ просьбою объ

увольненіи отъ начальства арміями, и не дожидаясь отвѣта, передалъ команду надъ войсками Лихтенштейну. Наполеонъ отправился въ Шенбруннъ и обратилъ Магдональда съ войсками къ Вѣнѣ, увѣренный, что перемиріе непремѣнно будетъ утверждено. Дѣйствительно, императоръ Францъ былъ согласенъ; но какъ въ главной квартирѣ Наполеона, оно возбудило споры между Австрійцами. Императоръ Францъ, находясь тогда въ Коморнѣ, призвалъ туда эрцъ-герцога Іоанна. Онъ, Меттернихъ, Стадіонъ, лорды Батурстъ и Вальполь, присланные изъ Англіи, и многіе другіе, утверждали, что мириться не должно, что принятіе мира доказываетъ слабость Наполеона, и что, при дальнѣйшемъ упорствѣ, гибель его неизбѣжна. Указывали на Асернъ, на нерѣшительность ваграмской битвы, предлагали перевесть главную армію черезъ Градишку за Дунай, соединить войска у Коморна, опереться на Венгрію и Тироль, и обѣщали вѣрную побѣду при содѣйствіи Англичанъ, Испанцовъ, Пруссіи, готовой взяться за оружіе, Россіи, ссорившейся съ Наполеономъ. Но императоръ Францъ, Лихтенштейнъ, и большинство голосовъ были мнѣнія противнаго. Они говорили, что отдаленныя надежды не отвращали явной и близкой гибели, и перемиріе было ратификовано Іюля 18-го. Черезъ десять дней эрцъ-герцогъ Карлъ навсегда простился съ своими соратниками. Онъ никогда уже не обнажалъ съ тѣхъ поръ меча своего. Императоръ Францъ объявилъ себя генералиссимусомъ австрійскихъ войскъ и назначилъ по-

мощникомъ своимъ эрцъ-герцога Іоанна, который опредѣлилъ себѣ помощникомъ Беллегарда; управленіе арміями предоставлено было однакожъ князю Лихтенштейну, который назначилъ помощникомъ своимъ генерала Дуку.

Видимъ, что перемиріе не было одобрено ни подвластными императору Францу, ни подвластными Наполеону. Конечно, не страхъ «кровопролитія» убѣждалъ Наполеона на миръ; причины были гораздо важнѣе. Онѣ заключались въ положеніи дѣлъ на всѣхъ другихъ мѣстахъ войны, въ Германіи и Польшѣ, въ дѣлахъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ огромной экспедиціи Англичанъ, которая разразилась тогда надъ Голландіею, впечатлѣніи, какое произвела она во Франціи, и наконецъ въ измѣнявшихся отношеніяхъ Наполеона къ Россіи, о чемъ говорили императору Францу его совѣтники.

Предпріятія Радивоевича во Франконіи не имѣли успѣха. Король Виртембергскій лично пошелъ съ отрядомъ войскъ на безсильныя толпы мятежниковъ, собравшіяся у Мергентгейма, и легко разогналъ ихъ. Генералъ Бомонъ прогналъ Тирольцовъ изъ Швабіи. При наступательномъ движеніи Жюно, Радивоевичъ спѣшилъ удалиться. Онъ отступалъ на Гофъ. Здѣсь Жюно назначилъ мѣсто соединенія королю Іерониму, который сблизилъ голландскія войска Граціана и саксонскія Тильмана. Имѣя до 20-ти тысячь, онъ принудилъ герцога брауншвейгскаго очистить Лейпцигъ, и занялъ Дрезденъ, Іюня 29-го. Недовольный дѣйствія-

ми Амъ-Энде, эрцъ-герцогъ Карлъ прислалъ въ Саксонію Кинмейера. Онъ соединился съ Радивоевичемъ, и не допуская Жюно сблизиться съ Іеронимомъ, принудилъ его отступить въ Байрейтъ, послѣ жаркой сшибки при Гефреѣ, Іюля 9-го. Іеронимъ почелъ себя слишкомъ слабымъ противиться, очистилъ Дрезденъ и Лейпцигъ и отступилъ къ Шлейцу. Дрезденъ еще разъ заняли Австрійцы, Іюля 14-го. По полученіи извѣстія о Цнаимскомъ перемиріи, Тильманъ потребовалъ выхода Австрійцовъ изъ Саксоніи. Послѣ отказа Кинмейера, утверждавшаго, что Саксонія должна оставаться во власти Австрійцовъ, Іеронимъ и Тильманъ приблизились къ Дрездену. Здѣсь получили они приказъ не начинать битвъ, а Австрійцы — повелѣніе отступать изъ Саксоніи. Кинмейеръ и Радивоевичъ удалились въ Богемію. Герцогъ брауншвейгскій былъ въ отчаяніи, не хотѣлъ уступать и рѣшился лучше подвергнуть себя судьбѣ Шилля, когда услышалъ о появленіи Англичанъ въ Куксгавенѣ и возстаніи Ганновера. Дѣйствительно, съ острова Гельголанда, противъ устья Эльбы, гдѣ Англичане соединили большіе запасы, отрядъ англійскій вышелъ на берегъ у Куксгавена. Толпы народа собрались и выгнали отряды Французовъ изъ городовъ Ганновера и Оснабрюка. Герцогъ брауншвейгскій рѣшился пробиться въ Ганноверъ и возмутить Брауншвейгъ и Ганноверъ, дѣйствуя соединенно съ Англичанами на Эльбѣ и Шельдѣ. Онъ собралъ всю свою дружину, напомнилъ ей клятву умереть, и хотя весь отрядъ его составлялъ

не болѣе 3000, походъ начатъ былъ немедленно и отважно. Іюля 26-го герцогъ занялъ Лейпцигъ, но, угрожаемый Саксонцами, перешелъ въ Галле, и бросился оттуда въ Гарцовскія горы, черезъ Гальберштадтъ. Преслѣдуемый вестфальскими, голландскими, саксонскими войсками, онъ разбилъ въ двухъ сшибкахъ Вестфальцовъ и достигъ Брауншвейга. Здѣсь услышалъ онъ, что Англичане уже удалились и возмущеніе ганноверское утишено. Надобно было отказаться отъ всѣхъ отважныхъ предпріятій, и только спасать свое небольшое войско. Герцогъ не хотѣлъ возмущать Брауншвейгцовъ, даже остановилъ ихъ возстаніе и уговаривалъ ихъ до времени повиноваться правительству. «Тогда призову васъ друзья мои,» говорилъ онъ, «когда явлюсь не бѣглецомъ, но государемъ вашимъ!» Раздѣливъ отрядъ свой, онъ успѣлъ пробраться партіями къ морю, и изъ Эльфлета и Браке переправился съ остаткомъ дружины на Гельголандъ, Августа 8-го, черезъ 24 дня послѣ выхода изъ Дрездена. Съ его уходомъ кончились всѣ замыслы возмутить Германію, на которые столь много надѣялась Австрія. Они погубили только ихъ зачинщиковъ, отяготили жителей возмездіемъ Французовъ, истребили множество юныхъ Германцовъ, послѣдовавшихъ за Дорнбергомъ, Шиллемъ и герцогомъ брауншвейгскимъ, и усилили въ Германіи иго владычества наполеонова.

Никогда прежде Англія не оказывала такой обширной дѣятельности, какъ въ 1809 году. Флоты ея были разсѣяны по всѣмъ морямъ, являлись на Океанѣ, Бал-

тійскомъ и Средиземномъ морѣ, сражались въ Африкѣ и Америкѣ, близъ береговъ Италіи и Франціи, были даже на Ледовитомъ морѣ. Января 9-го Англичане заняли Кайенну; Февраля 25-го адмиралъ Кокренъ овладѣлъ Мартиникою; Іюля 28-го генералъ Кармичель отнялъ послѣднюю крѣпость, гдѣ еще держался французскій гарнизонъ на Санъ-Доминго. Лѣтомъ раззорены были колоніи Французовъ на Сенегалѣ; нападеніе на островъ Бурбонъ, въ Сентябрѣ, произведено неудачно, но Англичане истребили тамъ богатые запасы и много товаровъ. Не смотря на низверженіе Густава Адольфа, начало переговоровъ о мирѣ съ Россіею и покорность Карла XIII-го Наполеону, адмиралъ Сомарецъ прибылъ въ Балтійское море. Появленіе его оживило Шведовъ надеждами, уже не на побѣду, но на условія мира, не столь тяжкія. Сомарецъ не оказалъ однакожъ Швеціи никакой дѣйствительной помощи, блокировалъ берега Финляндіи и Лифляндіи, захватилъ съ бою нѣсколько русскихъ судовъ, истребилъ десятка три чухонскихъ лодокъ и купеческихъ русскихъ кораблей, безполезно крейсировалъ въ виду Кронштадта, и осенью ушелъ обратно. Лѣтомъ англійскій шлюпъ занялъ Колу въ Лапландіи, ограбилъ тамошніе казенные магазины и раззорилъ беззащитныя тони рыбаковъ на мурманскомъ берегу. Въ Январѣ Англичане заняли Исландію. Какой-то мечтатель, исландецъ Іоргенсенъ, уговорилъ жителей Исландіи провозгласить республику, обезоружилъ датскій гарнизонъ и назвалъ себя президен-

томъ Республики Исландской. Появленіе Англичанъ разрушило его владычество. Іоргенсенъ былъ увезенъ въ Лондонъ. Англичане овладѣли Исландіею; адмиралъ Коллингвудъ, съ сильнымъ флотомъ англійскимъ, на коемъ находилось до 20,000 войска, подъ начальствомъ генерала Стуарта, явился у береговъ Калабріи, сдѣлалъ вылазку у крѣпостцы Сциллы и овладѣлъ островами Искіею и Прочидою въ неаполитанскомъ заливѣ. Движеніе Мюрата съ войскомъ заставило Англичанъ удалиться изъ Калабріи; они оставили также Искію и Прочиду. Коллингвудъ обратился къ Іоническимъ островамъ, и легко овладѣлъ Кефалоніею, Зантомъ, Чериго, Итакою. Владычество Англичанъ на моряхъ было безспорное. Корабли Французовъ и ихъ союзниковъ не смѣли выйдти ни изъ одной гавани, въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, ибо всюду ожидали ихъ Англичане и вѣрная гибель или плѣнъ. Контръ-адмиралъ Боденъ долженъ былъ конвоировать тулонскіе транспорты съ запасами въ Барцеллону. Едва оставилъ онъ тулонскую гавань, на него напалъ контръ-адмиралъ Мартинъ, принудилъ его укрыться въ устьѣ Роны и сжечь корабли; транспортъ бѣжалъ въ Розесскій заливъ, и былъ тамъ взятъ. Противный вѣтеръ принудилъ англійскаго адмирала Гамбіера отойдти отъ Бреста. Пользуясь его удаленіемъ, контръ-адмиралъ Вилломезъ, Февраля 21-го, вышелъ изъ Бреста и перешелъ въ Лорьанъ. Здѣсь соединились 11 французскихъ кораблей. Гамбіеръ явился у Лорьана съ 11-ю кораблями, 6-ю фрегатами, 11-ю

корветтами, 32 брандерами и пловучею *адскою машиною,* состоявшею изъ огромнаго плота, начиненнаго 1500-ми боченковъ пороху и 400-ми бомбъ. Машина была зажжена и пущена въ гавань, произвела много шуму и треска, но причинила мало вреда. Англичане успѣли однако жъ сжечь 4 корабля французскіе; другіе отбились и принудили ихъ удалиться. Всѣ сіи экспедиціи не имѣли никакого единства въ дѣйствіяхъ и никакой особенной цѣли, кромѣ нанесенія частнаго вреда. По усиліи, въ коихъ истощались Англичане на частныя экспедиціи, заставляли полагать, что Англія устремитъ особенное вниманіе на дѣла въ Испаніи.

Тамъ оправдывались всѣ сомнѣнія и предположенія Наполеона. Слабость короля Іосифа и несогласія между маршалами, при неспособности Журдана, котораго не хотѣли притомъ слушать, едва не лишили Наполеона плода всѣхъ побѣдъ его, не смотря на отдѣльные подвиги храбрости безспорной.

Мы видѣли въ началѣ 1809 Саррагоссу покоренною, короля Іосифа въ Мадритѣ, Нея охраняющаго Галицію, Себастіани Гвадіану, Сенъ-Сира Катлаонію, Келлермана въ Валладолидѣ, Сульта на походѣ въ Португалію изъ Галиціи, Виктора, идущаго на подкрѣпленіе его по теченію Таго, Лаписа, слѣдующаго туда изъ Саламанки.

Англичане не переставали подкрѣплять Португалію деньгами и войсками. Они переслали туда въ одинъ годъ до 600 тысячь фунтовъ стерл. наличною моне-

тою. Участь Мура и Берда не устрашала ихъ. Оправданный судомъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, Артуръ Веллеслей, побѣдитель Жюно, былъ назначенъ начальникомъ войскъ португальскихъ и англійскихъ, и отправленъ въ Лиссабонъ съ новыми силами. Бересфордъ успѣлъ одушевить Португальцовъ, и, не дожидаясь Веллеслея, готовился встрѣтить Французовъ мужественно. Онъ сосредоточилъ свои войска на Таго въ Леиріи и Абрантесѣ, предоставляя защиту сѣверной Португаліи толпамъ инсургентовъ, предводимыхъ генералами Фрейромъ и Сильвеирою, и подкрѣпляемыхъ отрядами Ла-Романа, бѣжавшими изъ Галиціи, когда онъ самъ удалился въ Астурію. Сультъ переправился черезъ Миньо въ Орензѣ, разбилъ отряды Ла-Романа, и занялъ Хавезъ. Инсургенты не испугались, обвинили въ измѣнѣ Фрейра, убили его, передали власть какому-то ганноверскому полковнику, и ждали Сульта передъ Брагою. Въ числѣ ихъ былъ полкъ семинаристовъ, образованный епископомъ брагскимъ. Сультъ разбилъ ихъ, занялъ Брагу и приблизился къ Опорто. Инсургенты не уступали. Они рѣзали и терзали плѣнныхъ, умертвили начальника своего, когда онъ согласился переговаривать съ Сультомъ, и едва могли отнять у нихъ генерала Фуа, посланнаго предложить о сдачѣ Опорто, гдѣ, кромѣ жителей, соединилось все народонаселеніе Браги, бѣжавшее изъ своихъ родныхъ жилищъ. Марта 29-го Сультъ взялъ Опорто приступомъ, послѣ отчаянной защиты, и принужденъ былъ допустить грабежъ разъяреннымъ солдатамъ. Въ Опорто

найдено 200 пушекъ. Инсургенты удалились къ Коимбрѣ. Но побѣда ни къ чему не послужила. Собрались новыя толпы инсургентовъ, отрѣзали сообщенія съ Миньо, выжгли, оголодили окрестности и даже осадили отрядъ Ламартиньера въ Туи, на Миньо, предводимые аббатомъ Конто. Надлежало очистить отъ нихъ область, а между тѣмъ Сультъ не видѣлъ помощи ни отъ Нея, ни отъ Виктора. Юнта испанская успѣла собрать огромныя силы и поручила ихъ старому, храброму генералу Куэстѣ. Онъ занялъ Алмаразъ на Таго и угрожалъ въ тылъ Виктору, который рѣшился сперва идти и разбить его. Куэста началъ отступать, удалился за Гвадіану. Викторъ преслѣдовалъ его и перешелъ Гвадіану въ Меридѣ. Марта 27-го Куэста осмѣлился на бой при Меделинѣ, былъ разбитъ, потерялъ до 7000 убитыми и ранеными, 5000 плѣнными; въ упорной битвѣ, Французы лишились до 4000. Не смотря на то, что наканунѣ Себастіани разбилъ корпусъ Инфантадо при Вилла-Реалѣ и заставилъ его укрыться въ Моренскихъ горахъ, Викторъ не могъ оставить занятыхъ имъ мѣстъ, слыша, что Куэста, бѣжавшій въ разстройствѣ съ поля битвы, уже опять собираетъ войска. Дѣйствительно, въ концѣ Апрѣля Куэста снова имѣлъ до 30 тысячь. Когда Куэста отвлекъ Виктора, Ней, имѣя не болѣе 18 тысячь, долженъ былъ защищать Галицію, укрощая въ ней возстанія, угрожаемый Ла-Романою изъ Астуріи, куда отъ Англичанъ доставлены были моремъ запасы и оружіе. Сультъ оставался въ опустошенной сѣвер-

ной Португаліи, имѣя не болѣе 20 тысячъ войска, опасаясь движенія отъ Таго 30-ти тысячнаго войска Бересфорда и Краддока, удерживая Опорто и уничтожая повсемѣстное возстаніе. Едва освободили отъ осады Туи и заняли Валенцу, Силвейра отнялъ Хавезъ и сталъ на берегахъ Монтего, а генералъ Ботельго, съ другими португальскими отрядами, занялъ Брагу. Делабордъ и Луазонъ разбили Силвейру при Асиранте, но Сультъ узналъ тогда о новой опасности. Апрѣля 26-го Веллеслей вышелъ на берегъ въ Лиссабонѣ и устремился къ Коимбрѣ съ 20 тысячами. Вмѣстѣ съ нимъ двинулись Бересфордъ и Краддокъ на Миньо, отрѣзывая отступленіе. Сультъ видѣлъ невозможность противиться тройному числу непріятелей, подкрѣпляемыхъ отчаянною защитою инсургентовъ, при недостаткѣ запасовъ и необходимыхъ средствъ пропитанія. Солдаты его приходили въ отчаяніе, и даже между ними составлялся заговоръ. Заговорщики хотѣли арестовать Сульта и начать переговоры о капитуляціи. Сультъ показалъ дарованія и хладнокровіе необыкновенныя. Онъ началъ стягивать свои отряды, намѣреваясь оставить Опорто, разбилъ англійскіе отряды Паджета и Гилля, успѣвшіе заступить ему путь, и соединился съ Луазономъ и Делабордомъ. Искусными переходами черезъ горы, отвсюду окружаемый, сражаясь на каждомъ шагу, онъ успѣлъ перейдти за Миньо и укрыться въ Галиціи, потерявъ нѣсколько орудій. Здѣсь, къ изумленію своему, вмѣсто войскъ Нея, онъ встрѣтилъ войска Ла-Романы: Ней рѣшился очистить отъ

Испанцовъ Астурію, но Ла-Романа не дождался его, и когда Ней двигался въ Астурію, онъ параллельно ему шелъ въ Галицію. Испанцы заняли здѣсь Сантъ-Яго, угрожали Корунье и осадили Луго. Приходъ Сульта заставилъ Ла-Роману удалиться за Миньо.

Отступленіе Сульта было подвигомъ необыкновеннымъ, но его представили Европѣ бѣгствомъ, и славили Веллеслея, вторично избавившаго Португалію. Возстаніе Испаніи усилилось, и Веллингтонъ, медленностью своею упустившій Сульта, рѣшился вознаградить за то походомъ въ Испанію. Отправя Бересфорда на Альменду, наблюдать Сульта и Нея, онъ отрядилъ генерала Вильсона, съ легкимъ войскомъ, отрѣзать сообщенія Мадрида съ Галиціею, выступилъ по теченію Таго, устремился прямо къ Мадриду, и звалъ къ себѣ Куэсту, съ его 40-ка тысячною арміею, требуя, чтобы 30 тысячь Испанцовъ, предводимыхъ Венегасомъ, дѣйствовали на Мадридъ со стороны Толедо, когда Бересфордъ удержитъ Нея и Сульта, если они устремятся на сообщеніе съ Португаліею. Планъ былъ изобрѣтенъ хорошо, но исполняемъ нерѣшительно и несогласно. Появленіе Англичанъ въ Испаніи встревожило короля Іосифа и Журдана. Они сблизили къ Мадриду Себастіани и Виктора, составили корпусъ въ 45 тысячь, и выступили на встрѣчу Веллеслея, отправя, Іюля 22-го, приказаніе Нею и Сульту поспѣшнѣе идти черезъ Саламанку на берега Таго и соединиться съ ними въ Пласенсіи. Бельяръ оставленъ былъ охранять Мадридъ; двухтысячный отрядъ остался

въ Толедо наблюдать Ванегаса. Веллеслей уже успѣлъ тогда соединиться съ Куэстою, достигъ сліянія рѣки Алберки съ Тагомъ и находился въ Талаверѣ Ла-Рейнѣ. Соединясь съ Куэстою, Веллеслей имѣлъ болѣе 60,000, и занятая имъ позиція была неприступна. Осторожность и медлительность движеній Веллеслея, ожидавшаго извѣстій отъ Бересфорда и Ванегаса, и свѣдѣній о движеніяхъ Нея и Сульта, казались признакомъ робости. Привыкнувъ бить Испанцовъ съ малыми силами, Викторъ предложилъ нападать, не ожидая Сульта и Нея, и увлекъ въ безразсудное предпріятіе старика Журдана. Французы приблизились, Іюля 27-го, къ высотамъ Талаверскимъ; неравенство силъ увеличено было тактическими ошибками. Викторъ устремился овладѣть высотами, гдѣ стояло лѣвое крыло Англичанъ; его отразили пальбою и штыками. На другой день возобновлено было нападеніе. Планъ битвы принятъ прежній. Французы истощали усилія храбрости въ частныхъ нападеніяхъ на лѣвое крыло Англичанъ, и потомъ начали аттаку на правое крыло, гдѣ стояли Испанцы. Убійственный огонь артиллеріи разстроивалъ всѣ аттаки ихъ; стройный отпоръ штыками разрушалъ отряды, успѣвавшіе достигнуть высотъ, занятыхъ Англичанами, и преслѣдованіе конницы довершало гибель ихъ при отступленіи. Къ вечеру нападеніе прекратилось, и битва кончилась перестрѣлкою и канонадою. Ночь разлучила сражавшихся. Извѣстясь на другой день, что Вильсонъ явился въ Поваль-Карреро, угрожая Мадриду, Журданъ и

Викторъ рѣшились отступать. Викторъ сталъ за Алберкою; Журданъ и Себастіани влѣво, въ Иллесказѣ.

Всѣ сіи дѣйствія не показывали обоюдно большаго воинскаго искусства, если храбрость была одинакова съ обѣихъ сторонъ. Веллингтонъ выигралъ Талаверское сраженіе оборонительно, какъ Беннингсенъ Гейльсбергское, но оно было кровопролитно и стоило Французамъ до 10,000 убитыми и ранеными. Потеря Англичанъ простиралась до 6000; Испанцовъ погибло до тысячи человѣкъ; Французы потеряли 17 орудій и 5 знаменъ. «Скажите Австрійцамъ, что я выдалъ на нихъ вексель при Талаверѣ!» горделиво говорилъ Веллингтонъ, и громкими возгласами возвѣщено было въ Европѣ, послѣ бѣгства Сульта изъ Португаліи, новое бѣгство его, соединенно съ Неемъ изъ Галиціи, ибо движеніе ихъ на Таго, въ слѣдствіе приказа Іосифа, было также приписано генію Веллингтона. Наконецъ, вступленіе Англичанъ въ Испанію и Талаверская битва, данная вблизіи Мадрида, провозглашены дѣломъ великаго искусства и неслыханнаго мужества, сопровождаемыя обѣщаніями вскорѣ изгнать изъ Мадрида Французовъ. Веллеслея осыпали наградами: онъ былъ возведенъ въ достоинство виконта Веллингтона де-Талавера; Испанская юнта прислала ему чинъ генералъ-капитана (фельдмаршала), и объявила его главнокомандующимъ испанскихъ войскъ. Принцъ регентъ португальскій пожаловалъ его барономъ Дуро де-Веллеслей и генералиссимусомъ португальскихъ войскъ.

Когда Веллингтонъ провозглашалъ свою побѣду, грозная экспедиція англійская выступила наконецъ изъ британскихъ гаваней. Уже давно не соединяли Англичане столь огромныхъ силъ. Онѣ состояли изъ 39 линѣйныхъ кораблей (34 о 74-хъ, 2 о 80-ти пушкахъ), 28 фрегатовъ и 130 мелкихъ судовъ; 50000 войска составляли дессантъ, подъ начальствомъ лорда Чатама. Четыре адмирала: Страханъ, Гарднеръ, Отвай и Китсъ, предводили флотомъ. Цѣлью экспедиціи было назначено истребленіе флота въ устьѣ Шельды, и разрушеніе обширныхъ морскихъ построекъ Антверпена, стоившихъ милльоны Наполеону. Іюля 29-го экспедиція стала у острова Валхерена, на западномъ рукавѣ Шельды. Адмиралъ Миссіеси спѣшилъ отвести французскіе и голландскіе корабли, по Шельдѣ, въ Антверпенъ. Англичане овладѣли Миддельбургомъ, заняли островъ Шувесъ и блокировали Флессингенъ, защищаемый генераломъ Монне, съ 5000. Разрушаемая страшнымъ огнемъ артиллеріи, крѣпость сдалась, Августа 18-го.

Вмѣстѣ съ великолѣпными разсказами о побѣдахъ Веллингтона, близкомъ взятіи Мадрида и Антверпена и возстаніи Голландіи, англійскіе послы спѣшили убѣждать Австрію не мириться. Уже съ самаго начала войны начались дѣятельныя сношенія Англичанъ съ Австріею. Быстрота побѣдъ Наполеона на Дунаѣ перервала переговоры; но ихъ возобновили послѣ Асперна, медлили, спорили, требовали съ одной, обѣщали съ другой — и ничего не рѣшали съ обѣихъ сто-

ронъ. Ваграмская побѣда оживила дѣятельность Англичанъ. Они снова увѣряли Австрію не только въ своей помощи, но и въ союзѣ съ Россіею. Второе увѣреніе основывалось на новыхъ отношеніяхъ Россіи къ Наполеону.

Мы говорили о слабомъ содѣйствіи русскихъ войскъ и несогласіяхъ Императора Александра съ Наполеономъ. То и другое не только продолжилось, но даже усилилось. Русскіе не допустили возстанія Поляковъ въ Галиціи, оставили вездѣ австрійскихъ правителей, заняли земли до Вислы, и когда Понятовскій хотѣлъ занять Краковъ, Русскіе воспротивились тому. При упорствѣ его, они вмѣстѣ съ нимъ заняли Краковъ, Іюня 9-го. Австрійская Польша была очищена отъ австрійскихъ войскъ послѣ Цнаимскаго перемирія, но войска русскія усилены. Всѣ сіи дѣла возбуждали жалобы Наполеона. «Если Императоръ Александръ не хочетъ мнѣ помогать, за чѣмъ же онъ мнѣ мѣшаетъ?» говорилъ Наполеонъ. «Безъ вмѣшательства Русскихъ, Понятовскій возстановилъ бы всю Польшу, выгналъ Австрійцовъ и привелъ мнѣ 50 тысячь храбраго войска.» На его жалобы Александръ отвѣчалъ вопросами: почему Понятовскій и войско его, подданные Саксоніи, называютъ себя въ прокламаціяхъ *Поляками* и занимаютъ города *во имя Наполеона*, уничтожая власть Австріи? «Неужели опять возникаетъ вопросъ о Польшѣ?» говорилъ онъ. «Я уже сказалъ, что *не допущу ни возстановленія Польши, ни увеличенія Варшавскаго Герцогства*.» — Мнѣ нельзя оста-

вить во власти австрійскихъ областей, возставшихъ на помощь мнѣ, и предать мщенію Австріи великодушныхъ Поляковъ — отвѣчалъ Наполеонъ — но я снова увѣряю, что не только не думаю возстановлять Польшу, но строго запрещу упоминать даже имя ея. — Александръ замѣтилъ, что если уже Австрія должна лишиться Польши, онъ согласенъ составить изъ австрійскихъ польскихъ областей особое государство и отдать его кому нибудь изъ австрійскихъ принцовъ. Иначе — раздѣлить ихъ: дайте часть мнѣ, и въ такомъ случаѣ я готовъ уступить другую часть Саксоніи. «Не понимаю,» говорилъ онъ Коленкуру, «какъ вы можете мѣнять меня на Поляковъ, народъ легкомысленный и неблагодарный! Для блага общаго, не надобно трогать вопроса о Польшѣ и возбуждать единственное препятствіе въ искренней дружбѣ нашей.» — Если дѣло идетъ о Польшѣ,» говорилъ Коленкуру Румянцовъ, «я первый готовъ присовѣтовать на все отважиться и на ни что не соглашаться!» Дружескія сношенія не прекращались спорами. Привѣтъ Коленкуру въ Петербургѣ былъ прежній. Получивъ письмо Наполеона о ваграмской побѣдѣ ночью, Александръ немедленно увѣдомилъ о томъ Коленкура собственноручною запискою: «Поздравляю васъ съ блестящими успѣхами. Я получилъ премилое письмо отъ императора. Приходите завтра обѣдать. Въ ожиданіи, поздравляю васъ.» Отправляя въ Петербургъ одного изъ русскихъ офицеровъ, Наполеонъ говорилъ о неизмѣнности чувствъ своихъ, и прибавилъ: «Между

нами вышли небольшія недоумѣнія о Польшѣ, по свѣтъ такъ великъ, что можно поладить!» — «Если рѣчь о возстановленіи Польши, императоръ Наполеонъ ошибается,» замѣтилъ Александръ, услышавъ о словахъ Наполеона. «Въ этомъ отношеніи поладить намъ мало цѣлаго свѣта, потому что я ничего не возьму!» Впрочемъ, онъ писалъ Наполеону, Августа 21-го, когда шли переговоры съ Австріею: «Мои пользы передаю въ руки В. В. Мнѣ пріятно имѣть полную довѣренность къ вашей дружбѣ. Вы можете дать мнѣ вѣрное въ томъ свидѣтельство, припоминая то, что̀ я многократно говорилъ вамъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ объ отношеніяхъ Россіи къ прежде бывшей Польшѣ.... Мое первое желаніе удалить все, что̀ можетъ вредить нашему союзу, дабы онъ могъ болѣе и болѣе упрочиваться»....

Увидимъ далѣе, что̀ думали тогда Наполеонъ и Александръ. «Я доволенъ, что Россія хоть не противъ меня, если мнѣ и не помогаетъ!» говорилъ Наполеонъ; но тогда уже рѣшены были имъ будущія отношенія его къ Россіи. Онъ пожималъ плечами, получая извѣстія о дѣлахъ въ Испаніи. «Что за глупости!» говорилъ онъ.» Дайте мнѣ сюда такія войска, какъ корпуса Сульта, Нея, Мортье—и посмотрѣли бы, какъ я отдѣлалъ бы тогда Австрійцовъ!» Онъ осуждалъ безразсудную битву талаверскую. «Идутъ драться съ неизвѣстнымъ непріятелемъ, и не думаютъ собрать болѣе войска! Я побольше другихъ смыслю въ войнѣ, имѣю дѣло съ непріятелемъ, котораго хорошо знаю

и бивалъ, но и тутъ собираю всегда сколько можно больше войска. Надобно быть мнѣ самому вездѣ!» Появленіе Англичанъ въ устьѣ Шельды мало встревожило его, когда онъ узналъ подробности нападенія. Онъ опасался только одного быстраго движенія Англичанъ на Антверпенъ. «Монне я велю отрубить голову!» вскричалъ онъ, услышавъ о сдачѣ Флессингена. Его успокоили извѣстія отъ короля Людовика, что онъ занялъ Антверпенъ войскомъ. Подробныя наставленія послалъ Наполеонъ Людовику, отправляя къ нему Бессьера, и былъ гораздо болѣе обезпокоенъ извѣстіемъ о тревогѣ, какую надѣлало нападеніе Англичанъ во Франціи, и мѣрахъ, своевольно принятыхъ для защиты Антверпена правителями Франціи. Фуше, занимавшій тогда должность министра внутреннихъ дѣлъ, послучаю смерти Крете, настращалъ Камбасереса и уговорилъ его собрать около Антверпена болѣе 30 тысячь народной гвардіи. Посылая приказы о томъ мерамъ, Фуше возглашалъ о славѣ Франціи, объ усердіи къ защитѣ. «Докажемъ Европѣ, что если геній Наполеона можетъ увеличить славу Франціи, *его присутствіе не необходимо для отраженія враговъ отъ нашихъ предѣловъ*,» прибавлялъ Фуше. Что хотѣлъ онъ сказать сими словами? что Франція могла *обойдтись* безъ Наполеона? Для чего тревога и сборъ войска? Еще страннѣе былъ выборъ начальника надъ антверпенскою арміею. Бернадоттъ, пріѣхавшій въ Парижъ послѣ увольненія его отъ начальства войсками, предложилъ поручить начальство ему, и Фуше угово-

рилъ Кларка и Камбасереса согласиться. Бернадоттъ поскакалъ въ Антверпенъ, принялъ начальство, гремѣлъ въ своихъ приказахъ, называлъ себя «защитникомъ чести и славы Франціи.» Чего хотѣли Бернадоттъ и Фуше? Поступокъ ихъ былъ ли неосторожнымъ мщеніемъ за оскорбленія, какія нанесъ Наполеонъ, одному по возвращеніи своемъ изъ Испаніи, другому послѣ ваграмской дерзости его, или означалъ измѣну и заговоръ? Бернадотта смѣнилъ Бессьеръ; Камбасересу посланъ былъ строгій выговоръ, и Кларкъ объявилъ Бернадотту приказъ снова ѣхать въ Германію. Но опасность грознаго нападенія Англичанъ тогда уже миновалась. Послѣ взятія Флессингена, Чатамъ обратился къ Антверпену, увидѣлъ грозныя баттареи, защищавшія берега Шельды, войска, готовыя встрѣтить его, и донесъ о невозможности успѣха. Ему прислано повелѣніе возвратиться въ Англію, оставя только часть войска на Валхеренѣ. Сентября 2-го, половина англійскаго войска оставила безполезное завоеваніе; другая половина осталась погибать въ болотахъ Валхерена.

Соображая все, Наполеонъ видѣлъ необходимость мира, и самъ предложилъ о томъ князю Лихтенштейну, пріѣхавшему говорить о размѣнѣ плѣнныхъ. Предложеніе передано было императору Францу. Назначили министровъ Шампаньи и Меттерниха. Августа 17-го, они съѣхались въ альтенбургскомъ замкѣ, и Меттернихъ ужаснулся условій мира: отдача земель Баваріи по Иннъ, Штиріи, Кроаціи и Иллиріи Франціи,

австрійской Польши и части Богеміи саксонскому королю; уменьшеніе австрійскихъ армій въ половину; уничтоженіе милиціи, и *двѣсти милльоновъ* контрибуціи. Таковы были условія. Наполеонъ говорилъ, что «онъ хочетъ обезопасить себя на будущее время; ибо не можетъ имѣть довѣренности къ легковѣрному, слабому, увлекаемому совѣтами другихъ монарху Австріи.» При несогласіи, другое условіе было предложено еще страшнѣе: отдѣлить отъ Австріи и сдѣлать самобытными государствами Венгрію и Богемію. «Если вы не согласны ни на то, ни на другое, пусть императоръ Францъ откажется отъ престола и отдастъ его эрцъ-герцогу Карлу, либо эрцъ-герцогу Фердинанду (бывшему тосканскому герцогу), ибо къ нимъ только я могу имѣть довѣренность» говорилъ Наполеонъ. Тщетно императоръ Францъ, объявляя о началѣ переговоровъ, въ своемъ объявленіи говорилъ, что онъ «не подпишетъ безславнаго мира послѣ стольких пожертвованій» и напрасно обращалъ онъ умоляющіе взоры къ Англіи — онъ видѣлъ ничтожныя слѣдствія ея побѣдъ въ Испаніи, безполезность ея высадки въ Голландію. Вотще обратился онъ, наконецъ, съ просьбою о посредничествѣ къ Императору Александру. Письмо его было переслано Наполеону, который, съ своей стороны, просилъ Александра прислать для переговоровъ Румянцова, или другаго министра. Александръ отклонилъ отъ себя предложеніе, совершенно предоставляя участь Австріи волѣ наполеоновой.

Напрасно истощались послѣ того въ спорахъ австрійскіе дипломаты. Переговоры тянулись. Наполеонъ былъ непреклоненъ. Въ половинѣ Сентября дѣло доходило почти до разрыва. Наполеонъ увѣдомилъ о томъ князя Голицына, требуя отъ него положительнаго свѣдѣнія о томъ, до какой степени можетъ онъ надѣяться на помощь русскихъ войскъ, въ случаѣ предвидимаго возобновленія войны? Вѣну укрѣпляли и также укрѣпленія сдѣланы были по Дунаю, въ Пассау, Линцѣ, Мелькѣ, и за Дунаемъ, въ Раабѣ и Грацѣ. Наполеонъ распоряжался защитою Вѣны и Австріи, какъ будто своей столицы, своего государства. Корпусъ Жюно въ сѣверной Германіи составлялъ уже до 30 тысячь, кромѣ усиленія ополченій Вестфальцовъ. Корпусъ Понятовскаго составилъ 40 тысячь. До 50 тысячь выздоровѣвшихъ и пришедшихъ изъ Франціи дополнили корпусъ Мармона, стоявшаго въ Кремсѣ, и корпусъ Даву, расположенный на аустерлицкомъ полѣ. Наполеонъ осматривалъ оба корпуса, и щедро разсыпалъ награды, деньги, титулы, ордена. Онъ хотѣлъ даже тогда учредить новый орденъ: Трехъ Золотыхъ Рунъ, въ противоположность знаменитому ордену Золотаго Руна. Декретъ объ немъ былъ изданъ, но потомъ отмѣненъ. Каждому солдату, потерявшему руку или ногу въ битвѣ, назначено по 500 франковъ пенсіи; семейству каждаго убитаго солдата также по 500, а безногимъ и безрукимъ офицерамъ и семействамъ убитыхъ офицеровъ не менѣе 2000. Сенату послано повелѣніе воздвигнуть въ Па-

рижѣ, близъ Новаго Моста, обелискъ, въ 180 футовъ вышиною, въ память похода 1809 года, съ надписью: *Императоръ Наполеонъ Французскому народу*. Наполеонъ объѣхалъ все расположеніе войскъ, пообозрѣвалъ крѣпости въ Венгріи, въ Моравіи, и подробно осматривалъ мѣсто аустерлицкой, шенграбенской, асперпской, ваграмской, раабской битвъ, окруженный своими сподвижниками, изучая съ ними мѣстоположеніе, вспоминая славное прошедшее. «Господа, вотъ мы въ другой разъ на аустерлицкомъ полѣ!» говорилъ онъ своимъ маршаламъ. «Какъ вы думаете: придемъ ли мы еще сюда въ третій разъ?» — Государь! я не стану биться объ закладъ, что случится еще быть здѣсь и въ третій,» отвѣчалъ ему кто-то. «Постараемся не быть,» замѣтилъ Наполеонъ. «Я доведу Австрію до того, что впередъ она не захочетъ испытывать силы въ борьбѣ со мною.»

Два строгія повелѣнія даны были тогда въ Вѣнѣ Наполеономъ. Однимъ налагалась контрибуція на занятыя французскими войсками области. Она составляла до 200 милльоновъ франковъ, кромѣ 50-ти, отдѣльно наложенныхъ на Вѣну, и реквизицій въ натурѣ, которыя были весьма огромны. *) Другое повелѣніе касалось укрощенія Тироля. Въ силу цнаимскаго перемирія, Австрійцы должны были очистить

*) Штирія, имѣвшая 800 тысячъ жителей, обязана была внести 12,000 квинталовъ хлѣба, болѣе 120 тысячъ аршинъ сукна, до 65 тысячъ аршинъ холста, 6000 войлоковъ, до 100,000 фунтовъ разныхъ кожъ. Можно судить о сборахъ съ другихъ мѣстъ по сему размѣру.

Тироль. Приведенные въ отчаяніе удаленіемъ защитниковъ, Тирольцы напоминали имъ обѣщанія императора Франца, не хотѣли отпускать Австрійцовъ; рѣшались даже насильно удержать ихъ. Наполеонъ не могъ оставить въ тылу своемъ гнѣздо опаснаго мятежа. Съ трехъ сторонъ пошли его войска: Лефевръ съ Баварцами на Инспрукъ, Руска по теченію Дравы, Итальянцы по теченію Адижа. Оставленный Шателеромъ въ Тиролѣ, генералъ Буоль обманомъ сдалъ Рускѣ крѣпость Саксенбургъ и удалился въ Штирію. Тирольцы рѣшились умереть, но не покориться. Началось въ третій разъ опустошеніе Тироля. Искусство было безполезно тамъ, гдѣ каждый утесъ былъ крѣпостью, и не только дрались мужчины, но женщины и дѣти. Казни и преслѣдованія умножили взаимную ненависть. Гоферъ явился искуснымъ предводителемъ ополченій и показалъ дарованія необыкновенныя. Напрасно предлагали Тирольцамъ помилованіе и прощеніе, обѣщали не отдавать ихъ Баваріи и присоединить къ Итальянскому королевству, все было отвергнуто, и успѣхъ защиты усилилъ упорство ея. Тирольцы уничтожили въ открытой битвѣ авангардъ Лефевра, и послѣ упорной драки, Августа 11-го, принудили его отступить въ Баварію. Руска поспѣшилъ послѣ сего отступленіемъ, и едва могъ пробраться въ Каринтію. Итальянцевъ прогнали до Вероны.

Наполеонъ не могъ отдѣлить пособія Лефевру въ Тироль; онъ сдвигалъ опять всѣ войска къ Вѣнѣ, гдѣ безуспѣшно тянулись безконечные переговоры о мирѣ.

Одинъ не уступалъ, другіе не соглашались. «Хочу мира, который упрочитъ мое спокойствіе раздѣленіемъ Австріи, либо ослабленіемъ силъ ея, или наконецъ, перемѣною властителя, и въ такомъ случаѣ согласенъ даже ничего не требовать. Новыя пріобрѣтенія мнѣ не важны. Довѣренность моя къ добродѣтели императора Франца полная, но я знаю, что онъ всегда согласенъ съ другими, и смѣнивши Стадіона, онъ подчинится первому его преемнику. Гдѣ же тутъ ручательство за будущее спокойствіе Франціи?» говорилъ Наполеонъ. «Давно были бы мы союзниками,» писалъ онъ императору Францу, «если бы интриги политиковъ, которые всегда тревожатъ васъ опасеніями за будущее, поддерживая власть Англіи надъ Европою, не преобладали при вашемъ Дворѣ. Да внушитъ вамъ благодѣтельный геній европейскихъ народовъ твердое рѣшеніе, чтобы это было теперь въ послѣдній разъ!» Споръ дошелъ наконецъ до того, что Меттернихъ и Шампаньи оставили Альтенбургъ и прекратили переговоры въ концѣ Сентября.

Слыша отказы Александра отъ участія въ переговорахъ, Наполеонъ слышалъ объ успѣхахъ, съ какими Россія старалась кончить между тѣмъ войну съ Турціею и Швеціею, и подозрѣнія его противъ Россіи усилились. Александръ приказывалъ своимъ полководцамъ дѣйствовать рѣшительно и наступательно, посылая одну армію къ Царьграду, другую къ Стокгольму. Къ прискорбію его, храбрый Багратіонъ, принявшій начальство послѣ князя Прозоровскаго, не показалъ въ ту-

рецкой войнѣ дарованій полководца. Онъ покорилъ Мачинъ; Гирсова и Кюстенджи сдались ему. Русскіе перешли за Дунай, обложили Силистрію, разбили Турковъ при Разсѣватѣ, заняли Мангалію, принудили сдаться Измаилъ, разбили снова Турковъ въ битвѣ при Татарицѣ, но Багратіонъ принужденъ былъ отступить отъ Силистріи, и хотя Браиловъ сдался ему, но всѣ сіи успѣхи не вели ни къ миру, ни къ рѣшительной побѣдѣ. Руководимые планомъ, какой въ 1807 году переданъ былъ Туркамъ отъ Наполеона, они не шли въ открытый бой, не страшились покоренія русскими войсками дунайскихъ крѣпостей, допускали Русскихъ гибнуть отъ климата, болѣзней и недостатковъ въ степяхъ булгарскихъ, и радостно увидѣли обратный переходъ Багратіона за Дунай. Напрасно, ободряя своего полководца, Александръ отозвалъ изъ арміи соперника его, Милорадовича, спорившаго съ нимъ — Багратіонъ поссорился съ канцлеромъ Румянцовымъ, позволившимъ себѣ упреки за то, что, имѣя огромную армію, онъ не успѣлъ принудить Турцію къ миру, и тѣмъ упустилъ благопріятное время, пока Франція занята была съ Австріею. Оскорбленный Багратіонъ просилъ увольненія, получилъ его, и уѣхалъ изъ арміи.

Успѣшнѣе были дѣла Русскихъ въ Швеціи. Король Карлъ XIII-й видѣлъ безполезность присутствія Англичанъ на Балтійскомъ морѣ, когда Русскіе воевали на берегахъ Швеціи, въ Вестро-Ботніи. Каменскій посланъ былъ туда, и отдѣленный отъ всякой

помощи, всюду поражалъ остатки Шведовъ. Съ наступленіемъ зимы можно было ожидать новаго похода Русскихъ къ Стокгольму, при удаленіи Англичанъ. Шведы предложили прекратить военныя дѣйствія и заключили перемиріе. Съ Іюля въ Фридрихсгамѣ вели уже переговоры о мирѣ. Обезнадеженные отказомъ Наполеона, Шведы рѣшились наконецъ на всѣ уступки, и канцлеръ Румянцовъ, съ барономъ Стединкомъ, подписали, Сентября 17-го, миръ. Посылая Румянцова, Александръ провелъ на картѣ Швеціи краснымъ карандашемъ черту отъ Ледовитаго моря черезъ Торнео по Ботническому заливу, включая Аландскіе острова, и сказавъ, что *сія черта должна быть границею Россіи.* Граница сія утверждена Фридрихсгамскимъ миромъ. Извѣстясь о заключеніи мира, Англичане прекратили блокаду русскихъ береговъ и удалились изъ Балтійскаго моря. Миръ Швеціи съ Даніею былъ подписанъ въ Іонкеппингѣ, Декабря 10-го. Принятіе континентальной системы было однимъ изъ условій мира Швеціи съ Россіею.

Извѣстія изъ Россіи съ одной, извѣстія изъ Испаніи и Голландіи съ другой стороны, казалось, споспѣшествовали мирному соглашенію между Наполеономъ и Австріею. Не смотря на разрушеніе альтенбургскаго съѣзда, переговоры о мирѣ не прекратились и даже сдѣлались живѣе, при посредствѣ двухъ повѣренныхъ, любимыхъ Наполеономъ: князя Лихтенштейна и графа Бубны. Они говорили лично съ Наполеономъ и съ Маре, безпрерывно переѣзжая изъ

Вѣны въ Буду и замокъ Дотшъ, гдѣ жилъ тогда императоръ Францъ. Наполеонъ неожиданно сдѣлался уступчивъ; въ главныхъ статьяхъ скоро уговорились. Меттернихъ и Шампаньи съѣхались въ Вѣнѣ и спорили о подробностяхъ. Первою изъ нихъ была контрибуція. Шампаньи требовалъ платы хоть сотни мильоновъ; Австрійцы давали 50-ть; Наполеонъ велѣлъ согласиться на 75-ти. «Вы стараетесь выторговать мнѣ сто мильоновъ — прекрасно!» говорилъ онъ Шампаньи. «Талейранъ не далъ бы мнѣ болѣе шестидесяти, укралъ себѣ десять, но заключилъ бы миръ двумя недѣлями ранѣе вашего!» Октября 10-го, Лихтенштейнъ и Шампаньи утвердили трактатъ шенбруннскій; 14-го, Наполеонъ ратификовалъ его и черезъ три дня уѣхалъ изъ Шенбрунна. Онъ остановился въ Пассау и потомъ въ Мюнхенѣ. Здѣсь дождался онъ ратификаціи императора австрійскаго, отправился немедленно далѣе, заѣхалъ на нѣсколько часовъ въ Штутгардтъ, въ Карлсруэ, и изъ Страсбурга быстро помчался во Францію. Октября 27-го онъ былъ уже въ Фонтенбло, гдѣ его вовсе не ждали и куда спѣшили явиться Жозефина, Камбасересъ, Фуше, придворные, сенатъ, законодательный корпусъ и тысячи народа. Едва пушечные выстрѣлы возвѣстили Парижу возвращеніе Наполеона, черезъ два дня въ Монитерѣ напечатанъ былъ славный шенбруннскій трактатъ. Наполеонъ являлся угрюмымъ противъ немногихъ, былъ благосклоненъ ко всѣмъ, и торжествами, пирами, милостями ознаменовано было

его возвращеніе, хотя всѣ замѣчали мрачную, безпокойную думу на челѣ его.

Шенбрунискій миръ доказывалъ торжество Наполеона и покорность Австріи. Утверждая всѣ сдѣланныя Наполеономъ прежде, и всѣ, какія будутъ сдѣланы имъ впредь распоряженія въ Европѣ, Австрія уступала Баваріи *Зальцбургъ* и *Берхтольдгаденъ*; Саксоніи нѣсколько мѣстечекъ, принадлежащихъ Богеміи; Герцогству Варшавскому всю *Австрійскую Польшу по лѣвому берегу Вислы, съ Краковомъ, и по правому отъ впаденія рѣки Сана и отъ ея теченія прямою чертою до Буга къ россійской границѣ*; Россіи — прилежащій къ Подоліи *Тарнопольскій уѣздъ*, и наконецъ Франціи *Фріуль, Тріестъ, Карніолію, Виллахъ въ Каринтіи, въ Кроаціи и Далмаціи всѣ земли по правому берегу Савы до границъ Турціи* (Босніи), *съ Фіумомъ, Истріею и всѣми островами*. Изъ 11,500 миль пространства, и 24-хъ милльоновъ жителей, составлявшихъ австрійскую монархію, до Шенбрунискаго мира, Австрія отдавала 2,151 милю и 3,504,632 жителей; Россіи 170 миль, 400 тысячь жителей; Герцогству Варшавскому 916 миль, 1,504,249 жителей; Баваріи 361 милю, 428,265 жителей; Франціи 704 мили, 1,174,118 жителей. Кромѣ того, Австрія утвердила уничтоженіе Тевтонскаго ордена, гроссмейстерство коего было отдано, въ 1805 году, эрцъ-герцогу Антонію, и предоставила распоряженіе помѣстьями ордена Наполеону. Она отдала еще Варшавскому Герцогству въ Величкѣ половину доходовъ отъ соли (около полу-

миллиона квинталовъ, цѣнимыхъ въ 6 миллионовъ франковъ) и приступала къ континентальной системѣ.

Шенбруннскій трактатъ возбудилъ, какъ всѣ прежніе трактаты Наполеона съ Австріею, множество толковъ; но ни одинъ прежній не породилъ столько негодованія въ приверженцахъ Наполеона, и столькихъ недоразумѣній со стороны его противниковъ. Дѣйствительно, казалось, что, заключая его, Наполеонъ нарочно хотѣлъ положить имъ основаніе къ новымъ раздорамъ въ будущемъ, вопреки увѣренію его, что онъ ищетъ утвержденія будущаго спокойствія Европы.

Надлежало поступать рѣшительно говорили одни — лишить Австрію средствъ нарушать спокойствіе Европы и Франціи, отнять у нея всю Польшу, отдѣлить отъ нея Венгрію и Богемію, обременить ее тяжелыми налогами и военнымъ постоемъ, какъ Пруссію. Наполеонъ оставилъ ей огромную силу: до девяти съ половиною тысячь миль пространства и болѣе двадцати милліоновъ жителей. Или надлежало быть великодушнымъ, не унижать Австріи потерями и оскорбительными условіями, и тѣмъ утвердить прочный союзъ съ нею.

Разсматриваемый въ томъ и другомъ отношеніи, шенбруннскій миръ, безспорно, не достигалъ цѣли: оставлялъ Австріи довольно силъ на вражду, и укрѣплялъ вражду ея потерями, особливо, еслибы кто могъ сообразить тайныя условія мира, отношенія, въ какія Австрія была ими поставлена, и распоряженія, коими сопровождался миръ шенбруннскій. Австріи наноси-

мы были смертельные удары потерями, важными не пространствомъ земель и числомъ народа, сю уступаемыхъ, но тѣмъ, что Австрія лишилась морской торговли съ потерею Тріеста, Истріи и Далмаціи, отдавала огромные доходы, какіе получала отъ сей торговли, отъ истрійскихъ ртутныхъ, польскихъ серебряныхъ, свинцовыхъ и желѣзныхъ рудниковъ, каринтійской мраморной ломки и величской соли. Отнятіемъ Далмаціи, Кроаціи, Каринтіи, Польши, обнажились Венгрія и Моравія; съ уступкою Зальцбурга открыта была военная дорога въ Вѣну. Присовокупите къ тому, что тайными условіями Австрія обязалась имѣть не болѣе 150,000 войска, и не укрѣплять, на Дунаѣ и Иннѣ, Браунау, Мелька и другихъ мѣстъ. Крѣпостные валы и стѣны во всѣхъ сихъ мѣстахъ были, при выступленіи, подорваны Французами. Еще оскорбительнѣе было, когда, послѣ отъѣзда Наполеона, взорвали, въ силу договора, вѣнскіе земляные валы. Тщетно жители Вѣны просили избавить ихъ отъ такого позора и представляли Наполеону безполезность обиды, ибо Вѣну не могли защитить и не защищали валы ея. Онъ былъ неумолимъ. Горькою насмѣшкою казалась послѣ того прокламація Наполеона къ жителямъ Вѣны, коею благодарилъ онъ ихъ за послушаніе и совѣтовалъ «быть вѣрными своему *доброму* монарху.» Кромѣ тяжкихъ поборовъ, разворенія арсеналовъ, истребленія запасовъ, вырубки лѣсовъ, уничтоженія крѣпостей, Австрія обязалась заплатить 85 милліоновъ контрибуціи, съ платежемъ изъ нихъ

30-ти немедленно и остальныхъ въ краткіе сроки. Французы обязались очистить послѣ того Австрію въ теченіе десяти недѣль. Наконецъ, по требованію Наполеона, Стадіонъ былъ уволенъ отъ званія министра, и мѣсто его отдано Меттерниху съ Лихтенштейномъ.

Такимъ образомъ, оставляя Австріи силу, Наполеонъ какъ будто старался истощить всѣ средства обидъ, усилить ненависть Австрійцовъ всевозможными оскорбленіями. Степень народной къ нему ненависти Германцовъ могъ онъ видѣть въ возстаніи Тироля, и за четыре дня до отъѣзда его изъ Шенбрунна явилось еще болѣе близкое тому доказательство. Въ Шенбруннѣ былъ парадъ, гдѣ присутствовалъ Наполеонъ, и, по обыкновенію, были толпы народа, приходившія смотрѣть его парады. Всѣ мѣры предосторожности принимались для его безопасности. Народъ не допускали приближаться къ Наполеону. Онъ стоялъ между Бертье и Раппомъ, когда окружавшіе его замѣтили, что какой-то молодой человѣкъ старается пробраться къ нему. Видъ незнакомца и упорство его протѣсниться къ Наполеону показались подозрительными; незнакомца схватили, нашли у него большой ножъ, портретъ молодой дѣвушки, письмо къ отцу его и матери, гдѣ онъ называлъ себя призваннымъ отъ Бога на какое-то *великое дѣло* *). При первомъ вопросѣ

(* «Я долженъ, да, я долженъ идти и исполнить волю Бога!» сказано было въ письмѣ Штапса. «Иду спасти людей отъ бездны рабства и заслужить смерть святую и славную. Простертый на землѣ, я воздѣлъ руки къ Небу и призывалъ Все-

о томъ, зачѣмъ старался онъ пробраться къ Наполеону, незнакомецъ отвѣчалъ, что хотѣлъ убить его. Съ связанными руками приведенный предъ Наполеона, онъ былъ спокоенъ, возбудилъ его жалость своею юностью и изумилъ его хладнокровнымъ разговоромъ. Незнакомецъ объявилъ, что онъ сынъ наумбургскаго пастора, Штапса, что ему 18 лѣтъ и что онъ нарочно пришелъ въ Вѣну исполнить свое великое предпріятіе. «Ты сумасшедшій! Ты боленъ!» сказалъ ему Наполеонъ. — Я въ здравомъ умѣ и здоровъ. — «За что хотѣлъ ты меня убить?» — Ты губишь мое отечество.—«Но тебѣ я не сдѣлалъ зла.» — Я Германецъ!— «Если я прощу тебя, оставишь ли ты свой замыселъ?» — Прощенья твоего я не требую, и умру радостно, а если меня освободятъ, первое дѣло мое будетъ искать снова случая убить тебя. — «А преступленіе? Уже-

могущаго. Яркій свѣтъ поразилъ глаза мои. Богъ явился мнѣ во всемъ своемъ величіи. Очи Его сверкали молніями, и гласъ Его уподоблялся грому. Я слышалъ глаголы Его:» Иди, покорствуй гласу Бога! Онъ поведетъ тебя, Онъ укрѣпитъ руку твою! Не страшись пожертвовать жизнью! Видишь: своды неба отверсты, и я жду тебя въ вѣчномъ блаженствѣ!» Нѣтъ, драгоцѣнные родители! Не жалѣйте о сынѣ вашемъ! Поздравьте его, оставляющаго суету міра для наслажденій неба. — Совѣты ваши будутъ безполезны! Я молилъ Бога и говорилъ ему: «Отецъ небесный! долженъ ли я страшиться моего дѣла? — «Я веду тебя» — отвѣчалъ мнѣ громовый гласъ — «чего жъ тебѣ еще надобно? Иди и будь безъ страха!» — Въ воскресенье я былъ въ церкви, и слова проповѣди укрѣпили меня. Какъ превосходно говорилъ пастырь, что духъ человѣка не умираетъ за предѣлами гроба!»

ли ты не страшишься его?» — Убить тебя не преступленіе, но долгъ каждаго Германца. — «Чей портретъ нашли у тебя?» — Дѣвушки, которую я люблю. — «Смерть твоя опечалитъ ее». — Ее опечалитъ моя неудача — она ненавидитъ тебя, какъ я ненавижу. — Призвали врача Корвизара. Онъ пощупалъ пульсъ, распросилъ убійцу и сказалъ, что онъ совершенно здоровъ и въ полномъ умѣ. У Наполеона недостало великодушія оставить жизнь несчастному изувѣру. Штапса судили и разстрѣляли. Онъ смѣло шелъ на мѣсто казни, и умеръ съ молитвою, называя себя мученикомъ.

Политики европейскіе рѣшительно изумились бы шенбрунскому миру, еслибы знали въ какія отнощенія ставитъ онъ Наполеона къ Россіи. Льстя безпрерывно увѣреніями Императора Александра, онъ писалъ къ нему, даже Октября 10-го, что миръ утвержденъ, «*самый выгодный для Австріи,*» что она «теряетъ только Зальцбургъ, и уступаетъ Франціи путь въ Далмацію.» «Надѣюсь,» говорилъ Наполеонъ, «что В. В. будете довольны *моею умѣренностью*, и что я исполнилъ все вамъ угодное.» Темно объяснялъ Наполеонъ о Польшѣ, что *большая часть не перемѣняетъ властителя*, что *выгоды Россіи притомъ соблюдены*, и что *благоденствіе Варшавскаго Герцогства требовало необходимыхъ перемѣнъ*, утвержденныхъ шенбрунскимъ миромъ. И что же увидѣлъ Императоръ Александръ, получивъ шенбрунскій трактатъ? Раздѣленіе, униженіе Австріи и — главное: не толь-

ко *единственное* условіе и требованіе его — не трогать Польши, не было уважено, но Варшавское Герцогство усиливалось вдвое противъ прежняго; изъ пяти милліоновъ Поляковъ, принадлежавшихъ Австріи, *полтора* милліона присоединялись къ герцогству. Краковъ, Замосцье, Люблинъ, доходы Велички умножили силу его, и границы его сближались съ Россіею почти на все протяженіе Буга. Чтó, кромѣ презрительной насмѣшки, значила послѣ того передача ничтожнаго Тарнополя Россіи, особливо, когда притомъ именно было утверждено, что торговый городъ Броды въ Тарнопольскомъ округѣ долженъ былъ остаться за Австріею? Къ чему было вѣроломное письмо Наполеона отъ 10-гó Октября, и всѣ его прежнія увѣренія?

Октября 27-го Коленкуръ получилъ трактатъ шенбруннскій и немедленно представилъ его Императору Александру. Молча, съ видимымъ волненіемъ, прочиталъ Императоръ Александръ трактатъ, и не говоря ни слова, взялъ со стола приговоръ военнаго суда надъ Горчаковымъ, подалъ Коленкуру, и сказалъ, что онъ «вѣрнѣе императора Наполеона исполняетъ свои обязанности». На всѣ изъясненія Коленкура, онъ холодно отвѣчалъ, что «видитъ себя плохо вознагражденнымъ за довѣренность, съ какою передалъ онъ выгоды и честь Россіи своему союзнику».

Прежде извѣстія отъ Коленкура о холодности, съ какою принятъ былъ Императоромъ Александромъ трактатъ шенбруннскій, Наполеонъ писалъ уже ему, что «необходимость принудила его къ распоряженію

австрійскою Польшею,» что «причины тому подробно изъяснитъ онъ Императору Александру,» что «никогда прежде дружба его не была столь прочна;» что онъ готовъ самъ и уполномочиваетъ Коленкура «дать въ томъ всѣ приличныя увѣренія» (donner toutes les sûretés convenables). Съ другой стороны, Шампаньи вошелъ въ подробныя изъясненія, въ письмѣ къ Румянцову (Октября 20-го). Вполнѣ утверждая фридрихсгамскій миръ, Шампаньи подтверждалъ, что Наполеонъ «не только не думаетъ о Польшѣ, но полагаетъ основаніемъ чтобы, *даже имена Поляковъ и Польши никогда не были произносимы въ политическихъ сношеніяхъ, и изгладились въ исторіи* (que le nom de Pologne et de Polonais disparaisse non seulement de toute transaction politique, mais même de l'histoire). Распространяясь о томъ, что Наполеонъ *долженъ былъ сдѣлать что нибудь для людей, всѣмъ жертвовавшихъ ему*, и что Россія получаетъ *треть* получаемаго Саксоніею, Шампаньи говорилъ, что Россія теперь еще болѣе прежняго обезопасена отъ Польши кротостью и правилами саксонскаго монарха, чуждаго всѣхъ революціонныхъ идей.

Прозорливая политика Австріи скоро замѣтила неудовольствія, возникшія между Россіею и Франціею. Она хотѣла ими воспользоваться. Сенъ-Жюльенъ, присланный въ Петербургъ съ извѣстіемъ о мирѣ, представилъ Императору Александру, что «отъ его великодушія Австрія надѣется отказа въ принятіи во владѣніе участка Галиціи, опредѣленнаго Россіи Шен-

брунскимъ трактатомъ, ибо Австрія не имѣла и не имѣетъ вражды съ Россіею.» Императоръ Александръ не соглашался. Скрывая невольно вырвавшееся изъявленіе гнѣва и негодованія, онъ снова отвѣчалъ изъявленіями дружбы на увѣренія Наполеона, но только потребовалъ ручательствъ, какія были ему обѣщаны письмами Шампаньи и Наполеона. Начались дѣятельные переговоры. Согласіе казалось возобновленнымъ; но какъ легко могло оно нарушиться, показалъ немедленный протестъ Александра, когда въ Петербургѣ получена была дополнительная конвенція Бертье съ Австрійцами. Въ ней упомянуто было о *прежде бывшей Польшѣ, и войска Герцогства Варшавскаго* названы *польскими*. Наполеонъ спѣшилъ увѣрить, что всѣ сіи слова были ошибкою Бертье. Александръ успокоился, но тайная мысль его была высказана даже въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Куракину (Ноября 13-го), коимъ возвѣщалось Россіи окончаніе войны. «По основаніямъ трактата, Австрія остается, по прежнему, нашимъ сосѣдомъ въ Галиціи. *Польскія области, вмѣсто соединенія ихъ вновь, навсегда остаются раздѣленными между тремя державами.* Россія пріобрѣтаетъ снова значительную часть сихъ областей, а другая часть, смежная съ Герцогствомъ Варшавскимъ, включена во владѣнія короля саксонскаго. Такимъ образомъ счастливо окончивши войну съ Швеціею, вскорѣ послѣ сего освободились мы отъ войны съ Австріею. *Всѣ замыслы польскихъ областей, отдѣльныхъ отъ нашей имперіи,*

исчезли; настоящій порядокъ дѣлъ положилъ имъ предѣлы въ будущемъ, и вмѣсто потери, Россія расширяетъ съ сей стороны свои владѣнія.»

Не прежде полугода послѣ того объявленъ былъ трактатъ Россіи съ Австріею, заключенный въ Львовѣ (Лембергѣ), Марта 19-го 1810 года, генераломъ Дохтуровымъ и барономъ Анштетомъ съ одной, и фельдмаршаломъ графомъ Беллегардомъ и графомъ Вурмзеромъ съ другой стороны, коимъ Австрія утверждала Россіи «*часть древней Галиціи,*» назначенную ей шенбрунскимъ трактатомъ. Но обстоятельства тогда уже совершенно измѣнились, и мѣсто дружбы между Наполеономъ и Александромъ заступила вражда безъ мира. Что повело къ тому? Какъ могла совершиться столь быстрая, такая гибельная перемѣна?

Шенбруннскій миръ не прекратилъ повсегодныхъ бѣдствій войны въ Европѣ. Кровавое позорище гибели являлъ Тироль, жители коего не слушали увѣщаній даже своего бывшаго монарха, убѣждавшаго ихъ покориться, не внимали помилованію, которое утверждено было особенною статьею шенбрунскаго трактата и предлагаемо имъ отъ имени баварскаго короля и Наполеона. Надлежало окончательно взяться за оружіе. Друэ, Бараге д'Ильеръ вновь двинулись со всѣхъ сторонъ, заняли Инспрукъ и Бриксенъ, но не могли укротить Тироля. Принуждены были послать Дюрюта на помощь имъ. Восемь дивизій французскихъ, баварскихъ и итальянскихъ заняли города тирольскіе, но только смерть и казнь

главныхъ народныхъ предводителей смирили возмущеніе. Гоферъ бѣжалъ и укрылся въ неприступныхъ горныхъ стремнинахъ Пассейрскихъ; его преслѣдовали тамъ съ утеса на утесъ, какъ дикаго звѣря. Обольщенный золотомъ, одинъ изъ его товарищей подвелъ непріятельскій отрядъ къ хижинѣ, гдѣ онъ скрывался, и Гоферъ отдался въ плѣнъ, съ условіемъ, что оставятъ на свободѣ жену и дѣтей его. Толпы народа встрѣчали и провожали его по дорогѣ, съ молитвами и слезами. Веселый и безстрашный, въ цѣпяхъ, Гоферъ уговаривалъ земляковъ покориться, и прощался съ ними, предвидя свою неизбѣжную смерть. Напрасно особенные депутаты испросили ему пощаду у короля баварскаго: увезенный въ Мантуу, Гоферъ былъ преданъ военному суду и разстрѣлянъ, Февраля 19-го. Германія славила его, какъ жертву народной чести и свободы. Память его въ Тиролѣ осталась навсегда, какъ память мученика. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ онъ взятъ Французами, поставили часовню, и Тирольцы донынѣ приходятъ туда молиться за Гофера, ангела-хранителя отчизны.

Когда сила и ужасы казни укрощали волненія Тироля, безславно бѣжали съ Валхерена остатки грозной экспедиціи Англичанъ. Бессьеръ окружилъ ихъ отвсюду. Недостатокъ, тѣснота, и особливо заразительная польденская лихорадка, свирѣпствующая на шельдскихъ островахъ осенью, вскорѣ довели Англичанъ до крайности. Число больныхъ простиралось до 10-ти тысячъ. Видя, что Французы и Голландцы го-

*

товятся къ рѣшительному нападенію, Англичане подорвали и разрушили Флессингенъ, истребили все, что могли истребить, бросили нѣсколько тысячь умирающихъ, и ночью оставили покрытыя трупами соотчичей флессингенскія развалины, Декабря 10-го. Слѣды опустошеній, ими произведенныхъ, спѣшили загладить. Монне, бывшій въ плѣну, заочно осужденъ военнымъ судомъ на смерть.

Такъ же безплодны, если не такъ безславны, были слѣдствія успѣховъ Веллингтона въ Испаніи и Португаліи. Онъ не могъ воспользоваться своею талаверскою побѣдою, не двигаясь съ мѣста битвы и ожидая извѣстій о Сультѣ и Неѣ, хотя былъ подкрѣпленъ дивизіею Кравфорта изъ Португаліи. Еще до полученія приказа Іосифова, слыша о походѣ Англичанъ въ Испанію, Сультъ предлагалъ Нею идти на Таго и содѣйствовать Виктору. Ней не слушалъ его, и Сультъ одинъ началъ движеніе. Отдѣливъ отрядъ къ Ціудадъ-Родриго, наблюдать Бересфорда, дорогою получилъ онъ приказъ Іосифа, и Августа 1-го сталъ въ Пласенсіи на Алагонѣ, гдѣ услышалъ о безразсудной поспѣшности, съ какою дана была талаверская битва. Извѣщая о томъ Нея, онъ требовалъ его скорѣйшаго прихода, ибо положеніе Сульта между арміями Бересфорда и Веллингтона, когда все войско его не превышало 20 тысячь, являлось опаснымъ. Веллингтонъ услышалъ о приходѣ Сульта и рѣшился разбить его. Оставя Испанцовъ съ Куэстою у Талаверы, онъ двинулся къ Пласенсіи, но шелъ тихо и

осторожно, и 3-го Августа, въ Новаль-Мороле, извѣстился отъ Куэсты, что Ней соединился съ Сультомъ и оба вмѣстѣ составили армію въ 50 тысячъ. Не надѣясь на пособіе Испанцовъ, ссорясь съ ними, называя ихъ въ донесеніяхъ правительству «трусами и грабителями,» отдѣленный отъ Бересфорда, Веллингтонъ позабылъ о побѣдахъ и помышлялъ только объ отступленіи. Онъ поспѣшно отошелъ къ Арзабиспо на Тагѣ, и еще болѣе смутился, когда, испуганный его отступленіемъ, Куэста бросилъ Талаверу и спѣшилъ здѣсь присоединиться къ нему. Побѣдитель талаверскій считалъ себя погибшимъ, ибо ему угрожало съ двухъ сторонъ тройное число непріятелей. Испанцы только обременяли его. Отъ Бересфорда нельзя было ожидать помощи. Отступленіе надлежало совершать по опустошенной странѣ, среди враждебнаго народа, громко называвшаго отступленіе Англичанъ измѣною, и готоваго приняться за ножи и кинжалы. Къ счастью, разномысліе предводителей французскихъ и неспособность Іосифа спасли Веллингтона. Король Іосифъ думалъ только о защитѣ Мадрида отъ Ванегаса, не позволилъ Виктору идти за Куэстою и Веллингтономъ, и Нею приказалъ обратиться къ Саламанкѣ и защищать Мадридъ отъ Вильсона и Бересфорда. Повелѣніе застало его и Сульта на походѣ къ Таго. Веллингтонъ заслонилъ себя войскомъ Куэсты, перешелъ за Таго, истребилъ мосты, и когда Сультъ и Ней, тѣсня Куэсту, явились на берегахъ Таго, Англичане были уже въ Трухилло. Раздраженный хи-

трою уловкою Веллингтона, предававшаго его на жертву, Куэста отказался отъ начальства войсками и передалъ ихъ генералу Эгвіа, который рѣшился отдѣлиться отъ Англичанъ, отступать на Толедо и помогать Ванегасу. Несогласный съ нимъ, герцогъ Альбукеркъ съ половиною испанскихъ войскъ послѣдовалъ за Веллингтономъ. Ни то, ни другое движеніе не имѣло никакой цѣли. Веллингтонъ продолжалъ свое отступленіе на Бадахосъ. Войска Альбукерка разбѣжались, послѣ небольшой битвы съ Сультомъ, но Сультъ не могъ преслѣдовать Веллингтона, ибо войска Нея отдѣлились отъ него, исполняя приказъ Іосифа. Ней успѣлъ захватить отрядъ Вильсона въ баньоскихъ ущельяхъ, и принудилъ его бѣжать въ Португалію, послѣ упорной битвы, гдѣ Англичане потеряли до тысячи человѣкъ. Ней безпрепятственно достигъ Саламанки; Ванегасъ подступилъ между тѣмъ къ Толедо, защищаемому слабымъ гарнизономъ. Не страшась неравенства силъ, Себастіани и Дессоль двинулись на Испанцовъ, разбили ихъ, Августа 11-го, при Альмонасидѣ, куда отступилъ Ванегасъ отъ Толедо, отняли у нихъ 35 пушекъ изъ 40-ка, захватили 4000 плѣнныхъ и обозъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о ваграмской битвѣ и цнаимскомъ перемиріи, полученъ былъ приказъ Наполеона, коимъ мѣсто Журдана передавалось Сульту. Ней оскорбился подчиненіемъ его товарищу, сдалъ начальство надъ своимъ корпусомъ генералу Маршану, и своевольно уѣхалъ во Францію. Поступокъ его едва

не сдѣлался пагубнымъ для его бывшаго корпуса. Герцогъ Дель-Паркъ, занимавшій Ціудадъ-Родриго и подкрѣпляемый Бересфордомъ, стоявшимъ въ Алмеидѣ, прервалъ свое бездѣйствіе и неожиданно пошелъ къ Саламанкѣ. Октября 16-го, Маршанъ встрѣтилъ его при Тамамесѣ и, послѣ неудачной битвы, принужденъ былъ отступить къ Валладолиду. Саламанкою овладѣли Испанцы. Дальнѣйшее движеніе ихъ остановили Маршанъ и Келлерманъ, разбившіе Дель-Парка, Ноября 28-го, при Альба-Тормесъ.

Сультъ и Веллингтонъ между тѣмъ оба бездѣйствовали. Достигнувъ Бадахоса, Веллингтонъ отправился въ Севиллу, жалуясь юнтѣ на безпорядки испанскихъ солдатъ и непослушаніе испанскихъ генераловъ. Онъ представилъ планъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Слова и жалобы его подкрѣпляли братъ его, Веллеслей, бывшій посломъ при юнтѣ, и Ла-Романа, нарочно пріѣхавшій въ Севиллу. Никакія убѣжденія не могли однакожъ заставить юнту передать полную власть надъ войскомъ Веллингтону, ни даже согласиться съ планомъ его. Онъ оставилъ Севиллу, убѣжденный, что только перемѣна управленія Испаніею можетъ дать какой нибудь порядокъ дѣламъ, отказался отъ всѣхъ сношеній съ юнтою, вывелъ свои войска въ Португалію, и рѣшился до перемѣны испанскаго правительства дѣйствовать отдѣльно. На первый случай хотѣлъ онъ воспользоваться занятіемъ Саламанки, и соединилъ свои войска съ Бересфордомъ. Юнта, оскорбленная словами и поступками Веллинг-

тона, вздумала доказать ему, что Испанцы могутъ и безъ него одерживать побѣды. Она соединила войска Эгвіа съ остатками войскъ Ванегаса и поручила начальство надъ ними маркизу Аррпзагу, обѣщавшему взять Мадридъ. Армія его составила до 50 тысячь. Онъ двинулся на Мадридъ изъ-за Толедскихъ горъ, и Ноября 12-го напалъ на Себастіани при Оканьѣ, гдѣ Себастіани стоялъ, защищая Арангуэзъ и переправу черезъ Таго. Всѣ усилія Испанцовъ не могли сбить Французовъ. Сультъ спѣшилъ на помощь, и, 18-го Ноября, онъ и Себастіани разбили на-голову Аррпзагу. Разсѣянные остатки войска его бѣжали въ сіерра-моренскія ущелья, оставя побѣдителямъ 50 пушекъ, 30 знаменъ и до 20 тысячь плѣнныхъ.

Таковы были событія, гдѣ можно было видѣть характеры Веллингтона, испанской войны, Іосифа, генераловъ и войскъ Наполеоновыхъ. Дѣла въ Аррагоніи и Каталоніи были ввѣрены Сюше и Сенъ-Сиру. Имѣя не болѣе 15 тысячь, окруженный отчаянными гверильясами, Сюше долженъ былъ отразить армію Блака, по смерти Рединга получившаго начальство въ Гренадѣ, Валенсіи и Каталоніи. Первымъ дѣломъ Блака было стараніе овладѣть снова Саррагоссою. Сюше разбилъ его, Іюня 15-го, при Маріа, отнялъ у него 20 пушекъ, гналъ его, разбилъ вторично при Бельчитѣ, Іюня 18-го, и заставилъ укрыться въ Тортозѣ. Часть войскъ Сенъ-Сира осаждала въ то время Жирону, вторую Саррагоссу по упорству защиты, и недоступную по ея положенію въ горахъ, защищен-

ному четырьмя небольшими крѣпостями. Отказавшись отъ овладѣнія Саррагоссою, Блакъ хотѣлъ помочь Гиронѣ. Пока Сенъ-Сиръ былъ занятъ осадою крѣпости Паламосъ, Блакъ успѣлъ ввести въ Гирону пособіе войсками. Ноября 19-го Французы безуспѣшно ходили на приступъ. Черезъ недѣлю Блакъ снова приблизился съ войскомъ, но былъ отбитъ. Ожеро смѣнилъ тогда Сенъ-Сира, и Декабря 11-го Гирона сдалась ему на капитуляцію, послѣ осады, продолжавшейся 220 дней. Весь гарнизонъ испанскій, съ полученными подкрѣпленіями, простирался до 10-ти тысячь; изъ нихъ погибло шесть тысячь, и 1,600 человѣкъ лежало въ госпиталяхъ, больные и раненные. Какъ въ Саррагоссѣ, въ Гиронѣ дрались женщины, монахи и дѣти. Во время осады погибла половина жителей Гироны. Имя защитника ея, *Маріано Альвареза*, сдѣлалось народнымъ въ Испаніи, подобно Палафохсову.

Если послѣ отступленія Сульта, битвы асперинской и битвы талаверской, горделива и шумна была радость Англичанъ и неописанно велико удивленіе ихъ къ дарованіямъ министровъ, умѣвшихъ возставить противъ Наполеона Испанію и Австрію, за то не менѣе велики были уныніе и негодованіе Англичанъ противъ министровъ послѣ отступленія Веллингтона, гибельной валхеренской экспедиціи и особливо шенбрунскаго мира. Народъ шумѣлъ и волновался. Парламенты гремѣли упреками, и общее осужденіе пало на Каннинга и Кастлерига. Взаимно обви-

няя одинъ другаго, они поссорились, принуждены были просить отставки и даже стрѣлялись въ Гейдъ-Паркѣ. Дуэль ихъ кончилась раною Каннинга. Мѣсто Каннинга занялъ братъ Веллингтона, маркизъ Веллеслей; мѣсто Кастлерига графъ Ливерпуль. Побѣды Наполеоновы столь сильно волновали умы всѣхъ въ Англіи, что семидесятилѣтній король Георгъ III-й былъ пораженъ припадкомъ сплина, и вскорѣ оказались въ немъ явные признаки слабоумія и помѣшательства, угрожавшіе ему въ 1787-мъ и 1792 годахъ. Бродя по заламъ виндзорскаго дворца, онъ то принимался за свою разстроенную скрыпку, извлекая изъ нея нестройные звуки, то бросалъ ее и начиналъ говорить безъ умолку, приказывалъ всѣмъ собирать войска и идти на Бонапарте, трепеталъ его высадки въ Англію, винилъ своихъ министровъ.

Среди такихъ событій окончился кровавый *тысяча восемь сотъ девятый годъ* — повторяемъ, *кровавый*, ибо, если прежде и послѣ были войны и походы страшнѣе и огромнѣе войнъ и походовъ 1809 года, за то никогда война не была столь всеобща и всемірна: сражались *вездѣ* и *повсюду*. Кровь лилась на берегахъ Дуная, Эльбы, Вислы, Таго; Французы и союзники ихъ бились въ Испаніи, Португаліи, Италіи, Тиролѣ, Австріи, Франконіи, Саксоніи, Вестфаліи, Помераніи, Польшѣ, Голландіи; Англичане сражались на Антильскихъ островахъ, въ южной Америкѣ, на берегахъ Франціи, въ Русской Лапландіи, на Сенегалѣ, на Іоническихъ островахъ, блокировали балтійскія

русскія области, приближались къ русской столицѣ и возмущали спокойствіе жителей въ тундрахъ Лапландіи и на льдистыхъ скалахъ Исландіи. Русскіе, совершая походъ отъ Торнео въ Швецію и бывши въ Галиціи, бились съ Оттоманами за Дунаемъ, въ Булгаріи, въ Сербіи, и громами войны оглашали Закавказье, гдѣ происки Англичанъ разрушили мирные переговоры Россіи съ Персіею, и Тормасовъ сражался съ Турками и Персіянами. Между тѣмъ какъ Наполеонъ давалъ въ Германіи битвы при Таннѣ, Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюлѣ, Лобау, Ваграмѣ, и вносилъ знамена свои въ австрійскую столицу, Австрійцы занимали столицы Польши и Саксоніи, а полководцы Наполеона, послѣ похода въ Португалію, дали пять большихъ битвъ, при Меделинѣ, Бельчитѣ, Талаверѣ, Альманазирѣ, Оканьѣ, и не битвами, но убійствомъ можно было называть защиту Тироля и Жироны, когда Шилль и герцогъ брауншвейгскій явили въ XIX-мъ вѣкѣ примѣры какихъ-то кочевыхъ набѣговъ Среднихъ Временъ. Замѣтимъ, что въ 1809 году началась война Сѣверо-Американцовъ съ Англичанами. Наконецъ, 1809-й годъ, ознаменованный низведеніемъ династіи Густава Вазы съ шведскаго престола, былъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ XIX вѣка двумя событіями: однимъ, имѣвшимъ огромныя послѣдствія — началомъ *освобожденія испанской Америки*; другимъ, отъ коего въ Среднія Времена содрогнулась бы Европа, и которое едва было замѣчено среди громовъ, потрясавшихъ цѣлый міръ — *низверженіемъ папы.*

Въ одно время получены были въ Америкѣ извѣстія о событіяхъ въ Мадридѣ и Байоннѣ, манифесты Іосифа и прокламаціи севильской юнты. Обѣ стороны требовали повиновенія. Англичане старались воспользоваться замѣшательствомъ дѣлъ. Состояніе испанской Америки было нестерпимо. Жертва безпечности вицероевъ, корыстолюбія чиновниковъ, изувѣрства инквизиціи, лишенная всѣхъ правъ, истощая все для Испаніи, Америка раздѣлилась на приверженцовъ Іосифа и Фердинанда, смотря по тому, кто гдѣ болѣе надѣялся получить выгодъ. Обѣ стороны принялись за оружіе, основали юнты, собирали войска. Линье, храбрый защитникъ Буэносъ-Айреса, погибъ, сражаясь съ Эліо, приверженцомъ Фердинанда, который, въ свой чередъ, былъ зарѣзанъ при возстаніи Гоймехи, возмутившаго Перу. Ему противилась юнта, основанная въ Квито. Въ Мексикѣ низвергли вицероя Итурригарая, и составили юнту. Среди сихъ смятеній явилась мысль требовать правъ и учредить юнты независимо отъ Испаніи. Отъ сей мысли до совершенной политической независимости былъ одинъ шагъ. Англичане подкрѣпляли республиканцовъ американскихъ, и еще въ 1806 году отправили въ Венецуелу генерала Миранду, урожденца перуанскаго, сражавшагося въ войнахъ революціи и потомъ замѣшаннаго въ заговоры противъ Наполеона. Пользуясь смятеніями, онъ провозгласилъ республику въ своей отчизнѣ. Въ толпѣ молодыхъ Американцовъ, еще не принимавшихъ участія и даже противниковъ Миранды, скрывался 24-хъ лѣтній *Си-*

монъ Боливаръ, пламенный мечтатель о независимости отчизны, путешествовавшій во Франціи и Италіи, даже бывшій зрителемъ при коронаціяхъ Наполеона въ Парижѣ и Миланѣ, и тщательно изучавшій его битвы и устройство французскихъ войскъ, но не терпѣвшій Миранды, интриганта и эгоиста, имѣвшаго въ возстаніи Америки цѣлью своекорыстіе и жадность богатствъ и почестей.

Мы говорили о несогласіяхъ Наполеона съ папою, занятіи Французами Рима и присоединеніи къ Итальянскому королевству Урбино, Анконы, Мачерато и Камерано (въ Апрѣлѣ 1808 года). Строго приказано было соблюдать притомъ всевозможное уваженіе лично къ папѣ и порядокъ въ управленіи Римомъ. Видя свое безсиліе противиться Пій VII-й, рѣшился наконецъ дѣйствовать старинымъ, нѣкогда столь страшнымъ орудіемъ — возбудить изувѣрство, принять видъ христіанскаго смиренія, опереться на свое званіе первосвященника католической религіи и искать славы мученика за права угнетенной Церкви. Онъ отвергъ всѣ условія, не хотѣлъ слышать ни о какихъ переговорахъ, не внималъ увѣщаніямъ, и громкими фразами призывалъ кардиналовъ, духовенство и народъ «страдать за Церковь Божію». Католическіе монахи гремѣли въ проповѣдяхъ, сравнивали Наполеона съ мучителемъ Антіохомъ, съ тираномъ Діоклитіаномъ. Явились чудеса. Папа запретилъ бывшимъ своимъ подданнымъ присягать Наполеону, и въ Мартѣ 1809 года началъ угрожать ему проклятіемъ. «Въ смиреніи

нашемъ, онъ принудилъ насъ прибѣгнуть къ той силѣ, которую Богъ предалъ въ руки наши», говорилъ неукротимый старецъ, Пій VII-й. Жители Рима оскорблялись не только «гоненіемъ, воздвигнутымъ на святаго отца папу», но и порядкомъ, какой вводили Французы въ управленіе Римомъ. Казнь разбойниковъ, отъ которыхъ не было проѣзда по дорогамъ, приказаніе отрывать и очищать памятники древности, уничтоженіе инквизиціи, арестъ монаховъ, говорившихъ возмутительныя проповѣди, высылка изъ Рима кардиналовъ, враждебныхъ Наполеону — все волновало народъ. Папа запретилъ праздновать масляницу, и Римъ встрѣтилъ сей, всегда столь шумный праздникъ, въ безмолвіи и постѣ. «Скажите вашему императору, что если я жилъ агнцомъ, за то умру львомъ!» говорилъ папа. «Могу ли отказаться отъ власти моей? Если вы повинуетесь вашему императору, какъ мнѣ не повиноваться — *моему Царю*, Іисусу Христу, ввѣрившему мнѣ *власть выше царей земныхъ*?». Тайные агенты разносили по всей Европѣ преувеличенныя вѣсти и клеветы о событіяхъ въ Римѣ. Надлежало чѣмъ нибудь окончить явленія, столь соблазнительныя, и Мая 17-го, въ Шенбруннѣ, объявленъ былъ достопамятный декретъ, коимъ *Римъ присоединялся къ Французской Имперіи* и объявлялся императорскимъ вольнымъ городомъ, вторымъ послѣ Парижа. «Соображая», говорилъ Наполеонъ, «что Карлъ Великій, императоръ Французовъ, *августѣйшій предшественникъ нашъ*, передавая многія области епископу римскому, дарилъ ихъ какъ импер-

скіе феоды, для блага своей имперіи; что симъ даромъ *Римъ не переставалъ быть частью его владѣній*; что, въ послѣдствіи, смѣшеніе власти духовной съ властью свѣтскою, какъ и нынѣ, было источникомъ споровъ и часто побуждало римскихъ первосвященниковъ употреблять вліяніе одной власти для поддержанія другой; что, такимъ образомъ, пользы духовныя и дѣла неба, вѣчно неизмѣняемыя, смѣшивались съ дѣлами земными, измѣняющимися по обстоятельствамъ и политикѣ временной; что все предложенное нами для соглашенія свѣтскихъ притязаній папы съ тѣмъ, чего требуетъ безопасность нашихъ ополченій, спокойствіе и благоденствіе нашихъ подданныхъ, достоинство и прочность нашей имперіи, не могло быть осуществлено, мы присоединяемъ владѣнія папы къ къ Имперіи Французской, уничтожая тѣмъ даръ *предмѣстника нашего.*» Объ отношеніяхъ папы, какъ духовнаго владыки, ничего не было сказано. Ему опредѣляли только ежегодный доходъ въ два милліона, и правленіе Рима ввѣрялось консультѣ, составленной изъ Міоллиса, Саличетти и нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ.

Іюня 20-го декретъ Наполеона былъ объявленъ въ Римѣ. Если онъ поразилъ умы жителей его, волненіе ихъ усилилось при протестѣ папы, немедленно разсѣянномъ повсюду. «Въ скорби нашей,» говорилъ папа, «мы утѣшаемся тѣмъ, что испытываемъ предреченное Спасителемъ предмѣстнику нашему, св. Апостолу Петру: «въ старости твоей свяжутъ тебѣ руки и повлекутъ тебя въ изгнаніе». Предоставляемъ

узамъ наши старческія длани, и объявляемъ виновниковъ гоненія отвѣтствующими предъ Богомъ за всѣ послѣдствія ихъ злобнаго умысла. Желаемъ, совѣтуемъ, приказываемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, нашему всемірному стаду вѣрныхъ причастниковъ Католической Церкви, да подражаютъ они христіанамъ первобытной Церкви, молившимся за спасеніе св. Апостола Петра, вверженнаго въ темницу. Недостойный преемникъ его, надѣюсь, что всѣ вѣрныя дѣти наши воздадутъ сей долгъ намъ, ихъ общему отцу, а мы благословимъ ихъ за то нашимъ апостольскимъ благословеніемъ.» На другой день папа *предалъ Наполеона проклятію* и *отлучилъ его отъ Церкви, какъ язычника, непослушнаго Церкви, какъ Іезавель, отнявшую виноградникъ Навуѳея.* «Да познаютъ виновники нашихъ бѣдствій, что они подчинены нашей власти, превышающей ихъ власть, какъ душа превышаетъ тѣло, какъ дѣло Неба превышаетъ дѣло земли! Властью Бога Всемогущаго, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и нашею, всѣхъ, кто послѣ нашествія на Римъ и на владѣнія церковныя, святотатственнаго насилія наслѣдству Св. Петра, князя апостоловъ, учиненнаго войсками французскими, покусится на неприкосновенность Церкви, на права нашего св. престола, всѣхъ зачинщиковъ, совѣтниковъ, всѣхъ, наконецъ, кто, прямо или косвенно, приметъ участіе въ семъ насиліи, объявляемъ подвергаемыми *великому отчужденію* и *всѣмъ осужденіямъ и наказаніямъ*, утвержденнымъ святыми канонами и конституціями апо-

стольскими, декретами Вселенскихъ Соборовъ и особенно Собора Тридентинскаго, отлучаемъ ихъ отъ причастія Церкви и предаемъ анаѳемѣ».

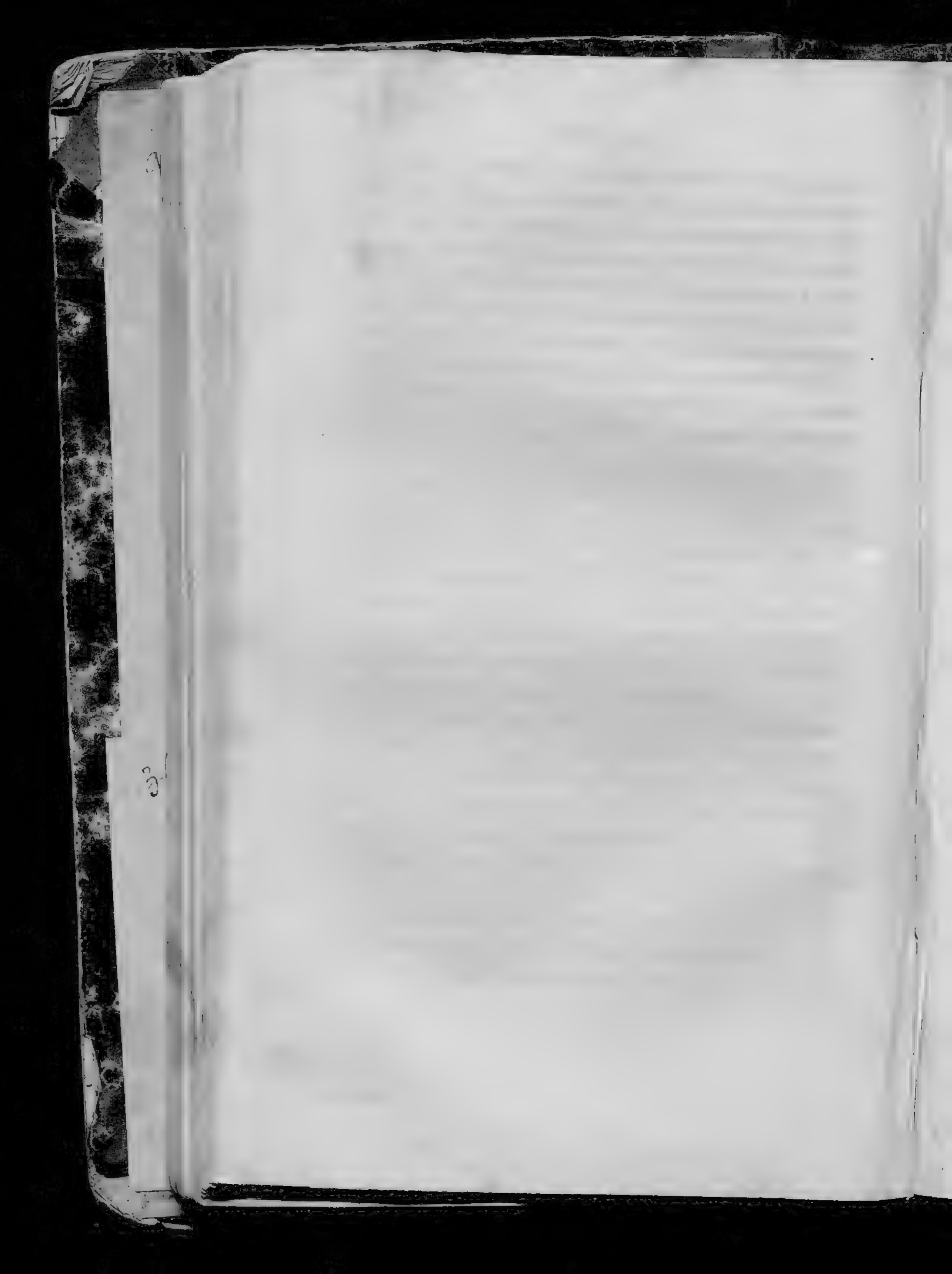
Едва издана была папская булла, папа достигъ столь желаннаго имъ, какъ онъ говорилъ, «вѣнца мученическаго». Высадка Англичанъ въ Калабрію и усиленіе флотовъ ихъ вокругъ итальянскихъ береговъ, заставили принимать мѣры предосторожности. Войска, бывшія въ Римѣ, расположились по западнымъ берегамъ Италіи. Въ Римѣ остался небольшой отрядъ. Анаѳема, произнесенная папою, тайные агенты Австріи, разглашавшіе, что Богъ уже наказываетъ Наполеона пораженіемъ, а всего болѣе католическіе монахи — все соединенное вмѣстѣ, до того взволновало Римъ, что уже начали являться въ немъ вооруженные люди, сбѣжались толпы бандитовъ, и на улицахъ были явныя сборища заговорщиковъ. Міоллисъ опасался новой Сицилійской Вечерни, и рѣшился удалить изъ Рима причину волненія. Послѣ тщетныхъ убѣжденій и даже просьбъ, уничтожить проклятіе и покориться волѣ императора, Іюля 6-го рано утромъ, папѣ объявили, что онъ долженъ оставить Римъ и что все уже готово къ его отъѣзду. Съ непреклоннымъ упрямствомъ повиновался папа приказанію и былъ увезенъ въ Тоскану. Ужасъ проникъ въ сердца ревностныхъ католиковъ при сей вѣсти. Опасеніе волненій заставило перевезть плѣнника въ Туринъ. Толпы народа встрѣчали и провожали Пія VII-го на дорогѣ. Наполеонъ одобрилъ распоряженія Міоллиса, и назначилъ мѣстомъ

пребыванія папѣ Греноблъ. Пій VII-й, слабый, больной, еле-движущійся старикъ, показывалъ въ своемъ бѣдствіи непобѣдимую твердость, радовался своимъ страданіямъ, отвергалъ всѣ предлагаемыя ему удобства жизни. Здоровье его, терпѣвшее отъ горнаго климата дофинейскаго, вскорѣ заставило перевезть его снова въ Италію. Мѣстомъ пребыванія его назначили Савону. Онъ не принялъ никакихъ подарковъ, питался подаяніемъ доброхотныхъ дателей, и такимъ образомъ осуществилъ явленія, казавшіяся невозможными въ XIX вѣкѣ и достойныя изувѣрныхъ Среднихъ Вѣковъ.

Напрасно старались скрыть отлучительную буллу папы и представляли въ настоящемъ видѣ событія римскія: отлученіе Наполеона разсѣялось всюду тысячами экземпляровъ. Когда депутація римская явилась изъявить свою покорность Наполеону, предсталъ также какой-то изувѣръ и лично отдалъ Наполеону проклятіе папы. Явились поддѣльныя буллы, гдѣ оставлено было имя Наполеона и усилены проклятія. «Императоръ, мой предмѣстникъ, отдѣлилъ Римъ отъ моей имперіи, но благо народовъ требуетъ единства монархіи. Римскій епископъ останется первымъ среди духовныхъ владыкъ, но императоромъ буду я. Помните различіе между тѣмъ, что̀ должно Богу и тѣмъ, что должно Кесарю»!

Такъ говорилъ Наполеонъ римскимъ депутатамъ, внимавшимъ ему въ безмолвномъ благоговѣніи. Между тѣмъ самъ Наполеонъ не умѣлъ еще опредѣлить черты,

раздѣляющей *власть духовную* отъ *власти свѣтской*. «Какъ ни смотрю, все темно», говорилъ онъ своимъ приближеннымъ. «Папа называетъ себя владыкою духа, а мнѣ предоставляетъ владычество тѣла; беретъ душу и бросаетъ мнѣ бездушный трупъ!» И вся власть его уничтожалась передъ непреклоннымъ старикомъ, который торжественно переносилъ судъ между нимъ и Наполеономъ «къ подножію Креста, на коемъ страдалъ Тотъ, Кто передалъ власть вязать и рѣшить намѣстнику Своему на землѣ».

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОБЫТІЯ СЪ 1809 ПО 1812 ГОДЪ. ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ ВЕЛИЧІЯ НАПОЛЕОНА.

Français, tout ce qui voudra s'opposer à vous sera vaincu et soumis. Votre grandeur s'accroîtra de toute la haine de vos ennemis. Vous avez devant vous de longues années de gloire et de prospérité à parcourir. Vous avez la force et l'énergie de l'Hercule des anciens.

Слова Наполеона.

Двѣнадцатый годъ стоялъ уже посреди насъ, Русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножемъ въ крови по-локоть.

Д. Давыдовъ. (Соч. III. 98).

Наполеонъ возвратился изъ арміи не прямо въ Парижъ: онъ оставался до 13 Ноября въ Фонтенбло, гдѣ новыя идеи, новая будущность занимали его. Издавна питалъ онъ мысль о разводѣ съ Жозефиною, хотя нѣтъ сомнѣнія, что онъ любилъ ее, какъ вѣрную спутницу свою на томъ удивительномъ поприщѣ, которое, посреди грома побѣдъ и славы, прошелъ, опираясь на нѣжную руку ея. Жозефина способствовала первымъ связямъ его на политическомъ поприщѣ; она раздѣляла съ нимъ трудности жизни и тревоги опасностей, сопровождавшихъ его безпрерывно до 18 Брюмера; она съ любовью женщины и креолки услаждала его иногда въ тяжкія минуты прискорбій и, раздѣляя потомъ блескъ и величіе императорскаго трона,

достойно поддерживала высокую роль свою. Частныя, мелочныя слабости необыкновенной женщины не могли затмить достоинствъ ея передъ положительнымъ умомъ человѣка, искавшаго прежде всего пользы и славы. Наполеонъ, какъ всѣ высокіе люди, былъ, кромѣ того, одаренъ душою, сильною въ привязанностяхъ, искалъ дружбы, любви, и дорожилъ ими, былъ вѣренъ имъ, не смотря на свои блестящія увлеченія. Но положительность ума брала у него верхъ надъ всѣмъ, и онъ, оставаясь безъ надежды имѣть наслѣдника отъ супружества своего съ Жозефиною, давно имѣлъ мысль развестись съ нею и вступить въ новое супружество. Прежде всѣхъ проникъ намѣреніе его хитрый Фуше, и еще въ 1807 году, съ изумительною дерзостью осмѣлился прямо сказать Жозефинѣ, что, для пользы и блага Франціи, она должна пожертвовать своею нѣжностью къ императору и предложить ему разрушить бракъ съ нею, не обѣщающій наслѣдника; онъ прибавилъ даже, что таково намѣреніе императора, и только привязанность его къ ней мѣшаетъ ему высказать свое желаніе. Оскорбленная Жозефина спросила Фуше: «по порученію ли императора говоритъ онъ ей?» и, послѣ отрицательнаго отвѣта, пылко жаловалась супругу своему и требовала удаленія Фуше. Наполеонъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ, но не удалилъ его, и тѣмъ ясно показалъ тайную мысль свою. Во все слѣдующее время, жизнь императрицы Французовъ была безпрерывнымъ опасеніемъ за будущее, и множество случаевъ убѣдили ее, что рѣшимость

Наполеона была неистребима. Нѣсколько времени думалъ онъ назначить наслѣдникомъ своимъ сына Людовика, короля голландскаго: прелестное дитя, особенно любимое имъ, но скоро похищенное смертью въ туманахъ Голландіи. Тщетно старалась Жозефина обратить вниманіе Наполеона на Евгенія, вице-короля Италіи, достойнѣйшаго изъ всѣхъ его родственниковъ, юнаго, прекраснаго тѣломъ и душою, и уже славнаго умомъ и воинскими доблестями. Послѣ шенбруннскаго мира, Наполеонъ рѣшился немедленно приступить къ разводу съ своею супругою, потому что семейныя ихъ отношенія сдѣлались невыносимы, да и политическіе виды не допускали отсрочекъ. Замѣтно было однако жъ, что онъ съ тягостнымъ чувствомъ приступалъ къ исполненію своей мысли. Онъ призывалъ къ себѣ въ Фонтенбло Фуше, имѣлъ продолжительный разговоръ съ нимъ и требовалъ точнаго объясненія, отъ чего въ каждое отсутствіе его изъ Парижа начинаются безпокойства, смуты, толки о смерти его? «Опять разсчеты ваши, спекуляціи на мою смерть!» восклицалъ онъ. Фуше, издавна приготовлявшій замыселъ о разводѣ Наполеона съ Жозефиною, смѣло высказалъ то, чего въ тайнѣ желалъ повелитель его: — императоръ великодушно подвергаетъ опасностямъ жизнь свою въ кровавыхъ сраженіяхъ; императоръ сосредоточилъ въ себѣ одномъ всѣ надежды Франціи, все счастіе милльоновъ, подвластныхъ ему, а между тѣмъ у него нѣтъ прямаго наслѣдника и, что̀ еще хуже, у него много ихъ, ибо всѣ родственники его

будутъ желать трона имперіи, когда Провидѣнію угодно будетъ лишить Францію великаго создателя и хранителя ея счастія. — Почти тоже сказалъ ему благоразумный Камбасересъ, котораго прямодушію вѣрилъ Наполеонъ. Во все время пребыванія своего въ Фонтенбло, Наполеонъ былъ раздражителенъ, вспыльчивъ, говорилъ отрывисто и почти не допускалъ къ себѣ придворныхъ и сановниковъ, толпами пріѣзжавшихъ изъявлять ему радость о возвращеніи его изъ достославнаго похода.

Получивъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Парижъ короля саксонскаго, которому всегда изъявлялъ онъ искреннюю дружбу, Наполеонъ, 13 Ноября, не взирая на морозный зимній день, поскакалъ верхомъ въ столицу свою, не желая во время переѣзда въ каретѣ оставаться наединѣ съ Жозефиною. Онъ пріѣхалъ во дворецъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ остановился саксонскій король, и проведя у него нѣсколько часовъ, прибылъ въ Тюльери. Нѣсколько другихъ владѣтельныхъ государей съѣхалось въ Парижъ, привѣтствовать могучаго покровителя своего и праздновать выгодный для нихъ миръ шенбруннскій. Въ томъ числѣ были государи древнихъ фамилій, возвеличенные и усиленные Наполеономъ, и новые государи, принадлежавшіе къ его семейству. Болѣе другихъ отличались между ними короли баварскій, виртембергскій, голландскій, неаполитанскій, вестфальскій, всѣ обязанные Наполеону своими королевскими титулами и соединенные съ нимъ узами родства.

Празднованіе мира было, какъ обыкновенно при Наполеонѣ, великолѣпно и торжественно: онъ всегда умѣлъ придавать народный характеръ личнымъ торжествамъ своимъ. По слухи о близкомъ разрывѣ его брака съ Жозефиною, и неизвѣстность, кого изберетъ онъ раздѣлить съ собою тронъ Франціи, невольно поселяли въ умахъ безпокойство, котораго не могли прогнать ни иллюминаціи, ни военныя торжества, ни звуки музыки, игравшей веселые напѣвы въ тюльерійскомъ саду. Съ нетерпѣніемъ ожидали открытія засѣданій Законодательнаго Корпуса, причемъ Наполеонъ обыкновенно раскрывалъ отчасти политическіе виды свои, произнося высокопарныя хвалы самому себѣ. 3 Декабря, сопровождаемый пышнымъ дворомъ своимъ, окруженный королями и князьями Рейнскаго Союза, Наполеонъ прибылъ въ торжественное собраніе Законодательнаго Корпуса и произнесъ тамъ, звучнымъ и твердымъ голосомъ своимъ, рѣчь, особенно замѣчательную гордою самоувѣренностью: въ ней слышите вы рѣшителя участи народовъ. Только одно мѣсто ея, относящееся къ Россіи и русскому Монарху, напоминало, что еще оставалось могущество, о которомъ и всесильный повелитель Запада могъ говорить не иначе, какъ съ уваженіемъ, именуя себя другомъ и союзникомъ русскаго Императора. Представляя сокращеніе всей тогдашней политики Наполеона, рѣчь его заключала въ себѣ обзоръ великихъ событій, совершившихся и еще предначертанныхъ самовластною его волею.

«Послѣ вашего послѣдняго собранія», говорилъ

Наполеонъ депутатамъ, «я покорилъ Арагонію и Кастилію и прогналъ изъ Мадрида мятежническое правительство, учрежденное Англіею. Съ пути къ Лиссабону и Кадиксу, я долженъ былъ возвратиться и водрузить орлы мои на вѣнскихъ укрѣпленіяхъ. Три мѣсяца отъ начала и до конца своего продолжилась эта четвертая пуническая война. Я пріученъ къ преданности и храбрости моихъ армій; но не могу не признать особенныхъ доказательствъ любви, данныхъ мнѣ германскими моими солдатами. — Геній Франціи велъ англійскую армію, и она совершила судьбу свою въ заразительныхъ болотахъ Валхерена. Я оставался за четыреста льё, но былъ увѣренъ, что народы мои покроютъ себя притомъ новою славою и покажутъ великій характеръ. Надежды не обманули меня. Особенно обязанъ я благодарить гражданъ департаментовъ Па-де-Кале и Сѣвернаго. Французы! *все,* что вздумаетъ противиться вамъ, *будетъ побѣждено и покорено.* Ваше величіе выростетъ во всю ненависть вашихъ враговъ. Передъ вами продолжительные годы славы и преуспѣянія. Въ васъ сила и могущество Геркулеса древнихъ. — Я присоединилъ Тоскану къ Имперіи. Народы ея достойны того своею кротостью, привязанностью къ намъ предковъ ихъ, и услугами европейской цивилизаціи. — Исторія указала мнѣ, какъ поступить съ Римомъ. Папы, сдѣлавшись владѣтелями части Италіи, всегда показывали себя непріятелями другихъ первенствующихъ державъ на полуостровѣ, и старались вредить имъ своею духовною властію. Ясно

увидѣлъ я, что дѣйствіе духовной власти, производимое въ моихъ владѣніяхъ чуждымъ владѣтелемъ, противно независимости Франціи, достоинству и безопасности моего трона. Признавая въ то же время необходимость духовнаго вліянія преемниковъ перваго пастыря Церкви, я не иначе могъ согласить эти великіе интересы, какъ уничтоживъ дарствованіе французскихъ императоровъ, моихъ предшественниковъ, и присоединивъ римскія области къ Франціи. — Всѣ короли и владѣтели, мои союзники, показавшіе мнѣ столько постоянства въ своей дружбѣ, получили и получатъ, въ силу вѣнскаго договора, увеличеніе земель. — Иллирійскія области переносятъ на Саву границы моей великой имперіи. На межѣ съ константинопольскою имперіею, я могу естественно наблюдать выгоды моей торговли на моряхъ Средиземномъ и Адріатическомъ и въ Левантѣ. *Я буду покровительствовать Портѣ*, если она освободится отъ пагубнаго вліянія Англіи; *я накажу ее*, если она поддастся коварнымъ и вѣроломнымъ совѣтамъ. — Я желалъ снова доказать мое уваженіе къ швейцарскому народу, присоединивъ къ титуламъ моимъ наименованіе *медіатора* его и прекративъ всѣ безпокойства, распространяемыя среди такого превосходнаго народа. — Голландія, находясь между Англіею и Франціею, стѣсняется ими обѣими. Но она путь главныхъ артерій моей имперіи. *Будутъ необходимы перемѣны.* Того непремѣнно требуютъ безопасность моихъ границъ и настоящая польза обѣихъ странъ. — Отъ со-

юза съ Англіею, Швеція, послѣ губительной войны, лишилась лучшей и важнѣйшей изъ своихъ областей. Счастливъ былъ-бы тамошній народъ, если бы на тронъ Швеціи восшелъ нѣсколькими годами раньше благоразумный государь, нынѣ правящій ею. Новый примѣръ царямъ, что союзъ съ Англіею есть вѣрное предвѣстіе ихъ гибели.»

«Мой другъ и союзникъ, Императоръ Россійскій, «присоединилъ къ обширной своей имперіи Финляндію, «Молдавію, Валахію, и одинъ округъ Галиціи. Я не «завидую никакому благополучію россійской имперіи. «Мои чувства къ высокому повелителю ея согласны съ «моею политикою.

«Когда я появлюсь за Пиренеями, устрашенный леопардъ будетъ искать на Океанѣ спасенія отъ смерти, пораженія и стыда. Торжество моего оружія будетъ торжествомъ генія добра надъ геніемъ зла; умѣренности, порядка, нравственности надъ войною, безначаліемъ и злыми страстями. Надѣюсь, что моя дружба, мое покровительство возвратятъ спокойствіе и счастіе народамъ Испаніи. — Господа депутаты департаментовъ въ Законодательномъ Корпусѣ! Я поручилъ моему министру внутреннихъ дѣлъ представить вамъ исторію законодательства, управленія и финансовъ за истекшій годъ: вы увидите, что всѣ намѣренія мои ко благу моихъ народовъ исполняются дѣятельно; что въ Парижѣ и въ отдаленнѣйшихъ частяхъ моей имперіи война не замедлила работъ. Члены моего государственнаго совѣта предста-

вятъ вамъ разные проекты законовъ, особенно о финансахъ, и вы увидите цвѣтущее ихъ состояніе. Я не требую отъ моихъ народовъ никакого новаго пожертвованія, хотя обстоятельства заставили меня удвоить мои военныя силы.»

Нѣтъ надобности ни въ какихъ поясненіяхъ на такой любопытный актъ наполеонова деспотизма. Кто изъ величайшихъ властителей образованныхъ государствъ, отъ Александра Македонскаго до Александра Благословеннаго, кто, кромѣ повелителей Срединной Имперіи и восточныхъ деспотовъ, обыкновенно называющихъ себя повелителями всѣхъ народовъ, кто говорилъ такимъ языкомъ, какимъ выражалъ свои властительные подвиги и намѣренія императоръ Французовъ, счастливый солдатъ французской республики? И гдѣ, и кому говорилъ онъ? Въ средоточіи европейскаго просвѣщенія, въ сонмѣ избранныхъ людей и вѣнценосныхъ владѣтелей, во всеуслышаніе образованной Европы и цѣлаго міра! Такой порядокъ дѣлъ не могъ быть продолжителенъ, потому что есть границы человѣческому могуществу, а Наполеонъ уже переступилъ за нихъ и готовился идти еще далѣе, въ дерзкомъ забвеніи всѣхъ правъ народовъ и царей.

Положеніе Франціи было совсѣмъ не такъ выгодно, какъ старался онъ изобразить его. Оно было блестяще, но тяжко для его подданныхъ, лишенныхъ свободы въ занятіяхъ, въ промышленности, даже въ помышленіяхъ; оно было страшно для всѣхъ другихъ народовъ, потому что Франція представляла неизмѣ-

римую громаду силъ, подъ властію необыкновеннаго генія; но въ самомъ растяженіи силъ ея и въ наступательномъ ходѣ управлявшаго ею генія, были глубокія причины ея истощенія и непрочности зданія, поддерживаемаго дѣятельностью и волею одного человѣка. При такой громадности правленія, какою обременилъ себя Наполеонъ, не могли идти стройно всѣ части администраціи. и во многія изъ нихъ уже внѣдрились великія злоупотребленія. Правосудіе часто было попираемо гордыми его сановниками и маршалами; просвѣщеніе ограничивалось военнымъ воспитаніемъ юнаго поколѣнія и нѣкоторыми великолѣпными учрежденіями, представлявшими больше блеска, нежели пользы; науки, литература скрывались въ кабинетахъ немногихъ безкорыстныхъ дѣйствователей, и во все царствованіе Наполеона не явилось ни одного замѣчательнаго творенія, ни одного высокаго дарованія, и только противники его, Шатобріанъ и г-жа Сталь, еще придавали нѣкоторый блескъ Французской литературѣ. Торговля и промышленность страдали отъ континентальной системы, и лишь немногіе поставщики и спекулянты наживали милльоны, а вообще промышленный классъ занимался мелочами и почти не могъ думать о внѣшней торговлѣ и обширныхъ предпріятіяхъ. Наполеонъ почиталъ мечтою, *идеологіею* (любимое его выраженіе) все, что не было привычною, повседневною работою, трудолюбіемъ бобра или муравья, и съ насмѣшкою отвергнулъ великое изобрѣтеніе *пароходовъ*, чѣмъ

лишилъ себя и слѣдствія ихъ — *желѣзныхъ дорогъ*! Поощряя выработываніе свекловичнаго сахара, льняныхъ издѣлій, и заботясь о разведеніи красильныхъ растеній, онъ увлекался только ненавистью своею къ Англіи, но вообще требовалъ отъ людей работы, пожертвованій, повиновенія, не для прямаго блага ихъ, а для удовлетворенія своихъ намѣреній и страстей, которыя почиталъ велѣніями самой судьбы. Только самому себѣ предоставлялъ онъ умъ и поэзію подвиговъ, почитая всѣхъ людей машинами, которыя должны повиноваться его волѣ.

Не меньше невыгодъ и причинъ къ разрушенію всего зданія его представляли внѣшнія отношенія Франціи. Созданные имъ короли испанскій, голландскій, вестфальскій, неаполитанскій, безпрерывно разстроивали всю систему его, то по необходимости обстоятельствъ, то по собственнымъ ошибкамъ и глубокой своей неспособности къ управленію. Наполеонъ хвалился побѣдами въ Испаніи, а тамъ безпрерывно усмиряли непокорявшійся народъ и содержали нѣсколько сотъ тысячь лучшихъ французскихъ войскъ, истощавшихъ Францію. Король Іосифъ, по возвращеніи въ Мадридъ, былъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что даже не могъ содержать своего двора, и Наполеонъ посылалъ ему на собственное содержаніе его деньги, и возобновилъ для семейства его, остававшагося во Франціи, пенсію въ милльонъ франковъ, которую получалъ Іосифъ бывши принцомъ французской имперіи. По причинѣ совершенно противоположной, Наполеонъ безпрестанно досадовалъ на брата своего, короля гол-

ландскаго, который хотѣлъ быть независимымъ. Вскорѣ увидимъ, до чего довели неудовольствія съ нимъ. Вестфальскій король, Іеронимъ, приводилъ въ отчаяніе всемогущаго императора Французовъ своимъ ребячествомъ, безмѣрными издержками и увеселеніями, унижавшими его въ глазахъ новыхъ подданныхъ. Мюратъ, и сдѣлавшись неаполитанскимъ королемъ, не столько думалъ о высокомъ своемъ званіи, сколько о наѣздническихъ подвигахъ. Могли ли, при такихъ правителяхъ, быть счастливы подданные ихъ, населявшіе прекраснѣйшія страны въ мірѣ? Могло ли быть устройство и благоденствіе въ ихъ государствахъ? Наполеонъ самъ почиталъ ихъ не болѣе какъ своими подчиненными, игралъ ими какъ куклами, представлявшими драму собственнаго его сочиненія. Сколько трудовъ для него, тягостныхъ, безполезныхъ, отвлекавшихъ отъ управленія собственнымъ своимъ, неизмѣримымъ государствомъ!

Далѣе увидимъ мы новыя отношенія его къ другимъ, стариннымъ государствамъ, порожденныя шенбруннскимъ миромъ. Теперь обращаемся къ важному измѣненію въ жизни Наполеона — разводу его съ Жозефиною и браку съ дочерью преемника цезарей.

Мы видѣли какъ были приготовлены къ тому обстоятельства — оставалось высказать роковое рѣшеніе; но Наполеонъ принужденъ былъ выдержать тягостную сцену, объявляя супругѣ своей, что она должна разстаться съ нимъ навѣки. Несчастная женщина лишилась силъ, упала на коверъ той комнаты,

где говорилъ съ нею Наполеонъ, и почти въ безпамятствѣ отнесли ее во внутреннія комнаты. Она давно знала рѣшеніе судьбы своей; но можно вѣрить, что не притворство было ея отчаяніе, когда холодный эгоизмъ человѣка, такъ долго, такъ многими связями соединеннаго съ нею, объявлялъ ей, что настала минута исполнить приговоръ разсчета надъ любовью и душевною привязанностію. 30 Ноября происходило объясненіе между ними; 15 Декабря были приглашены въ тюльерійскій дворецъ всѣ члены императорской фамиліи и Камбасересъ, въ качествѣ архи-канцлера имперіи. Императоръ, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ отозвавшись о своей супругѣ, объявилъ, что политическія причины заставляютъ его разрушить бракъ съ нею и вступить въ новое супружество. «Достигнувъ сорока лѣтъ, говорилъ Наполеонъ, я могу надѣяться прожить еще столько, чтобы по своей мысли, по духу своему воспитать дѣтей, которыхъ угодно будетъ Провидѣнію даровать мнѣ.» Жозефина отвѣчала согласіемъ въ приличныхъ выраженіяхъ, но слезы много разъ задушали ея слова. Благородныя дѣти ея, вице-король Евгеній и королева Гортензія, съ твердостью перенесли тяжкія впечатлѣнія такого событія — они заплатили тѣмъ за всѣ благодѣянія къ нимъ Наполеона, по выраженію одного изъ нихъ современниковъ.

На другой день, архи-канцлеръ внесъ въ сенатъ протоколъ объявленій императора и императрицы. Тамъ все было кончено въ одно засѣданіе, и сенатъ

утвердилъ представленный ему проектъ закона въ трехъ статьяхъ: 1-я, бракъ императора Наполеона съ императрицею Жозефиною разрушенъ; 2-я, императрица Жозефина сохраняетъ титулъ и санъ коронованной императрицы-королевы; 3-я, она получаетъ изъ государственнаго казначейства на ежегодные расходы свои по два милльона франковъ. — Гражданскій бракъ былъ разрушенъ; оставалось уничтожить духовный союзъ, освященный Церковью, чего уже не могъ сдѣлать сенатъ. По преданіямъ Католической Церкви, надлежало бы испросить разрѣшенія главы католической религіи, папы; но Пій VII находился плѣнникомъ въ Савонѣ, и Наполеонъ не желалъ подвергать себя отказу въ разрѣшеніи его. Онъ хотѣлъ руководствоваться выраженнымъ имъ въ рѣчи своей къ Законодательному Корпусу правиломъ — отклонить дѣйствіе духовной власти, когда она въ рукахъ чуждаго властителя — и обратился къ французскому духовенству. Въ Парижъ созваны были епископы изъ областей, и они облекли парижскаго архіепископа правомъ разрѣшить императора отъ духовныхъ узъ съ императрицею.

Когда расторженіе прежняго брака было окончено по всѣмъ формамъ законности, надлежало приступить къ заключенію новаго брака. Кого назначитъ въ супруги себѣ всемогущій повелитель Франціи? Кого изберетъ онъ занять подлѣ себя тронъ имперіи, безпримѣрной въ исторіи міра? Народные слухи и убѣжденія назначали ему нѣсколькихъ невѣстъ, принадлежавшихъ къ первѣйшимъ державнымъ семействамъ—

и всѣ ошибались. Довольно странно, однако жъ достовѣрно, что Наполеонъ, въ то время, когда уже бракъ его съ Жозефиною былъ разрушенъ, еще не рѣшился, или еще не могъ рѣшиться въ выборѣ своемъ. Причины тому были отдаленныя и столько важныя, что онѣ имѣли вліяніе на судьбу самого Наполеона и на ходъ современной ему исторіи.

Во время свиданія съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, Императоръ Александръ, въ искреннемъ расположеніи благороднаго сердца, сказалъ ему, между прочимъ, что «истинные друзья и вѣрные слуги Наполеона (ses véritables amis comme ses plus fidèles serviteurs) конечно желаютъ, чтобы династія его утвердилась въ дѣтяхъ.» Ничего нельзя вытолковать изъ сихъ словъ, кромѣ прямаго желанія видѣть упроченіе спокойствія Франціи, которое великодушный русскій Императоръ почиталъ тогда сосредоточеннымъ въ одномъ лицѣ Наполеона. Но разсчетливый умъ завоевателя основалъ на прямыхъ словахъ Императора Александра надежду, что онъ не откажется вступить съ нимъ въ родство, когда настанетъ къ тому время. Не смотря на холодность, уже оказывавшуюся между обоими императорами, въ слѣдствіе событій послѣдней австрійской войны и шенбрунскаго мира, они оставались еще въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ, что французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, герцогъ виченскій, получилъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи, депешу, отъ 24 Ноября, писанную имъ самимъ, со всѣми предосторожностями величайшей

тайны, гдѣ предписывалось ему положительно узнать мысли Императора Александра, можетъ ли Наполеонъ надѣяться, что предложеніе его вступить въ супружество съ одною изъ Великихъ Княженъ, Августѣйшихъ сестеръ Императора, не будетъ отвергнуто? Наполеонъ вполнѣ постигалъ важность дѣлаемаго имъ предложенія, и предписалъ даже въ какихъ именно выраженіяхъ долженъ посолъ его изложить Императору Александру мысль своего повелителя. «Государь,» долженъ былъ сказать посолъ: «могу думать, что императоръ Наполеонъ, по желанію всей Франціи, намѣренъ приступить къ разводу съ своею супругою. Позволите ли извѣстить его, что онъ можетъ имѣть въ виду вашу Августѣйшую сестру? Ваше Величество удостоите меня отвѣтомъ вашимъ откровенно, не какъ посланника Франціи, а какъ человѣка, душою преданнаго обѣимъ императорскимъ фамиліямъ. Примите слова мои не какъ формальную просьбу, а какъ ходатайство передъ Вашими искренними намѣреніями». Императоръ Александръ удостоивалъ Коленкура самою милостивою благосклонностью, какъ человѣка благороднаго, одушевленнаго почти такою же преданностью къ нему, какъ и къ своему государю, и потому безъ удивленія выслушалъ неожиданное предложеніе его, но отвѣчалъ, что рѣшеніе такого вопроса зависитъ не отъ него, а отъ вдовствующей Императрицы, и онъ не желаетъ вступать въ права ея. Въ нерѣшительности оставался Коленкуръ до полученія формальнаго извѣстія о разводѣ Наполеона съ Жозефиною, причемъ министръ ино-

странныхъ дѣлъ увѣдомлялъ его, что теперь онъ можетъ опредѣленнѣе выразиться передъ Императоромъ Александромъ. Новыя просьбы Коленкура заставили Императора сказать, что онъ не иначе передастъ вдовствующей Императрицѣ мысли Наполеона, какъ въ видѣ предположенія о случаѣ, который можетъ представиться. 10 Января (н. ст.) французскій посолъ, по предписанію своего кабинета, просилъ Императора Александра о положительномъ отвѣтѣ въ продолженіе десяти дней. По прошествіи назначенныхъ дней отвѣта не было, что и служило яснымъ выраженіемъ мысли Россійскаго Двора. Какъ ни желалъ Императоръ Александръ соблюсти самую тонкую вѣжливость въ отказѣ, сколько ни щадилъ онъ самолюбіе гордаго повелителя полу-міра, но отказъ остался отказомъ и былъ рѣшительнымъ признакомъ перемѣны въ чувствованіяхъ обоихъ императоровъ, и началомъ новой политики ихъ кабинетовъ.

Еще оставаясь въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, Наполеонъ могъ видѣть по холодности, съ какою было принято предложеніе его, что ему надобно искать лучшаго успѣха въ семействахъ другихъ монарховъ. Мысль о союзѣ съ дочерью императора австрійскаго, эрцъ-герцогинею Маріею-Луизою, была передана австрійскому посланнику въ Парижѣ, князю Шварценбергу, который и не замедлилъ получить одобрительный отвѣтъ отъ своего двора. 6 Февраля прибылъ курьеръ отъ герцога виченцскаго изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что предложенный имъ рос-

сійскому двору десятидневный срокъ истекъ безъ всякихъ послѣдствій. Тогда Наполеонъ принялъ рѣшительное намѣреніе, и послѣ сужденій въ собраніи высшихъ государственныхъ сановниковъ и министровъ о предстоявшемъ бракѣ, 27 Февраля извѣстилъ онъ сенатъ, что князь ваграмскій (Бертье) отправляется въ Вѣну, въ качествѣ чрезвычайнаго посла къ императору австрійскому, для испрошенія у него согласія на бракъ дочери его съ императоромъ Французовъ. Любопытныя подробности посольства Бертье, при чемъ истощено было все, что̀ могли представить ослѣпительная роскошь и великолѣпіе, не принадлежатъ исторіи. Но должно замѣтить, что избраніе представителемъ Франціи Бертье, получившаго титулъ князя ваграмскаго въ память сраженія, гибельнаго для Австріи, и личный характеръ посла, угрюмаго и неловкаго, хотя стоявшаго ближе всѣхъ къ трону наполеонову, не заслужили одобренія въ Вѣнѣ, гдѣ вообще смотрѣли на бракъ австрійской принцессы съ недавнимъ побѣдителемъ Австріи какъ на тягостную политическую необходимость, ожидая только, что родственный союзъ знаменитаго австрійскаго дома съ Наполеономъ послужитъ залогомъ дружественныхъ сношеній между двумя имперіями, и упрочитъ миръ для всей Европы. Чего оставалось желать честолюбивому завоевателю послѣ родственнаго союза съ однимъ изъ древнѣйшихъ державныхъ родовъ, когда вся слава, все могущество, какихъ могъ достигнуть онъ личными своими подвигами, уже давно поставили его на-

ряду съ величайшими историческими именами? Оставалось заслужить благословеніе современниковъ и потомства — мирными подвигами добра и блага. Неужели Наполеонъ откажется отъ единственнаго и самаго драгоцѣннаго рода славы, котораго недоставало ему? Послѣдствія не оправдали надеждъ и ожиданій, и на скрижаляхъ Исторіи еще разъ былъ вписанъ огненными чертами выводъ изъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ, не освященныхъ любовью къ человѣчеству: «Суета суетствій и всяческая суета!»

Марта 7-го было торжественное предложеніе о бракѣ; 11-го былъ заключенъ брачный союзъ, причёмъ эрцъ-герцогъ Карлъ заступалъ мѣсто Наполеона при совершеніи духовной церемоніи и подписаніи договора; 13-го Марта юная императрица выѣхала изъ Вѣны. Въ Браунау встрѣтила ее сестра наполеонова, королева неаполитанская, и новую императрицу окружилъ дворъ, составленный изъ знатнѣйшихъ именъ Франціи. Кромѣ первой статсъ-дамы, герцогини Монтебелло (супруги маршала Ланна, убитаго въ послѣднюю войну съ Австрійцами), приближенными дамами императрицы были назначены госпожи Мортемаръ, Монморанси, Бульс; въ числѣ кавалеровъ занимали придворныя должности Альдобрандини, Боргезе, Богарне, д'Обюссонъ, де Беарнъ, Филиппъ Сюгеръ — Наполеонъ взялъ дань со всѣхъ знаменитостей сенъ-жерменскаго предмѣстія, и вообще устроилъ все по этикету прежняго французскаго двора. Съ увлеченіемъ влюбленнаго жениха заботился онъ о самыхъ ме-

лочныхъ подробностяхъ двора будущей своей супруги, велѣлъ извлечь изъ архивовъ придворные уставы и церемоніялы Людовика XIV-го и его преемниковъ, и самъ назначилъ чиновниковъ и дамъ ко всѣмъ должностямъ новаго двора. Все было сообразно величію и могуществу его. Путешествіе молодой императрицы черезъ Германію и Францію сопровождалось удивительною пышностію и самымъ утомительнымъ этикетомъ. По росписанію, самъ Наполеонъ долженъ былъ встрѣтить ее въ Компіенѣ. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи, онъ поскакалъ изъ Компіена на встрѣчу къ ней. Погода была ужасная; лилъ дождь. Когда дорожныя кареты приближались къ одной станціи, гдѣ надобно было перемѣнять лошадей, какой-то человѣкъ, въ сѣромъ сюртукѣ, обливаемый дождемъ, укрылся подъ навѣсомъ подъѣзда, и едва остановилась карета императрицы, онъ подбѣжалъ, самъ отворилъ дверцы, и ловко вскочилъ въ карету: королева неаполитанская едва успѣла сказать Маріи-Луизѣ: «Это императоръ, братъ мой!» Такъ сократилъ онъ медленіе этикета, и остальной путь совершенъ былъ вмѣстѣ обоими супругами. 1-го Апрѣля, въ Сенъ-Клу, заключенъ былъ брачный договоръ, а на другой день императоръ и императрица имѣли торжественный въѣздъ въ Парижъ, и въ тюльерійскомъ дворцѣ получили церковное благословеніе. За тѣмъ слѣдовали торжества и праздники, изумившіе великолѣпіемъ и вкусомъ своимъ самый Парижъ, гдѣ давно перестали изумляться чему бы то ни было. Франція казалась ослѣпленною,

удивлялась, торжествовала; но радости, восторга не было замѣтно ни въ одномъ сословіи, потому что новый бракъ Наполеона не былъ по сердцу народа. Честолюбивый, гордый императоръ уже отчуждилъ свои выгоды отъ выгодъ народа, и на супружество его съ австрійскою принцессою смотрѣли вообще съ какою-то недовѣрчивостью къ будущему.

Въ то самое время, когда Наполеонъ одновременно велъ съ дворами петербургскимъ и вѣнскимъ переговоры о своемъ супружествѣ, дѣла политики его шли своею чередою, и часто встрѣчались вопросы, гдѣ оказывалъ онъ даже нѣкоторое раздраженіе. Онъ жаловался, что Россія покровительствуетъ Французамъ, непріязненнымъ Франціи. Какой-то Кассини жилъ въ Парижѣ подъ покровительствомъ русскаго посольства. «Я не покровительствую никакого Русскаго въ Россіи,» говорилъ Наполеонъ, «и не признаю права Россіи покровительствовать Французамъ во Франціи. Я поссорился за такой вопросъ съ графомъ Марковымъ!... Покуда не откроютъ тайны переливанія крови въ людяхъ, Французъ всегда останется Французомъ.» Еще больше и съ большимъ основаніемъ говорилъ онъ о слабой помощи, оказанной Россіею въ послѣдней войнѣ его съ Австріею. «Русскій Императоръ послалъ горсть людей, да и тѣ ничего не дѣлали,» повторялъ онъ. «Будь я на его мѣстѣ, я двинулъ бы армію въ двѣсти тысячь человѣкъ, и они не дожидались бы Австрійцевъ для перваго выстрѣла.» Онъ жаловался также, что въ Вѣнѣ образовалась пар-

тія непріязненныхъ Русскихъ, которые завладѣли мнѣніемъ во многихъ гостиныхъ и приняли къ себѣ эмигранта Рожера Дамаса. «Пусть австрійскій кабинетъ остановитъ ихъ интриги; иначе, могутъ произойдти большія несчастія,» говорилъ Наполеонъ.

Но всѣ подобныя жалобы его были только мимолетными вспышками, которыя легко утихали при одномъ пояснительномъ словѣ. Вскорѣ началась распря, имѣвшая послѣдствія продолжительныя и оставшаяся одною изъ причинъ разрыва дружественныхъ сношеній между двумя великими государствами.

По шенбруннскому договору, небольшая часть Галиціи была присоединена къ Варшавскому Герцогству, и Поляки возмечтали, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе возстановить Польское Королевство, что́ было поводомъ къ разнымъ кознямъ ихъ въ областяхъ, возвращенныхъ Россіею отъ Польши. Императоръ Александръ извѣстилъ о томъ Наполеона. Отвѣтомъ его было письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи къ канцлеру графу Румянцову, гдѣ, между прочимъ, находилось увѣреніе, что «императоръ Наполеонъ не только не хочетъ возраждать чуждую ему мысль о возстановленіи Польши, но, вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ, готовъ способствовать истребленію самаго воспоминанія о ней въ сердцахъ жителей. Онъ согласенъ, чтобы названіе Польши и Поляковъ исчезло изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, и даже изъ Исторіи.» Оставалось подтвердить такія увѣренія договоромъ. Французскій посолъ въ С. Петербургѣ по-

лучилъ на то полномочіе, и 23 Декабря (4 Января н. ст.) была заключена съ нимъ конвенція, на основаніи предположеній самого Наполеона. Немедленно отправили ее въ Парижъ для ратификаціи; но означаемыя здѣсь числа показываютъ, что въ то же самое время Наполеонъ ожидалъ отвѣта на свое предложеніе о супружествѣ съ одною изъ Великихъ Княженъ, и почти нельзя сомнѣваться, что, убѣдившись въ безуспѣшности своего искательства, онъ былъ оскорбленъ уничтоженіемъ самолюбивыхъ своихъ надеждъ. 10-го Февраля, то есть за нѣсколько дней до всенароднаго извѣщенія о брачномъ союзѣ его съ австрійскою принцессою, Шампаньи отправилъ обратно въ Петербургъ конвенцію о Польшѣ, безъ ратификаціи Наполеона, который предлагалъ измѣнить редакцію нѣкоторыхъ статей ея. Не оспоривая общаго смысла конвенціи, онъ говорилъ, что можно достигнуть той же цѣли съ большимъ уваженіемъ къ его достоинству; что нѣкоторыя статьи возлагаютъ на него отвѣтственность за будущія событія, не отъ него зависящія; наконецъ, что не соблюдено общаго правила дипломаціи, требующаго, чтобы обязательства были взаимны. Желая удостовѣрить Императора Александра, что онъ не отвергаетъ конвенціи, а только хочетъ выразить ее въ другихъ формахъ, Наполеонъ велѣлъ своему министру иностранныхъ дѣлъ составить ее вновь, сообразно своимъ видамъ, и ратификованную отправить въ Петербургъ. Тщетно Шампаньи представлялъ о неудобствѣ утвердить императорскою подписью актъ, оста-

ющійся только проектомъ, ибо онъ требуетъ также ратификаціи другой договаривающейся стороны; Наполеонъ велѣлъ послать новую конвенцію съ своею ратификаціей. Императоръ Александръ былъ недоволенъ перемѣнами въ конвенціи. Особенно оставался онъ непреклоненъ въ удержаніи 1-й статьи прежней конвенціи, гдѣ кратко и ясно было сказано: «Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено». Другія статьи были меньше важны, но и въ нихъ согласиться не могли. Императоръ Александръ имѣлъ тѣмъ больше основательныя причины видѣть въ упорствѣ Наполеона перемѣну его образа мыслей, что въ то же время Наполеонъ безпрерывно увеличивалъ свои владѣнія, присоединивъ Ганноверъ къ Вестфаліи, Голландскій Брабантъ и Зеландію къ Франціи, и учредивъ новое государство подъ названіемъ Великаго Герцогства Франкфуртскаго; кромѣ того, онъ старался разными средствами открыть переговоры съ Англіею. При такомъ образѣ дѣйствій, простаго объявленія его было достаточно для возстановленія Польши, когда онъ не былъ связанъ договоромъ противъ подобной мѣры и когда политика его показывала признаки холодности въ сношеніяхъ съ Россіею. Къ послу русскому въ Парижѣ, князю Куракину, былъ отправленъ новый контръ-проектъ конвенціи, какой желалъ касательно Польши Императоръ Александръ. Контръ-проектъ былъ доставленъ французскому министерству 6-го Апрѣля; 24-го числа Наполеонъ поручилъ своему министру передать князю

Куракину объяснительную ноту, гдѣ опять повторялись прежнія увѣренія въ безкорыстіи, дружбѣ, и доказательства, что Наполеонъ не можетъ принять на себя обязательства въ томъ, что́ не отъ него зависитъ. 27 Апрѣля отправился онъ съ молодою императрицею въ сѣверные департаменты Франціи и Бельгіи, и во время своего путешествія, 30 Апрѣля, продиктовалъ еще четырнадцать страницъ доказательствъ, почему невозможно ему утвердить конвенцію о Польшѣ въ томъ видѣ, какъ желаетъ русское правительство. Ни съ той, ни съ другой стороны не хотѣли показать уступчивости въ спорѣ о Польшѣ, и переписка и переговоры о томъ пословъ русскаго въ Парижѣ и французскаго въ Петербургѣ продолжались съ большимъ или меньшимъ одушевленіемъ. Вскорѣ другіе вопросы показали новыя отношенія между двумя правительствами, еще недавно столь дружественными.

Любопытно, какъ пользовался Наполеонъ миромъ, всегда желаннымъ для каждаго благоустроеннаго государства. Правда, что война его съ Англіею и усмиреніе Испаніи еще продолжались, и, къ несчастію, должны были окончиться только съ его паденіемъ; но они сдѣлались при немъ какъ бы неизбѣжнымъ бѣдствіемъ, такъ что современникамъ показалось бы странно, если бы сказали имъ: «Англія и Испанія въ мирѣ съ Франціею». Самъ Наполеонъ, при ужасномъ увеличеніи своихъ силъ, уже не почиталъ кровавой войны въ Испаніи такою тягостью, которую надобно

было уничтожить, хотя бы съ большими пожертвованіями. Онъ хотѣлъ, чтобы Испанія и Англія сообразовались съ его видами, и не разъ искренно вызывалъ ихъ мириться, но на такихъ основаніяхъ, которыхъ не могли принять онѣ, а онъ не постигалъ, какъ можно мириться иначе, и отъ того война съ Англіею, усмиреніе Испаніи, казались при немъ въ порядкѣ вещей. Но онъ былъ въ мирѣ со всѣми другими европейскими державами — и можно было полагать, что дѣятельный геній его устремится къ устройству обширныхъ владѣній Франціи, къ утвержденію порядка и благосостоянія имперіи и къ укрѣпленію мирныхъ отношеній съ дружественными державами. Со всѣмъ иначе отражались въ умѣ Наполеона понятія о мирѣ. Война была для него средствомъ увеличивать свои владѣнія и могущество съ боя, а миръ почиталъ онъ возможностью дѣлать то же безъ войны. Налагая желѣзный деспотизмъ свой на волю не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ, онъ изумлялся, когда встрѣчалъ сопротивленіе, и уничтожалъ его своими побѣдами; не встрѣчая сопротивленія, онъ дѣйствовалъ самовластно, не только въ своей имперіи, но и въ независимыхъ владѣніяхъ: обрѣзывалъ ихъ, отнималъ у нихъ области, занималъ своими войсками, уничтожалъ цѣлыя государства, передавалъ города и царства отъ одного владѣтеля другому, и при малѣйшемъ сопротивленіи угрожалъ всею тяжестію своей силы. Событія подтвердятъ слова наши.

Занимая Ганноверъ своими войсками со времени по-

слѣдней прусской войны, Наполеонъ удерживалъ его какъ средство побудить англійскаго короля заключить миръ. Болѣе и болѣе теряя надежду сблизиться съ Англіею, *онъ уступилъ права свои* на Ганноверъ брату своему, Іерониму, по договору, заключенному въ Парижѣ 14 Января 1810 года. Такимъ образомъ, занимая войсками непріятельскую область, онъ почиталъ себя въ правѣ присоединить ее къ владѣніямъ Вестфаліи. Но почему же именно Вестфаліи? Такова была *воля* Наполеона, и 571 кв. миля земли и 948,000 душъ народонаселенія усилили королевство брата его.

Владѣнія князя Примаса были увеличены почти всѣмъ княжествомъ фульдскимъ и большею частію графства ганаускаго, и, подъ названіемъ Великаго Герцогства Франкфуртскаго, объявлены наслѣдственными для вице-короля Евгенія. Причиной того была опять воля Наполеона, который, надѣясь имѣть прямыхъ наслѣдниковъ, не хотѣлъ, чтобы вице-король могъ имѣть какія нибудь требованія на Италію. Въ то же время князь Примасъ уступилъ Франціи Регенсбургъ, тотчасъ переуступленный ею Баваріи, которая увеличилась, сверхъ того, княжествомъ байрейтскимъ и берхтольгаденскимъ, герцогствомъ зальцбургскимъ и землями по Инну, уступивъ Наполеону часть Тироля. Всѣ другіе союзники Наполеона въ войнѣ съ Австріею получили пріобрѣтенія землями, и въ то же время уступали и переуступали разные города и области Франціи и другъ другу, совершенно по волѣ Наполеона.

Для всѣхъ подобныхъ соглашеній, они безпрестанно пріѣзжали въ Парижъ, часто оставались тамъ долго, ожидая воли своего покровителя, и увеличивали блескъ его двора и призракъ его силы.

Больше самостоятельности и даже сопротивленія видѣлъ Наполеонъ въ родномъ братѣ своемъ, Людовикѣ, и тѣмъ больше негодовалъ на него, что думалъ найдти въ немъ вѣрнаго слугу своего, а не голландскаго короля, созданнаго его волею. Людовикъ былъ человѣкъ добрый сердцемъ, но слабый характеромъ и притомъ болѣзненный. Не соглашаясь дѣйствовать противъ своихъ обязанностей къ подданнымъ, онъ не умѣлъ выдержать характера сопротивленія противъ деспотизма своего брата, и только раздражалъ его жалобами и безполезными напоминаніями, что онъ король Голландіи и отецъ своихъ подданныхъ. Наполеонъ, по обыкновенной своей системѣ, давно рѣшился присоединить Голландію къ Франціи, и откладывалъ исполненіе своего рѣшенія по причинѣ совершенно особенной.

Мы упоминали, что Наполеонъ желалъ вступить въ мирныя сношенія съ Англіею. Переговоры агентовъ его съ англійскимъ министерствомъ о размѣнѣ плѣнныхъ производились безуспѣшно, потому что и здѣсь Наполеонъ хотѣлъ имѣть преимущества, которыхъ не давалъ противной сторонѣ; однако, въ продолженіе переговоровъ были явные намеки о сближеніи къ миру. Другая попытка его вступить въ переговоры о мирѣ состояла въ томъ, что, по волѣ На-

полеона, братъ его, Людовикъ, поручилъ негоціанту Лабушеру, имѣвшему обширныя торговыя сношенія съ Англіею, представить тайно лорду Веллеслею, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ великобританскаго кабинета, какъ невыгодно можетъ быть для английской торговли, уже чрезвычайно стѣсненной континентальною системою, предпамѣренное Наполеономъ присоединеніе Голландскаго королевства къ Франціи. Берега Голландіи оставались единственнымъ путемъ, которымъ, хотя тайно и съ большими затрудненіями, производились торговыя сношенія Европы съ Англіею. Не было сомнѣнія, что Наполеонъ, присоединивъ Голландію къ своимъ владѣніямъ, усилитъ строгость таможеннаго надзора и совершенно прерветъ торговую связь съ Англіею, и что самое присоединеніе Голландіи, задуманное имъ, не имѣетъ другихъ побужденій. Дайте ему поводъ думать, долженъ былъ прибавить Лабушеръ, что Англія расположена прекратить войну, и онъ отсрочитъ исполненіе своей мысли объ участи Голландіи, и все можетъ устроиться ко благу и спокойствію народовъ.

Какъ ни страненъ былъ такой приступъ къ открытію мирныхъ переговоровъ, но англійское министерство могло бы воспользоваться имъ, если бы неумѣстное усердіе человѣка, любившаго предъугадывать желанія Наполеона, не придало вызову Лабушера вида какой-то темной интриги, и не остановило британскаго кабинета на первомъ шагу. Человѣкъ, о которомъ говоримъ мы, былъ Фуше. Онъ видѣлъ бли-

зость своего паденія и хотѣлъ придать новую важность своимъ тайнымъ средствамъ, вмѣшавшись въ такое дѣло, котораго не могъ исполнить Наполеонъ со всѣмъ своимъ могуществомъ. Въ то же самое время, когда Лабушеръ дѣйствовалъ отъ имени голландскаго министерства, по тайному предписанію Наполеона, Фуше отправилъ въ Англію и Голландію агентовъ своихъ, Ирландца Фагона и знаменитаго поставщика Уврара, съ мирными предложеніями къ лорду Веллеслею. Англійскій министръ, послѣ немногихъ сношеній съ ними, отказался говорить о мирѣ съ такими агентами, и получивъ тогда же отъ вѣнскаго кабинета предложеніе открыть черезъ его посредство путь къ мирнымъ соглашеніямъ съ Франціею, нарочно придалъ гласность *тройной* попыткѣ Наполеона склонить британскій кабинетъ къ миру. Не нужно прибавлять, что англійское министерство не пропустило такого случая приписать желаніе Наполеона истощенію средствъ его къ войнѣ, пораженіямъ войскъ его въ Испаніи и невозможности поддерживать континентальную систему.

Наполеонъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ, когда услышалъ объ интригѣ Фуше. Фагонъ и Увраръ, по возвращеніи во Францію, были тотчасъ схвачены, и у нихъ нашлись несомнѣнныя доказательства, что они дѣйствовали по порученію Фуше. Дерзкій министръ полиціи, между прочимъ, предлагалъ маркизу Веллеслею отправить на англійскихъ корабляхъ корпусъ французскихъ войскъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные

Штаты, овладѣть ими, и раздѣлить завоеваніе — сѣверъ Англіи, югъ Франціи. Наполеонъ призвалъ къ себѣ Фуше и выразилъ все свое негодованіе противъ его преступной дерзости. «Такъ вы вступаете въ переговоры съ непріязненною державою мимо вашего императора?» говорилъ Наполеонъ. «Знаете ли что вы заслужили такимъ поступкомъ? — Расплатиться головою на эшафотѣ! Да, это больше нежели интрига, больше нежели проступокъ — это государственное преступленіе. Вы вмѣшивались въ мои семейныя дѣла — я простилъ васъ; теперь вы вздумали заключать миръ съ непріятелемъ безъ моего вѣдома! Пора остановить навсегда ваши козни!» Но гнѣвъ и наказанія ограничились тѣмъ, что Наполеонъ отнялъ у Фуше министерство полиціи и передалъ его своему генералъ-адъютанту Савари, и даже назначилъ было Фуше генералъ-губернаторомъ въ Римъ; но когда Фуше не выдалъ бывшихъ у него важныхъ писемъ Наполеону, отозвавшись, что они сожжены имъ, онъ получилъ приказаніе просто отправиться въ южную Францію. Такъ сошелъ съ политической сцены человѣкъ, имѣвшій необыкновенныя дарованія, но олицетворявшій собою духа зла; послѣднимъ дѣйствіемъ его было, какъ видимъ, вмѣшательство въ переговоры съ Англіею, которые могли бы кончиться иначе, если бы темная интрига не прекратила ихъ вдругъ. Имя Фуше еще встрѣтится намъ въ другую, важную эпоху жизни Наполеона.

Покуда продолжались тайныя попытки о мирѣ съ

Англіею, Наполеонъ оставлялъ существованіе голландскаго королевства, ограничившись по трактату съ королемъ Людовикомъ, заключенному въ Парижѣ 16 Марта, присоединеніемъ къ Франціи всѣхъ областей Голландіи по Рейнъ. Путешествіе его, вмѣстѣ съ императрицею, имѣло цѣлью столько же ознакомить ее съ Франціею и показать народу юную императрицу, сколько осмотрѣть новыя пріобрѣтенія и распорядиться построеніемъ тамъ береговыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, озаботились придать весь возможный блескъ путешествію, и оно больше походило на торжественную прогулку. Огромная свита сопровождала императора и императрицу. Въ числѣ спутниковъ ихъ были королева неаполитанская, великій герцогъ вирцбургскій, многіе иностранные министры и французскія знаменитости. Путешествіе началось отъ Камбре въ Брюссель, въ Антверпенъ, гдѣ останавливались на цѣлую недѣлю, въ Бергъ-опъ-Цомъ, Бреду, Гертруденбургъ, Герцогенбушъ и черезъ всѣ укрѣпленныя мѣста его по Маасу. Вездѣ, гдѣ только можно, сдвинуты были корабли и разныя суда; по каналамъ часто плыли въ великолѣпныхъ шлюпкахъ, при громѣ пушекъ. Наполеонъ, съ обыкновенною своею проницательностью, дѣлалъ замѣчанія, желалъ вездѣ улучшеній, и въ одномъ Антверпенѣ распорядился нѣсколькими новыми, громадными работами. Черезъ Гентъ, Остенде, Лилль, Кале, Булонь, Діеппъ, Гавръ и Руанъ возвратился онъ, 1 Іюня, въ Сенъ-Клу. Возвращеніе его было началомъ новыхъ празднествъ. Послѣ своего бракосоче-

танія; императоръ давалъ Парижу великолѣпные праздники, гулянья, фейерверки; теперь была очередь *добраго города* Парижа отплатить новому Карлу Великому большимъ праздникомъ. Императоръ благосклонно выслушалъ приглашеніе *своихъ горожанъ*, и явился съ императрицею на балъ, данный Парижемъ въ залахъ городоваго собранія (l'Hôtel de Ville). Встрѣча и всѣ распоряженія были по точнымъ преданіямъ старинпаго и даже древняго этикета. Какъ измѣнились они, эти свирѣпые, неуклюжіе республиканцы, современники и сотрудники Робеспьера и Барраса. Какъ перемѣнился и тотъ изъ нихъ, котораго они встрѣчаютъ теперь какъ своего императора! Заставимъ говорить о немъ Француза, довольно безпристрастнаго: «Наполеонъ явился на балъ городоваго собранія не въ заслуженномъ аустерлицкомъ мундирѣ, придававшемъ ему такой благородный видъ: онъ былъ во французскомъ кафтанѣ, одѣтъ по-королевски, какъ говорили. Блѣдное лицо его, столь замѣчательное прекраснымъ лбомъ, осѣнялось шляпою à la Henri IV, со множествомъ перьевъ, и онъ не снималъ ея, желая показать, что онъ императоръ, хотя окружавшіе его короли были съ открытою головою. Наполеонъ замѣтно состарѣлся; широкія, толстыя плеча его поднялись, брюхо увеличилось; короткія и тучныя ноги отымали благородство и легкость у его походки. Онъ говорилъ фразы, хотѣлъ улыбаться, но видно было, что уже отвыкъ отъ улыбки; свинцовый цвѣтъ лица его предвѣщалъ ту болѣзнь въ лёгкихъ, которая свела его

въ могилу. Въ глазахъ его отсвѣчивалось корсиканское происхожденіе: было въ нихъ что-то пронищающее, дикое, какъ въ глазахъ тамошнихъ горныхъ пастуховъ. Только съ своими солдатами, на полѣ битвы, могъ быть развязенъ такой человѣкъ! Императоръ удостоилъ, какъ говорили придворные, посѣтить своихъ горожанъ, и потому говорилъ со всѣми купцами, которыхъ торжественно представлялъ ему Фрошо, сенскій префектъ. Императоръ произносилъ къ нимъ цѣлыя рѣчи противъ сахару, кофе и англійскихъ мануфактуръ. Мысль о континентальной системѣ обратилась у него въ мономанію; онъ говорилъ о ней женщинамъ, даже на балахъ. Увидитъ кружевное, линоновое, муслиновое платье, и, подозрѣвая, что оно англійскаго происхожденія, закидаетъ рѣзкими словами бѣдныхъ вѣтрениицъ, блѣднѣющихъ передъ нимъ. Кажется, онъ велѣлъ бы на балѣ исполнить свой берлинскій декретъ о сожженіи англійскихъ произведеній.»

1 Іюля былъ другой балъ, достопамятный ужаснымъ своимъ окончаніемъ. Австрійскій посолъ въ Парижѣ, князь Шварценбергъ, давалъ его въ честь высокихъ новобрачныхъ и хотѣлъ сдѣлать вполнѣ достойнымъ торжественности случая. Великолѣпныя залы дома, занимаемаго имъ, казались ему недостойны для бала, куда должна была съѣхаться вся аристократія всемірной столицы, и къ дому пристроили, на столбахъ, обширную галлерею, наскоро украшенную роскошными обоями, занавѣсами, гирляндами, люстрами.

Балъ начался въ саду, при звукахъ нѣмецкой музыки, напоминавшей императрицѣ счастливые дни Пратера и Шенбрунна; потомъ перешли въ залы, и толпа была такъ велика, что едва могли устроиваться посреди нея кадрили. Во время самыхъ оживленныхъ танцевъ, вдругъ раздалось ужасное слово: «пожаръ!» Въ деревянной галлереѣ вспыхнулъ газовый занавѣсъ и огонь быстро сообщился гирляндамъ, разлился по тканямъ обоевъ, едва прикрѣпленныхъ къ дереву, и въ нѣсколько минутъ пламя обхватило все, что могло горѣть. Неописанное смятеніе и ужасъ распространились въ залѣ. Въ суматохѣ, всѣ толпились въ дверяхъ и мѣшали другъ другу выходить. Вскорѣ явилось зрѣлище ужасное: тысяча гостей, блистающихъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, дамы въ бальныхъ костюмахъ, обхватываемыя пламенемъ, осыпаемыя искрами, задушаемыя дымомъ и жаромъ, кидались изъ оконъ, сбивали другъ друга, испускали крики отчаянія, и уже многіе лишились жизни, когда, къ довершенію несчастія, прогорѣвшій полъ галлереи обрушился и вмѣстѣ съ огнемъ и грудами развалинъ увлекъ всѣхъ, оставшихся въ живыхъ. Тогда вопли отчаянія повторились въ саду и во всей окружности, ибо спасшіеся туда увидѣли гибель родныхъ, друзей и звали ихъ въ какомъ-то помѣшательствѣ. Много погибло жертвъ на балѣ Шварценберга, начавшемся такъ великолѣпно и радостно. Наполеонъ и всѣ члены его семейства, находившіеся на балѣ, вышли изъ дома при самомъ началѣ смятенія. Императоръ отправилъ

супругу свою въ Сенъ-Клу, а самъ возвратился спасать кого еще было можно, и его личными распоряженіями несчастіе было уменьшено, сколько позволяли человѣческія силы. Но многія семейства оплакивали страшную смерть родныхъ; многіе лишились друзей; многіе были ушибены, обожжены и долго оставались при смерти. Одною изъ самыхъ трогательныхъ жертвъ можно назвать княгиню Шварценбергъ, супругу посланникова брата: она уже была спасена, и бросилась опять въ пылающую бездну искать свою дочь, которая между тѣмъ находилась внѣ опасности. Гибельный пожаръ на балѣ австрійскаго посланника произвелъ впечатлѣніе ужасное: кромѣ самаго бѣдствія, онъ казался какимъ-то страшнымъ предвѣщаніемъ въ будущемъ. Сравнивали его съ такимъ же происшествіемъ, бывшимъ во время бракосочетанія дофина, впослѣдствіи несчастнаго Людовика XVI; говорили, что Наполеонъ также призвалъ австрійскую принцессу раздѣлить свой тронъ, и сближеніе одинаковыхъ событій тревожило умы, питало суевѣрные предразсудки и казалось какимъ-то грознымъ предзнаменованіемъ. Мечтательныя опасенія глубоко запали въ душу не однихъ простолюдиновъ: самъ Наполеонъ помнилъ о пожарѣ у князя Шварценберга, даже черезъ нѣсколько лѣтъ, при громахъ дрезденской битвы.

Съ Апрѣля мѣсяца 1810 года находился въ Парижѣ также австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Меттернихъ, уже славный своимъ дипломатическимъ искусствомъ. Наполеонъ согласился на при-

бытіе его въ Парижъ, но съ тѣмъ, чтобы оно не имѣло оффиціяльнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, графъ Меттернихъ не входилъ, повидимому, въ дипломатическія сношенія, являлся только при дворѣ и въ высшихъ обществахъ, сопровождалъ Наполеона во время путешествія его въ Бельгію, былъ, какъ всегда, душою и очарованіемъ гостиныхъ, къ чему давали ему средства высокая образованность, богатство, и умъ, плѣнительный въ каждомъ общественномъ кругу. Посреди баловъ, праздниковъ и свѣтскихъ встрѣчь съ Наполеономъ, онъ умѣлъ внушить ему много идей, благопріятныхъ для Австріи, описывалъ искреннюю радость своего императора о счастливомъ союзѣ его дочери, надежды, планы его къ постепенному сближенію съ Франціею, и говорилъ истину, потому что высокій христіанскимъ добродушіемъ Францъ 1-й дѣйствительно желалъ твердаго союза съ Наполеономъ. Самъ министръ его, глубоко затаившій въ душѣ отдаленныя надежды свои, видѣлъ до времени одно средство для укрѣпленія Австріи въ союзѣ съ Франціею. Вѣнская аристократія, и даже нѣкоторые изъ министровъ и важнѣйшихъ лицъ въ государственномъ управленіи Австріи, оставались противниками Наполеона, но самъ императоръ, и эрцъ-герцогъ Карлъ, герой, съ такою славою сопротивлявшійся завоевателю на поляхъ битвъ, и питавщій неограниченное удивленіе къ его генію, искренно раздѣляли систему союза съ Франціею, которой рѣшился слѣдовать графъ Меттернихъ. Слѣдствіемъ поѣздки его въ Парижъ

было то, что Наполеонъ отсрочилъ Австріи платежъ двѣнадцати милльоновъ франковъ контрибуціи, слѣдовавшей по вѣнскому трактату и еще не выплаченной; кромѣ того, собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу, онъ освободилъ его отъ исполненія тайныхъ статей вѣнскаго трактата, по которымъ Австрія немогла усиливать своихъ армій болѣе ста пятидесяти тысячь человѣкъ. «Ваше величество признаете въ томъ мое желаніе быть вамъ угоднымъ,» писалъ Наполеонъ.

Совсѣмъ иныя расположенія питалъ онъ къ Пруссіи, оглушенной, ослабленной послѣднею войною, но не показывавшей никакой пріязненности къ нему. Война 1809 года придала даже явный характеръ ея нерасположенію, и только быстрота событій и уваженіе къ Россіи, шедшей противъ Австріи, не допустили ея обнаружить себя яснѣе. Наполеонъ понималъ ея расположеніе очень хорошо, и вотъ что писалъ къ посланнику своему въ Берлинѣ Сенъ-Марсану, отъ 16-го Мая, изъ Бельгіи: «Война съ Австріею была «для Пруссіи прекраснымъ случаемъ помириться съ «нами. А какъ она воспользовалась имъ? Вооружала «войско, устроивала лагери, изъявляла непріязненное «расположеніе. Не сводя глазъ съ Россіи, она всячески смущала Германію, и часть ея войскъ даже «воевала противъ насъ . . . Могу ли я уважать такіе «шаткіе поступки . . . Когда Пруссія захочетъ возстановить довѣріе къ себѣ, быть истинною державою, «пріобрѣсти уваженіе и какое нибудь благосостояніе,

«это видно будетъ изъ ея поступковъ, изъ ея прямоты . . . Тутъ надобно не нырять подъ водою, а «идти твердо и прямо.» Письмо къ Сенъ Марсану было по тому случаю, что прусскій король хотѣлъ снова призвать къ управленію государственными дѣлами барона Гарденберга, котораго уволилъ онъ послѣ тильзитскаго мира, какъ человѣка, непріятнаго Франціи участіемъ его въ событіяхъ 1806 года. Король желалъ напередъ удостовѣриться, не приметъ ли Наполеонъ за выраженіе непріязненности къ нему новаго призванія того, кто былъ удаленъ изъ угожденія ему. Наполеонъ не противился вступленію барона Гарденберга въ дѣла, если только обстоятельства не могли сдѣлать присутствія его вреднымъ Франціи. Но баронъ Гарденбергъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и наученный тяжелымъ опытомъ, очень хорошо постигалъ, что спасеніе Пруссіи зависѣло, *до времени*, отъ ближайшаго союза съ Франціею. Принявъ на себя званіе канцлера, дотолѣ неупотребительное въ прусскомъ министерствѣ, которое раздѣлялось и подраздѣлялось на многія части, онъ скоро соединилъ въ рукахъ своихъ общее направленіе дѣлъ, и умною политикою способствовалъ возвышенію Пруссіи. Послѣ трехлѣтняго отсутствія изъ Берлина, король возвратился туда 23 Декабря 1809 года, оказалъ много разныхъ милостей народу, облегченіе въ тягостяхъ, лежавшихъ на немъ, и вообще оживилъ присутствіемъ своимъ унылыхъ жителей. При уступкѣ многихъ земель, въ слѣдствіе военныхъ несчастій, Пруссія

лишилась древнѣйшихъ и лучшихъ своихъ ученыхъ заведеній, и въ Берлинѣ былъ открытъ новый университетъ въ 1810 году. Его устроили съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ и призвали въ него ученыхъ изъ всѣхъ странъ Германіи. Но, сохраняя свой наружный блескъ, Пруссія находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи отъ непрерывнаго присутствія въ ея владѣніяхъ французскихъ войскъ, не только истощавшихъ народныя силы, но и оскорблявшихъ народный характеръ своевольствомъ солдатъ и дерзостью ихъ начальниковъ. Наполеонъ безпрестанно повторялъ, что не выводитъ своихъ войскъ изъ Пруссіи потому, что Пруссія не выплачиваетъ ему своего долга. Въ самомъ дѣлѣ, численность долга была такъ велика, что государство раззоренное не могло уплачивать его въ назначенные сроки. Переговоры о назначеніи новыхъ опредѣленныхъ сроковъ продолжались между министерствами прусскимъ и французскимъ. Долгъ простирался еще до 86,500,000 франковъ, и для уплаты его намѣревались сдѣлать заемъ 38-ми милліоновъ въ Голландіи. Наполеонъ возражалъ, что не очиститъ ни одной прусской крѣпости, покуда не заплатятъ ему 50-ти милліоновъ. Въ 1810 году онъ предлагалъ, въ замѣну долга, уступить ему какую нибудь область. Подобные переговоры длились въ безконечность, и были сопровождаемы наглостью въ требованіяхъ и униженіемъ для Пруссіи. Главною причиною неумолимости Наполеона было его убѣжденіе, что Пруссія не перестаетъ питать къ нему ненависть, и потому

онъ хотѣлъ отнять у нея всѣ средства вредить ему. Политика Гарденберга была направлена къ тому, чтобы успокоить раздраженнаго льва искренними доказательствами, что самая обыкновенная разсудительность заставляетъ Пруссію сообразоваться съ его волею. Онъ желалъ введенія въ Пруссію тѣхъ же мѣръ противъ торговли съ Англіею, какія были приняты во Франціи; соглашались и на то, какъ увидимъ далѣе.

Могъ ли требовать болѣе Наполеонъ отъ государствъ, союзныхъ съ нимъ? Здѣсь должно указать на несообразность политики его съ внутренними законами и устройствомъ гражданскихъ обществъ, несообразность тѣмъ болѣе удивительную, что ея не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть умъ его, обыкновенно столь ясный и проницательный въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Силой оружія и генія своего заставляя первостепенныя государства раздѣлять свои намѣренія, онъ думалъ, что согласіе кабинета было искреннимъ согласіемъ цѣлаго государства. Заключая миръ, онъ никогда не старался умирить народной ненависти къ себѣ, полагалъ непремѣннымъ условіемъ дружбы съ каждымъ государствомъ свою континентальную систему, и дерзостью своихъ поступковъ только питалъ ненависть народовъ, строго взыскивая за малѣйшее несоблюденіе наложенныхъ деспотизмомъ его условій, и не оказывая съ своей стороны ни уваженія, какимъ обязаны государства одно другому, ни чувства любви къ человѣчеству. Отъ того миръ его никогда не былъ таковъ, какимъ бываетъ онъ между двумя благород-

ными соперниками. Прекращались военныя дѣйствія, но сердца пылали ненавистью и желаніемъ отмстить притѣснителю. Такъ было съ Россіею, съ Австріею и Пруссіею. Сближаясь съ кабинетами сихъ государствъ, даже внушая лично къ себѣ чувство дружбы россійскому Императору, и вступивъ въ родственный союзъ съ императоромъ Австріи, онъ не только не думалъ показать народамъ ихъ выгоды союза съ нимъ, но безпрерывно возмущалъ чувство народной гордости и разстроивалъ спокойствіе и выгоды ихъ своими дѣйствіями. Дворянство, промышленное сословіе и весь народъ ненавидѣли даже имя Французовъ при Наполеонѣ, и вскорѣ явились новыя, неоспоримыя доказательства, что никакая дружба, никакое сближеніе невозможны съ нимъ, ибо онъ не полагалъ границъ ни честолюбію, ни завоеваніямъ своимъ.

Трактатъ, заключенный имъ съ Голландіею, былъ не иное что̀ какъ *приказаніе* голландскому королю, брату его, который до такой степени чувствовалъ униженіе свое, что хотѣлъ убѣжать изъ Парижа и рѣшительно воспротивиться всѣмъ мѣрамъ Наполеона. Оставаясь въ Парижѣ, онъ писалъ къ своимъ министрамъ, чтобы они не допускали французскихъ войскъ къ занятію назначенныхъ имъ мѣстъ, и велѣлъ укрѣплять Амстердамъ. Но когда разгнѣванный повелитель прямо сказалъ: «Одно изъ двухъ: или исполняй волю мою, или сейчасъ я отправляю декретъ о присоединеніи Голландіи къ Франціи», Людовикъ повиновался. Возвратившись въ Амстердамъ, разстроен-

ный духомъ и тѣломъ, онъ прежде всего смѣнилъ бургомистра тамошняго, именно за то, что онъ былъ слишкомъ предупредителенъ къ французскому посланнику. Удаляя отъ себя всѣхъ Французовъ, и видя, что войска Наполеона распространяются по всему его королевству, онъ предложилъ въ своемъ совѣтѣ министровъ принять мѣры «къ защитѣ противъ нихъ». Никто не поддерживалъ воинственнаго расположенія Людовика, и Наполеонъ, слыша о системѣ сопротивленія, которой рѣшительно слѣдовалъ братъ его, еще разъ хотѣлъ образумить его, и въ письмѣ отъ 16 Мая, изъ Остенде, ясно выразилъ ему *что значилъ онъ* въ глазахъ его и что́ онъ былъ дѣйствительно. Письмо Наполеона, какъ выводъ понятій его о короляхъ, надѣленныхъ имъ государствами, и какъ зеркало деспотической его системы, такъ любопытно, что мы приведемъ изъ него замѣчательнѣйшія мѣста. «Хотите ли «вы быть на пути здравой политики?» писалъ онъ къ Людовику. «Любите Францію. Знаете ли, чѣмъ укрѣпили вы Голландію? — вѣчнымъ союзомъ съ Франціею, «соединеніемъ выгодъ ея со мною, и Голландія, посредствомъ васъ сдѣлавшись *частью моей имперіи*, «была мнѣ драгоцѣнна, потому что я далъ ей государя, почти сына моего. Если бы вы поступали какъ «должно, я почиталъ бы тронъ Голландіи пьедесталомъ, «на который поставилъ бы и Гамбургъ, и Оснабрюкъ, «и часть сѣверной Германіи, и образовалъ бы тамъ «народъ, который вытѣснилъ бы народный духъ Германіи, ибо *такова главная цѣль моей политики.*

«Вы единственная причина всѣхъ несчастій Голландіи.
«*Будьте прежде всего Французомъ и братомъ Императора*: вотъ путь истинныхъ выгодъ вашего королевства. Но къ чему говорить это! Жребій брошенъ; вы неисправимы. Вы хотите изгнать и немногихъ Французовъ, остающихся у васъ . . . . Какія установили вы тамъ молебствія и таинственные посты? «Людовикъ! ты не хочешь долго царствовать. Твои «поступки лучше искреннихъ писемъ твоихъ показываютъ чувствованія твоей души. Послушайся человѣка, больше тебя свѣдущаго: возвратись на настоящую дорогу; будь Французъ сердцемъ, или народъ прогонитъ тебя и ты будешь смѣшонъ и жалокъ для Голландцевъ. Для управленія государствомъ надобны разсудокъ и политика, а не испорченные соки».

Еще разъ Людовикъ созвалъ своихъ министровъ и предложилъ имъ защищаться отъ насилія, или принять отрѣченіе его отъ престола. Никто не хотѣлъ защищаться, и онъ подписалъ отрѣченіе вмѣстѣ съ длиннымъ посланіемъ къ своему законодательному корпусу и манифестомъ къ народу, гдѣ подробно объяснилъ причины, заставляющія его удалиться; онъ говорилъ, что не можетъ быть полезенъ своему народу; но всѣ понимали, что препятствіе къ тому заключалось въ нестерпимомъ деспотизмѣ всемогущаго его брата.

Съ какой стороны ни смотрѣли бы на отрѣченіе Людовика отъ престола Голландіи, нельзя не сказать, что ему не оставалось дѣлать ничего болѣе, если онъ

не хотѣлъ быть, какъ желалъ Наполеонъ, мишурнымъ королемъ и только губернаторомъ голландскихъ областей. Людовикъ былъ слишкомъ простодушенъ, когда не понималъ своего положенія такъ долго, думалъ царствовать независимо и заботился о благѣ мнимыхъ своихъ подданныхъ прежде нежели о благѣ Франціи, противъ всѣхъ намѣреній Наполеона. Здѣсь является само собою одно соображеніе. Какъ слуга своего брата, одолженный всѣмъ ему, не имѣвшій ни прошедшаго, ни будущаго, Людовикъ могъ въ такихъ обстоятельствахъ отказаться отъ мишурнаго своего королевства; но что должны были дѣлать въ такихъ же обстоятельствахъ другіе, законные государи, когда деспотизмъ Наполеона заставлялъ ихъ дѣйствовать сообразуясь только съ пользами Франціи, а не подданныхъ, ввѣренныхъ имъ Богомъ, управляемыхъ ими по обязанности наслѣдованія престола? Здравый разсудокъ не оставляетъ сомнѣнія въ отвѣтѣ на такой вопросъ — и Наполеонъ могъ видѣть въ сопротивленіи ему наслѣдственныхъ государей исполненіе священныхъ обязанностей, которыя не допускали ни ихъ самихъ, ни ихъ подданныхъ, покориться несправедливой волѣ могущества. Кровавая борьба должна была рѣшить споръ *одного* противъ *всѣхъ*, и Наполеонъ могъ въ образѣ своихъ дѣйствій, въ своей политикѣ, вѣрно разгадать свою будущность.

Людовикъ, добродушно убѣжденный, что онъ дѣйствительно былъ король голландскій, отрекся отъ престола въ пользу своихъ дѣтей, и, по малолѣтству

ихъ, назначилъ регентшею супругу свою, королеву Гортензію, падчерицу Наполеона. Не думалъ ли онъ, что братъ его, искренно любившій Гортензію, оставитъ за нею и дѣтьми ея королевство? Распоряженіе Людовика всего лучше показываетъ его простодушіе. Декретомъ 9 Іюля Наполеонъ присоединилъ Голландію къ своимъ владѣніямъ, причемъ Амстердамъ былъ объявленъ *третьимъ* городомъ имперіи (вторымъ былъ Римъ). Вскорѣ всѣ области Голландіи были раздѣлены точно такъ же какъ и Франція, на департаменты, подчинены префектамъ, и временно поступили подъ особенное управленіе Лебрёня, бывшаго товарищемъ Наполеона въ консульствѣ, а теперь поддашнаго его, съ титуломъ герцога піаченцскаго.

Судьба Голландіи и самовластное присоединеніе ея къ французской имперіи произвели тягостное впечатлѣніе въ Европѣ. Для самыхъ невнимательныхъ было ясно, что, присоединяя декретами своими цѣлыя царства къ Франціи, Наполеонъ почитаетъ неизбѣжною добычею своею все, на что̀ можетъ наложить тяжкую свою руку. Между тѣмъ Людовикъ, подписавши отрѣченіе свое перваго Іюля, въ ночь на слѣдующій день выѣхалъ, съ небольшою свитою, изъ Амстердама и отправился въ Богемію. Въ Тёплицѣ остановился онъ и избралъ его мѣстомъ для своего жительства. Наполеонъ велѣлъ извѣстить Людовика, что, сдѣлавшись опять принцемъ Французской имперіи, онъ обязанъ пріѣхать въ Парижъ; но бывшій король не думалъ исполнять желаній начальника своего семейства и

остался въ избранной имъ странѣ. Тогда Наполеонъ сообщилъ австрійскому правительству, что не только не противится онъ желанію своего брата, но съ удовольствіемъ видитъ, что онъ избралъ мѣстомъ своего жительства австрійскія владѣнія. Онъ предвидѣлъ подобную развязку и былъ очень радъ избавиться отъ безпокойнаго голландскаго короля.

Но когда избавлялъ онъ себя отъ одного изъ надѣленныхъ имъ королевскими престолами, въ то же время приближался къ другому трону человѣкъ, нѣкогда соратникъ Наполеона въ войскахъ республики, потомъ противникъ его въ достиженіи къ власти, и наконецъ маршалъ его имперіи, всегда несогласный съ нимъ въ цѣляхъ и дѣйствіяхъ. Избраніе маршала Бернадотта въ наслѣдники шведскаго престола требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ поясненій.

Политика новаго короля шведскаго, Карла XIII-го, клонилась къ сближенію съ Франціею. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ нею, стокгольмскій кабинетъ предлагалъ обширный планъ: присоединить къ Швеціи Норвегію и, усиливъ такимъ образомъ силы королевства, разрушенныя и разстроенныя финляндскою войною, поставить новый оплотъ противъ Россіи, на случай войны ея съ Франціею. Наполеонъ отвѣчалъ съ благородною откровенностью, что никогда не согласится отнять у вѣрнаго своего союзника, датскаго короля, Норвегію и отвергаетъ всякую мысль о разрывѣ съ Россіею. Наслѣдный принцъ шведскаго престола, герцогъ августенбургскій, изыскивая всѣ средства для

сближенія съ Наполеономъ, изъявлялъ желаніе вступить въ брачный союзъ съ одною изъ родственницъ его. Императоръ отвѣчалъ, что родственная связь его съ шведскимъ домомъ возбудила бы нѣкоторыя сомнѣнія Россіи; онъ даже извѣстилъ о томъ Императора Александра, присовокупивъ, что старанія Швеціи остаются безъ всякаго послѣдствія.

Причиною усилій Швеціи сблизиться съ Наполеономъ было тяжкое положеніе, въ которое онъ же привелъ ее.

Послѣдняя война ея съ тремя державами, потеря Финляндіи и другихъ владѣній, перемѣна королевской династіи, раззореніе и неустройство во всѣхъ частяхъ — были возмездіемъ за союзъ ея съ Англіею, который такъ упорно поддерживало прежнее правительство. Новый король купилъ миръ и спасеніе своего отечества согласіемъ почти на всѣ требованія воевавшихъ съ нимъ державъ. Швеція присоединилась къ континентальной системѣ и тѣмъ разрушила морскую торговлю свою; но торговля была необходима для ея существованія, и потому-то, не смотря на закрытіе всѣхъ шведскихъ гаваней англійскимъ кораблямъ, они постоянно приходили въ Готенбургъ, черезъ который и распространялись сношенія Англіи не только съ Скандинавскимъ полуостровомъ, но и съ цѣлою Европою. Оттуда развозились товары, оттуда выходили агенты Англіи, и тамъ поселялись англійскіе купцы, принимая названіе шведскихъ подданныхъ. Наполеонъ не хотѣлъ терпѣть такого хода дѣлъ и объ-

явилъ рѣшительно, что Швеція должна исполнять принятыя на себя обязанности, или онъ принудитъ ее къ тому силою оружія. Отъ того происходили всѣ льстивыя угожденія неумолимому союзнику, почти столько же тягостному въ мирѣ, какъ и въ войнѣ. Между тѣмъ король Карлъ XIII-й, болѣзненный и слабый, мало занимался государственнымъ управленіемъ, а избранный имъ наслѣдникъ, герцогъ августенбургскій, ученый, благонамѣренный, трудолюбивый, не умѣлъ привязать къ себѣ Шведовъ, болѣе всего потому, что былъ Датчанинъ и не отличался наружными формами. Въ такомъ положеніи были дѣла Швеціи, когда затруднительность ихъ еще болѣе увеличилась внезапною смертью герцога августенбургскаго. 23 Мая, присутствуя на маневрахъ гусарскаго полка въ Сканіи, онъ вдругъ упалъ съ лошади и скончался почти на мѣстѣ. Смерть его дала поводъ къ мятежу въ Стокгольмѣ, во время его похоронъ. Умы были взволнованы, и Карлъ XIII-й нашелся въ новомъ затрудненіи — еще разъ назначить себѣ наслѣдника. Онъ опять обратился къ Наполеону, прося разрѣшенія его въ столь трудномъ дѣлѣ, и указывалъ на брата умершаго герцога августенбургскаго и на короля датскаго, какъ единственныя лица, которыхъ имѣетъ онъ въ виду для занятія мѣста наслѣдника Шведскаго престола. Наполеонъ отвѣчалъ, что предоставляетъ выборъ совершенно на его волю, но съ особеннымъ удовольствіемъ увидитъ короля датскаго его наслѣдникомъ. Желая показать еще больше свое безпристра-

стіе, онъ съ намѣреніемъ медлилъ отправлять въ Швецію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, дабы не приписали его вліянію предстоявшаго выбора. Рѣдко показывалъ онъ подобное безпристрастіе въ дѣлахъ своей политики, и въ настоящемъ случаѣ можно приписать это единственно волѣ Провидѣнія, которое готовило новыя судьбы и Швеціи и могущественному повелителю Франціи. По основному закону шведскаго королевства, избраніе короля не можетъ происходить въ томъ городѣ, гдѣ находятся чужестранные посланники, и потому избирательные чины собрались въ Эребро. Избираемыхъ кандидатовъ было трое: король датскій, герцогъ августенбургскій (второй братъ) и — принцъ Понте-Корво, маршалъ Бернадоттъ, котораго желали избрать почти всѣ военные люди, удостовѣрившись напередъ въ его собственномъ желаніи на то. Сообразно узаконеніямъ, общій сеймъ назначилъ избирательный комитетъ изъ двѣнадцати членовъ. 14-го Августа происходило тайное засѣданіе комитета, и изъ трехъ представленныхъ королемъ соискателей, герцогъ августенбургскій получилъ одиннадцать голосовъ, принцъ Понте-Корво одинъ голосъ. Выборъ оставалось утвердить на общемъ сеймѣ; но, къ удивленію, король Карлъ XIII-й съ жаромъ вступился за принца Понте-Корво, объявилъ сейму, что видитъ голосъ народа въ пользу его и совершенно согласенъ на избраніе принца, зная блестящіе военные подвиги его, оцѣнивая отличныя его способности и душевныя качества, и помня благородные его поступки съ швед-

скими плѣнными во время послѣдней войны. При такомъ заступленіи, первое рѣшеніе избирательнаго комитета было уничтожено и черезъ три дня потомъ, 17 Августа, изъ двѣнадцати голосовъ десять было за принца Понте-Корво. Сеймъ, въ общемъ собраніи, не замедлилъ подтвердить избранія его въ наслѣдники шведскаго престола.

Внезапная перемѣна въ мысляхъ короля Карла XIII, назначавшаго преемникомъ своимъ первоначально герцога августенбургскаго или короля датскаго, была слѣдствіемъ внушеній ему, что императору Французовъ будетъ особенно пріятно избраніе заслуженнаго французскаго маршала въ наслѣдники шведскаго престола. Послѣдствія доказали, что Наполеонъ былъ только безпристрастенъ въ семъ случаѣ, и когда получилъ отъ Карла XIII извѣщеніе о выборѣ наслѣдникомъ его принца Понте-Корво, то выразился въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, отъ 6 Сентября, именно такъ: «*Я почти не ожидалъ такого извѣстія* (J'étais «peu préparé à cette nouvelle), потому что Ваше Ве«личество изъявляли мнѣ намѣреніе предложить сейму «избрать герцога августенбургскаго. Но я оцѣняю «чувства народа шведскаго, доказывающаго выборомъ «своимъ уваженіе къ моему народу и къ моей арміи. «Даю право принцу Понте-Корво занять достоинство, «которымъ облекаетъ его соединенное желаніе Вашего «Величества и Шведовъ.» При многихъ другихъ случаяхъ, онъ повторялъ, что маршалъ Бернадоттъ былъ избранъ въ наслѣдники шведскаго престола не по вну-

шеніямъ Франціи. Но дѣло было кончено, и Наполеонъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ него выгодныя для себя послѣдствія. Нѣсколько разъ призывалъ онъ къ себѣ принца Понте-Корво, и хотѣлъ обязать его дѣйствовать въ пользу Франціи, какъ обыкновенно дѣйствовали короли его созданія, въ противномъ случаѣ преслѣдуемые гнѣвомъ его и даже отнятіемъ престола. Но принцъ благородно поддерживалъ характеръ новаго своего достоинства. Главнымъ выраженіемъ мыслей его было то, что, дѣлаясь шведскимъ принцемъ, онъ прежде всего долженъ думать о выгодахъ новаго своего отечества и не можетъ принять на себя предварительно никакихъ обязательствъ. «Впрочемъ, государь,» сказалъ онъ, «Швеція естественная союзница Франціи и, по историческимъ преданіямъ, по системѣ, по всему должна поддерживать съ нею однѣ и тѣ же идеи.» — И такъ, вы не затруднитесь дать присягу, что никогда не подымете оружія противъ Франціи? « — Государь! я не могу дать ни какого обязательства Франціи: я Шведъ!» — Но, главное въ настоящихъ обстоятельствахъ — континентальная система? — Почитаю ее мѣрою преувеличенною, но временною, и потому готовъ поддерживать искренно.

Наполеонъ изъявилъ полное согласіе на выборъ наслѣдника шведскаго престола, велѣлъ выдать на первыя издержки и на путешествіе принцу милльонъ франковъ, но медлилъ выдачею бумагъ, освобождавшихъ его отъ всѣхъ обязанностей французскаго под-

даннаго. Принцъ явился къ нему для объясненій. Наполеонъ опять началъ говорить ему о необходимости дать обязательство въ томъ, что онъ никогда не подыметъ оружія противъ Франціи и не забудетъ, что Франція была первымъ его отечествомъ, что она возвела его на ту высокую степень, какую занимаетъ онъ, и потому имѣетъ всѣ правственныя права на его дѣйствія. Послѣ многихъ оспориваній, принцъ сказалъ окончательно: «Государь! я уже далъ присягу въ вѣрности шведскому королю, и по собственному вашему согласію принадлежу теперь Швеціи, слѣдственно присяга другому государю была бы съ моей стороны преступленіемъ. Если Ваше Величество полагаете непремѣннымъ условіемъ увольненія моего новое обязательство къ Франціи, я буду въ необходимости немедленно извѣстить шведскаго короля, какія причины заставляютъ меня медлить во Франціи и, можетъ быть, сложить съ себя высокое званіе, которымъ облеченъ я по избранію народа шведскаго и по согласію Вашего Величества.» Наполеонъ съ замѣтнымъ волненіемъ выслушалъ слова принца, устремилъ на него проницательный взглядъ свой, и помедливъ сказалъ, удерживая выраженіе владѣвшихъ имъ чувствъ: «И такъ, отправляйтесь. Пусть совершатся судьбы наши!»

Таковы были послѣднія слова его къ человѣку, всегда непріязненному для него, еще недавно подданному его, и уже противнику на новомъ, болѣе обширномъ поприщѣ. Было что-то роковое въ судьбѣ этихъ

двухъ человѣкъ, какъ и въ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ въ послѣднее ихъ свиданіе.

Усиливаясь распространить неизмѣримую власть свою въ странахъ, подвластныхъ законнымъ и независимымъ государямъ, Наполеонъ безгранично господствовалъ въ областяхъ и царствахъ, завоеванныхъ имъ и отданныхъ, подъ названіемъ королевствъ, родственникамъ его. Тамъ введены были французскіе законы, тамъ управляли дѣлами французскіе чиновники, и при малѣйшемъ отступленіи отъ воли французскаго императора, мишурные короли получали отъ него выговоры, упреки и разныя замѣчанія. Такъ вестфальскій король хотѣлъ, для своего увеселенія, сформировать кирасирскій полкъ — Наполеонъ *не позволилъ* ему! Король получилъ Ганноверъ съ двумя условіями: содержать французскія войска, тамъ находившіяся, и не брать никакихъ налоговъ съ помѣстьевъ, розданныхъ французскимъ генераламъ и чиновникамъ. Іеронимъ не исполнялъ ни того, ни другаго, и Наполеонъ объявилъ, что отыметъ у него Ганноверъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлилъ исполнить свою угрозу! Король неаполитанскій также часто подвергался выговорамъ и взысканіямъ грознаго повелителя. Мечтая отличиться новымъ рыцарскимъ подвигомъ, онъ тщетно упрашивалъ Наполеона пособить ему овладѣть Сициліею. Не добившись ничего, онъ рѣшился одними своими средствами сдѣлать высадку туда, собралъ, сколько могъ, судовъ, посадилъ на нихъ войска свои, и безъ препятствій присталъ къ берегамъ Скалетты. Но ге-

нералъ авангарда его, видя, что за нимъ не появляются остальныя войска, такъ поспѣшилъ возвращеніемъ на суда и обратнымъ отплытіемъ, что не сождалъ нѣсколькихъ ротъ, ушедшихъ въ горы, и онѣ сдѣлались добычею Англичанъ. Тѣмъ и кончился весь походъ. За такіе-то подвиги Іоахимъ безпрестанно получалъ выговоры отъ Наполеона.

Но когда все повиновалось всемогущему императору Французовъ и цѣлыя королевства исполняли волю его, одинъ человѣкъ противился ему и доказывалъ собою, что есть границы самой неограниченной власти. Увезенный изъ своего державнаго Рима, лишенный всего блеска повелительства, бѣдный, слабый старецъ Пій VII-й жилъ въ Савонѣ и приводилъ въ недоумѣніе Наполеона своимъ непреклоннымъ сопротивленіемъ. Предавъ проклятію императора Французовъ, онъ не утверждалъ никакихъ распоряженій, требовавшихъ благословенія духовной власти. Тщетно упрашивали его кардиналы и епископы французскіе и итальянскіе утвердить назначенныхъ Наполеономъ епископовъ, даже не упоминая о императорѣ Французовъ. Папа отвѣчалъ, что скорбитъ, видя Церковь безъ пастырей, но не можетъ исполнять своихъ обязанностей, не пользуясь всѣми правами, принадлежащими его власти. Являлись тысячи требованій его, и онъ не хотѣлъ отступить ни отъ одного изъ нихъ. Съ своей стороны, Наполеонъ твердо шелъ къ предположенной цѣли, и сенатское опредѣленіе, отъ 17 Февраля 1810 года, подтвердило присоединеніе римскихъ владѣній къ им-

періи, объявленное въ Шенбрунић 17 Мая 1809 года. Римъ назначался *вторымъ* городомъ имперіи; наслѣдникъ императора получалъ по праву титулъ и почести римскаго короля; власть духовная совершенно отдѣлялась отъ свѣтской; четыре предложенія Галликанской Церкви, утвержденныя собраніемъ духовенства въ 1682 году, оставались общими всѣмъ католическимъ церквамъ имперіи. Для содержанія папскаго двора назначалось два милльона франковъ ежегодно, и кромѣ того папа имѣлъ дворцы въ Парижѣ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ имперіи, гдѣ пожелаетъ имѣть пребываніе. Римскій первосвященникъ былъ навсегда объявляемъ главою католической Церкви, хотя бы онъ жилъ и не въ Римѣ. «Но единство и святость Церкви не требуютъ, чтобы главою Церкви былъ отдѣльный государь . . . . Папы пріобрѣли свѣтскую власть свѣтскими средствами; ими же могутъ они и потерять ее,» сказано было въ опредѣленіи, вообще написанномъ умѣренно и съ соблюденіемъ приличій, хотя въ немъ исчислены были всѣ главныя обвиненія противъ папъ, всѣ злоупотребленія, вкравшіяся въ ихъ власть, и только упомянуто о темныхъ интригахъ Іезуитовъ и другихъ тайныхъ возмутителей, которые были изобличены даже въ явномъ заговорѣ противъ имперіи, имѣвшемъ обширныя отрасли подъ именемъ *Анти-наполеоновской ѳеократіи*. Заговоръ былъ открытъ въ 1810 году; но только тридцать главныхъ зачинщиковъ были преданы суду въ Болоньѣ и приговорены къ разнымъ наказаніямъ; всѣ

остальные пощажены и покрыты забвеніемъ. Дѣйствуя строго, но съ благоразумнымъ снисхожденіемъ, Наполеонъ хотѣлъ однако жъ пояснить свои отношенія къ папѣ, и въ Январѣ 1810 собралъ совѣтъ изъ просвѣщеннѣйшихъ прелатовъ французскихъ, подъ предсѣдательствомъ кардинала Феша. Рѣшенію его было предложено нѣсколько важныхъ вопросовъ, основанныхъ на двухъ главныхъ: «Французское правительство исполняетъ въ точности конкордатъ, между тѣмъ какъ папа отрицается отъ исполненія своихъ обязанностей: какъ поступить въ такомъ случаѣ для блага религіи? Обстоятельства не требуютъ ли созвать народный соборъ?» Явною цѣлью такихъ вопросовъ было обсужденіе правъ папы, и нѣтъ сомнѣнія, что французскій соборъ, подъ вліяніемъ Наполеона, рѣшилъ бы многое, если не все, не въ пользу папской власти. Но такова сила духовныхъ, внутреннихъ убѣжденій, что хотя собранное на совѣтѣ духовенство и рѣшило, что обстоятельства требуютъ созвать соборъ, однако жъ хотѣло прежде испытать всѣ средства примиренія съ святымъ отцомъ. Двадцать девять епископовъ имперіи отправили къ нему общее письмо, гдѣ умоляли его святѣйшество не упорствовать болѣе въ утвержденіи назначенныхъ епископовъ, и не доводить Церковь католическую до тягостной необходимости управлять духовными дѣлами безъ его благословенія. Итальянскіе прелаты оказывали еще больше приверженности къ папѣ. Двѣнадцать изъ нихъ отказались присутствовать при духовномъ обрядѣ бракосочетанія

Наполеона съ Маріею-Луизою, хотя присутствовали при гражданскомъ ихъ бракѣ. Дядя Наполеона, кардиналъ Фешъ, отказался принять архіепископство парижское; другіе распространяли тайно всѣ объявленія и буллы папы, которыми поражалъ онъ Наполеона. Слѣдствіемъ было взятіе подъ стражу довольно многихъ; нѣкоторыхъ заперли въ Венсеннь. Между тѣмъ Наполеонъ не переставалъ оказывать папѣ уваженіе, и пользовался каждымъ случаемъ сблизиться съ нимъ. Австрійскій дворъ предложилъ ему посредство свое, и, съ согласія его, поручилъ г-ну Лебцельтерну, долго жившему въ Римѣ и не лишенному личнаго уваженія папы, представить намѣренія Наполеона съ благопріятной стороны. Пій VII-й отзывался объ императорѣ Французовъ съ уваженіемъ, даже съ любовію, но не хотѣлъ уступить ему ни одного изъ своихъ правъ. «Я больше всякаго другаго желаю ему счастія,» говорилъ онъ. «Наполеонъ государь съ высокими качествами: дай Богъ только, чтобы онъ понялъ истинную свою пользу! Сколько можетъ онъ сдѣлать добра Церкви! сколько привлечь благословеній на себя и на весь свой родъ! Пусть только примирится съ Церковью» И за тѣмъ начиналось исчисленіе проступковъ Наполеона, которыхъ отпустить ему не почиталъ себя въ правѣ изгнанный первосвященникъ.

Но время летѣло, и покуда упорствовалъ папа и уклонялись отъ сужденій о церковныхъ дѣлахъ епископы, собранные въ Парижѣ, дѣла гражданскія и мірскія устроивались въ Римѣ и въ римскихъ владѣ-

ніяхъ. Къ должностямъ, учрежденнымъ новою властью, опредѣлялись достойнѣйшіе люди: герцогъ Браски, племянникъ самого Пія VII-го, былъ меромъ въ Римѣ; князь Буонкомпаньи и Габріелли были его помощниками. Всѣ мужскіе и женскіе монастыри уничтожились декретомъ 18 Мая, и только четыре монастыря женскихъ оставлены, въ уваженіе полезной ихъ цѣли.

Цѣлая армія монаховъ, разнородныхъ орденовъ, обязана была оставить Римскій и Тразименскій департаменты. Государственный долгъ, приведенный въ ясность, выплачивался съ точностью, и начинала развиваться торговля и промышленность. Многіе священнослужители мирно исполняли свои обязанности, и безъ упорнаго сопротивленія главы ихъ были бы покорны всѣ. Безпечные жители мало вмѣшивались въ непонятныя для нихъ распри, веселились и терпѣливо ждали лучшаго будущаго.

Событія другаго рода могли бы напомнить Наполеону о непрочности насильственныхъ его пріобрѣтеній. Испанія была язвою для его могущества, и дѣла въ ней не только не приходили къ желанной Наполеономъ развязкѣ, но запутывались болѣе и болѣе. Послѣ успѣха, съ какимъ окончилась тамъ кампанія 1809 года, почти вся Испанія повиновалась Іосифу, была занята войсками французскими на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ, и только на границахъ Португаліи оставалась непобѣжденная англійская армія. Наполеонъ рѣшился употребить новыя усилія изгнать Англичанъ съ полуострова, и привести въ исполненіе замышлен-

ный имъ планъ. Войска, дѣйствовавшія тамъ, были усилены, пополнены и раздѣлены сообразно различнымъ цѣлямъ. Массена, заслужившій новые лавры и блистательныя почести въ послѣднюю войну съ Австрійцами, получилъ главное начальство надъ тремя корпусами, предназначенными очистить отъ Англичанъ полуостровъ, дѣйствуя на правомъ берегу Тага. Армія его состояла почти изъ 70-ти тысячъ человѣкъ, и, кромѣ того, ей должны были содѣйствовать войска, находившіяся подъ начальствомъ Сульта, на югѣ Испаніи. Сюше и Ожеро оставались въ Аррагоніи и Каталоніи, для уничтоженія тамъ послѣднихъ испанскихъ войскъ и взятія крѣпостей. Еще нѣсколько французскихъ отрядовъ поддерживали главныя дѣйствія. Въ Январѣ Французы перешли черезъ горы Сіерра-Морены, разбили Арризагу, взяли въ плѣнъ семитысячную дивизію его и заняли Хаенъ. Тѣснимые и поражаемые, остатки войскъ Арризаги отступали въ безпорядкѣ; Сультъ овладѣлъ Гренадою и Малагою, и если бы не мѣшали ему распоряженія короля Іосифа, онъ совершенно уничтожилъ бы войска Испанцовъ. Но Іосифъ занялся безполезными переговорами съ Севильею, и допустилъ герцога Албукерка занять Кадиксъ, который сдѣлался гнѣздомъ новаго возстанія. Между тѣмъ Массена взялъ Ціудадъ-Родриго, Алменду, и двинулся противъ Веллингтона, у котораго было 25 тысячь англійскихъ и 25 тысячь португальскихъ войскъ, кромѣ 15-ти тысячнаго корпуса Гилля, такъ что силы его превышали всѣ войска Массены. 27 Сентября

произошло кровопролитное сраженіе при Бузако, послѣ котораго Французы были въ невыгодномъ положеніи, но успѣли обойдти крѣпкую позицію Веллингтона и тѣмъ заставили его отступить въ неприступныя укрѣпленія торресъ-ведрасскія. Здѣсь былъ предѣлъ всякихъ успѣховъ Массены. Торресъ-ведрасскія высоты представляли множество отдѣльныхъ фортовъ, обстрѣливавшихъ все пространство, гдѣ только могъ подступить непріятель. Послѣ многихъ тщетныхъ покушеній, Массена убѣдился въ невозможности сбить или обойдти Англичанъ, тѣмъ болѣе, что, долго простоявши въ странѣ опустошенной, непріязненной, войска его, отъ голода и болѣзней, чрезвычайно уменьшились въ числѣ. Не оставалось дѣлать ничего болѣе, какъ отступить въ страну, еще не совсѣмъ опустошенную, и Массена, для спасенія остальныхъ своихъ войскъ отъ голода и всякихъ лишеній, началъ обратный походъ. Англичане преслѣдовали его осторожно, и, послѣ нѣсколькихъ неважныхъ сшибокъ, обѣ арміи расположились на зиму въ занятыхъ ими мѣстахъ. Массена не только не успѣлъ прогнать Англичанъ, но и не нанесъ имъ большаго вреда, а самъ потерялъ много войскъ и даже помрачилъ долголѣтнюю славу свою, уступивъ мужеству и искусству своего противника. Французы давно не совершали такихъ несчастныхъ походовъ. На югѣ Испаніи, гдѣ почти не было испанскихъ войскъ и только гверильясы вели непримиримую войну подъ начальствомъ нѣсколькихъ отчаянныхъ наѣздниковъ, дѣла приняли оборотъ еще боль-

ше неблагопріятный. Покуда Іосифъ утѣшался, занявъ Севилью, окружалъ себя королевскою пышностью и призывалъ жителей къ повиновенію, вдругъ возстала *власть кортесовъ.* Тѣмъ болѣе внезапно и поразительно было явленіе ихъ, что единственнымъ независимымъ уголкомъ Испаніи оставался Кадиксъ. Тамъ-то, вмѣсто безсильной и презираемой народомъ и союзниками его юнты, образовалось регентство изъ пяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Кастаньоса: оно, для возстановленія государства, призывало кортесовъ, напоминавшихъ своимъ именемъ одно изъ древнѣйшихъ установленій Испаніи. На островѣ Леонѣ избрано было около ста человѣкъ, изъ разныхъ областей государства, и они-то, подъ именемъ кортесовъ, открыли засѣданія свои 24 Сентября 1810 года. Смѣлыя, прямыя ихъ дѣйствія произвели сильное впечатлѣніе въ Испаніи и даже во всей Европѣ. Признавая королемъ своимъ Фердинанда и дѣйствуя его именемъ, они присвоили себѣ законодательную и правительственную власть, поручивъ исполнительную власть регентству. Главною цѣлью ихъ было: изгнаніе Французовъ изъ Испаніи, и для того непримиримая война Наполеону, при пособіи Англіи и Португаліи. Смѣло объявляя, что они не уступятъ ни одного вершка земли, составляющей *Испанію,* кортесы обѣщали притомъ соблюденіе всѣхъ древнихъ правъ и привилегій народа. Одно это объявленіе придало имъ неизмѣримое преимущество передъ Наполеономъ, который только оскорблялъ Испанцовъ беззаконнымъ вторженіемъ

своимъ, назначеніемъ непризваннаго короля, брата своего, и *завоевывалъ* государство для него, опустошая города и цѣлыя области, проливая рѣки крови! Наполеонъ налагалъ рабство, а кортесы обѣщали независимость и свободу! Выборъ не могъ быть сомнителенъ, особливо при естественномъ сочувствіи народа къ своему, родному и народному. Къ тому присоединились и слухи о новыхъ замыслахъ Наполеона, который почти не скрывалъ ихъ. Когда Іосифъ мечталъ быть независимымъ королемъ и даже дѣлалъ разныя усилія къ тому, императорскимъ декретомъ отъ 1 Февраля, четыре области Испаніи — Каталонія, Аррагонія, Бискаія и Наварра — были подвергнуты военному и гражданскому управленію Франціи. Всѣ доходы съ нихъ должны были поступать въ военную казну Французовъ, для жалованья и содержанія войскъ. Кромѣ того, требовались еще, для содержанія арміи, большія суммы изъ общихъ доходовъ Испаніи. Причиною такой насильственной мѣры объявлялъ Наполеонъ огромныя издержки Франціи, необходимыя для содержанія въ Испаніи войскъ, и слабое управленіе тамошняго правительства, которое не умѣетъ извлекать пользы изъ естественныхъ средствъ страны и только оставляетъ ихъ въ пособіе инсургентамъ. Кто и когда поступалъ такъ оскорбительно съ независимымъ государствомъ? Но и здѣсь еще была не вся мысль Наполеона: онъ ясно выразилъ ее въ нотѣ къ посланнику своему въ Испаніи, Делафоре, которому писалъ Шампаньи: «Императоръ намѣренъ *присоединить къ*

«Франціи лѣвый берегъ Эбро и можетъ быть *всю «страну до Дуэро.* Одна изъ цѣлей декрета 1-го Февраля — пріуготовить такое присоединеніе, и вы должны, ни сколько не открывая намѣреній императора, «соображать ваши поступки съ настоящимъ моимъ «сообщеніемъ вамъ, и облегчить вліяніемъ вашимъ всѣ «мѣры, какія угодно будетъ принять Его Величеству.» Іосифъ былъ вовсе не расположенъ слушать такія внушенія послѣ своего пребыванія въ Севильѣ, послѣ изъявленій преданности гренадскаго дворянства, послѣ депутацій отъ городовъ, и даже отъ цѣлыхъ областей во время похода его въ Андалузію. Онъ отправлялъ къ Наполеону одного за другимъ любимыхъ своихъ совѣтниковъ (Азанцу, Альменару), стараясь убѣдить его, что надобно оставить независимость испанскому королю, и по крайней мѣрѣ не унижать его. Ни мало не обращая вниманія на жалобы Іосифа, Наполеонъ досадовалъ только на то, что созданные имъ короли ни сколько не понимаютъ ни его, ни намѣреній его, ни своего положенія. Одинъ разъ, въ досадѣ, онъ приказалъ Шампаньи отправить къ Делафоре копію съ письма своего, писаннаго въ такихъ же обстоятельствахъ къ бывшему голландскому королю. Шампаньи прибавилъ, по волѣ Наполеона: «Основанія, выраженныя въ письмѣ, покажутъ вамъ *обязанности* братьевъ императора, возведенныхъ имъ на тронъ, относительно къ главѣ имперіи и династіи, а также и *опасности*, какимъ подвергаются они, удаляясь отъ сихъ обязанностей. Можете *напомнить о томъ въ*

случаѣ нужды». Іосифъ думалъ обезоружить гнѣвнаго брата, выразившись, что онъ скорѣе откажется отъ престола, нежели будетъ продолжать царствовать такимъ образомъ. Наполеонъ не отвѣчалъ ему прямо, но, декретомъ отъ 29 Мая, присоединилъ къ завѣдыванію Франціею еще два губернаторства къ прежнимъ четыремъ, составленныя изъ округовъ Бургоса, Валладолида, Паленціи и Торо. По пріѣздѣ маркиза Альменары въ Парижъ, онъ велѣлъ Шампаньи начертать проектъ присоединенія отъ Испаніи областей, и вступить о томъ въ переговоры съ посланнымъ Іосифа. Какіе могли быть переговоры, какія условія между жалкимъ испанскимъ королемъ и всемогущимъ императоромъ Французовъ? Разумѣется, императоръ самовольно назначалъ себѣ области, и только окончательная развязка войны испанской удерживала его отъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ проектѣ договора съ Испаніею были два предположенія: Если Португалія будетъ завоевана и покорена, то императоръ можетъ уступить ее Испаніи, и въ вознагражденіе уступаемыхъ такимъ образомъ трехъ милльоновъ двухъ сотъ шестидесяти шести тысячь душъ народонаселенія, присоединитъ къ Франціи Каталонію, Бискаію, Аррагонію, Наварру и всѣ земли по рѣку Дуэро, до границъ Португаліи. Если завоеваніе Португаліи не исполнится, то императоръ присоединитъ къ своимъ владѣніямъ всѣ земли по Эбро, въ вознагражденіе издержекъ и пожертвованій на испанскую войну.

На такихъ основаніяхъ шли переговоры между по-

вѣренными Іосифа и министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, когда собраніе кортесовъ придало новый видъ дѣламъ и отношеніямъ. Энергическое объявленіе ихъ, что Испанія скорѣе погибнетъ, нежели уступитъ какія либо изъ своихъ земель, и что такова первая обязанность всѣхъ сыновъ отечества, произвело столь сильное впечатлѣніе на повѣренныхъ Іосифа и даже на Наполеона, что переговоры между ними измѣнились въ самомъ основаніи. Маркизъ Альменара не могъ болѣе предлагать уступки земель и соглашался уступить земли по лѣвый берегъ Эбро, но не далѣе Миранды, то есть кромѣ всей Бискаіи, и то лишь въ случаѣ присоединенія къ Испаніи всей Португаліи. Онъ предполагалъ также, что Іосифъ соберетъ кортесовъ въ Мадридѣ, для уничтоженія дѣйствій леонскихъ кортесовъ, и такимъ образомъ невольно признавалъ законность подобной власти въ Испаніи. Наполеонъ, съ своей стороны, совѣтовалъ вступить въ тайныя соглашенія съ инсургентами и, при созваніи кортесовъ въ Мадридѣ, торжественно пригласить ихъ къ окончанію междоусобій. Такъ одна идея законной власти внесла тревогу въ сердца могущественныхъ повелителей, и уже останавливала беззаконныя ихъ дѣйствія въ Испаніи. Но можно ли было думать о какомъ нибудь соглашеніи съ инсургентами, покуда ихъ поддерживала сильная англійская армія? Тѣмъ болѣе дѣлалось это невозможнымъ, когда войска Массены, послѣ неудачнаго похода въ Португалію, принуждены были отступить, очистить всѣ занятыя ими мѣста, и

думать только о своемъ сохраненіи. Бадахосъ былъ въ рукахъ Испанцевъ; Сультъ не могъ овладѣть Кадиксомъ и оставался въ оборонительномъ положеніи отъ гверильясовъ, которые къ концу года опять умножились повсюду, дерзко нападали на сильные отряды Французовъ, и часто одерживали поверхность надъ ними. Между корпусами французскими иногда прерывалось всякое сообщеніе, и отъ того дѣйствія ихъ не имѣли единства.

Изъ всѣхъ маршаловъ Наполеона въ Испаніи, одинъ Сюше дѣйствовалъ удачно въ 1810 году. Въ началѣ Марта онъ разбилъ генерала Кара, и въ началѣ Апрѣля обложилъ крѣпость Лериду. 23-го Апрѣля онъ отразилъ прибывшаго на помощь къ Леридѣ генерала Одонеля, и взялъ у него въ плѣнъ цѣлую дивизію (пять тысячь человѣкъ), искусно отрѣзанную отъ главнаго корпуса. 13-го Мая Лерида была взята штурмомъ, и побѣдителю достались семь тысячь человѣкъ гарнизона и 100 орудій. 8-го Августа, при взятіи Мекинензы, 1500 человѣкъ гарнизона и при нихъ 50 орудій были новыми его трофеями. Наполеонъ, довольный дѣйствіями Сюше, наименовалъ корпусъ его Аррагонскою арміею и подкрѣпилъ ее новыми войсками, а Макдональда послалъ смѣнить Ожеро, который не умѣлъ помочь Сюше и допустилъ разбить себя два раза. Но Макдональдъ, развлеченный набѣгами гверильясовъ, только въ Декабрѣ послалъ одну дивизію на помощь побѣдоносному товарищу, а самъ остался между Тарагоною и Тортозою, которую дав-

но осаждалъ Сюше. Покореніемъ этой важной крѣпости, гдѣ сдались 8000 гарнизона и взято 180 орудій, заключились удачныя дѣйствія Французовъ на Эбро. Но Испанія, почти вся завоеванная оружіемъ Наполеона, оставалась непріязненною страною, требовала новыхъ, великихъ усилій, и даже заставила грознаго завоевателя перемѣнить свои намѣренія въ отношеніи къ ней. Онъ еще не доумѣвалъ въ принятіи новыхъ рѣшительныхъ мѣръ, когда другія, болѣе важныя событія увлекали его въ предпріятіе исполинское, напоминавшее собой Шекспирово: to be, or not to be (быть, иль не быть)?

Мы уже означили первыя несогласія Императора Александра съ Наполеономъ. Видимымъ поводомъ къ нимъ была неутвержденная Наполеономъ конвенція о Польшѣ, но истинною, скрытою для современниковъ причиною было — убѣжденіе Россійскаго Императора, что Наполеонъ не знаетъ границъ своему властолюбію, не останавливается ни на какомъ увеличеніи своего могущества и, въ слѣдствіе такого стремленія и самаго характера своего, безпрестанно нарушаетъ обязанности добраго союзника. Несоглашеніе о Польшѣ было отдѣльное обстоятельство и, кажется, легко могли бы устроить его какимъ нибудь образомъ; но еще не успѣли согласиться въ немъ, какъ уже возникали новые поводы къ недоразумѣніямъ, и если бы устранили ихъ, то представились бы тысячи новыхъ случаевъ, порожденныхъ властолюбивымъ духомъ Наполеона. При немъ, искренній миръ и основанное

на обоюдныхъ выгодахъ согласіе, были невозможны. Убѣдившись въ такомъ направленіи своего могущественнаго союзника, Императоръ Александръ хотѣлъ съ перваго шагу доказать ему свою непоколебимую твердость, и употребляя всѣ мѣры къ поддержанію согласія между обѣими имперіями, не уступалъ ни въ одномъ требованіи своемъ, основанномъ на справедливости или соединенномъ съ достоинствомъ великой державы. При такомъ противоположномъ направленіи двухъ государей, первенствовавшихъ въ Европѣ, всѣ вопросы запутывались, затрудненія увеличивались и мирное соглашеніе въ нихъ дѣлалось болѣе и болѣе невозможнымъ.

Мы почитаемъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ въ исторіи Наполеона (и, слѣдственно, въ исторіи цѣлаго міра) періодъ, предшествовавшій окончательному разрыву дружественныхъ сношеній его съ Россіею, и постараемся изложить его со всею возможною точностью.

Сокрушая всякое сопротивленіе, господствуя отъ границъ Португаліи до границъ Россіи, и отъ Скандинавскаго полуострова до Средиземнаго моря, Наполеонъ соединялъ въ рукахъ своихъ могущество, безпримѣрное въ исторіи. Можно ли сравнивать съ нимъ древнихъ завоевателей, или тѣхъ *бичей Божіихъ*, которые колебали Азію и Европу? Ихъ могущество заключалось только въ безчисленныхъ войскахъ, и часто одно сраженіе низвергало ихъ въ прахъ. Римъ былъ *одинъ*, былъ самъ міръ, и послѣ покоренія Карѳагена ему не трудно было одолѣвать полуди-

кихъ или разслабленныхъ противниковъ своихъ. Могущество Наполеона имѣло совсѣмъ другое значеніе: онъ господствовалъ посреди государствъ просвѣщенныхъ, имѣвшихъ всѣ тѣ же способы, какими обладалъ и онъ. Его могущество было не только вещественное, но и нравственное или, можно сказать, больше нравственное нежели вещественное.

Чѣмъ утвердилъ онъ его? Не громадою силъ, но удивительнымъ своимъ геніемъ. Съ тридцатью тысячами полунагихъ, упадшихъ духомъ войскъ, онъ возстановилъ силу Франціи; умѣлъ не только побѣдить большія арміи, но и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, угрожать, ободрять, вести переговоры, объявлять войну и мириться. Безъ войскъ, только съ однимъ своимъ геніемъ возвратился онъ изъ Египта, оставивъ тамъ по себѣ какую-то баснословную, гомерическую славу, и вскорѣ возвелъ Францію на высочайшую степень силы. Войска были для него такимъ же средствомъ какъ все другое, и часто обаятельный разговоръ его, взглядъ, возвышеніе голоса, одерживали побѣды, равныя маренгской и ваграмской. Непостижимый въ дѣятельности, онъ былъ равно могущественъ какъ полководецъ, какъ народоправитель, дипломатъ, ораторъ и писатель! Отъ того-то громадная имперія его имѣла характеръ силы, каждое слово его казалось приговоромъ, и противники безмолвно соглашались съ нимъ не потому, что у него было полмилліона войскъ, а потому что они не смѣли противиться всѣмъ средствамъ его генія. Можно во-

вать противъ полководца, но трудно сопротивляться генію. Цезарь и Наполеонъ не только побѣждали арміи, но и господствовали міромъ.

Такое страшное могущество не могло встрѣтить рѣшительной борьбы, покуда оно сохраняло нравственную власть свою. Въ борьбѣ, начатой противъ Наполеона Императоромъ Александромъ, вся нравственная сила была на сторонѣ его, и отъ того всѣ слова и дѣйствія русскаго Императора имѣли неоспоримое преимущество передъ ухищреніями геніальнаго его противника. Правота и истина также могущество, противъ котораго недостаточно одной вещественной силы, и мы видимъ дѣйствительно, что Европа, идя подъ знаменами Наполеона, была духомъ своимъ уже за Александра.

Послѣ того Наполеонъ, при первомъ ослабленіи вещественной силы своей, былъ вѣрною жертвою благолюбиваго своего соперника. Простое изложеніе событій покажетъ намъ, что прежде нежели Императоръ Александръ одержалъ побѣды надъ арміями Наполеона, онъ уже былъ побѣдителемъ его по правотѣ своего дѣла.

Вниманіе Европы еще было поглощено присоединеніемъ къ Франціи голландскаго королевства, когда, въ концѣ 1810 года, явилось въ Монитерѣ объявленіе о новыхъ увеличеніяхъ Франціи. 12 Ноября, Наполеонъ извѣстилъ сенатъ, что область Валезская присоединяется къ Франціи, подъ названіемъ Симплонскаго департамента. Въ предварительныхъ разсужде-

ціяхъ о томъ, онъ говорилъ, что, отдѣленная отъ Швейцарскаго Союза, она управляется худо и поддерживаетъ въ себѣ раздоры партій, почему необходимо присоединить ее къ Франціи. Такими умствованіями онъ могъ присудить себѣ всякую страну. Если управленіе какого независимаго государства, или округа не хорошо — присоединить его къ Франціи! Тутъ явны и польза и справедливость! .... Но Европа уже такъ привыкла къ насильственнымъ пріобрѣтеніямъ Наполеона, что не обратила бы вниманія на присоединеніе къ обширнымъ владѣніямъ его маленькой области, если бы въ постановленіи сената отъ 13 Декабря, которымъ утверждалось присоединеніе Валезской земли, не было также упомянуто, что къ Франціи присоединяются еще устья Шельды, Мааса, Рейна, Эмса, Везера и Эльбы! И о такихъ важныхъ перемѣнахъ упоминалось какъ будто мимоходомъ; какъ будто не могло это ниспровергнуть множества вѣковыхъ отношеній, не разрушало благосостоянія многихъ тысячь людей, и не было явнымъ грабежемъ дружественныхъ владѣній! «Будутъ даны «вознагражденія тѣмъ государямъ», прибавлялъ Наполеонъ въ декретѣ своемъ, «которые потеряли бы что «либо отъ этой великой мѣры, вынуждаемой необ«ходимостью и утверждающей на Балтикѣ правую «сторону границъ моей имперіи».

До сихъ поръ Наполеонъ старался оправдывать каждое свое пріобрѣтеніе, велъ предварительно о немъ переговоры, или по крайней мѣрѣ приготовлялъ къ нему умы; въ настоящемъ случаѣ, какъ бы насмѣха-

ясь надъ законными, историческими правами, не думая ни объ оскорбительности своихъ дѣйствій, ни о нарушеніи самыхъ священныхъ гражданскихъ правъ, онъ вдругъ, нѣсколькими словами, присвоялъ себѣ независимые города и чужія области, разрушалъ вѣковую систему государственныхъ и торговыхъ отношеній, и не удостоивалъ даже объяснить правъ и намѣреній своихъ.

Новыми присвоеніями своими онъ до такой степени нарушилъ права сосѣднихъ государей, что Ольденбургское Герцогство, принадлежавшее родственнику Императора Александра, очутилось со всѣхъ сторонъ посреди французскихъ владѣній. Правда, что за мѣсяцъ до объявленія своего декрета, онъ писалъ къ Коленкуру въ Петербургъ, поручая ему узнать, какъ приметъ Императоръ Александръ предпамѣренныя присвоенія Франціи, но, не сождавши отвѣта, уже объявилъ о новыхъ присвоеніяхъ, по случаю которыхъ Шампаньи писалъ къ Коленкуру отъ 14 Декабря: «Присоединеніе Голландіи повлекло за «собою и присоединеніе ганзеатическихъ городовъ... «Такимъ образомъ Герцогство Ольденбургское окру«жено владѣніями имперіи и непремѣнно подвергнется «нашему таможенному уставу. Императоръ видитъ, «что такое положеніе было бы тягостно для герцога, «и потому объявлено оберъ-гофмаршалу двора его, «господину Мальцану, что если Его Свѣтлость поже«лаетъ, то можетъ сохранить свои владѣнія, окру«женныя владѣніями Франціи; если же, напротивъ, онъ

«признаетъ болѣе выгоднымъ для себя имѣть владѣнія «въ другомъ мѣстѣ, сохраняя въ Ольденбургскомъ «Герцогствѣ свои собственныя помѣстья и всякую «частную собственность, то императоръ готовъ охот-«но споспѣшествовать тому.»

Императоръ Александръ получилъ отъ посла своего въ Парижѣ, князя Куракина, донесеніе о сообщенныхъ ему оффиціально декретахъ Наполеона, и отъ герцога ольденбургскаго письмо, гдѣ извѣщалъ онъ государя, какъ главу Голстинскаго Дома, что отказывается отъ предложеній Наполеона и не согласится покинуть своихъ подданныхъ, десять вѣковъ соединенныхъ съ его Домомъ. События шли такъ быстро, что Александръ еще не успѣлъ съ своей стороны сдѣлать никакихъ распоряженій, когда извѣстился, что французскіе коммиссары пріѣхали въ Ольденбургъ, объявили его областью Франціи, и располагались начать въ немъ преобразованіе внутренняго управленія, извѣстивъ герцога, что Наполеонъ назначилъ ему, въ замѣнъ Ольденбурга, Эрфуртъ съ его округомъ. Сначала Императоръ Александръ почелъ все это происшествіе недоразумѣніемъ, ибо получилъ отъ французскаго министерства, чрезъ посла своего въ Парижѣ и посла наполеонова въ Петербургѣ, двоякое извѣщеніе, что Наполеонъ предоставилъ герцогу поступить по его усмотрѣнію, остаться въ Ольденбургѣ или уступить его въ замѣнъ другихъ областей, и когда герцогъ изъявилъ желаніе сохранить древнее свое владѣніе, то государь русскій не

могъ предполагать нарушенія собственныхъ словъ и торжественнаго обѣщанія французскаго императора. Но событіе подтвердилось. Тогда Императоръ Александръ велѣлъ послу своему въ Парижѣ, потребовать отъ тюльерійскаго кабинета объясненія въ непостижимомъ поступкѣ императора Французовъ, явно нарушающемъ 12-ю статью тильзитскаго договора, которою были обезпечены владѣнія ольденбургскія. Сверхъ того, послу велѣно было присовокупить, что Ольденбургъ обязанъ Россіи своимъ существованіемъ, что онъ находится подъ ея покровительствомъ, составляетъ наслѣдственное ея владѣніе, и герцогъ, правитель его, безъ согласія Россіи не можетъ располагать своими областями; наконецъ, что если Франція не возвратитъ Ольденбурга законному владѣтелю, то императоръ россійскій, ограждая собственныя свои права и честь въ семъ дѣлѣ, принужденъ будетъ формально протестовать противъ дѣйствій императора Французовъ. Въ то же время посланъ былъ и формальный протестъ, о которомъ упоминалось въ повелѣніи послу, и который онъ долженъ былъ, въ крайнемъ случаѣ, отослать французскому министерству.

Въ отвѣтѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, присланномъ имъ князю Куракину, было сказано, въ объясненіе насильственныхъ дѣйствій Наполеона: «Новыя политическія соображенія побудили присоединить Ольденбургъ къ Франціи; но герцогъ отъ того «совершенно ничего не теряетъ: императоръ Наполе-«онъ, отдачею Эрфурта хочетъ сдѣлать ему полное

«вознагражденіе, и тѣмъ явить новое свидѣтельство «дружбы къ императору россійскому. Въ происше-«ствіяхъ бываетъ неотвратимая случайность, и на-«добно покоряться ей. Мелкія владѣнія не могутъ «оставаться, когда ихъ существованіе противно поли-«тикѣ и выгодамъ большихъ державъ, которыя, по-«добно быстрымъ потокамъ, поглощаютъ все, что̀ «встрѣчаютъ въ своемъ теченіи. Вотъ правила импе-«ратора Наполеона, и онъ не можетъ отказаться отъ «мѣры, единожды имъ принятой, тѣмъ болѣе, что де-«кретомъ сената, присоединившимъ Ольденбургъ къ «Франціи, почитаетъ себя совершенно связаннымъ» *).

Неосновательность такого объясненія была слиш-комъ очевидна: никакія политическія соображенія не дозволяютъ насильственныхъ мѣръ, и мелкія владѣнія существуютъ по обоюднымъ договорамъ, а не по волѣ сильныхъ владѣтелей; сверхъ того, къ дѣлу объ Оль-денбургѣ не могло быть примѣнено и хищническое умствованіе Наполеона, когда россійскій императоръ, не меньше его могущественный, объявилъ, что Гер-цогство Ольденбургское находится подъ его покрови-тельствомъ и составляетъ родовое его наслѣдіе; если же Наполеонъ почиталъ себя связаннымъ обнародова-ніемъ своего декрета, то могъ ли Императоръ Але-ксандръ уступить ему права свои, не только всена-родно извѣстныя, но и утвержденныя вѣками непри-

---

*) Описаніе Отечественной войны, генералъ-лейтенанта Ми-хайловскаго-Данилевскаго I, 25.

косновенности къ нимъ? Наполеонъ могъ предвидѣть, что россійскій императоръ не удовлетворится отвѣтомъ его, и, дѣйствительно, князь Куракинъ, исполняя данное ему повелѣніе, отослалъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ протестъ, заблаговременно доставленный изъ Петербурга. Французскій министръ возвратилъ пакетъ съ нимъ нераспечатанный; князь Куракинъ отослалъ его вторично; тогда Шампаньи самъ привезъ къ нему нераспечатанный протестъ, и по порученію Наполеона объявилъ, что императоръ Французовъ не желаетъ принять акта, по свойству своему непріязненнаго, и что это лишь усилило бы слухи о разрывѣ дружественныхъ сношеній между Россіею и Франціею, распространившіеся въ Европѣ. Русскій посолъ не хотѣлъ принять протеста обратно; но Шампаньи ссылался на строгое запрещеніе Наполеона принять его, и устоялъ въ томъ, оградившись вѣжливыми словами.

Императоръ Александръ изъявилъ неудовольствіе князю Куракину, когда узналъ, что онъ не исполнилъ повелѣнія о дипломатической мѣрѣ, предписанной ему, и не желая оставить безгласнымъ благороднаго сопротивленія своего гордому нарушителю народныхъ правъ, велѣлъ отправить протестъ свой ко всѣмъ русскимъ посольствамъ, для сообщенія его дворамъ, при которыхъ они находились. Но таковъ былъ страхъ, который внушалъ тогда Наполеонъ даже независимымъ владѣтелямъ, что они, боясь навлечь на себя гнѣвъ его, уклонялись отъ принятія протеста, и по-

*

слаппики русскіе должны были употреблять дипломатическія хитрости для врученія его!

Протестъ Императора Александра, важный по содержанію своему и по историческимъ слѣдствіямъ своимъ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ твердости, съ какою дѣйствовалъ россійскій императоръ. Вотъ содержаніе протеста, въ близкомъ переводѣ:

«Его Величество Императоръ Всероссійскій съ изум-«леніемъ извѣстился, что союзникъ его, императоръ «Французовъ, король Италіи, назначивъ сенатскимъ «опредѣленіемъ новыя границы своей имперіи, включилъ «въ нихъ и Герцогство Ольденбургское. Его Величество «поставилъ на видъ союзнику своему, какъ поставля-«етъ на видъ всей Европѣ, что тильзитскимъ дого-«воромъ было обезпечено спокойное обладаніе герцог-«ствомъ законному его государю.

«Его Величество также напомнилъ императору Фран-«цузовъ, какъ напоминаетъ всѣмъ державамъ, что, по «предварительному договору 1766 и по договору 1773 «года, Россія предоставила королю датскому всѣ свои «владѣнія въ Голштиніи, и въ замѣнъ получила графства «Ольденбургское и Дельменгорстское, которыя, по извѣ-«стнымъ соглашеніямъ, при необходимомъ притомъ учас-«тіи многихъ державъ, возведены были на степень вла-«дѣтельнаго герцогства, въ пользу младшей линіи того «самаго Голштейнъ-Готторпскаго дома, къ которому «Его Императорское Величество принадлежитъ по пря-«мой кровной связи. Императоръ полагаетъ, что госу-«дарство, основанное великодушіемъ его имперіи, не мо-

«жетъ быть уничтожено безъ нарушенія всякой спра-
«ведливости и правъ его, и потому видитъ себя при-
«нужденнымъ, въ силу права своего, взять подъ за-
«щиту свою и своихъ наслѣдниковъ, на вѣчныя вре-
«мена, всѣ права и обязанности, происходящія отъ
«вышеупомянутыхъ договоровъ.

«Какую цѣну могли бы имѣть союзы, если бы не
«сохраняли ея договоры, служащіе имъ основаніемъ?
«Но, не желая дать повода ни къ какому недоразу-
«мѣнію, Его Величество симъ объявляетъ, что вели-
«кія политическія выгоды были поводомъ къ союзу
«его съ императоромъ Французовъ, что онѣ еще су-
«ществуютъ, и потому онъ намѣренъ пещись о сохра-
«неніи сего союза, ожидая взаимнаго и равнаго по-
«печенія о томъ со стороны монарха, на дружбу ко-
«тораго имѣетъ права.

«Соединеніе выгодъ обѣихъ имперій, предначертан-
«ное Петромъ Великимъ и встрѣчавшее при немъ и
«послѣ много препятствій, уже принесло пользу Фран-
«ціи и Россіи. И такъ, кажется, обоюдныя выгоды
«побуждаютъ заботиться о союзѣ ихъ, и Его Вели-
«чество приложитъ къ тому всѣ попеченія».

Протестъ Императора Александра былъ истин-
нымъ выраженіемъ мыслей его: онъ громко и твердо
охранялъ свои права и свое достоинство, но въ то
же время искренно желалъ сохраненія мира съ Напо-
леономъ. Во всѣхъ другихъ поступкахъ его видимъ
то же направленіе: исполняя всѣ обязанности, при-
нятыя имъ на себя по тильзитскому договору, онъ

не хотѣлъ чтобы и Наполеонъ отступалъ отъ обязанностей, принятыхъ имъ на себя относительно Россіи. Не допуская и мысли о возстановленіи Польши, онъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями своего союзника, и предупреждалъ всякое покушеніе его, показывавшее какія нибудь отдаленныя цѣли. Въ Декабрѣ 1810 года Наполеонъ объявилъ новый наборъ во Франціи, требуя сорока тысячь конскриптовъ для флота и ста двадцати тысячь для сухопутныхъ войскъ. Для флота учредилъ онъ морскую школу и велѣлъ принимать въ нее мальчиковъ отъ тринадцати до пятнадцати лѣтъ. Новая конскрипція была объявлена почти въ одно время съ присоединеніемъ земель, подавшихъ поводъ къ протесту россійскаго императора, и Наполеонъ до такой степени дорожилъ добрымъ расположеніемъ Александра, что поручилъ Коленкуру всячески смягчить впечатлѣніе, которое могло бы произвесть извѣстіе о томъ въ Петербургѣ. Но слова не закрывали дѣла, и Александръ не только холодно принялъ разувѣренія Коленкура, котораго лично любилъ онъ, но и вообще сталъ оказывать ему только обыкновенную вѣжливость. Иногда, вырывались слова о возможности разрыва между Россіею и Франціею. Въ началѣ Декабря, Императоръ Александръ говорилъ Коленкуру о движеніи французской дивизіи въ сѣверную Германію, о направленіи туда же артиллерійскаго парка, и прибавилъ, что это дѣлается, конечно, уже не для защиты береговъ отъ Англичанъ. Въ началѣ Января, съ огорченіемъ выражаясь о насильственномъ

присвоеніи Наполеономъ Ольденбурга, онъ сказалъ Коленкуру: «Если бы императоръ Наполеонъ явил-«ся на границахъ моей имперіи, первый пушечный «выстрѣлъ его засталъ бы меня столько же дале-«кимъ отъ Англіи, какъ за три года . . . . Онъ уви-«дѣлъ бы, что Россія поддерживаетъ континентальную «систему изъ желанія общаго спокойствія, а не отъ «слабости силъ.» Правый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ требовалъ, чтобы и Наполеонъ поступалъ столько же искренно.

Не имѣя средствъ оправдать свое завоевательное, или, точнѣе, хищническое направленіе, Наполеонъ какъ будто обрадовался случаю обвинять своего благороднаго союзника, когда изданъ былъ новый тарифъ русскій (13 Декабря 1810 года). Поводомъ къ тому былъ упадокъ торговли, послѣдовавшій отъ разрыва сношеній съ Англіею, причемъ предметы отпуска за границу оставались въ Россіи безъ сбыта, а роскошь не уменьшалась. Надобно было измѣнить такой ходъ дѣлъ, и русскій государь, новымъ положеніемъ о нейтральной торговлѣ, запретилъ ввозъ многихъ издѣлій французскихъ фабрикъ, поглощавшихъ огромные капиталы, и дозволилъ привозъ колоніяльныхъ товаровъ, привозимыхъ на нейтральныхъ корабляхъ. Эти мѣры, принятыя для оживленія промышленности и торговли, и для ограниченія роскоши, были для Наполеона поводомъ къ безконечнымъ жалобамъ. Онъ началъ утверждать, что новый тарифъ направленъ противъ французской промышленности, и что онъ нарушаетъ континенталь-

ную систему, давая средства для провоза англійскихъ товаровъ. Напрасно возражали ему, что онъ самъ дѣлаетъ болѣе, выдавая такъ называемыя *дозволенія* нейтральнымъ кораблямъ, на которыхъ привозятся во Францію колоніяльные товары, и что новый тарифъ есть мѣра внутренняго управленія. Наполеонъ жаловался даже на то, что Императоръ Александръ принялъ столь важную мѣру *не посовѣтовавшись съ нимъ*. Вотъ до чего не понималъ онъ независимости самобытныхъ государствъ! . . . Можно вѣрить, что Наполеонъ питалъ въ душѣ своей искреннее уваженіе и дружбу къ Императору Александру; но если искренно требовалъ онъ отъ него и *такой* зависимости, то русскій императоръ не могъ оставаться съ нимъ въ пріязненныхъ сношеніяхъ. Здѣсь видимъ мы разгадку безпрерывныхъ недоумѣній между ними, постепеннаго охлажденія и наконецъ явнаго разрыва. Наполеонъ требовалъ отъ дружественныхъ державъ почти безусловной покорности, и не понималъ, какъ можно быть иначе другомъ и даже братомъ его? Александръ, сохраняя личное уваженіе и даже дружбу къ Наполеону, не хотѣлъ согласиться ни на малѣйшія уступки, противныя пользамъ его имперіи или его высокому положенію, и также не понималъ, какъ могъ требовать чего нибудь подобнаго человѣкъ, называвшій себя другомъ его?

Но въ сердцахъ обоихъ могущественныхъ соперниковъ еще сохранялось чувство взаимнаго уваженія, и оба они, мы не сомнѣваемся въ томъ, искренно же-

лали поддержать свой союзъ. Когда, разстроенный въ здоровьѣ и удрученный скорбью о потерѣ того блестящаго положенія, которымъ пользовался онъ при дворѣ Императора Александра до 1811 года, Коленкуръ просилъ дозволить ему воротиться во Францію, Наполеонъ согласился на просьбу его, но прежде поручилъ ему же самому доложить Императору Александру, что на мѣсто посла при немъ имѣетъ онъ въ виду трехъ человѣкъ: Ларошфуко, посланника своего въ Гагѣ, Нарбонна, бывшаго тогда при мюнхенскомъ дворѣ, и генерала Лористона, своего генералъ-адъютанта. Онъ былъ готовъ назначить въ Петербургъ посломъ своимъ того изъ нихъ, который могъ быть пріятнѣе Императору Александру. Можно видѣть въ этомъ не одно *кокетство* вѣжливости, но и прямое желаніе сдѣлать угодное русскому императору.

Между тѣмъ, еще не имѣя никакихъ рѣшительныхъ намѣреній о войнѣ, оба соперника увлекались силою обстоятельствъ. Въ Россіи былъ объявленъ рекрутскій наборъ и происходили разныя передвиженія войскъ. Изъ арміи, дѣйствовавшей противъ Турковъ, пять дивизій были отправлены на западную границу имперіи; изъ Финляндіи отправлена туда же одна дивизія. Внутри государства и близъ границъ избирали мѣста для новыхъ крѣпостей, и приводили въ лучшее положеніе крѣпости кіевскую и рижскую. Заботливость о приготовленіи всякихъ военныхъ запасовъ удвоилась. Наполеонъ также подвигалъ войска въ Гер-

манію, и приводилъ въ оборонительное положеніе Данцигъ и крѣпости герцогства Варшавскаго. Онъ назначилъ 150,000 франковъ на усиленіе шпіонства въ Россіи и въ Австріи, куда и были отправлены многія значительныя лица, подъ видомъ путешественниковъ и ученыхъ. Они сообщали всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ правительства, о состояніи войскъ, расположеніи народа, и, какъ доказали послѣдствія, много представили въ превратномъ видѣ касательно Россіи, что вовлекло Наполеона въ самыя несчастныя ошибки.

Всѣ такія мѣры были со стороны его только *предохранительными*, и, въ то же время, онъ безпрестанно писалъ то къ самому Императору Александру, то къ послу своему при немъ, то къ русскому послу въ Парижѣ, стараясь пояснить всѣ спорные пункты, и представить въ благопріятномъ видѣ свои поступки. Замѣчательны слова его, переданныя въ наставленіи министра иностранныхъ дѣлъ Коленкуру, отъ 3-го Марта. «Бесѣдуя съ Императоромъ «Александромъ, старайтесь говорить его сердцу, «затрогивайте его чувствительность и благородство. «Скажите ему, что онъ ставитъ въ самое тягостное «положеніе того, кто, по собственнымъ словамъ его, «оказалъ ему много пользы въ Тильзитѣ. Неужели, «за важныя свои услуги, императоръ Наполеонъ дол«женъ будетъ объявить Россіи войну, не видя друга«го средства сохранить свою честь и избѣгнуть упре«ка въ томъ, что онъ, въ высокомъ своемъ положеніи, «переноситъ, чего не перенесъ бы и Людовикъ XV,

«дремавшій въ объятіяхъ Г-жи Дюбарри?» Больше всего оскорбляло его новое распоряженіе русскаго правительства, по которому запрещенные французскіе товары могли быть сожигаемы въ Россіи, если бы ихъ открыли въ видѣ контрабанды. «Можно ли», говорилъ французскій министръ по внушенію своего повелителя, «можно ли представить себѣ союзъ, при которомъ «одинъ изъ двухъ союзныхъ народовъ сожигаетъ про-«изведенія другаго? Какое впечатлѣніе произведетъ «подобное ауто-да-фе? Судите потому, что было въ «Англіи, когда тамъ узнали, что во Франціи жгутъ «англійскіе товары. Не думаютъ ли, что мы глухи къ «голосу чести? .... Коварны тѣ, кто совѣтуетъ по-«добныя мѣры. Они знаютъ, что сжечь ліонскія тка-«ни значитъ разъединить два народа, и что, послѣ «этого, война зависитъ отъ одного дуновенія».

Какъ бы въ отмщеніе за непріязненную мѣру русскаго правительства, Наполеонъ велѣлъ употреблять въ своихъ верфяхъ и арсеналахъ лѣсъ, привозимый изъ Корсики и областей иллирійскихъ, а пеньку французскую и итальянскую — русскаго не надо! .... Положеніе, явно непріязненное! «И все надѣлалъ указъ Императора Александра», повторялъ Наполеонъ. «Постарайтесь изгладить это пятно для насъ», писалъ Наполеонъ къ Коленкуру, «и не прежде выѣзжайте изъ Петербурга. Выразите желаніе свое увезти съ собой залоги союза и дружбы обѣихъ имперій».

Но не во власти Коленкура было уничтожить грозныя тучи, скоплявшіяся съ обѣихъ сторонъ. Положе-

ніе затруднялось съ каждымъ днемъ болѣе, хотя видимыхъ причинъ для разрыва еще не было, потому что распри шли, какъ видимъ, о предметахъ второстепенныхъ, которые не представляли поводовъ къ войнѣ и легко могли быть пояснены и устроены дружелюбно. Всего лучше выражаютъ это письмо Наполеона къ Императору Александру и отвѣтъ на него русскаго императора. Въ Парижѣ находился тогда, съ довѣренными порученіями Александра, флигель-адъютантъ его Чернышевъ. Ему поручилъ Наполеонъ отвезти къ государю русскому письмо и подтвердить на словахъ искреннее свое желаніе устранить всѣ поводы къ несогласію. Письмо Наполеона (отъ $^{16}/_{28}$ Февраля 1811 года) важно для исторіи, какъ ясное изложеніе отношеній его къ Россіи въ то время. Оно замѣчательно и тѣмъ особеннымъ характеромъ воинскаго простодушія, бивачной откровенности, съ какими писана большая часть важнѣйшихъ его бумагъ, въ которыхъ дѣло шло о жребіи Европы. Ни Тугутъ, ни даже Фридрихъ II-й не писывали такъ писемъ о всемірныхъ вопросахъ, какъ писалъ Наполеонъ къ Императору Александру. Сказавъ нѣсколько словъ объ отозваніи Коленкура и назначеніи вмѣсто него посломъ графа Лористона, онъ говоритъ:

«Поручаю Чернышеву изъяснить Вашему Величе-«ству мои чувства къ Вамъ. Они не измѣнятся, хотя «я не могу скрыть отъ себя, что *Ваше Величество* «*лишили меня своей дружбы*. Мнѣ дѣлаютъ отъ

«Вашего имени возраженія и всякія затрудненія на «счетъ Ольденбурга, между тѣмъ какъ я не отказы-«ваюсь отъ вознагражденія, а положеніе сей земли, «которая всегда была центромъ контрабанды съ Ан-«гліею, налагаетъ на меня непремѣнный долгъ присо-«единить ее къ моимъ владѣніямъ, для выгодъ моей «имперіи и успѣшнаго окончанія предпринятой мною «борьбы. Послѣдній указъ Вашего Величества, въ су-«ществѣ и особенно въ изложеніи, направленъ соб-«ственно противъ Франціи. *Въ другое время, Ваше «Величество не приняли бы подобной мѣры противъ «моей торговли, не предваривъ меня,* и я, вѣроятно, «былъ бы въ состояніи предложить Вамъ иныя сред-«ства, которыя соотвѣтствовали бы Вашей главной «цѣли, и между тѣмъ не показались бы для Франціи «перемѣною системы. Такъ поняла это вся Европа, и «*въ мнѣніи Англіи и Европы* нашъ союзъ уже не «существуетъ. Хотя бы въ душѣ Вашего Величества «былъ онъ такъ же ненарушимъ какъ въ моей, тѣмъ «не менѣе это общее мнѣніе есть большое зло. По-«звольте сказать Вамъ откровенно: Вы забыли пользу, «которую принесъ Вамъ союзъ, и между тѣмъ посмо-«трите, что произошло съ тильзитскаго мира! По «тильзитскому договору, Вы должны были возвратить «Турціи Молдавію и Валахію; вмѣсто того, Ваше Ве-«личество присоединили сіи области къ своей импе-«ріи. Валахія и Молдавія составляютъ третью часть «Европейской Турціи. Это огромное пріобрѣтеніе, «опирая обширную имперію Вашего Величества на Ду-

«пай, совершенно обезсиливаетъ Турцію, и даже, можно «сказать, уничтожаетъ Оттоманскую Имперію, мою «древнѣйшую союзницу. Вмѣсто того, чтобы настаивать въ исполненіи тильзитскаго договора, я съ величайшимъ безкорыстіемъ, и единственно по дружбѣ «къ Вашему Величеству, призналъ присоединеніе къ «Россіи сихъ прекрасныхъ и богатыхъ странъ; но если «бы я не былъ увѣренъ въ продолженіи Вашей друж«бы, то даже нѣсколько несчастныхъ походовъ не «заставили бы Францію согласиться на такое отторженіе областей у древняго ея союзника. Въ Швеціи, «въ то время, когда я возвратилъ сдѣланныя мною въ «ея владѣніяхъ завоеванія, я согласился, чтобы Ваше «Величество удержали за собою Финляндію, которая «составляетъ треть шведскаго государства и, для Вашего Величества столь важная провинція, что, по«слѣ сего присоединенія, можно сказать, уже нѣтъ «Швеціи, ибо Стокгольмъ теперь на аванпостахъ ко«ролевства. Между тѣмъ и Швеція, не смотря на ложную политику короля, была также одною изъ древ«нихъ союзницъ Франціи. Въ вознагражденіе, Ваше «Величество изгоняете мою торговлю, начиная съ Мол«давіи до Финляндіи, и тревожите меня за то, что я «дѣлаю по сю сторону Эльбы. Люди вкрадчивые и на«учаемые Англіею утруждаютъ слухъ Вашего Величе«ства коварными рѣчами. Они говорятъ, что я хочу «возстановить Польшу. Я былъ властенъ сдѣлать это «въ Тильзитѣ: черезъ двѣнадцать дней послѣ Фридланд«скаго сраженія я могъ быть въ Вильнѣ. Если бы я

«хотѣлъ возстановить Польшу, то въ Вѣнѣ вознаградилъ бы Австрію: она желала сохранить свои древнія области и сообщеніе съ моремъ, пожертвовавъ «владѣніями въ Польшѣ. Я могъ сдѣлать это въ 1810 «году, когда всѣ русскія войска были заняты войною «противъ Порты; вѣроятно, я могъ бы успѣть въ томъ «еще и теперь, не дожидаясь пока Ваше Величество «заключите съ Портою договоръ, который, вѣроятно, «состоится въ теченіе нынѣшняго лѣта. Ни при одномъ «изъ означенныхъ обстоятельствъ не приступалъ я къ «возстановленію Польши, слѣдственно и не помышлялъ «о немъ. Но если я не хочу перемѣнять положенія «Польши, то имѣю также право требовать, чтобы никто не мѣшался въ дѣла мои по сю сторону Эльбы. «Я долженъ однако же сознаться, что враги наши «имѣли успѣхъ. Укрѣпленія, воздвигаемыя по повелѣнію Вашего Величества на двадцати мѣстахъ по Двинѣ, протестъ въ пользу Ольденбурга и указъ Вашъ «о тарифѣ служатъ тому доказательствомъ. *Я не измѣнился въ чувствахъ къ Вамъ*, по пораженъ очевидностью сихъ происшествій и мыслію, что Ваше «Величество совершенно расположены подружиться съ «Англіею, коль скоро обстоятельства приведутъ къ «тому, а это значитъ возжечь войну между двумя имперіями. Если Ваше Величество оставите союзъ и сожжете тильзитскія условія, война, очевидно, должна «послѣдовать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Такое положеніе недовѣрчивости и неизвѣстности имѣетъ «неудобства для имперіи Вашего Величества и моей.

«Съ обѣихъ сторонъ должно послѣдовать напряженіе «всѣхъ способовъ къ приготовленію. Все это при- «скорбно. Если Ваше Величество не имѣете намѣре- «нія мириться съ Англіею, то почувствуете, сколь не- «обходимо для Васъ и для меня разсѣять всѣ сіи ту- «чи. Вы не наслаждаетесь спокойствіемъ, ибо сказали «герцогу виченцскому, что будете воевать на своихъ «границахъ; а спокойствіе есть первое благо обоихъ «великихъ государствъ. Прошу Ваше Величество, чи- «тая мое письмо, вѣрить моему доброму намѣренію, «видѣть въ немъ только желаніе мира, удаленія обо- «юдной недовѣрчивости, и возстановленія между обѣ- «ими націями во всѣхъ отношеніяхъ той тѣсной друж- «бы, которая уже около четырехъ лѣтъ дѣлала ихъ «столь счастливыми».

Умное, откровенное письмо Наполеона не могло не найдти отзыва въ благородной душѣ Императора Александра. Отправляя обратно въ Парижъ своего флигель-адъютанта Чернышева, онъ послалъ съ нимъ отвѣтъ на письмо Наполеона — отвѣтъ, замѣчательный правотою дѣла, которое защищалъ Александръ, и прямодушіемъ, съ какимъ опровергъ онъ всѣ обвиненія Наполеона. Между людьми, столь высокими, не могли быть допущены обыкновенныя дипломатическія уловки, и потому они — что̀ едва ли не безпримѣрно въ исторіи дипломатическихъ сношеній — говорили одинъ другому прямо что̀ думали. Къ несчастію, взглядъ ихъ на одни и тѣ же предметы былъ совер-

шенно различенъ и отъ того единомысліе сдѣлалось невозможно между ними.

Вотъ что писалъ Императоръ Александръ въ отвѣтѣ своемъ Наполеону отъ 13 Марта:

«Спѣшу отвѣчать на письмо Вашего Величества «отъ $^{16}/_{28}$ Февраля. Весьма сожалѣю, что здоровье «герцога виченцскаго не дозволяетъ ему продолжать «своего посольства при мнѣ. Я былъ имъ чрезвычайно «доволенъ, ибо во всякомъ случаѣ видѣлъ въ немъ «величайшую преданность къ Вашему Величеству, и «постоянную заботливость о скрѣпленіи узъ, насъ «соединяющихъ. Благодарю Ваше Величество за вы«боръ генерала Лористона: кто пользуется Вашимъ «довѣріемъ, тотъ всегда будетъ мнѣ пріятенъ.

«Чернышевъ исполнилъ мои приказанія. Съ сожа«лѣніемъ вижу, что Вы не такъ меня понимаете. Ни «чувства мои, ни политика не измѣнялись. Я ничего «не желаю, кромѣ сохраненія и утвержденія нашего «союза. Напротивъ того, не имѣю ли повода думать, «что Ваше Величество измѣнились въ отношеніи ко «мнѣ? Почитаю долгомъ объясниться съ такою же «откровенностью, какъ Ваше Величество въ письмѣ «ко мнѣ.

«Вы обвиняете меня за протестъ по ольденбург«скому дѣлу; но могъ ли я поступить иначе? Неболь«шой клочекъ земли принадлежалъ единственному лицу, «моему родственнику; всѣ потребныя формы были имъ «выполнены; онъ членъ Рейнскаго Союза, и потому «состоитъ подъ покровительствомъ Вашего Величества;

«владѣнія упрочены за нимъ статьею тильзитскаго до-«говора, и онъ лишается ихъ, между тѣмъ какъ Ваше «Величество ни однимъ словомъ не предувѣдомили меня. «Какую важность могъ имѣть для Франціи этотъ кло-«чекъ земли, и вашъ поступокъ доказываетъ ли Евро-«пѣ дружбу Вашу ко мнѣ? Всѣ письма, отсюду писан-«ныя въ это время, свидѣтельствуютъ, что присоеди-«неніе Ольденбурга къ Франціи почитали слѣдствіемъ «желанія Вашего Величества оскорбить меня. Что «касается моего протеста, то изложеніе онаго слу-«житъ неопровержимымъ доказательствомъ, что я став-«лю союзъ съ Франціею превыше всѣхъ другихъ со-«ображеній, и ясно обнаруживаю, что весьма оши-«бочно было бы заключать изъ него объ ослабленіи «моего союза съ Вашимъ Величествомъ.»

Изложивъ затѣмъ причины указа о тарифѣ, Императоръ Александръ говоритъ: «Онъ не болѣе «направленъ противъ Франціи, какъ и противъ другихъ «земель Европы, и совершенно соотвѣтствуетъ кон-«тинентальной системѣ, воспрещая и уничтожая пред-«меты непріятельской торговли. Ваше Величество дѣ-«лаете замѣчаніе, что я предварительно не спросилъ «вашего мнѣнія о сей мѣрѣ. Какъ она принадлежитъ «къ дѣйствіямъ внутренняго управленія, то думаю, что «всякое правительство властно принимать такія мѣры, «какія ему кажутся выгодными, тѣмъ болѣе, если онѣ «не противны существующимъ договорамъ. Позвольте «сдѣлать Вашему Величеству одно замѣчаніе. Справед-«ливо ли упрекать меня въ томъ, когда вы сами по-

«ступили точно такъ же, и ни мало не предварили меня «о распоряженіяхъ Вашихъ на счетъ торговли, не «только въ Вашей имперіи, но и во всей Европѣ? «Между тѣмъ, Ваши постановленія имѣли гораздо силь-«нѣйшее вліяніе на торговлю Россіи, нежели какое рус-«скій тарифъ можетъ имѣть на торговлю Франціи: «многочисленныя банкротства, за ними послѣдовавшія, «служатъ тому доказательствомъ. — Мнѣ кажется, я «по справедливости могу сказать, что Россія точнѣе «соблюла тильзитскій договоръ, нежели Франція. За-«мѣчаніе на счетъ Молдавіи и Валахіи отнюдь не мо-«жетъ быть вмѣнено Россіи въ нарушеніе условій сего «договора, ибо въ немъ постановлено, чтобы сіи кня-«жества во время перемирія оставались не заняты «войсками воюющихъ державъ. Моя армія отступила на «четыре марша назадъ, и я велѣлъ ей воротиться тогда «уже, когда Турки сдѣлали нападеніе, сожгли Галацъ «и дошли до Фокшанъ. Послѣ того, эрфуртская кон-«венція упрочила мнѣ обладаніе Молдавіею и Валахіею, «слѣдственно я правъ. Что касается до завоеванія «Финляндіи, то оно не входило въ мою политику, и «Ваше Величество припомните, что я началъ войну съ «Швеціею только для приведенія въ исполненіе кон-«тинентальной системы. Успѣхъ моего оружія доста-«вилъ мнѣ Финляндію, точно такъ, какъ неудача могла «лишить меня собственныхъ областей моихъ. Слѣд-«ственно, и по сей второй статьѣ, я полагаю быть «правымъ. Но если Ваше Величество указываете на вы-«годы, принесенныя Россіи союзомъ ея съ Франціею,

«то не могу ли я, съ своей стороны, сослаться на поль-
«зу сего союза для Франціи, и на огромныя присое-
«диненія къ ней части Италіи, сѣверной Германіи,
«Голландіи? — Мнѣ кажется, я не однократно дока-
«зывалъ Вашему Величеству, сколь мало обращаю вни-
«манія на внушенія тѣхъ, коихъ выгоды побуждаютъ
«произвесть между нами разрывъ. Лучшимъ доказа-
«тельствомъ служитъ то, что я каждый разъ сооб-
«щалъ о нихъ Вашему Величеству, всегда полагаясь
«на Вашу дружбу. Но когда сами дѣла стали под-
«тверждать слухи, я не могъ не принять мѣръ пред-
«осторожности. Въ Варшавскомъ Герцогствѣ воору-
«женія продолжались безостановочно. Число войскъ въ
«немъ умножено безъ всякой соразмѣрности, даже съ
«населеніемъ. Работы надъ новыми укрѣпленіями не
«прекращались; воздвигаемыя же мной находятся на
«Двинѣ и Днѣпрѣ. Ваше Величество, столь опытные
«въ военномъ дѣлѣ, не можете не сознаться, что укрѣп-
«ленія, сооружаемыя въ такомъ разстояніи отъ гра-
«ницы какъ Парижъ отъ Страсбурга, суть мѣры не
«нападенія, но чисто оборонительныя. Вооруженія мои
«ограничились лучшимъ устройствомъ существовавшихъ
«уже полковъ; и Ваше Величество не переставали за-
«ниматься тѣмъ же. Впрочемъ, къ вооруженію побу-
«дили меня происшествія въ Герцогствѣ Варшавскомъ,
«и безпрерывное возрастаніе силъ Вашего Величества
«въ сѣверной Германіи. Таково настоящее положеніе
«дѣлъ. Укрѣпленія мои скорѣе могутъ служить дока-
«зательствомъ, сколь мало я располагаюсь къ нападе-

«нію. Тарифъ мой, установленный только на годъ, не «имѣетъ иной цѣли, кромѣ уменьшенія невыгодности «курса и доставленія мнѣ средствъ къ поддержанію «принятой и съ постоянствомъ сохраняемой мною си-«стемы; а протестъ, предписанный мнѣ обязанностію «пещись о чести моего государства и фамиліи, осно-«ванный на прямомъ нарушеніи тильзитскаго договора, «есть самый явный знакъ желанія моего сохранить «союзъ съ Вами.

«Посему, Ваше Величество, отбросивъ мысль, что «я жду только благопріятной минуты для перемѣны «системы, сознаетесь, если хотите быть справедливы, «что нельзя съ бо́льшею точностью соблюсти системы, «мною принятой. Впрочемъ, не завидуя ни въ чемъ «сосѣдямъ, любя Францію, какая мнѣ выгода же-«лать войны? Россія не имѣетъ надобности въ за-«воеваніяхъ; она, можетъ быть, безъ того уже слиш-«комъ обширна. Военный геній, признаваемый мною «въ Вашемъ Величествѣ, не позволяетъ мнѣ скрывать «отъ себя трудности борьбы, которая могла бы воз-«никнуть между нами. Сверхъ того, самолюбіе мое «привязано къ системѣ союза съ Франціею. Я сдѣ-«лалъ ее правиломъ политики для Россіи, для чего «долженъ былъ довольно долго бороться съ против-«ными старинными мнѣніями. Основательно ли будетъ «предполагать во мнѣ желаніе разрушить мое дѣло и «начать войну съ Вашимъ Величествомъ? И если Вы «такъ же мало желаете войны, какъ я, то, безъ всякаго «сомнѣнія, ея не будетъ. Являя Вамъ еще одно дока-

«зательство, я готовъ предоставить Вашему Величе-«ству рѣшеніе ольденбургскаго дѣла. Поставьте себя «на мое мѣсто, и опредѣлите сами, чего бы можно «желать въ подобномъ случаѣ. Ваше Величество имѣ-«ете всѣ средства устроить дѣла такимъ образомъ, «чтобы еще тѣснѣе связать обѣ имперіи, и сдѣлать «разрывъ навсегда невозможнымъ. Я, съ своей сто-«роны, готовъ содѣйствовать Вамъ для сей цѣли. По-«вторяю: если будетъ война, то она будетъ по Ваше-«му желанію, и, сдѣлавъ все для ея отвращенія, я »буду умѣть сражаться, и дорого продамъ свое суще-«ствованіе (Je vendrai cher mon existence). Если, вмѣ-«сто того, желаете признать во мнѣ друга и союз-«ника, то найдете тѣ же чувства привязанности и «дружбы, которыя я всегда питалъ къ Вамъ. Прошу «Ваше Величество, читая сіе письмо, также вѣрить «моему доброму намѣренію, и видѣть въ немъ только «рѣшительное желаніе примиренія.»

Казалось, чего болѣе могъ желать Наполеонъ? Императоръ Александръ предоставлялъ ему самому рѣшеніе главнаго спорнаго дѣла, объ Ольденбургѣ, избиралъ его самого ходатаемъ за себя и соглашался, что обоюдныя вооруженія ихъ имѣютъ причиною опасенія, еще не высказанныя. Надобно было только объясниться искренно, и къ тому вели письма ихъ. Но Императоръ Александръ уже видѣлъ, что властолюбивое направленіе Наполеона неизмѣнимо, и что рѣшеніе частнаго спора не положитъ прочнаго основанія миру, когда безпрерывно являлись поводы къ

новымъ спорамъ; Наполеонъ, съ своей стороны, также убѣждался, что Императоръ Александръ никогда не подчинитъ себя чуждому властолюбію, не уступитъ ни въ одномъ дѣлѣ, касающемся независимости или достоинства его, и готовъ защищать права свои оружіемъ, котораго силу уже зналъ Наполеонъ по войнѣ 1807 года. Но онъ не постигалъ, какъ могъ самый могущественный государь не соглашаться съ нимъ въ чемъ либо, если не питалъ къ нему непріязни и не былъ вызываемъ имъ на бой? Дѣйствительно, Наполеонъ не думалъ въ это время воевать съ Россіею, и военныя приготовленія его были только грозною демонстраціею, средствомъ склонить Александра на сохраненіе мира. Когда флигель-адъютантъ Чернышевъ вручилъ ему письмо Императора Александра, Наполеонъ прочиталъ его до конца, и потомъ, обратившись къ Чернышеву, какъ представителю искреннихъ мыслей русскаго императора, сказалъ: «Кто угрожаетъ вашему существованію? Кто намѣренъ атаковать васъ? Неужели я до такой степени не понимаю своихъ выгодъ, что безъ всякой причины начну войну съ сильною державою, имѣющею огромные способы и войско, готовое храбро сражаться за отечество? Вы говорите, что императоръ искренно желаетъ мира; но повелѣніе, данное нѣсколькимъ дивизіямъ выступить изъ Валахіи къ западнымъ границамъ, не есть ли сильнѣйшій поводъ къ объявленію вамъ войны? Что сказали бы вы, если бы я велѣлъ войскамъ моимъ идти въ сѣверную Германію, и

не имѣли ли бы вы права принять это за объявленіе войны? Я желаю мира: онъ для меня выгоденъ; но если дѣла наши останутся въ нынѣшнемъ положеніи, то даю честное слово, когда вы сами не начнете войны, не нападать на васъ прежде четырехъ лѣтъ. Выждать, значитъ для меня выигрывать. *)

Въ словахъ Наполеона о мирѣ уже видно полное сознаніе его въ необходимости войны. Онъ точно не желалъ ея, и готовъ былъ отклонить всѣми возможными способами — угрозою, уступкою, ласкательствомъ; но въ умѣ его уже созрѣвала мысль о необходимости войны съ Императоромъ Александромъ, то есть о рѣшеніи силою оружія вопроса: кому господствовать въ Европѣ — ему, или Александру? Наполеонъ не понималъ независимости государственной, уважаемой и въ самыхъ безсильныхъ владѣтеляхъ. Вскорѣ представился случай, гдѣ онъ высказалъ мысль свою торжественно.

Судьба доставила Наполеону послѣднее, и, можетъ быть, самое высшее наслажденіе: онъ сдѣлался отцомъ. Уже за нѣсколько дней до рожденія сына его, Парижъ былъ въ ожиданіи какъ бы своего семейнаго событія: различны были побужденія, но всѣ они соединялись въ искреннемъ желаніи Наполеону наслѣдника. Думали, что тогда, можетъ быть, онъ остановится, постарается упрочить своему потомству безмѣрныя свои владѣнія, и не будетъ кидать безпри-

*) Исторія Отечественной войны. Т. I, 47.

мѣрнаго могущества въ урну жребія. Многіе одушевлялись и прямымъ желаніемъ счастія своему монарху, которое всегда бываетъ благомъ его подданныхъ. Когда наконецъ, въ день 20 Марта 1811 года, пушечные выстрѣлы возвѣстили Парижу о благополучномъ разрѣшеніи Маріи Луизы, всѣ считали съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ число выстрѣловъ: двадцать одинъ должны были означать рожденіе дочери, сто выстрѣловъ рожденіе сына императору. Общій восторгъ выразился радостными восклицаніями народа, когда раздались выстрѣлы послѣ двадцати одного: на улицахъ, на площадяхъ обнимались, поздравляли другъ друга, проливали слезы, радовались счастію Франціи, которой тронъ упрочивался прямымъ потомствомъ Наполеона.

Въ то самое время, другая, не меньше поразительная сцена происходила въ тюльерійскомъ дворцѣ. Когда императрица почувствовала первыя боли, туда немедленно созваны были члены императорскаго семейства, главнѣйшіе сановники, и всѣ, кому назначено было присутствовать при разрѣшеніи императрицы. Они долго оставались въ трепетномъ ожиданіи, подлѣ спальни императрицы, которой мученія были продолжительны и опасны. Наконецъ, главный акушеръ Дюбуа почелъ обязанностью сказать Наполеону, почти не отходившему отъ болѣзненнаго одра своей супруги, что положеніе ея очень опасно, и что нельзя обойдтись безъ хирургическихъ пособій. Судорожно измѣнилось лицо Наполеона при такомъ извѣстіи, и онъ,

хладнокровно встрѣчавшій тысячи смертей въ разгарѣ битвъ, съ испугомъ вскричалъ Дюбуа: «Говорите яснѣе: надобно ли пожертвовать кѣмъ?... Въ такомъ случаѣ разрѣшаю васъ употребить всѣ средства, только бы спасти жизнь матери!» Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ минуту тяжкой скорби, видна неподдѣльная любовь Наполеона къ молодой его супругѣ: онъ готовъ былъ для нея пожертвовать всѣмъ, даже любовью къ будущему сыну своему, и всѣми надеждами и мечтами своего честолюбія. Тѣмъ живѣе была радость его, когда онъ взялъ въ свои руки новорожденнаго, сначала не произносившаго ни одного крика отъ истощенія силъ, и когда, послѣ извѣстныхъ медицискихъ пособій, услышалъ голосъ его, всегда столь радостный для отца. Съ восторгомъ выскочилъ онъ изъ дверей въ залу, гдѣ оставались всѣ собравшіеся, и громко объявляя имъ о рожденіи *сына*, показывалъ того занимательнаго младенца, котораго ожидала грустная, удивительная судьба!... При самомъ рожденіи онъ былъ провозглашенъ *Римскимъ Королемъ*, и дворъ, заблаговременно составленный, окружилъ его колыбель. Лица знатнѣйшихъ фамилій почитали величайшею почестью называться камергерами, кавалерами, почетными дамами и нянками при сынѣ Наполеона. Рожденіе римскаго короля сопровождалось тѣмъ самымъ церемоніаломъ, какой употреблялся въ подобныхъ случаяхъ при старомъ французскомъ дворѣ, и курьеры поскакали во всѣ столицы Европы, съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи. Многіе города Фран-

ціи узнали о немъ почти въ одно время съ Парижемъ, черезъ телеграфъ и тысячи объявленій, которыя съ высоты кидала воздухоплавательница Бланшаръ, поднявшаяся на аэростатѣ при первыхъ выстрѣлахъ, возвѣстившихъ рожденіе наполеонова сына. Радость двора, Парижа, цѣлой Франціи, выражалась праздненствами, молебствіями, одами поэтовъ французскихъ, италіянскихъ, нѣмецкихъ, и разными милостями и щедростями Наполеона. Города и всѣ сословія присылали торжественныя депутаціи поздравлять счастливаго отца. Въ числѣ такихъ депутацій, одна осталась особенно замѣчательна тѣмъ, что Наполеонъ высказалъ ей свои политическія намѣренія. 25 Марта представлялись ему фабриканты и купцы, предводимые знаменитымъ мануфактуристомъ Терно. Въ обаяніи счастія, въ чаду поздравленій и предвѣщаній самыхъ обольстительныхъ для самолюбія, Наполеонъ обыкновенно принималъ весело депутатовъ; но увидѣвъ представителей промышленности, которыхъ разстроивалъ своею системою и часто слышалъ жалобы отъ нихъ, онъ не далъ выговорить имъ ни слова и началъ рѣчь, почти безсвязную, прерывчатую, гдѣ выражались только страсти, обладавшія имъ. «А, Г. Терно!... мы знакомы съ вами! Ну, какъ идутъ дѣла? Вы вѣчно жалуетесь! А отъ чего? скоро хотите разбогатѣть, нажить миллионы въ одинъ годъ. Торговля — ремесло: надобны время, трудъ, бережливость для великихъ послѣдствій въ ней. Посмотрите на Англію: до чего дошла она съ своими отчаянными спекуляціями! Іенская битва,

присоединеніе Голландіи, Гамбурга, нанесли ей смертельные удары. Англія смѣялась надъ берлинскимъ и миланскимъ декретами моими . . . . Но я знаю свое дѣло; я зналъ, что готовлю гибель Англіи; она и близка теперь къ ней.»

Тутъ онъ остановился, и видя, что безмолвные негоціанты смотрятъ на него съ изумленіемъ, продолжалъ: «Знаю, что вы желаете мира. Людовикъ XIV и Людовикъ XV должны были бы давно заключить его; заключилъ бы и я, когда бы управлялъ только старою Франціею; но я наслѣдовалъ не королямъ, а Карлу Великому; я продолжаю французскую имперію — понимаете ли вы? У Людовика XIV былъ одинъ Брестъ; у меня берега всей Европы. Черезъ четыре года у меня будетъ морская сила, черезъ десять лѣтъ мы покоримъ Англію . . . . Посмотримъ, что сдѣлаютъ Американцы: поймутъ ли свои пользы! . . .»

Наполеонъ выражалъ мысли свои множествомъ словъ. Тутъ онъ опять остановился, и громко, съ рѣзкимъ выраженіемъ произнесъ: «Ни одна держава въ Европѣ не будетъ торговать съ Англіею. Полгода раньше или позже, я достану до нея: моя шпага довольно длинна. Я заключилъ тильзитскій миръ единственно потому, что Россія обязалась воевать съ Англіею. Я былъ побѣдитель, могъ идти въ Вильну, и ни что, кромѣ обязательствъ Россіи, не удержало бы меня. Я былъ добръ къ Императору Александру: не хотѣлъ идти въ Ригу, въ Петербургъ; но я *заставлю его сдержать тайныя обѣщанія*, данныя

мнѣ. У меня двѣсти милльоновъ, здѣсь, въ подвалахъ, и я всегда обутъ. Деньги нужны мнѣ не для кофе и шоколату. Я принужденъ былъ взять Ольденбургъ потому, что не могъ оставить части моихъ береговъ чуждому владѣтелю.»

Подолжая говорить о своихъ богатствахъ, о своей силѣ, о ненависти своей къ Англіи, угрожая всѣмъ, кто вздумаетъ противиться ему, Наполеонъ еще не далъ выговорить ни слова честнымъ негоціантамъ и мануфактуристамъ. Терно осмѣлился сказать объ упадкѣ дѣлъ, и Наполеонъ наговорилъ опять множество словъ, перемѣшанныхъ съ угрозами частнымъ лицамъ и государствамъ, несогласнымъ съ его системою.

Если непріятно было впечатлѣніе, произведенное рѣчью его въ тѣхъ, къ кому онъ обращалъ ее, то оно могло быть иначе значительно въ независимыхъ государствахъ, о которыхъ упоминалъ онъ, и особливо въ Россіи. Чего хотѣлъ онъ, въ самомъ дѣлѣ? Устрашить Императора Александра, публично высказавъ непріязненное къ нему расположеніе? Принудить его выйти на открытый бой? Нельзя предполагать ни того, ни другаго, и необдуманная выходка Наполеона показываетъ только, что сердце его тогда было уже переполнено непріязненнымъ чувствомъ противъ незыблемой твердости Императора Александра. Онъ еще не рѣшилъ самъ для себя вопроса, какъ принудить къ содѣйствію своимъ видамъ могущественнаго союзника, но уже былъ убѣжденъ, что единымъ средствомъ къ тому оставалась война. Слишкомъ

рано высказанная, тайная мысль его быстро распространилась по всей Европѣ. Желая сколько можно уменьшить ея дѣйствіе, онъ велѣлъ напечатать въ газетахъ рѣчь свою къ негоціянтамъ, измѣненную и смягченную во всѣхъ выраженіяхъ; кромѣ того, поручилъ своему послу въ Петербургѣ изъяснить русскому кабинету, что онъ обращался къ извѣстному классу лицъ, и желалъ только отвратить ихъ отъ сношеній съ Англіею, почему, говоря о Россіи, упомянулъ о *согласіи* съ нимъ Императора Александра, и о томъ, что *даже готовъ принудить его* къ дѣйствіямъ противъ британской торговли, *если бы* онъ сталъ уклоняться отъ того.

Въ желаніи Наполеона смягчить необдуманное выраженіе тайныхъ мыслей своихъ, видимъ, какъ хорошо понималъ онъ силу и характеръ русскаго императора. Но уже поздно было затмѣвать истину льстивыми словами. Императоръ Александръ вѣрно оцѣнивалъ свои отношенія къ Наполеону и слѣдовалъ неуклонно путемъ, какой предписывали ему обстоятельства. Когда французское посольство въ Петербургѣ, такъ же какъ и посольства въ другихъ столицахъ, должно было дать празднество по случаю рожденія сына наполеонова, Коленкуръ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Императора Александра, желалъ прежде знать, угодно ли будетъ Императору посѣтить его празднество? По личной благосклонности къ Коленкуру, Александръ отвѣчалъ, что готовъ быть у него гостемъ, но что онъ ждетъ отвѣта на письмо свое къ Наполеону; что

если посолъ обратится къ нему съ форменнымъ приглашеніемъ, то онъ, конечно, приметъ его; но если не получитъ удовлетворительнаго отвѣта изъ Парижа, то «въ день празднества *будетъ боленъ*. — И что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ,» прибавилъ онъ, «когда я поѣду танцовать у французскаго посла, между тѣмъ какъ французскія войска сближаются со всѣхъ сторонъ къ моимъ границамъ, и изъ Вѣны, изъ Парижа, отвсюду повторяютъ мнѣ сказанное императоромъ Наполеономъ на публичной аудіенціи, что онъ не станетъ говорить съ Русскими, что ему теперь нужнѣе Польша нежели Россія?... Слова императора къ торговому сословію также непріязненны для моей имперіи.... Что̀ говорите вы здѣсь, въ моемъ кабинетѣ, не уничтожаетъ того, что̀ говорится публично.... Пусть императоръ докажетъ мнѣ, что онъ точно дорожитъ мною и моимъ союзомъ, и я съ удовольствіемъ пріѣду къ вамъ, потому что желаю выразить дружество императору и Франціи.»

Послѣ такого объясненія Императора Александра, Коленкуръ почелъ необходимымъ отсрочить празднество свое, и какъ между тѣмъ пріѣхалъ его преемникъ, то въ Петербургѣ Французы и не праздновали рожденія короля римскаго.

Лористонъ привезъ съ собою не одни письма, уполномочивавшія его быть посломъ при русскомъ дворѣ, но и письмо Наполеона къ Александру, какими часто обмѣнивались они во время дружественныхъ сношеній своихъ. Оно запечатлѣно тѣмъ необыкно-

веннымъ характеромъ прямоты и откровенности, какимъ всегда отличалась переписка этихъ необыкновенныхъ историческихъ лицъ. Все сказано тутъ безъ словоизвитій, все выражаетъ сущность отношеній и служитъ подтвержденіемъ, что только сила обстоятельствъ разъединила ихъ, созданныхъ понимать другъ друга. Самая простота и даже фамиліарность выраженій Наполеона показываютъ, что онъ не почиталъ нужнымъ заслонять отъ Александра своихъ мыслей великолѣпными словами.

«Посылаю къ Вашему Величеству,» писалъ Наполеонъ, «человѣка не самаго искуснаго въ дѣлахъ, но «правдиваго и прямаго, какъ чувства мои къ Вамъ. А «между тѣмъ, я получаю каждый день изъ Россіи из«вѣстія не мирныя. Вчера, изъ Стокгольма увѣдомля«ютъ меня, что русскія дивизіи выступили изъ Фин«ляндіи, для сближенія къ границамъ Варшавскаго «Герцогства. Нѣсколько дней назадъ, пришло извѣстіе «изъ Бухареста, что четыре дивизіи вышли изъ Мол«давіи и Валахіи въ Польшу, и что на Дунаѣ остают«ся у Вашего Величества только четыре дивизіи. Та«кія событія подтверждаютъ, что *повтореніе* есть са«мая могущественная фигура Риторики. Вашему Вели«честву такъ много *повторяли*, будто я желаю Вамъ «зла, что довѣренность Ваша поколебалась. Русскіе «оставляютъ границы, гдѣ они необходимы, и идутъ «туда, гдѣ у нихъ только друзья! Я также долженъ «былъ подумать о моихъ дѣлахъ и принять мѣры. Про«тиводѣйствіе моихъ приготовленій заставитъ Ваше

«Величество усплить Ваши приготовленія. Ваша дѣя-«тельность отзовется здѣсь, побудитъ меня къ новымъ «наборамъ — и все это изъ призраковъ! Повторяется «то, что я видѣлъ въ 1806 году въ Пруссіи и въ «1809 въ Австріи. Что до меня, я останусь другомъ «Вашего Величества, когда бы судьба, увлекающая Ев-«ропу, и заставила оба народа наши взяться за ору-«жіе. Буду сообразоваться съ поступками Вашего Ве-«личества. *Не нападу никогда*, и войска мои не по-«двинутся, покуда Ваше Величество не раздерете тиль-«зитскаго договора. Я первый приведу себя въ безо-«ружное положеніе, и все устрою такъ, какъ было за «годъ, если Вашему Величеству угодно возвратиться «къ прежней довѣренности. Былъ ли поводъ раская-«ваться въ довѣренности Вашей ко мнѣ? Поручаю осо-«бенно графу Лористону засвидѣтельствовать, сколь-«ко я желаю Вамъ счастія, какъ мнѣ непріятно ду-«мать, что Вы безпокоитесь и тревожитесь отъ лож-«ныхъ свѣдѣній о моей политикѣ, и какъ былъ бы я «счастливъ, когда увидѣлъ бы Васъ на томъ же пути, «на которомъ видѣлъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ».

Почти въ одно время Наполеонъ перемѣнилъ своего посла въ Петербургѣ и передалъ министерство иностранныхъ дѣлъ новому лицу. 18 Апрѣля Шампаньи, герцогъ кадорскій, отправилъ послѣднюю депешу за своею подписью въ Петербургъ, и въ тотъ же день писалъ туда уже новый министръ, Маре, герцогъ бассанскій. Впрочемъ, при томъ направленіи, какое далъ Наполеонъ всѣмъ своимъ министерствамъ, и

особливо иностранному, откуда не отправлялась ни одна бумага не продиктованная имъ самимъ, или по крайней мѣрѣ не внушенная имъ непосредственно, перемѣна министра значила очень не много. Во все время властвованія Наполеона, у него было только три министра иностранныхъ дѣлъ: Талейранъ, хитрый, опытный, и удаленный имъ именно потому, что въ головѣ его было много самобытныхъ идей, такъ что онъ часто придавалъ собственно отъ себя направленіе дѣламъ, даже часто противорѣчилъ своему повелителю, предостерегая его отъ бурныхъ порывовъ; но Наполеонъ хотѣлъ безпрекословнаго повиновенія, видѣлъ въ Талейранѣ корыстолюбца, интриганта, напоминавшаго ему собой еще то положеніе, когда Талейранъ былъ аристократомъ въ отношеніи къ безвѣстному генералу Бонапарте — и замѣнилъ его пылкимъ, трудолюбивымъ Шампаньи, сохранившимъ отъ прежняго своего званія моряка откровенность и даже свободу въ выраженіяхъ. Онъ не придумывалъ самъ ничего, но не умѣлъ скрывать мыслей своихъ, когда онѣ противорѣчили его убѣжденіямъ, и потому не могъ оставаться министромъ Наполеона въ эпоху величайшихъ несправедливостей французской дипломатіи, когда декретами императора уничтожались царства, и когда сношенія со всѣми дворами приняли тонъ непогрѣшительныхъ буллъ папы. Наполеонъ увидѣлъ, что единственный человѣкъ, способный занимать при немъ должность министра иностранныхъ дѣлъ, былъ Маре, долго исправлявшій должность его секретаря, привыкшій къ его диктов-

кѣ, къ его выраженіямъ, которыя умѣлъ онъ сглаживать и приводить въ дипломатическія формы. Всѣ иностранныя дѣла сосредоточились тогда въ кабинетѣ Наполеона, и министръ сдѣлался простымъ секретаремъ его, хотя и былъ возведенъ изъ секретарей въ министры. Лично, Маре былъ человѣкъ съ умомъ, съ нѣкоторою образованностью, говорунъ въ гостиныхъ, любившій блистать и жить пышно. Онъ обходился со всѣми посланниками гордо, представлялъ себя великимъ аристократомъ, и окружалъ тайною всѣ дѣла кабинета, которыя однако жъ легко умѣли разгадывать искусные агенты иностранныхъ державъ.

Дипломатикѣ было въ то время особенно много дѣла. Видя неизбѣжность войны съ Россіею, Наполеонъ хотѣлъ соединить съ собой всѣ державы, которыя могли помогать ему въ борьбѣ съ сѣвернымъ исполиномъ, и надѣялся, что само соединеніе громадныхъ силъ устрашитъ Россію и побудитъ Императора Александра уступить его требованіямъ; съ другой стороны, державы европейскія, видя приближеніе грозной развязки въ борьбѣ Россіи съ Франціею, старались угадать, къ кому выгоднѣе пристать имъ, ибо, въ случаѣ неудачнаго выбора одного изъ двухъ могущественныхъ соперниковъ, неизбѣжная гибель ожидала ихъ въ будущемъ. Не всѣ имѣли свободу выбора: такъ владѣтели небольшихъ нѣмецкихъ княжествъ и герцогствъ, окруженные и наблюдаемые французскими войсками, должны были слѣдовать за знаменами Наполеона; но другія, второстепенныя дер-

жавы могли имѣть разныя побужденія, и до нѣкоторой степени отъ удачныхъ дѣйствій ихъ дипломатики зависѣли всѣ будущія ихъ выгоды.

Неизмѣнною союзницею Франціи оставалась Данія. Не только строго исполняла она тяжкія условія континентальной системы, но и во всѣхъ случаяхъ сообразжалась съ волею Наполеона. Когда онъ желалъ, чтобы нѣкоторое число датскихъ матросовъ служило на его корабляхъ, потому что Франція имѣла корабли, но нуждалась въ матросахъ, датское правительство немедленно исполнило его желаніе, и не одинъ разъ отправляло къ нему своихъ моряковъ, которые въ Даніи были почти безъ занятія, послѣ истребленія Англичанами флота въ Копенгагенѣ и тѣсной блокады, въ какой содержали они все королевство. Наполеонъ, съ своей стороны, оказывалъ особенное расположеніе датскому королю, и даже способствовалъ торговымъ оборотамъ его государства, выдавая дозволенія на вывозъ изъ Голштиніи колоніальныхъ товаровъ, конфискованныхъ и привозимыхъ на нейтральныхъ корабляхъ.

Отношенія съ Швеціею были иныя, и непріязненное расположеніе ея къ Франціи, бывшее причиной низверженія съ престола Густава Адольфа, не совсѣмъ прекратилось при новомъ королѣ и даже при новомъ наслѣдникѣ его, хотя онъ принадлежалъ къ участникамъ славы наполеоновой. Мы видѣли, что Бернадоттъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ шведскаго престола, лично выразилъ Наполеону твердое намѣреніе

свое думать только о пользахъ новаго своего отечества, и что Наполеонъ отпустилъ его почти безъ надежды имѣть въ немъ вѣрнаго союзника. Въ Октябрѣ 1810 года, онъ призвалъ къ себѣ шведскаго посланника въ Парижѣ, Лагербильке, и рѣшительно объявилъ ему, что Швеція должна быть въ войнѣ съ Англіею и закрыть для нея всѣ свои гавани, а не оставаться проводникомъ для товаровъ и интригъ. «Швеція страждетъ отъ континентальной системы, скажете вы», прибавилъ онъ — «а развѣ я не страждý отъ нея? А Франція, Бордо, Голландія, Германія развѣ не страждутъ? Потому-то и надобно кончить это; надобно, чего бы то ни стоило, возстановить миръ на морѣ .... Швеція единственная причина кризиса; она дѣлаетъ мнѣ зла больше нежели пять коалицій вмѣстѣ». Онъ говорилъ далѣе, что медлилъ настоятельнымъ требованіемъ только изъ уваженія къ наслѣдному принцу, щадя его народность въ новомъ отечествѣ; но теперь, когда его можно полагать въ пути, объявляетъ свое рѣшеніе шведскому правительству. «Выбирайте: пушечные выстрѣлы противъ Англичанъ, которые приближатся къ вашимъ берегамъ, конфискація ихъ товаровъ, или война съ Франціею. Пусть Швеція дѣйствуетъ какъ знаетъ: вступитъ въ явный союзъ съ Англіею, противъ меня и моихъ союзниковъ, или присоединится къ намъ противъ Англіи.» Онъ предупредилъ Лагербильке, что французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Алькіе, потребуетъ категорическаго отвѣта, и если отвѣтъ будетъ не удовлетво-

рителеп, опъ черезъ пять дпей выѣдетъ. «Открытая война, или вѣрная дружба: вотъ мои послѣдпія слова!» сказалъ Наполеонъ въ заключеніе.

Послѣ такого неотклонимаго требованія, Швеція объявила, 18 Декабря 1810 года, войну Англіи. Между тѣмъ шведскій наслѣдный принцъ, по пріѣздѣ въ Стокгольмъ, написалъ нѣсколько писемъ къ Наполеону, говорилъ о жалкомъ положеніи многихъ частей своего гоосударства, о невозможности вести войну, при совершенномъ разстройствѣ финансовъ, и явно намекалъ, что только получая субсидіи отъ Франціи, Швеція можетъ открыть военныя дѣйствія противъ Англіи. Наполеонъ не внималъ дружескимъ увѣреніямъ наслѣднаго принца, зная, что въ то же время онъ предлагаетъ Даніи торговать посредствомъ англійскихъ *дозволеній* (licences), и не принимаетъ почти никакихъ мѣръ противъ контрабанды въ Готенбургѣ. Какъ бы желая напомнить наслѣдному принцу свои отношенія къ нему, Наполеонъ велѣлъ своему посланнику въ Стокгольмѣ объявить шведскому министерству, «что императоръ не ведетъ переписки ни «съ однимъ наслѣднымъ принцемъ. Дѣла должны идти «обыкновеннымъ путемъ, черезъ министровъ: такъ по«ступаетъ онъ даже съ королями, своими братьями.» Далѣе, Алькіе долженъ былъ дать почувствовать, какъ смѣшно объявленіе войны, не только безъ военныхъ дѣйствій, но даже съ новыми облегченіями для контрабандной торговли. «Императоръ сказалъ смѣясь, прибавлялъ министръ, что Швеція объявила войну не

Англіи, а ему. Правительство только ослабляетъ себя въ мнѣніи народа, торжественно обѣщаясь вести войну, и явно уклоняясь отъ нея. Лучше было бы открытое сопротивленіе волѣ императора.»

Колебаніе въ поступкахъ шведскаго правительства происходило отъ того, что наслѣдный принцъ, скоро сдѣлавшійся душою всѣхъ дѣлъ, еще не имѣлъ времени ознакомиться съ новымъ своимъ положеніемъ, и кажется склоненъ былъ сохранить союзъ съ Франціею, больше нежели съ какою либо другою державою, покуда не былъ окончательно отдѣленъ отъ Франціи неумѣстными, самовластными поступками ея повелителя. Отказывая во всѣхъ требованіяхъ и желаніяхъ Швеціи, Наполеонъ, какъ видимъ, не удостоивалъ наслѣднаго принца даже отвѣтомъ на его письма. Наконецъ, послѣ многихъ поступковъ, показывавшихъ искреннее желаніе принца сохранить союзъ съ Франціею, Наполеонъ написалъ ему гордое письмо, гдѣ однако жъ обѣщалъ разныя пособія и содѣйствіе свое къ пользамъ Швеціи. Сближенію двухъ старинныхъ соперниковъ весьма много содѣйствовалъ умный и уважаемый всѣми министръ шведскій, баронъ Энгестремъ; но, къ несчастію, посланникъ французскій при шведскомъ дворѣ, Алькіе, своею нестерпимою заносчивостью и непріязненными донесеніями, разрушалъ все, что могло способствовать искренности сношеній между обоими дворами, и едва не довелъ ихъ до явнаго разрыва, при одной непріятной случайности. Въ Стральзундѣ, французскіе корсеры захватили шведскій ко-

рабль съ контрабандою, причемъ произошла драка, гдѣ замѣшались и шведскіе конскрипты. Алькіе представилъ обыкновенную таможенную драку важнымъ событіемъ, и въ слѣдствіе того получилъ приказаніе требовать удовлетворенія. Къ тому присовокуплялись всегдашнія жалобы Наполеона на слабость мѣръ противъ Англичанъ. Шведское правительство оправдывалось, но оставило безъ наказанія виновниковъ происшествія въ Стральзундѣ. Посланникъ получилъ отъ своего министерства новое предписаніе: потребовать удовлетворенія отъ шведскаго правительства, и написалъ ноту, столько оскорбительную для Швеціи, что баронъ Энгестремъ не почелъ приличнымъ представить ее королю, и извѣстилъ о томъ французскаго посланника, замѣтивъ, что нота его не только оскорбительна для шведскаго правительства, но и противна всѣмъ правамъ народовъ. Алькіе не могъ скрыть истины отъ Наполеона, но представилъ ему въ такомъ видѣ свои сношенія и разговоры съ наслѣднымъ принцомъ, что, предубѣжденный многолѣтнею непріязнію къ бывшему своему маршалу, Наполеонъ пересталъ думать о дружеской связи съ нимъ. Онъ призналъ однако жъ необходимымъ смѣнить Алькіе, и назначилъ его посланникомъ въ Копенгагенъ; но притомъ онъ строго осуждалъ его поведеніе при шведскомъ дворѣ. «Не могу скрыть отъ васъ, писалъ ему министръ иностранныхъ дѣлъ, Маре, отъ 4 го Ноября 1811 года, что императоръ не одобряетъ послѣднихъ вашихъ поступковъ. Онъ думаетъ, что вы не сохранили при-

личной умѣренности въ личныхъ и оффиціальныхъ сношеніяхъ съ барономъ Энгестремомъ, дѣйствовали поспѣшно, и не оправдали довѣрія къ вашей опытности въ дѣлахъ. Велика ошибка ваша и въ томъ, что правительство принуждено отозвать васъ. Основываясь на свѣдѣніяхъ не совсѣмъ точныхъ, вы говорили положительно, и приняли на себя отвѣтственность въ дѣлѣ, важномъ послѣдствіями... Нѣкоторыя изъ вашихъ выраженій могли оскорбить шведское правительство, и вы затѣяли войну на перьяхъ, которая только вредила разсужденіямъ.»

Когда французская дипломатика дѣйствовала такъ неудачно въ Стокгольмѣ, и Наполеонъ не хотѣлъ измѣнить гордыхъ отношеній своихъ къ наслѣдному принцу, противники Франціи воспользовались тѣмъ съ большимъ искусствомъ. Наполеонъ не подавалъ даже надежды, что онъ когда нибудь согласится отнять Норвегію у Даніи и присоединить ее къ Швеціи, чего желалъ наслѣдный принцъ, въ случаѣ союза съ Франціею, и обѣщалъ за то выставить шестидесятитысячную армію, когда бы у Наполеона открылась война съ Россіею; наконецъ, Швеція готова была ограничиться присоединеніемъ отъ Норвегіи дронтгеймскаго епископства; но императоръ Французовъ не хотѣлъ слышать о томъ, а посланникъ его подавалъ оскорбительныя ноты шведскому кабинету. Въ то же время, русское правительство изъявляло самое дружественное расположеніе Швеціи, и не обѣщая ничего положительно, соглашалось заключить съ нею союзный

договоръ, гдѣ могли быть объяснены будущія послѣдствія его. Англія, не смотря на войну, объявленную ей Швеціею, оказывала наслѣдному принцу самую дружескую предупредительность, и маркизъ Веллеслей даже присылалъ барону Энгестрему всѣ письма Густава IV, писанныя имъ изъ Англіи на твердую землю. Въ такихъ отношеніяхъ можно было предвидѣть, что Швеція не останется союзницею Франціи.

Не больше можно было надѣяться на союзъ съ Турціею. По какой-то непостижимой безпечности, Наполеонъ мало обращалъ вниманія на отношенія свои къ ней: у него даже не было тамъ посланника, а только повѣренный въ дѣлахъ (Латуръ-Мобуръ), который не имѣлъ достаточныхъ полномочій и наставленій, отъ чего Турція, видя неисполненными обѣщанія и увѣренія императора Французовъ, постепенно охлаждалась въ расположеніи къ нему. Утомленная продолжительною войною съ Россіею, она готова была заключить съ нею миръ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Увидимъ, какъ Наполеонъ, замѣтивъ ошибку свою въ этомъ отношеніи, вдругъ окажетъ необыкновенную дѣятельность къ возбужденію Турціи противъ Россіи, но слишкомъ поздно.

Еще удивительнѣе было ослѣпленіе его на счетъ Испаніи. Тамъ царствовалъ братъ его, но только при помощи многочисленныхъ французскихъ армій, и для самаго недальновиднаго ума было ясно, что удаленіе войскъ, и даже ослабленіе ихъ на Полуостровѣ, немедленно передастъ Испанію кортесамъ, дѣятельно

вспомоществуемымъ Англіею. Самъ король Іосифъ былъ до такой степени убѣжденъ въ невозможности продолжать свою тягостную роль, что, въ концѣ 1810 года, просилъ Наполеона принять отрѣченіе его отъ испанскаго престола. Онъ хотѣлъ купить во Франціи помѣстье, и жить тамъ въ спокойномъ состояніи частнаго лица. Наполеонъ отказалъ ему въ желаніи его, и даже не хотѣлъ, чтобы онъ пріѣхалъ во Францію; но Іосифъ, послѣ многихъ объясненій, письменныхъ и словесныхъ, съ французскимъ посланникомъ, выѣхалъ изъ Мадрида, 23 Апрѣля, и прибылъ неожиданно въ Парижъ. Онъ имѣлъ нѣсколько тайныхъ совѣщаній съ Наполеономъ, которыхъ слѣдствіемъ было возвращеніе его въ Испанію съ нѣкоторыми новыми пособіями. Наполеонъ далъ денегъ ему, и назначилъ главнымъ предводителемъ войскъ своихъ въ Испаніи маршала Журдана, подъ верховнымъ начальствомъ короля. Какъ обласканное дитя, Іосифъ могъ склониться на убѣжденія всесильнаго своего брата; но чего ожидалъ самъ Наполеонъ отъ такого образа дѣйствій? Неужели не видѣлъ онъ невозможности обладать Испаніею непосредственно, и не могъ, въ гордости своей, склониться на устройство ея инымъ образомъ, къ существенной пользѣ своей? Но, какъ бы ни было, надлежало дѣйствовать рѣшительно: или отказаться отъ Испаніи, укрѣпивъ союзъ съ нею въ лицѣ Фердинанда, котораго иногда думалъ онъ возстановить на престолѣ, или завоевать ее, уничтожить, или, наконецъ, бросить собственному ея жребію, только оградивъ

свои границы. Напротивъ, Наполеонъ оставался при полумѣрахъ! И въ какое время: когда готовился къ неизмѣримой борьбѣ съ Россіею. Кажется, вразумить его могли бы всѣ событія въ Испаніи въ продолженіе 1811 года — они были не славны для оружія наполеонова.

Мы видѣли, что въ началѣ 1811 года Французы обладали всею Испаніею: Сультъ стоялъ противъ Кадикса, занятаго Англичанами и Испанцами; Массена, послѣ неудачнаго похода своего въ Португалію, расположился по берегамъ Таго, около Альменды; Сюше господствовалъ въ Аррагоніи; крѣпости были покорены; но все это было лишь насильственное обладаніе непріязненною страною, и при первомъ случаѣ надобно было снова начинать войну на всѣхъ пунктахъ. Въ Январѣ Сультъ взялъ Оливенцу, разбилъ 12-ти тысячный корпусъ Мендизабала (18 Февраля) и взялъ Бадахосъ (11 Марта). Но онъ принужденъ былъ спѣшить къ Кадиксу, гдѣ Англичане угрожали оставленному имъ блокадному корпусу. Викторъ удачно отбился отъ направленныхъ на него силъ, и даже поразилъ отрядъ Грагама, искусно отрѣзанный имъ отъ главнаго корпуса. На возвратномъ пути, Сультъ разбилъ Испанцевъ Балластероса около Севильи. Между тѣмъ Веллингтонъ, имѣя 40 тысячь англійскихъ войскъ и столько же португальскихъ, началъ наступательныя дѣйствія противъ Массены, въ войскахъ котораго господствовали недостатки и лишенія всякаго рода, а начальники ихъ ссорились между собою. Вел-

лингтонъ обложилъ Альменду, гдѣ Массена оставилъ Гренье съ 3-хъ тысячнымъ гарнизономъ; но вскорѣ, подкрѣпленный свѣжими войсками, онъ самъ атаковалъ Веллингтона (5 Мая), и хотя былъ отбитъ, но безъ потери отступилъ, присоединивъ къ себѣ гарнизонъ Альменды. Бересфордъ, отряженный съ 25-ю тысячами Португальцевъ къ Бадахосу, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ Сульта, на котораго обратился и Веллингтонъ, оставивъ у Альменды 20-ти тысячный корпусъ, подъ командою Спенсера. Но дѣйствія его были медлительны, и покуда онъ неудачно приступалъ къ Бадахосу, Сультъ успѣлъ соединиться съ Мармономъ, назначеннымъ вмѣсто Массены, и обратившимъ большую часть своихъ войскъ на югъ, куда пришелъ также генералъ Друэ съ 9-мъ корпусомъ. Мармонъ и Сультъ, имѣя 60 тысячь войска, принудили Веллингтона отступить въ Португалію. Отдѣлившійся отъ него съ 6000 человѣкъ Блакъ, вмѣстѣ съ Балластеросомъ, осаждали Севилью и Гренаду; но возвращеніе Сульта въ Андалузію принудило ихъ оставить свои предпріятія. Блакъ, съ усиленнымъ до 20-ти тысячь корпусомъ, снова подступилъ къ Гренадѣ, но 19 Августа былъ на-голову разбитъ Сультомъ. Мармонъ отошелъ къ Пласенсіи и маневрировалъ противъ Веллингтона до поздняго времени года, когда войска его заняли квартиры вокругъ Саламанки. Дивизія Жирара, отряженная Сультомъ противъ испанскаго корпуса Кастаньоса, заставила его отступить, но 28 Октября была разбита Гиллемъ при Молино-дель-Аройо.

Въ Декабрѣ Сультъ сдѣлалъ неудачную попытку противъ Тарифы, и развлекъ свои силы преслѣдованіемъ корпуса Гилля, между тѣмъ какъ Веллингтонъ, воспользовавшись отдѣленіемъ значительнаго корпуса отъ войскъ маршала въ Аликанте, взялъ приступомъ Ціудадъ-Родриго (21 Декабря). Въ Каталоніи инсургенты дѣйствовали съ успѣхомъ и овладѣли Фигіерою, которую Макдональдъ отбилъ у нихъ не прежде конца Августа. Героемъ войны въ Испаніи и въ этомъ году оставался Сюше. Онъ разсѣялъ многочисленныя полчища инсургентовъ, и взялъ (28 Іюня) Таррагону, защищаемую 320-ю орудіями, 12-ти тысячнымъ гарнизономъ отборныхъ войскъ, и неприступнымъ положеніемъ самой крѣпости. Наполеонъ произвелъ его въ маршалы, и поручилъ ему овладѣть Валенсіею, для чего подкрѣпилъ двумя дивизіями изъ Франціи и приказалъ Мармону отдѣлить отъ своихъ войскъ три дивизіи. На пути къ Валенсіи, Сюше овладѣлъ Оропезою и обложилъ Сагунтъ. Два приступа его къ этому укрѣпленному замку были отбиты, и Блакъ, занимавшій Валенсію многочисленнымъ гарнизономъ, вышелъ оттуда съ 25-ю тысячами на освобожденіе Сагунта. Сюше двинулся противъ него, разбилъ его и захватилъ 12 орудій и 6 тысячъ плѣнныхъ. Сагунтъ сдался на другой день, 26 Октября. Сождавъ прибытія войскъ изъ Франціи, Сюше устремился противъ Блака, съ 30-ю тысячами стоявшаго по берегу Гвадалавьяра, отъ Маниссы до моря. 25 Декабря Сюше напалъ на Испанцевъ, отбросилъ часть ихъ къ морю

и принудилъ Блака запереться въ Валенсіи. Угрожаемый штурмомъ, Блакъ сдалъ городъ на капитуляцію, причемъ 19 тысячь гарнизона и 380 орудій достались побѣдителю. Войска Мармона не подоспѣли ко времени и почти безъ пользы возвратились къ своей арміи.

Чтò представляли всѣ эти удачи и неудачи наполеоновыхъ войскъ въ Испаніи? Отчаянное сопротивленіе инсургентовъ, мужественное и благоразумное содѣйствіе имъ Англичанъ, наконецъ безконечную войну, причемъ тщетно растрачивалась храбрость войскъ французскихъ, которыя гибли не столько отъ оружія непріятелей, сколько отъ всякихъ лишеній и народнаго возстанія. Правда, что справедливое и разсудительное управленіе Сульта и Сюше въ завоеванныхъ ими областяхъ, начинало мирить Испанцевъ съ новымъ порядкомъ вещей; но всѣ остальныя области пылали ненавистью къ Французамъ, и возбуждаемыя народнымъ правительствомъ, подкрѣпляемыя Англичанами, не подавали надежды къ спокойному обладанію ими. Словомъ, Испанія оставалась *непріятельскою* землею для Наполеона, и братъ его Іосифъ былъ мечтательнымъ королемъ ея: тамъ господствовали французскія войска, а не онъ. Необходимо казалось устроить какимъ нибудь образомъ испанскія дѣла; но Наполеонъ, приготовляясь къ рѣшительной борьбѣ съ Россіею, не принималъ почти никакихъ мѣръ къ тому, и оставлялъ въ Испаніи великую и лучшую часть войскъ своихъ. Могъ ли онъ почитать Испанію своею союз-

ницею, хотя въ ней и царствовалъ приверженный къ нему братъ его?

И такъ, кромѣ Англіи и Испаніи, бывшихъ въ непримиримой войнѣ съ Наполеономъ, Швеція и Турція были ненадежными его союзницами, и по всѣмъ соображеніямъ могли не только остаться простыми зрительницами предстоявшей борьбы, но и усилить число открытыхъ непріятелей Франціи.

Могъ ли Наполеонъ надѣяться на вѣрный союзъ и тѣхъ двухъ государствъ средней Европы, которыя, по своей значительности и по своему географическому положенію, были для него важнѣе всѣхъ другихъ? Могъ ли онъ полагать, что Австрія и Пруссія будутъ искренно содѣйствовать ему, и не возстанутъ противъ него при первой его неудачѣ? Онъ самъ довелъ Пруссію до крайняго истощенія и униженія, самъ ограничилъ число ея войскъ, такъ, что она даже не могла содѣйствовать ему большими силами, но, при общемъ возстаніи, имѣя нѣсколько милліоновъ враждебныхъ ему жителей, могла сдѣлаться страшнымъ для него непріятелемъ. Почти въ такомъ же отношеніи была къ нему Австрія, обезсиленная, раззоренная, обрѣзанная имъ, но еще остававшаяся однимъ изъ первостепенныхъ европейскихъ государствъ. Наполеонъ былъ столько опытенъ, что не могъ почитать надежною порукою въ приверженности Австріи своего родственнаго союза съ императоромъ ея; а, между тѣмъ, она могла придать рѣшительный перевѣсъ въ громадной войнѣ съ Россіею.

Безпристрастно разсматривая тогдашнее положеніе Европы, видимъ, что, нравственно, почти всѣ государи и всѣ народы были врагами Наполеона: одни оставались въ открытой борьбѣ съ нимъ, другіе были самыми ненадежными или двусмысленными его союзниками, и всѣ остальные сохраняли миръ только подъ гнетомъ желѣзной его власти. Неужели можно полагать, что геніальный умъ его не видѣлъ такого положенія дѣлъ? Неужели можно допустить ребяческую мысль, что онъ ослѣплялъ себя гордостью театральнаго героя или китайскою увѣренностью въ послушности цѣлаго міра?

Нѣтъ, все видѣлъ, все понималъ онъ очень хорошо, и потому-то приступалъ къ борьбѣ съ Россіею неохотно, потому испытывалъ всѣ средства для сохраненія съ нею мира *на новыхъ условіяхъ своей политики*, и думалъ начать войну для достиженія къ той же цѣли, но не иначе, какъ съ самыми надежными средствами для успѣха. Новыми условіями его политики было: безпрекословное согласіе со всѣми дѣйствіями его самовластія и самоуправства въ Европѣ, и какъ одна Россія на европейскомъ материкѣ сохраняла свою независимость, то Наполеонъ и почиталъ необходимымъ вынудить ея согласіе силою оружія. Будемъ ли осуждать великаго человѣка за его ослѣпленіе, за его мысль, противную уставамъ Божескимъ и человѣческимъ? Нѣтъ! онъ постепенно увлекся своими успѣхами, своею безпримѣрною силою, и наконецъ даже не постигалъ, какъ могъ кто нибудь не соглашаться съ его

обширными намѣреніями? Цѣль — сдѣлать Францію первою державою въ мірѣ, оправдывала въ глазахъ его средства, и онъ почиталъ себя *въ правѣ*, когда имѣлъ только *силу* дѣйствовать самовластно. Сокрушивъ всѣ препятствія на пути своемъ, онъ наконецъ сталъ лицомъ къ лицу съ могущественнымъ соперникомъ — Императоромъ Александромъ. Съ сей минуты, исторія не одного Наполеона, но и всей Европы, сосредоточивается въ великой борьбѣ ихъ, и всѣ интересы дѣлаются частными обстоятельствами въ роковой распрѣ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію громадныхъ событій въ борьбѣ двухъ могущественныхъ соперниковъ, еще недавно союзниковъ и друзей — отдадимъ дань удивленія и хвалы безсмертному русскому Императору Александру. Онъ *одинъ* былъ постоянно вѣренъ своему высокому призванію, готовъ на всѣ благородныя уступки, упрочивавшія спокойствіе Европы, и твердъ въ защитѣ своего праваго дѣла. Онъ не устрашался ни великихъ силъ своего непріятеля, ни военнаго генія его, ни опасностей, какимъ подвергалъ себя въ предстоявшей борьбѣ.

Отдадимъ справедливость и Наполеону въ томъ, что онъ вполнѣ оцѣнивалъ личный характеръ Императора Александра, не хотѣлъ быть его непріятелемъ, и, повинуясь роковымъ убѣжденіямъ своимъ, зналъ вполнѣ трудность подвига — побѣдить такого соперника, какъ Александръ, и такой народъ, какъ Русскіе. Дѣйствія его въ отношеніи къ другимъ держа-

вамъ и въ отношеніи къ Россіи, подтвердятъ слова наши лучше всякихъ иныхъ доказательствъ.

До 1811 года онъ надѣялся сохранить миръ съ Россіею и не приступалъ ни къ какимъ союзамъ противъ нея, ни къ какимъ переговорамъ, клонившимся къ тому. Въ началѣ 1811 года, Турція обратилась къ вѣнскому кабинету, желая посредничества его въ переговорахъ о мирѣ съ Россіею. Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ сообщить о томъ Наполеону, и тогда въ первый разъ онъ косвенно далъ почувствовать, что желалъ бы удостовѣриться въ расположеніи самой Австріи, на случай разрыва мирныхъ сношеній его съ Россіею. Онъ упоминалъ, что согласился на присоединеніе къ ней Молдавіи и Валахіи, когда былъ во враждѣ съ Австріею, но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. «Франція «тягостно видѣть такое увеличеніе Россійской Имперіи, «тѣмъ болѣе, что, по смыслу послѣдняго указа о тариффѣ, французскія шелковыя ткани и другіе товары будутъ недоступны для Молдавіи и Валахіи. Есть ли «надежда, что въ будущемъ году Порта еще можетъ защитить эти области? Кромѣ ихъ, не лишится «ли она и Сербіи? Франція не можетъ заступаться за «Молдавію и Валахію, не рассорившись съ Россіею «и не побудивъ ее къ миру съ Англіею, слѣдствіемъ «чего была бы неизбѣжная война ея съ Франціею. «Впрочемъ, Россія теперь едва ли и можетъ спокойно «отказаться отъ Молдавіи и Валахіи, которыя очень «не важны для Франціи, но для Австріи составляютъ «предметъ ближайшихъ пользъ, и потому-то надобно

«знать, *на какія усилія готова она рѣшиться,* и что «можетъ сдѣлать?... *Не устрашится ли войны съ «Россіею?...»* Эти слова изъ письма Наполеона къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, писаннаго въ концѣ Февраля 1811 года, показываютъ, что мысль о войнѣ съ Россіею созрѣла въ умѣ его до такой степени, что онъ почиталъ нужнымъ удостовѣриться въ союзѣ одной изъ главныхъ европейскихъ державъ. Австрійское министерство отвѣчало уклончиво, ссылаясь на совершенное истощеніе денежныхъ средствъ, но не отказывалось слѣдовать политикѣ Франціи. Наполеонъ приписалъ такой отвѣтъ хитрымъ намѣреніямъ перваго министра Австріи, и приказывая своему послу въ Вѣнѣ поддерживать переговоры въ смыслѣ ближайшаго союза съ Австріею, велѣлъ въ то же время наблюдать за нѣкоторыми изъ знатныхъ Русскихъ, жившихъ въ Вѣнѣ въ большой дружбѣ съ графомъ Меттернихомъ.

Когда Наполеонъ желалъ и даже изыскивалъ союза съ Австріею, прусскій кабинетъ самъ предлагалъ ему заключить союзный договоръ. Наполеонъ съ недовѣрчивостью принялъ такія предложенія, и имѣлъ на то основательныя причины. Если первый министръ прусскій, баронъ Гарденбергъ, искренно заботился утвердить союзъ съ Франціею, то дворъ, остальное министерство, и вся Пруссія были совершенно противнаго мнѣнія. Кромѣ того, въ Пруссіи существовалъ тайный союзъ избранныхъ патріотовъ, извѣстный подъ названіемъ *Союза добродѣтели*

(Tugendbund), имѣвшій во главѣ знаменитаго барона Штейна, и членами множество извѣстныхъ лицъ и пламенныхъ, образованныхъ молодыхъ людей, такъ что онъ составлялъ могущество, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ многихъ дѣлъ. Отрасли Союза простирались на всѣ области Пруссіи, и главною мыслью его было одушевленіе народа ненавистью противъ Наполеона, а цѣлью низверженіе ига Французовъ, тяготѣвшаго надъ Пруссіею. Потому-то въ Парижѣ холодно встрѣтили предложенія Пруссіи о союзѣ. Наполеонъ выразилъ благосклонность свою прусскому посланнику барону Круземарку, но прибавилъ, что нѣтъ никакихъ поводовъ къ разрыву союза его съ Россіею, и онъ желаетъ другихъ доказательствъ искренняго расположенія Пруссіи. Онъ требовалъ тысячи матросовъ для своего флота, и усиленія строгости противъ англійской контрабанды; онъ упорствовалъ въ томъ, чтобы Пруссія не увеличивала числа своихъ войскъ, покуда онъ не предвидитъ войны съ Россіею, единственнаго случая, гдѣ они могли быть ему полезны. Но таково было несчастное положеніе Пруссіи, что только *не гнѣвъ* Наполеона служилъ для нея ободреніемъ, и барону Круземарку было предписано пояснить французскому министерству, что, при нѣкоторомъ облегченіи, Пруссія можетъ выставить до ста тысячь войскъ, готовыхъ идти за знаменами Наполеона; и если императоръ Французовъ обяжется подтвердить неприкосновенность владѣній Пруссіи, то войска ея будутъ присоединяться къ нему во всѣхъ войнахъ его въ Гер-

маніи и *противъ смежныхъ съ Пруссіею государствъ.*

Довольный услужливыми предложеніями Пруссіи, Наполеонъ ждалъ развитія новыхъ отношеній своихъ къ Россіи. Между тѣмъ, нерѣшительные отвѣты Австріи не удовлетворяли его, а несогласія съ Россіею увеличивались болѣе и болѣе. Вся Европа знала о томъ, но причины несогласія еще оставались тайною дипломатическихъ переговоровъ. Тогда-то Наполеонъ рѣшился однимъ ударомъ разрубить два политическіе узла: пояснить свои отношенія къ Россіи и заставить Австрію невозвратно присоединиться къ политикѣ Франціи, или по крайней мѣрѣ — выразиться положительно. Въ день торжествованія своего тезоименитства, 3-го Августа 1811 года, когда въ тюльерійскомъ дворцѣ былъ большой съѣздъ, гдѣ присутствовалъ и весь дипломатическій корпусъ, Наполеонъ подошелъ къ русскому послу, князю Куракину, и громко началъ съ нимъ разговоръ, сначала о проискахъ Англіи, о ложныхъ извѣстіяхъ, печатаемыхъ въ англійскихъ газетахъ, и потомъ вдругъ обратился къ войнѣ Россіи съ Турціею и послѣднимъ событіямъ на Дунаѣ, говоря, что онъ не понимаетъ ихъ: «А я какъ дикарь: недовѣрчивъ къ тому, чего не понимаю (Je suis comme l'homme de la nature: ce que je ne conçois pas excite ma défiance), прибавилъ онъ. Князь Куракинъ старался объяснить незначительность успѣховъ русской арміи растяженіемъ силъ на большомъ пространствѣ, и недостаткомъ финансо-

выхъ средствъ для войны. Тогда Наполеонъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ выразительно: «Если бы вы говорили оффиціально, я показалъ бы видъ, что вѣрю вамъ; но какъ разговоръ нашъ искренній, то скажу вамъ просто, что вы разбиты отъ недостатка въ войскахъ, а войскъ недостаетъ у васъ отъ того, что вы услали пять дивизій въ Польшу, не потому, что у васъ нѣтъ финансовыхъ средствъ, *а потому что хотите угрожать мнѣ.*» Тутъ онъ началъ повторять, что точно такъ же угрожала ему Пруссія, увлекаясь какимъ-то непостижимымъ безпокойствомъ, и довела себя до гибели. «Не знаю,» продолжалъ онъ, «счастье-ли, храбрость-ли моихъ войскъ, или то, что я знаю военное ремесло, но я всегда имѣлъ успѣхъ въ войнѣ. Не говорю, что я разобью васъ; говорю: мы будемъ сражаться. Вы знаете, что у меня есть деньги, что у меня восемь сотъ тысячь войска, что каждый годъ я имѣю вновь двѣсти пятьдесятъ тысячь конскриптовъ, что, слѣдовательно, я могу увеличить мою армію въ три года семью стами тысячь человѣкъ, а этого достаточно продолжать войну въ Испаніи и воевать съ вами. Если надѣетесь на Австрію, то, кажется, вы въ ошибкѣ: Австрія явится на сцену и начнетъ войну развѣ для того только, чтобы взять обратно уступленное вамъ въ послѣднюю войну.» Произнося сіи слова, Наполеонъ глядѣлъ на князя Шварценберга, который молча слушалъ его. Князь Куракинъ сталъ говорить, что русскій императоръ вѣрно исполняетъ обязанности союзника. «Да,

возразилъ Наполеонъ, вы «всегда увѣряете въ томъ моихъ посланниковъ, но иначе говорятъ и событія, и вашъ протестъ противъ присоединенія Ольденбургскаго Герцогства: вы передали его всѣмъ дворамъ и обвиняете въ немъ меня публично, а я не долженъ былъ принять его, потому что могу почитать не инымъ чѣмъ, какъ объявленіемъ войны.» Русскій посолъ вошелъ въ подробное объясненіе правъ своего государя на Ольденбургское Герцогство, и заключенныхъ о томъ трактатовъ съ Даніею. Наполеонъ внимательно выслушалъ его, и откровенно сознался, что *не зналъ* такихъ тѣсныхъ связей Россіи съ Ольденбургомъ, а если бы зналъ, то никогда не присоединилъ бы его къ своимъ владѣніямъ. Онъ говорилъ, что не понимаетъ, почему герцогъ такъ дорожитъ своею землею, окруженною Французскими войсками и таможнями, почему отказывается взять за нее другія земли, и какъ можетъ сдѣлаться такой предметъ поводомъ къ войнѣ; что, съ своей стороны, онъ готовъ на всякое вознагражденіе. — «Но, прибавилъ онъ, не думайте, что я вознагражу за Ольденбургъ чѣмъ нибудь изъ Польши: лучше война! Никогда не уступлю я ни одной деревни Варшавскаго Герцогства: я ручался въ неприкосновенности его.» Посолъ возразилъ, что онъ извѣститъ свой дворъ о намѣреніяхъ Наполеона. «Вашъ дворъ давно знаетъ то, что я говорилъ теперь,» сказалъ Наполеонъ: «то же самое говорилъ я Чернышеву, графу Шувалову, и посланники мои четыре мѣсяца повторяютъ то же.» Онъ утвер-

ждалъ далѣе, что Россія должна удовлетворить его въ двухъ предметахъ: отозвать съ польской границы войска, посланныя туда, и уничтожить протестъ за Ольденбургъ, и что отъ этихъ двухъ требованій онъ не отступится.

Разговоръ Наполеона съ княземъ Куракинымъ продолжался ровно два часа, и весь былъ направленъ имъ къ обвиненію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя обвиненія были такъ нелѣпы, что, вѣроятно, самъ онъ не вѣрилъ имъ. Между прочимъ, онъ сказалъ, что Россія хочетъ присоединить къ себѣ Варшавское Герцогство и Данцигъ, и что всѣ дѣйствія русскаго кабинета показываютъ непріязненность, которой нельзя умирить ни чѣмъ.

Различны были сужденія о поступкѣ Наполеона, который съ намѣреніемъ придалъ ему такую торжественность. Но онъ достигъ своей цѣли: вся Европа узнала о несогласіяхъ его съ Россіею, и даже о причинахъ несогласій, дошедшихъ почти до явнаго разрыва. Въ такомъ положеніи дѣлъ между двумя великими имперіями, каждый европейскій кабинетъ долженъ былъ выразиться окончательно: того и желалъ Наполеонъ. Напряженное состояніе, не война и не миръ, было тягостно даже для его громадныхъ средствъ, и сколько ни продолжалось бы оно, надобно было перейти къ положительному и обыкновенному ходу политики каждаго государства. Императоръ Александръ, извѣстившись о разговорѣ Наполеона съ княземъ Куракинымъ, велѣлъ напомнить императору

Французовъ, что онъ, какъ нарушившій тильзитскій договоръ присвоеніемъ Ольденбургскаго Герцогства, долженъ самъ представить достаточное вознагражденіе за него, а не ожидать въ этомъ отношеніи вызова Россіи; что императоръ россійскій остается неколебимъ въ союзѣ съ Франціею и готовъ выслушать все, что предложитъ она для прекращенія несогласій какъ за Ольденбургъ, такъ и по другимъ дѣламъ; наконецъ, что императоръ россійскій съ неудовольствіемъ узналъ о новомъ обвиненіи, будто онъ желаетъ пріобрѣсти Данцигъ или часть Варшавскаго Герцогства, и что Его Величество не постигаетъ, какъ могло возникнуть такое несправедливое предположеніе, ибо никогда не имѣлъ онъ мысли о присоединеніи Данцига или Варшавскаго Герцогства къ своимъ общирнымъ владѣніямъ, и желаетъ только сохраненія мира и спокойствія, для блага своихъ подданныхъ и всей Европы, двадцать лѣтъ колеблемой всякаго рода потрясеніями.

Наполеонъ зналъ очень хорошо расположеніе Императора Александра къ сохраненію мира; но желая болѣе нежели мира — желая согласія съ политикой Франціи — и не видя того въ миролюбивыхъ объясненіяхъ петербургскаго кабинета, не переставалъ усиливать своихъ вооруженій и сосредоточивать войска въ Германіи. Къ концу 1811 года, число ихъ простиралось тамъ до 300,000 человѣкъ. Гарнизоны въ крѣпостяхъ Пруссіи и Варшавскаго Герцогства были увеличены; кромѣ того, не въ одной Франціи,

но и во всѣхъ государствахъ, союзныхъ съ нею, собирались войска и усиливались всѣ военныя средства.

Въ такомъ положеніи Европы, война между Россіею и Франціею казалась неизбѣжною. Всего затруднительнѣе были притомъ отношенія Австріи и Пруссіи къ двумъ державамъ, принимавшимся за оружіе, и потому онѣ рѣшились употребить послѣднія средства къ поддержанію общаго мира. Спачала Австрія, потомъ Пруссія, чрезъ своихъ посланниковъ въ Петербургѣ, предлагали Императору Александру посредничество въ спорѣ съ Франціею. Онъ отказался отъ посредничества ихъ, и объявилъ, что несогласія его съ Наполеономъ должны быть устранены силою ихъ взаимной дружбы, а не убѣжденіями постороннихъ лицъ. Можетъ быть, признательность къ такому изъявленію чувствъ была причиною, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, всегда исполнявшій только волю Наполеона, писалъ къ Лористону въ тайныхъ наставленіяхъ, что можно легко согласить всѣ споры съ Россіею, и что если бы Императоръ Александръ рѣшился назначить время и мѣсто для личныхъ переговоровъ съ императоромъ Французовъ, то легко были бы устранены всѣ недоразумѣнія. Объ Ольденбургѣ онъ упоминалъ какъ о побочномъ предметѣ несогласія. Въ то же самое время Императоръ Александръ объявилъ Лористону, что немедленно пошлетъ въ Парижъ графа Нессельроде *для окончанія дѣла объ Ольденбургѣ*, и облечетъ его властію

для рѣшенія всѣхъ другихъ вопросовъ. Ясно, что оба императора почитали вопросъ объ Ольденбургѣ дѣломъ частнымъ, и въ минуты дружественнаго расположенія были готовы на соглашеніе въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ частныхъ вопросахъ. Но общее направленіе дѣлъ было сильнѣе частностей, и минутныя расположенія къ миру исчезали въ потокѣ дѣлъ общихъ.

Событія въ Турціи еще болѣе затруднили рѣшеніе общаго европейскаго вопроса. Кутузовъ, бывшій въ 1811 году главнокомандующимъ русскою арміею на Дунаѣ, искусными дѣйствіями своими довелъ турецкую армію до гибельнаго положенія, окружилъ ее на лѣвомъ берегу Дуная, и уничтожилъ голодомъ и силою оружія. Услышавъ о такомъ оборотѣ дѣлъ, Наполеонъ, въ пылу гнѣва, разбранилъ неискусныхъ, разбитыхъ союзниковъ своихъ, и немедленно послалъ къ своему повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ повелѣніе, всевозможно ободрить Турковъ и отвлечь отъ мира съ Россіею. Старанія его были не безуспѣшны: Турки, потерявшіе свою армію, начали упорствовать въ мирныхъ переговорахъ, начатыхъ ими съ Кутузовымъ. Ихъ ободрили увѣренія Наполеона, что онъ вскорѣ начнетъ войну противъ Россіи, и что тогда Порта, сражаясь съ малочисленною арміею русскою, можетъ возвратить всѣ потери, сдѣланныя ею въ прежнихъ войнахъ на Дунаѣ. Турки начали объявлять такія требованія, на которыя Россія не могла согласиться. Наполеонъ удвоилъ свою дѣятельность. Курь-

еры его безпрерывно скакали между Парижемъ и Константинополемъ, и воинственный жаръ еще поддерживался въ побѣжденныхъ Русскими Оттоманахъ.

Слѣдуя въ семъ случаѣ твердому намѣренію: устрашить Россію могуществомъ своимъ и многочисленностью своихъ союзниковъ, Наполеонъ ожидалъ новыхъ предложеній со стороны Императора Александра; но тщетно; русскій императоръ такъ же твердо рѣшился не дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ своему гордому союзнику. Обѣ стороны желали мира, и видѣли неизбѣжность войны.

Такъ оканчивался чреватый грозными событіями 1811 годъ. Всеобъемлющая дѣятельность дипломатическая и неизмѣримыя приготовленія къ войнѣ, кажется, могли бы поглотить всѣ умственныя силы Наполеона; но онъ еще находилъ время быть, какъ всегда, внимательнымъ и строгимъ хозяиномъ въ обширныхъ своихъ владѣніяхъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ совершилъ онъ небольшую поѣздку въ Нормандію. Выѣхавъ изъ Рамбулье 22 Мая, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Канѣ, и 26 прибылъ въ Шербуръ. Тамъ осмотрѣлъ онъ укрѣпленія, воздвигавшіяся на рейдѣ, дигу, работы въ гавани; хвалилъ, награждалъ, дѣлалъ замѣчанія, новыя распоряженія, и 31 числа возвратился въ Парижъ. Другая поѣздка его была продолжительнѣе и важнѣе по своей цѣли. Голландія, присоединенная къ Франціи, подверглась строгимъ мѣрамъ противъ англійской контрабанды; но жители приморскихъ городовъ такъ привыкли къ ней, и существованіе многихъ изъ нихъ

было такъ связано съ нею, что никакія запрещенія не удерживали ихъ, и новыя строгости со стороны генералъ-губернатора Лебрёна, герцога Піаченцскаго, были поводомъ къ явному возмущенію. Въ Амстердамѣ, въ Утрехтѣ и другихъ городахъ принуждены были усмирить бунтовщиковъ открытою силою; но добрый Лебрёнъ оказалъ имъ пощаду и вскорѣ ослабилъ строгія мѣры. Начались снова безпокойства. Тогда Наполеонъ, недовольный распоряженіями генералъ-губернатора, писалъ ему: «Не понимаю вашихъ колебаній! Честныхъ и добрыхъ людей надобно ласкать и «покровительствовать; но мерзавцевъ держать въ страхѣ. Въ Амстердамѣ и Роттердамѣ дѣла идутъ пагубно. Бунтовщики остались ненаказанными, и послѣ «придется усмирять ихъ пушками. Вы имѣли право «принять мѣры въ неотклонимомъ случаѣ; я одобрилъ «ихъ; и вы уже не могли ихъ отмѣнить». Начались опять строгія преслѣдованія, — и все усмирилось. Но Наполеонъ хотѣлъ своими глазами видѣть, что тамъ дѣлается, и поѣхалъ изъ Компьеня 19 Сентября. Онъ посѣтилъ Булонь, Остенде, островъ Кадзандъ, Флессингенъ, Миддлебургъ, Антверпенъ. Въ Голландіи пробылъ онъ цѣлый мѣсяцъ. Празднества, поздравленія, депутаціи не ослѣпляли его и служили только декораціей сношеніямъ съ значительными людьми Голландіи. Обаятельный разговоръ Наполеона увлекалъ всякаго, съ кѣмъ онъ входилъ въ сношенія; а многія умныя распоряженія, щедрость, обширность его видовъ, вызывали нелицемѣрную признательность. Вы-

годно познакомивъ себя съ Голландцами, онъ продолжалъ путь и останавливался во многихъ городахъ, важныхъ по своему мѣстоположенію или по своимъ заведеніямъ. Черезъ Везель, Дюссельдорфъ, Кельнъ и Боннъ возвратился онъ во Францію и прибылъ въ Сенъ-Клу 11 Ноября.

Разнообразіе государственныхъ занятій Наполеона увеличивалось еще болѣе отъ того, что сѣверъ и югъ владѣній его составляли области новыя, не похожія одна на другую, и вездѣ были необходимы распоряженія разнообразныя. Въ Римѣ закрывали монастыри, устроивали положеніе монаховъ, истребляли нищенство, изобрѣтали новыя занятія для голодныхъ жителей; въ Голландіи усмиряли контрабандистовъ, соглашали обычаи жителей съ общими учрежденіями имперіи, ободряли промышленность и торговлю. На Рейнѣ и Эльбѣ воздвигали новыя укрѣпленія, посылали туда войска, обезпечивали продовольствіе ихъ. Безчисленное множество мѣстныхъ, мелкихъ распоряженій не ускользали отъ вниманія Наполеона. Въ департаментахъ Римскомъ и Тразименскомъ онъ велѣлъ насаждать оливковыя деревья, и спрашивалъ, успѣшно-ли исполняется это? Почему на Симплонѣ не начинаютъ подорожнаго сбора и черезъ то теряютъ большія суммы, назначенныя для устройства другихъ дорогъ? Почему въ парижскихъ училищахъ дурно кормятъ учениковъ? Почему жители Ліона посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ другіе города? Почему недовольно учениковъ въ училищахъ нѣкоторыхъ городовъ? Множе-

ство подобныхъ вопросовъ посылалось къ префектамъ и къ министрамъ. Особенное вниманіе обращалъ Наполеонъ на военныя и морскія школы. Доходы городовъ, и особливо Парижа, всегда были предметомъ его попеченій, и онъ желалъ видѣть употребленіе ихъ только на полезные предметы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истинно добрымъ хозяиномъ, и архивъ парижской префектуры хранитъ въ себѣ доказательства умной его заботливости.

Болѣе общая и важная забота тревожила Наполеона въ 1811 году: неурожай, оказавшійся во многихъ провинціяхъ, и невозможность получить хлѣбъ изъ иностранныхъ государствъ, когда англійскіе корабли содержали въ блокадѣ всѣ берега Франціи, заставили Наполеона принять дѣятельныя мѣры къ отклоненію голода, который могъ оказаться не только въ отдаленныхъ частяхъ имперіи, но и въ самомъ Парижѣ. Продовольственная коммисія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ г-на Маре, брата министра, занялась приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, находившихся во Франціи; она озаботилась также средствами доставки хлѣба изъ одной области въ другую; милліоны мѣшковъ хлѣба были закуплены на деньги, выданныя Наполеономъ изъ собственной казны. Кромѣ того, по его распоряженію, усилены были общественныя работы, чтобы всякой могъ полезнымъ трудомъ заработывать себѣ пропитаніе. Сенъ-Мартенскій каналъ, шлюзы, дороги, публичныя зданія заняли тысячи народа. Умѣренныя цѣны

хлѣба поддерживались на счетъ наполеоновой казны, и въ это время издано множество благоразумныхъ распоряженій о хлѣбникахъ, о вѣсѣ каждаго хлѣба, о строгости надзора за правильною продажею его. Во многихъ мѣстахъ учреждена была безденежная раздача румфордова супа.

Всѣ такія соединенныя мѣры отвратили бѣдствіе, но не могли уничтожить его совершенно. Особливо въ нѣкоторыхъ областяхъ, несчастные поселяне и бѣдные жители городовъ толпами странствовали по дорогамъ и прибѣгали даже къ насиліямъ тамъ, гдѣ не дѣлили съ ними послѣдняго куска хлѣба. При подобныхъ бѣдствіяхъ всегда являются народныя суевѣрія. Комета, почти не сходившая съ неба во все лѣто 1811 года, казалась народу предвѣстіемъ новыхъ, еще большихъ бѣдствій — и на этотъ разъ предчувствіе не обманывало его: наставалъ роковой 1812 годъ, долженствовавшій облечь въ трауръ тысячи семействъ во Франціи!

Онъ настала, гибельный для славы и могущества Наполеона; — но кто могъ бы сказать это при началѣ 1812 года? Никогда, казалось, могущество громоноснаго повелителя Франціи не было такъ велико и прочно, какъ въ началѣ гибельнаго для него года. Увѣренъ былъ въ томъ самъ онъ, увѣрены были и всѣ его современники. Вещественная сила его приводила въ содроганіе; сила нравственная едва-ли не была еще болѣе. «Кто не жилъ во время Наполеона,» говоритъ краснорѣчивый историкъ-воинъ Императора Алек-

ксандра *), «тотъ не можетъ вообразить степени его нравственнаго могущества, дѣйствовавшаго на умы современниковъ. Имя его было извѣстно каждому, и заключало въ себѣ какое-то безотчетное понятіе о силѣ безъ всякихъ границъ.»

Одушевленный сознаніемъ своего могущества, Наполеонъ съ самаго наступленія 1812 года началъ дѣйствовать рѣшительно, потому что всѣ вопросы политическіе были окончательно пояснены имъ себѣ; оставалось довершить только нѣкоторыя приготовленія къ войнѣ.

Недовольный двусмысленною политикою Швеціи, и безпрерывно извѣщаемый о слабости мѣръ ея противъ торговли съ Англіею, онъ хотѣлъ силою и убѣжденіемъ принудить ее къ крѣпкому союзу съ собою. Для того, въ началѣ Января приказалъ онъ маршалу Даву занять Шведскую Померанію и островъ Рюгенъ, что̀ и было немедленно исполнено. Почти въ то же время, герцогъ Бассано явился къ супругѣ наслѣднаго принца шведскаго, еще остававшейся въ Парижѣ, и послѣ продолжительнаго разговора съ нею оставилъ дипломатическую ноту, которая и была отправлена чрезъ посредство принцессы къ ея супругу.

Сколько грознымъ и рѣшительнымъ казалось занятіе Помераніи французскими войсками, столько ласкателенъ и вкрадчивъ былъ языкъ ноты. Приводимъ

---

*) А. И. Михайловскій-Данилевскій, въ Описаніи Отечественной войны, Т. I, стр. 153.

изъ нея нѣкоторыя мѣста. «Императоръ не противился возвышенію наслѣднаго принца, и съ удовольствіемъ видѣлъ въ немъ новое средство сближенія съ народомъ, пріязненнымъ къ Франціи . . . . Швеція должна быть внимательна къ выбору, какой предстоитъ ей, и пусть не теряетъ времени . . . Если наслѣдный принцъ постигаетъ свои пользы, императоръ готовъ предложить ему союзъ и удостовѣрить его, что не заключитъ мира, *покуда Финляндія не будетъ возвращена Швеціи.* Съ своей стороны, онъ требуетъ только, чтобы тридцатитысячный корпусъ напалъ на Финляндію, и военныя дѣйствія были бы открыты противъ Англіи, какъ скоро откроется война на твердой землѣ Европы . . . . Императоръ не желаетъ давать субсидій, но согласенъ принять въ Любекѣ и Данцигѣ на двадцать милліоновъ колоніяльныхъ товаровъ, принадлежащихъ Швеціи, не дожидаясь дальнѣйшихъ событій . . .»

Рѣшеніе другаго рода было принято Швеціею, и нота французскаго министерства, отправленная изъ Парижа 7 Марта, застала наслѣднаго принца почти въ союзѣ съ Россіею, о которомъ переговоры оканчивались въ Петербургѣ. Предварительный договоръ былъ подписанъ тамъ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ 24 Марта (н. ст.), и въ этотъ самый день наслѣдный принцъ отправилъ къ Наполеону письмо, гдѣ явно видно было рѣшеніе его. Онъ повторялъ увѣренія въ любви своей къ Франціи, въ приверженности къ бывшему ратному собрату своему, говорилъ о же-

ланіи согласить прежнія свои привязанности съ выгодами своего новаго отечества; жаловался на Алькіе, на молчаніе Наполеона, служившее отвѣтомъ на искрѣннія письма, и упомянувъ о бурѣ, готовой разразиться надъ Европою, выражался такъ: «Государь! человѣчество страдало уже слишкомъ много. Если Вашему Величеству угодно, король представитъ Императору Александру возможность сблизиться, и и я столько полагаюсь на возвышенность чувствованій русскаго императора, что осмѣливаюсь увѣрить въ готовности его согласиться на предложенія, справедливыя и для Васъ и для Сѣвера... Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Францію, одна изъ счастливѣйшихъ минутъ была для меня та, когда я убѣдился, что Ваше Величество не совсѣмъ забыли меня. Государь! вы справедливо судите о моемъ сердцѣ.. .» Наполеонъ вспыхнулъ, когда прочиталъ письмо наслѣднаго принца, хотя еще не зналъ о договорѣ, заключенномъ Швеціею съ Россіею. «Бернадоттъ хочетъ мирить меня съ Императоромъ Александромъ!» вскричалъ онъ. «Вотъ до чего довело его тщеславіе! Онъ даетъ мнѣ совѣты, предостерегаетъ, говоритъ какъ съ равнымъ себѣ!... онъ, всѣмъ одолженный мнѣ!» Наполеонъ ходилъ скорыми шагами говоря эти слова, и прибавилъ, какъ бы разсуждая съ собою: — «Надобно было ожидать отъ него такихъ поступковъ... онъ всегда былъ таковъ... жертвовалъ всѣмъ своимъ выгодамъ... Его министерство, 18-е Брюмера, дѣйствія въ западной Франціи, подъ Ауэрштедтомъ...

да, я прощалъ его изъ уваженія къ Іосифу *), сдѣлалъ его маршаломъ, герцогомъ, княземъ, наконецъ допустилъ къ трону.... но что значитъ для неблагодарнаго забвеніе проступковъ и благодѣянія!...»

Въ словахъ Наполеона видны чувства его къ бывшему соратнику: они поясняютъ взаимныя ихъ отношенія; они пояснятъ намъ и окончательную борьбу ихъ. Наполеонъ хотѣлъ безпрекословнаго повиновенія, и требовалъ его равно отъ своихъ подчиненныхъ и лицъ независимыхъ; онъ безусловно слѣдовалъ извѣстному правилу: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Маршалъ Бернадоттъ, сдѣлавшись независимымъ принцемъ, не находилъ выгодъ въ союзѣ съ нимъ, но могъ искренно желать этого союза, и, не успѣвши въ томъ, долженъ былъ перейдти на сторону его противниковъ, прежде всего думая о пользахъ новаго своего отечества. Наполеонъ признавалъ его за то врагомъ своимъ и недоброжелателемъ Франціи. Справедливо-ли? Рѣшительно говоримъ: нѣтъ! и увидимъ какъ напослѣдокъ оставятъ Наполеона самые ревностные приверженцы, когда безграничное честолюбіе его и самоувѣренность приведутъ ихъ въ положеніе невыносимое, чего такъ благоразумно опасался и наслѣдный принцъ шведскій.

Сближеніе съ Швеціею доставило Россіи всѣ тѣ выгоды, какихъ могъ ожидать Наполеонъ отъ союза съ нею. Швеція обязалась не только не воевать про-

*) Для поясненія словъ Наполеона, замѣтимъ, что супруги Іосифа и маршала Бернадотта были родныя сестры.

тивъ Россіи, но и выставить вспомогательный для нея корпусъ, отъ 25-ти до 30 тысячь человѣкъ, въ случаѣ войны съ Франціею. Вознагражденіемъ за то долженствовала быть Норвегія. Опредѣлено хранить союзный договоръ въ тайнѣ, покуда обѣ договаривавшіяся стороны не были въ войнѣ съ Франціею.

Всѣ другія державы несомнѣнно приступили бы къ союзу съ Россіею, если бы могли имѣть свободный выборъ; но могущество Наполеона тяготѣло на нихъ всею своею громадностью, и слѣдствіемъ того были союзные договоры съ нимъ Пруссіи и Австріи. Договоръ съ первою былъ заключенъ въ Парижѣ, 12 Февраля: онъ обезпечивалъ неприкосновенность Пруссіи, но она обязывалась за то, въ случаѣ объявленія Франціею войны Россіи, присоединить къ войскамъ Наполеона 20-ти тысячный корпусъ и вообще слѣдовать его политическимъ видамъ.

Положеніе Пруссіи всего лучше видно изъ одиннадцатой секретной статьи договора, гдѣ было сказано: «Покуда французская армія занимаетъ земли Пруссіи, или будетъ въ землѣ непріятельской, Пруссія не можетъ производить никакого набора, никакого скопленія войскъ, никакого движенія военнаго, безъ взаимнаго согласія и не къ выгодѣ союза.» И такъ, присоединяя къ себѣ войско, какое позволялъ онъ содержать Пруссіи, Наполеонъ отымалъ у нея вмѣстѣ съ тѣмъ всякое военное значеніе. Прусскій король, какъ мы видѣли, предлагалъ выставить сто тысячь человѣкъ; Наполеонъ отказался отъ того, и даже не

оставлялъ Пруссіи никакой воли распоряжаться своими силами. Приняты были всѣ мѣры и къ ослабленію народнаго духа: извѣстные патріоты — Шарнгорстъ, фонъ Заккъ, Грюнеръ, Гнейзенау, должны были удалиться изъ Пруссіи. Унижая и ослабляя государство, съ которымъ входилъ въ союзъ, могъ ли Наполеонъ надѣяться на искренность его? Не долженъ ли былъ онъ скорѣе видѣть въ немъ оскорбленнаго непріятеля, который возстанетъ противъ него при первой возможности?... Благородный король прусскій вполнѣ чувствовалъ стѣсненное свое положеніе, и оставался вѣренъ искренней дружбѣ, соединявшей его съ Императоромъ Александромъ, къ которому писалъ онъ въ то самое время, когда заключилъ союзъ съ Наполеономъ: «Жалѣйте обо мнѣ, но не обвиняйте меня. «Если война вспыхнетъ, то мы будемъ вредить другъ «другу только въ крайнихъ случаяхъ. Сохранимъ все- «гда въ памяти, что мы друзья, и что придетъ вре- «мя быть опять союзниками. Уступая непреодолимой «судьбѣ, сохранимъ свободу и искренность нашихъ чув- «ствованій.»

Союзный договоръ съ Австріею былъ заключенъ въ Парижѣ 2 Марта. Сущность его была почти такова же какъ и сущность договора съ Пруссіею. Въ гласныхъ статьяхъ Австрія и Франція обѣщали одна другой помощь, дружбу, неприкосновенность владѣній; въ секретныхъ статьяхъ договора, Австрія обязывалась выставить 30,000 человѣкъ войска, и присоединить ихъ, въ видѣ вспомогательнаго корпуса, къ фран-

цузской арміи; но корпусъ сей долженъ былъ оставаться подъ начальствомъ австрійскаго полководца, и не могъ быть раздробляемъ. Наполеонъ обѣщалъ Австріи вознагражденіе за помощь, и во всякомъ случаѣ ручался, что Галиція останется за нею, если она сама не пожелаетъ обмѣнить ее на Иллирію. Замѣчательно, что императоръ Францъ также писалъ къ россійскому императору, увѣряя въ неизмѣнной своей дружбѣ и объясняя крайнюю необходимость, побудившую его приступить къ союзу съ Наполеономъ.

Заключивъ союзъ съ двумя главными государствами средней Европы, императоръ Французовъ думалъ, что настала благопріятная минута обратить слова мира и къ Англіи. По его повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ, Маре, отправилъ къ лорду Кестлерригу, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, письмо (отъ 17 Апрѣля), гдѣ, подробно объясняя отношенія Англіи и Франціи, предлагалъ вступить въ переговоры о мирѣ. «Выражусь наконецъ,» писалъ Маре, «съ откровенностью, сообразною откровенности поступка, на который я уполномоченъ. И что́ можетъ лучше показать величіе и правоту его, если не опредѣленный языкъ, дозволенный мнѣ въ семъ случаѣ? Къ чему, и для чего облекъ бы я себя въ формы, приличныя только слабости, которой выгодно обманывать?... Всего затруднительнѣе, по видимому, устранить несогласія въ дѣлахъ Полуострова и обѣихъ Сицилій. Я уполномоченъ предложить вамъ устроить ихъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Цѣлость Испа-

ніи обезпечивается; Франція отказывается отъ всякаго распространенія владѣній своихъ со стороны Пиренеевъ; нынѣшняя династія объявится независимою и королевство будетъ управляемо по конституціи кортесовъ. Независимость и цѣлость Португаліи также будутъ обезпечены дому браганцскому. Неаполитанское королевство останется королю Іоахиму; королевство сицилійское будетъ обезпечено нынѣшней сицилійской династіи.»

Отвѣтъ не замедлилъ. Лордъ Кастлеригъ прислалъ къ Маре вѣжливое письмо, отъ 23 Апрѣля, гдѣ говорилъ, между прочимъ: «Е. К. В. принцъ регентъ по-«читаетъ обязанностью своею, не прежде уполномо-«чить меня къ вступленію въ переговоры съ Вашимъ «Превосходительствомъ, какъ согласившись въ смы-«слѣ слѣдующихъ словъ письма Вашего: «Нынѣшняя «династія объявится независимою, и королевство бу-«детъ управляемо по конституціи кортесовъ». Его «Королевское Высочество опасается, не заключаетъ ли «въ себѣ это предложеніе того смысла, что королев-«ская власть въ Испаніи и правительство кортесовъ «будутъ признаны въ особѣ брата нынѣшняго власти-«теля Франціи, и въ кортесахъ, собранныхъ имъ, а не «въ законномъ государѣ Фердинандѣ VII и его на-«слѣдникахъ, и не въ чрезвычайномъ собраніи корте-«совъ, нынѣ облеченныхъ правительственною властію «въ семъ государствѣ, отъ его имени и подъ его вла-«стію? Въ такомъ случаѣ мнѣ повелѣно ясно и тор-«жественно объявить Вашему Превосходительству, что

«основанныя на доброй вѣрѣ обязательства не позво«ляютъ Его Королевскому Высочеству принять пред«ложенія о мирѣ на такомъ основаніи.» Далѣе Кастлеригъ объяснялъ, что если Франція признаетъ королемъ испанскимъ Фердинанда VII-го, то можно будетъ начать переговоры о мирѣ, котораго, съ своей стороны, желаетъ и Англія.

Наполеонъ долженъ былъ ожидать такого отвѣта, и конечно ожидалъ; но въ письмѣ лорда Кастлерига можно было провидѣть зарю общаго примиренія, потому что Наполеонъ самъ иногда думалъ возстановить Фердинанда на его престолѣ, утомившись войною въ Испаніи, видя неспособность Іосифа къ царственнымъ обязанностямъ и, можетъ быть, надѣясь еще удобнѣе властвовать подъ именемъ Фердинанда. Всего вѣроятнѣе, что открытіе переговоровъ съ Англіею было новою демонстраціею противъ Россіи: не только своимъ могуществомъ, но и союзомъ со всею Европою хотѣлъ онъ устращить Императора Александра и склонить его къ своей политикѣ. Онъ еще не зналъ окончательно о союзѣ Швеціи съ Россіею, надѣялся сильнѣе прежняго возжечь войну въ Турціи, заключилъ союзные договоры съ Пруссіею и Австріею, повелѣвалъ всею остальною Европою, и не переставалъ предлагать Александру миръ и дружбу. Вся политика его была направлена къ тому, и только безуспѣшно испытавъ всѣ другія средства, хотѣлъ онъ достигнуть своей цѣли войною.

На другой день по заключеніи договора съ Пруссіею, 23 Февраля, онъ призвалъ къ себѣ полковника

Чернышева, бывшаго тогда опять въ Парижѣ, гдѣ исполнялъ онъ важныя порученія своего императора и пользовался искреннимъ расположеніемъ императора французовъ. Наполеонъ пространно изложилъ ему всѣ отношенія свои къ Россіи, жаловался опять на протестъ за Ольденбургъ, на тарифъ, на охлажденіе Императора Александра въ дружбѣ съ нимъ, на уклоненія россійскаго двора отъ переговоровъ черезъ особо уполномоченныхъ. «Развѣ Императоръ Александръ разбилъ меня, что такъ поступаетъ со мною?» продолжалъ Наполеонъ. «Развѣ мы уже до того сдѣлались презрительны въ глазахъ его, что онъ не считаетъ насъ достойными даже отвѣта и вступленія съ нами въ объясненія? Если изъ гордости вы не хотите договариваться въ Парижѣ, то назначьте любой городъ въ нѣмецкой землѣ и пришлите кого нибудь съ полномочіемъ, которымъ уже полтора года прошу я снабдить князя Куракина. Что касается до моихъ вооруженій, то они слѣдствіе моей системы, а не намѣреній враждебныхъ. Когда Россія поселила во мнѣ недовѣрчивость, я началъ готовиться къ войнѣ, и не скрывалъ того ни отъ васъ, ни отъ вашего посла. Развѣ то, что я говорилъ князю Куракину публично на аудіэнціи, въ прошедшемъ Августѣ, сказано было безъ намѣренія? Я думалъ, что слова мои побудятъ васъ сдѣлать какой нибудь рѣшительный шагъ: ни что мнѣ не удалось, и я долженъ былъ продолжать вооруженія, но иначе нежели въ прежнія времена . . . .» Наконецъ онъ объявилъ,

*

что можно согласиться во всемъ и сохранить миръ на трехъ главныхъ основаніяхъ: 1-е, исполняя по тильзитскому трактату всѣ мѣры противъ Англичанъ, условиться объ исключительныхъ дозволеніяхъ, для пользы торговыхъ державъ, и безъ нарушенія континентальной системы; 2-е, заключить конвенцію о торговлѣ, примѣненную къ новому русскому тарифу, но и не оскорбительную для Франціи; 3-е, уничтожить протестъ за Ольденбургъ приличнымъ объясненіемъ и назначить герцогу опредѣленное вознагражденіе, только за исключеніемъ Данцига или какой либо части Варшавскаго Герцогства. «Увѣрьте государя вашего,» сказалъ въ заключеніе Наполеонъ, «что я сохраняю взаимныя наши чувствованія, и если судьба опредѣлила двумъ сильнѣйшимъ на землѣ державамъ воевать за пустяки (pour des peccadilles de demoiselles), то я буду вести войну какъ рыцарь, безъ всякой ненависти, безъ недоброжелательства, и, если обстоятельства позволятъ, предложу императору завтракать со мною на передовой цѣпи. Настоящій поступокъ мой облегчаетъ мою совѣсть. Изъяснивъ вамъ истинныя мои чувствованія къ императору, посылаю васъ какъ моего полномочнаго, въ надеждѣ, что еще успѣемъ согласиться и не будемъ проливать крови ста тысячь храбрыхъ за то, что не можемъ условиться о цвѣтѣ ленточки. За годъ и меньше было не трудно примириться; теперь удобнѣе нежели черезъ три мѣсяца. Если у васъ не хотятъ разрыва съ Франціею, то надобно поторопиться прислать кого нибудь для переговоровъ. Чѣмъ

болѣе вы будете медлить, тѣмъ болѣе умножатся мои приготовленія. Если же вы рѣшились воевать, то вы дѣйствуете основательно, и все, что у васъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, въ порядкѣ вещей. Выборъ минуты, когда начнется война, будетъ зависѣть уже не отъ политики, но отъ военныхъ соображеній.» *) Наполеонъ послалъ съ Чернышевымъ также письмо, гдѣ въ немногихъ словахъ увѣдомлялъ Императора Александра, что передалъ флигель-адъютанту его искреннія мысли свои, и что *отъ Его Величества зависитъ окончить все.*

Императоръ Александръ почти въ одно время выслушалъ изустное донесеніе Чернышева, представленное имъ также въ особой запискѣ, и получилъ извѣстіе о союзѣ Наполеона съ Пруссіею. По видимому, одно противорѣчило другому. Посылать вѣстника мира, изъявлять миролюбивыя чувствованія, и заключать оборонительный и наступательный союзъ съ пограничнымъ государствомъ! Между тѣмъ французскія войска постепенно приближались къ Вислѣ, и когда Наполеонъ твердилъ о мирѣ, многочисленныя арміи его могли явиться на русской границѣ. Видя двусмысліе въ поступкахъ своего ненадежнаго союзника, Императоръ Александръ медлилъ нѣсколько времени отвѣтомъ на письмо его и предложенія, порученныя имъ Чернышеву. Вскорѣ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о союзномъ договорѣ между

---

*) Описаніе Отечественной войны I, 70.

Франціею и Австріею. Тогда Императоръ Александръ удостовѣрился, что недолго оставалось ждать перваго пушечнаго выстрѣла со стороны Наполеона, и что одна непоколебимая твердость и рѣшительность еще могутъ остановить его. Вслѣдствіе того, онъ извѣстилъ Наполеона короткимъ письмомъ, что поручилъ князю Куракину сообщить ему условія, на которыхъ согласенъ вступить въ переговоры. «Они докажутъ свѣту, что *я готовъ окончить все*, и что *все зависитъ только отъ Вашего Величества,*» писалъ Императоръ Александръ, съ намѣреніемъ повторяя слова Наполеона.

Сообщенія, доставленныя княземъ Куракинымъ французскому министерству, состояли въ томъ, что, прежде начатія переговоровъ, Наполеонъ долженъ положительно обѣщать вывесть свои войска изъ Пруссіи и уменьшить данцигскій гарнизонъ. Только по полученіи такого обѣщанія, князю Куракину разрѣшалось вступить въ переговоры о предложеніяхъ, переданныхъ Наполеономъ Чернышеву, и требовать: 1-е, вывода всѣхъ французскихъ войскъ изъ Помераніи, прусскихъ владѣній и крѣпостей на Одерѣ, а также уменьшенія данцигскаго гарнизона до того числа войскъ, какое было въ немъ къ 1 Января 1811 года; 2-е, свободы въ торговлѣ нейтральныхъ державъ, на основаніи исключительныхъ дозволеній. Не иначе какъ по принятіи Наполеономъ сихъ двухъ статей, Императоръ Александръ изъявлялъ согласіе сдѣлать перемѣны въ тарифѣ, сообразно желаніямъ императора

Французовъ, и вступить въ соглашеніе объ Ольденбургѣ.

Князь Куракинъ имѣлъ аудіэнцію у Наполеона 15 Апрѣля, и вручивъ ему письмо своего государя, подробно объяснилъ требованія его. Можно было предвидѣть, что Наполеонъ приметъ ихъ за обиду: ему, повелителю всей западной Европы, имѣющему полмиліона войскъ въ Германіи и полмилліона готовыхъ слѣдовать туда же, ему, вблизи границъ Россіи, когда уже развернуты знамена безчисленныхъ его легіоновъ, полагаютъ первымъ условіемъ отступить, уничтожить тѣмъ всѣ свои военныя приготовленія, и только тогда соглашаются начать переговоры, которыхъ слѣдствіе еще неизвѣстно, потому что петербургскій кабинетъ не легко отступаетъ отъ своихъ требованій, и за одно слово въ конвенціи о Польшѣ былъ готовъ прервать всѣ мирныя сношенія съ Франціею. По крайней мѣрѣ, такъ отразились въ умѣ Наполеона требованія Императора Александра, и въ такомъ смыслѣ отвѣчалъ онъ на аудіэнціи князю Куракину. «Развѣ въ Петербургѣ забылись до такой степени, что угрозами думаютъ склонить меня на свои желанія?» сказалъ онъ. Посолъ отвѣчалъ, что не можетъ приступить ни къ какимъ переговорамъ, не получивъ обѣщанія, требуемаго государемъ его. «Вы приступаете ко мнѣ съ ножемъ!» возразилъ Наполеонъ. «Честь не позволяетъ мнѣ согласиться. Такъ Пруссаки требовали передъ іенскимъ сраженіемъ, чтобы я вывелъ войска мои изъ сѣверной Германіи» — прибавилъ

онъ въ продолженіе разговора, и наконецъ сказалъ князю Куракину, чтобы онъ повидался съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ и окончились всѣ личныя сношенія Наполеона съ русскимъ посломъ. Переговоры съ Маре не вели ни къ чему. Вскорѣ посолъ удостовѣрился, что французское министерство старается только выиграть время, а между тѣмъ Наполеонъ готовился къ отъѣзду въ армію: обозъ его и верховыя лошади были уже отправлены туда; гвардія выступила изъ Парижа еще прежде, а это всегда бывало признакомъ близкаго начала военныхъ дѣйствій. Князь Куракинъ извѣстилъ Маре, что если не получитъ удовлетворительнаго отзыва въ назначенномъ ему совѣщаніи, то потребуетъ паспортовъ. Вмѣсто всякаго отвѣта, Маре только спросилъ: есть ли у него полномочіе на заключеніе договора, и по повелѣнію ли своего государя требуетъ онъ паспортовъ? Вскорѣ Наполеонъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ выѣхали изъ Парижа, оставивъ русскаго посла безъ отвѣта и не выдавъ ему паспортовъ, почему онъ, прекративъ всѣ сношенія съ французскимъ министерствомъ, удалился въ свой загородный домъ, въ Севрѣ.

Можно было принять такіе поступки почти за объявленіе войны; но Наполеонъ, не всегда соблюдавшій обыкновенныя дипломатическія формы, имѣлъ совсѣмъ другую мысль. Онъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта князю Куракину, когда почиталъ оскорбленіемъ своей чести повелительныя указанія Императора Александра; не хотѣлъ отвѣчать и рѣ-

шительнымъ отказомъ, послѣ чего война была бы неминуема. Постоянно слѣдуя мысли: побудить Императора Александра согласиться съ требованіями своей политики, и только истощивъ всѣ другія средства приступить къ послѣднему изъ нихъ — къ войнѣ, онъ прекратилъ переговоры съ княземъ Куракинымъ, и занималъ его мелочными подробностями дипломатики, а между тѣмъ отправилъ своего генералъ-адъютанта графа Нарбонна къ Императору Александру, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Полагая, что Ваше Величество теперь не въ Петербургѣ, и что графа Лористона при Васъ нѣтъ, я посылаю къ Вамъ письмо съ адъютантомъ моимъ графомъ Нарбонномъ. Въ то же время онъ доставитъ «важныя бумаги графу Румянцову (канцлеру). Онѣ докажутъ Вамъ желаніе мое избѣгнуть войны, и постоянство въ чувствованіяхъ, какія видѣли вы въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Позвольте увѣрить Ваше Величество, что если судьба сдѣлаетъ неизбѣжною между «наму войну, она ни сколько не измѣнитъ чувствованій, Вами внушенныхъ мнѣ и недоступныхъ никакой «перемѣнѣ, никакому колебанію». Назначенный доставить письмо Наполеона, графъ Нарбоннъ находился тогда въ Берлинѣ, и потому министръ иностранныхъ дѣлъ снабдилъ его подробнымъ наставленіемъ. Выборъ такого представителя показываетъ, что Наполеонъ хотѣлъ употребить всѣ обольщенія надъ Императоромъ Александромъ: графъ Нарбоннъ, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій ста-

рой Франціи, отличался между всѣми придворными новаго французскаго двора прелестью обхожденія, умомъ образованнымъ, пріятнымъ, вкрадчивымъ, и Наполеонъ именно потому приблизилъ его къ себѣ, что онъ былъ образцомъ хорошаго тона, живымъ преданіемъ самаго изящнаго французскаго общества. Полагая, что скорѣе всѣхъ другихъ можетъ онъ смягчить великодушное, прекрасное сердце Императора Александра, и внушить ему миролюбивыя чувства, Наполеонъ приказалъ Нарбонну какъ можно долѣе оставаться при императорѣ, и стараться достигнуть двухъ цѣлей: военной и политической; для первой разсматривать составъ и духъ русскихъ войскъ, а для второй располагать Императора Александра къ миру. «Но не входите съ нимъ ни въ какія разсужде-«нія политическія», сказано было въ данной ему инструкціи, «потому что вы недовольно знаете ходъ дѣлъ, «а Императоръ Александръ знаетъ ихъ въ совер-«шенствѣ».

Отправленіе графа Нарбонна показываетъ также, что Наполеонъ уже зналъ о выѣздѣ Императора Александра въ главную квартиру своихъ армій, находившуюся тогда въ Вильнѣ, гдѣ былъ центръ расположенія русскихъ войскъ, собранныхъ на западной границѣ Россіи. Съ нимъ былъ и канцлеръ графъ Румянцевъ, къ которому Нарбоннъ везъ, какъ выражался Наполеонъ, *важныя* сообщенія, хотя они были не иное что какъ новое повтореніе почти всѣхъ вопросовъ, затруднившихъ политику двухъ имперій

со времени тильзитскаго мира, и повтореніе тѣхъ же средствъ къ соглашенію, которыя уже не одинъ разъ отвергнулъ Александръ.

Не обольщая себя слабою надеждою сохранить миръ съ Россіею, Наполеонъ приступилъ къ окончательнымъ распоряженіямъ и устройству управленія Франціею на время своего отсутствія.

Война, предпринимаемая имъ, не была одобряема ни кѣмъ: унывалъ народъ, видя приготовленія къ войнѣ, страшились ея приверженцы Наполеона и ближайшіе его родственники. Братъ его Іеронимъ, король вестфальскій, писалъ къ нему въ Декабрѣ 1811 года: «Не знаю, государь, въ какомъ видѣ представляютъ Вамъ генералы и агенты Ваши состояніе умовъ въ Германіи; но если они говорятъ о покорности, тишинѣ, слабости, они ошибаются или обманываютъ Ваше Величество. Волненіе умовъ достигло высшей степени: самыя безумныя надежды воспламеняютъ ихъ, и *Испанія служитъ примѣромъ*. Если вспыхнетъ война, всѣ земли между Рейномъ и Одеромъ будутъ въ пожарѣ возстанія .... Не въ одной Вестфаліи и странахъ, покорныхъ Франціи, запылаетъ пожаръ, но также и у всѣхъ владѣтелей Рейнскаго Союза. Они будутъ первыми жертвами, если не присоединятся къ своимъ народамъ .... Откройте глаза на такое положеніе дѣлъ, и пусть высокій умъ Вашъ внушитъ Вамъ приличныя мѣры предосторожности. Народы не знаютъ глубокихъ соображеній политики; они только чувствуютъ настоящія бѣдствія». Наполеонъ не

обратилъ вниманія на письмо брата, такъ же какъ и на представленія нѣкоторыхъ ближайшихъ своихъ сановниковъ. Многіе изъ нихъ, особливо Коленкуръ, знавшій Россію лучше другихъ, умоляли его остановиться на пути торжествъ и славы, не затрогивая сѣвернаго исполина. Но Наполеонъ называлъ Коленкура, въ шутку, *Русскимъ*, и оканчивалъ тѣмъ всѣ возраженія; когда же къ нему присоединялись другіе, онъ находилъ и другія возраженія, говоря однимъ, что ихъ увлекаетъ привязанность къ нему, другимъ, что они утомились, устарѣли. Разсказываютъ, что очень оригинально отвѣчалъ Наполеонъ дядѣ своему, кардиналу Фешу, который такъ же уговаривалъ его не начинать войны съ Россіею. Вмѣсто отвѣта, Наполеонъ подвелъ его къ открытому окну, и хотя былъ ясный день, сказалъ ему, указывая на небо: «Видишь ли ты звѣзду»? — Нѣтъ, государь! — «Посмотри хорошенько». — Нѣтъ, не вижу звѣзды. — «А я вижу ее»! вскричалъ Наполеонъ и такъ смѣшалъ кардинала своимъ возраженіемъ, что тотъ умолкъ. Онъ не понялъ въ аллегоріи Наполеона намека на различіе обыкновеннаго ума отъ генія. Наконецъ, въ искреннихъ разсужденіяхъ о войнѣ съ Россіею, Наполеонъ такъ объяснялъ свою рѣшимость: «Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что я ищу завоеваній въ Россіи: война моя съ нею будетъ не завоевательная, но политическая; чего не достигнемъ переговорами, то вынудимъ оружіемъ — вотъ разгадка и причина всѣхъ моихъ вооруженій противъ Россіи; и если она не устрашит-

ся развитія нашихъ огромныхъ силъ, будемъ сражаться съ нею. Война въ Испаніи еще не кончена, но она прекратится сама собою, когда я поражу Англію черезъ Россію. У меня восемь сотъ тысячь войска: съ такими силами можно имѣть собственную волю. Россія стоитъ на пути моемъ къ цѣли, и хочетъ противиться: устранимъ это послѣднее препятствіе, и тогда во всей Европѣ будутъ одна политика, одни общіе законы, одна система во всемъ. Надобно исполнять свою судьбу, а моя еще требуетъ много дѣятельности».

Если Наполеонъ останавливалъ и *убѣждалъ* такими сужденіями своихъ царедворцевъ, то не легко было ему убѣдить не только другіе народы, но и своихъ подданныхъ. Когда стенала вся Европа отъ тяжкаго деспотизма его, и самое имя Французовъ сдѣлалось при немъ ненавистнымъ, во Франціи также текли слезы и вырывались вздохи, не всегда заглушаемые упоительными кликами побѣдъ. Многія семейства сиротѣли, многія были въ безпрерывной разлукѣ съ близкими сердцу; конскрипція и военное направленіе государства тяготѣли на всѣхъ, и промышленность, просвѣщеніе, всѣ блага, доставляемыя миромъ, сдѣлались какимъ-то преданіемъ, неисполнимою мечтою во Франціи. Новый ропотъ возбудило распоряженіе Наполеона, когда, приготовляясь къ войнѣ съ Россіею, онъ повелѣлъ учредить народную стражу во Французской имперіи и въ Италійскомъ королевствѣ, раздѣливъ ее на три набора: въ первый поступали всѣ

молодые люди отъ 20-ти до 26 лѣтъ, во второй всѣ, кому было отъ 26 до 40 лѣтъ, и въ третій люди отъ 40 до 60 лѣтъ. Народная стража раздѣлялась на когорты, назначенныя только для службы внутри государства и на границахъ. Сто когортъ перваго набора, каждая изъ 1120 человѣкъ, немедленно поступали въ распоряженіе военнаго министра, и послѣ были почти всѣ размѣщены въ дѣйствовавшіе полки. Эта мѣра, предусмотрительная со стороны Наполеона — ибо она охраняла государство отъ внезапнаго нападенія, какъ-то было въ 1809 году, и доставляла превосходный резервъ на случай внезапной убыли въ войскахъ — была встрѣчена ропотомъ и злыми насмѣшками. Напрасно старались оправдывать ее ораторы сената; напрасно возглашалъ ей хвалы извѣстный естествоиспытатель и знатный сановникъ *Ласепедъ*, прозванный, за похвальныя рѣчи свои, *царемъ пресмыкающихся* — народъ роптал, стеналъ; каррикатуры и насмѣшки сыпались на стариковъ, поверстанныхъ въ солдаты, и вошло въ обычай спрашивать насмѣшливо другъ у друга: «Вы котораго набора?»

Наполеонъ давалъ волю безсильнымъ воплямъ и твердо стремился къ своей цѣли. Обыкновенно, передъ отправленіемъ въ походъ, онъ оканчивалъ всѣ затруднительныя дѣла, рѣшалъ всѣ вопросы, и сдавалъ всѣ бумаги, говоря, что надобно *очистить свой кабинетъ* (nettoyer son cabinet). Къ мѣрамъ предосторожности его принадлежали также два повелѣнія:

перевезти папу изъ Савоны въ Фонтенбло, и бывшаго короля испанскаго Карла IV изъ Марсели въ Римъ. Онъ опасался что Пій VII, непримиримый и непреклонный противникъ его, остававшійся въ перепискѣ и тайныхъ сношеніяхъ съ его врагами, можетъ быть предлогомъ къ какому нибудь смущенію во время похода въ Россію, и находясь въ Савонѣ, недалеко отъ моря, можетъ быть даже похищенъ Англичанами. Тѣже причины заставили его отправить Карла IV въ Римъ, хотя добрый старикъ вовсе не думалъ о политикѣ, и занимался только своею скрыпкою, музыкою и охотою. Онъ съ удовольствіемъ переселился въ великолѣпный дворецъ, назначенный ему въ Римѣ. Напротивъ, папа былъ везенъ больной, и въ большихъ страданіяхъ совершилъ переѣздъ; онъ прибылъ въ Фонтенбло уже гораздо послѣ отъѣзда Наполеона въ армію.

Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Парижѣ, Наполеонъ призывалъ къ себѣ попеременно всѣхъ министровъ, и далъ каждому изъ нихъ подробныя наставленія. Важнѣе другихъ были распоряженія его, переданныя военному министру Кларку и министру полиціи Савари. На первомъ лежало обширное управленіе военными средствами и заготовленіями; другой оставался тайнымъ окомъ Наполеона надъ умами и дѣйствіями каждаго Француза. Надъ всѣми министрами поставилъ онъ главою Камбасереса, благоразумнаго, кроткаго, умѣвшаго соглашать страсти своихъ подчиненныхъ; онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ

министровъ и получалъ всѣ приказанія прямо отъ императора. Наполеонъ велѣлъ совѣту сбираться каждый день и увѣдомлять его обо всемъ. «Не бойтесь утомить меня: отправляйте курьеровъ ко мнѣ каждый день», говорилъ Наполеонъ и старался ободрить своихъ министровъ, повторяя много разъ: «Будьте ревностны, господа, и черезъ три мѣсяца я привезу вамъ миръ» (Du zèle, beaucoup de zèle, messieurs, et dans trois mois je vous apporte la paix!). Увидимъ, что̀ было черезъ три мѣсяца послѣ отъѣзда гордаго императора.

Онъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу 9 Мая, въ 5 часовъ утра, вмѣстѣ съ императрицею Маріею-Луизою. Блистательный дворъ слѣдовалъ за ними во множествѣ экипажей. На другой день объявили въ *Монитерѣ*, что императоръ и императрица отправились въ Германію. Наполеонъ никогда не объяснялъ цѣли своихъ путешествій; но всѣ знали *куда* теперь былъ полетъ его.

До самаго Дрездена путешествіе его казалось безпрерывнымъ торжествомъ. Рядъ великолѣпныхъ придворныхъ каретъ, запряженныхъ каждая въ восемь лошадей, мчался по прекраснымъ долинамъ Шампаніи, къ Рейну. Вездѣ ожидали его толпы народа, который забывалъ все вблизи повелителя, окружившаго неслыханною славою имя императора Французовъ. Непритворныя, восторженныя восклицанія встрѣчали его въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ. Въ Шалонѣ былъ первый ночлегъ. Въ Мецѣ Наполеонъ осматри-

валъ крѣпость; въ Майнцѣ, гдѣ онъ останавливался въ императорскомъ дворцѣ, ему представлялись принцъ ангальтъ-кетенскій и герцогъ гессенъ-дармштатскій. Съ самаго Рейна толпу составляли уже не одни придворные чиновники французскіе, но и владѣтельные князья германскіе. Въ Ашаффенбургѣ явился князь Примасъ; въ Вирцбургѣ великій герцогъ, король виртембергскій, и великій герцогъ баденскій. Король саксонскій выѣхалъ за нѣсколько миль отъ Дрездена на встрѣчу Наполеона, и когда императорскій дворъ занялъ домъ Марколини, залы его каждый день наполнялись владѣтельными особами и ихъ семействами. Король саксонскій казался гостемъ въ своей столицѣ, а истиннымъ повелителемъ былъ Наполеонъ. 17 числа, на другой день по пріѣздѣ его въ Дрезденъ, туда явились императоръ и императрица австрійскіе; 26 числа прибылъ король прусскій съ своимъ наслѣднымъ принцемъ. Наполеонъ, занятой дѣлами полуміра и распоряженіями къ громадной войнѣ, находилъ время быть на торжественныхъ обѣдахъ и праздникахъ, какіе давались въ угожденіе его супругѣ. Не со всѣми владѣтельными особами былъ онъ равно любезенъ и вѣжливъ, но казался покровителемъ всѣхъ, стараясь особенно отличить отъ другихъ императора Франца и умную супругу его, которымъ оказывалъ самыя утонченныя, кокетливыя вѣжливости. Каждое утро въ пріемныхъ залахъ дворца можно было видѣть почти всѣхъ владѣтельныхъ государей нѣмецкой земли, которые ожидали взгляда и улыбки Наполеона — иногда тщетно. Не

меньше угожденій оказывали молодой супругѣ его, зная навѣрное, что тѣмъ смягчатъ желѣзное его сердце. Онъ вспоминалъ о томъ послѣ, говоря въ дни изгнанія своего: «Марія-Луиза не долго занимала тронъ Франціи, но могла вполнѣ насладиться величіемъ: міръ былъ у ногъ ея!»

Никакихъ дипломатическихъ переговоровъ не было въ Дрезденѣ, потому что еще прежде они всѣ были окончены: Наполеонъ былъ тамъ на пути къ своимъ арміямъ, желалъ только ослѣпить и обаять всѣхъ своимъ могуществомъ, и оставался въ ожиданіи графа Нарбонна. Долго не имѣя отъ него извѣстія, онъ отправилъ, 20 Мая, къ послу своему въ Петербургѣ приказаніе, испросить у Императора Александра разрѣшенія пріѣхать въ Вильну и повторить всѣ, уже извѣстныя возраженія и предложенія своего императора. 28 Мая возвратился Нарбоннъ, и прямо изъ дорожной повозки былъ введенъ въ кабинетъ Наполеона. Онъ привезъ отвѣтъ русскаго министерства на сообщенія, сдѣланныя ему министерствомъ французскимъ; онъ видѣлъ Александра посреди войскъ его, и не замѣтилъ въ немъ ни унынія, ни надменности, но удостовѣрился въ твердомъ его намѣреніи не отступать отъ своихъ требованій. Въ сообщеніяхъ русскаго министерства только подтверждалось то, что уже знали изъ сообщеній князя Куракина въ Парижѣ.

Когда Нарбоннъ разсказывалъ о своихъ свиданіяхъ и разговорахъ съ Императоромъ Александромъ, о мужествѣ и твердости, съ какими ожидали войны

всѣ, окружавшіе русскаго императора, о бодромъ и воинственномъ видѣ русскихъ войскъ, Наполеонъ ходилъ по комнатѣ и по временамъ прерывалъ своего генералъ-адъютанта разными вопросами. Выслушавъ его, онъ остановился, помолчалъ нѣсколько времени, и сказалъ громко: «И такъ рѣшено: нѣтъ средства примириться! Россія сама желаетъ войны: пойдемъ на встрѣчу ея желанію. Нечего больше терять время въ безполезныхъ переговорахъ.»

Въ тотъ же день велѣлъ онъ готовиться къ отъѣзду, подписалъ всѣ заготовленныя бумаги и посвятилъ остатокъ дня Маріи-Луизѣ, а на другой день, 29 Мая въ три часа утра, поскакалъ въ коляскѣ, гдѣ сѣлъ съ нимъ Бертье.

Дрезденъ стихъ, и безпрерывно выѣзжавшіе изъ города экипажи показывали, что съ Наполеономъ исчезла та сила, которая привлекла туда владѣтелей пол-Европы. Марія-Луиза отправилась въ Прагу, гдѣ оставалась она съ своими родителями до Іюня мѣсяца. Владѣтели германскіе удалились въ свои резиденціи.

Наполеонъ ѣхалъ черезъ Глогау, Познань, Торнъ и оттуда поворотилъ въ Данцигъ. Вездѣ осматривалъ онъ войска свои и исправленныя въ крѣпостяхъ укрѣпленія; вездѣ требовалъ отчета въ предписанныхъ имъ заготовленіяхъ. Въ Данцигѣ присоединился къ нему король неаполитанскій; всѣ другіе военачальники были при своихъ корпусахъ. Наполеонъ пробылъ четыре дни въ Данцигѣ, заблаговременно укрѣпленномъ съ

особою тщательностью, потому что въ немъ было главное складочное мѣсто всѣхъ запасовъ. Но вмѣстѣ съ заботами о продовольствіи своихъ армій, Наполеонъ помышлялъ такъ же и о послѣднемъ приказаніи своемъ Лористону. Допуститъ ли его къ себѣ Императоръ Александръ? Въ искреннемъ разговорѣ съ Мюратомъ, Бертье и Раппомъ, во время пребыванія своего въ Данцигѣ, Наполеонъ сказалъ: «Войскамъ еще остается пятнадцать дней пути до русскихъ границъ; можетъ быть, Лористонъ и добьется какихъ нибудь объясненій! . . . Но когда станемъ на берегахъ Нѣмана — все кончено! Если не пойду я — они двинутся на насъ.»

И такъ, почти до послѣдней минуты онъ еще сохранялъ надежду на миръ. Отъ того видна какая-то перѣшительность во всѣхъ предварительныхъ его распоряженіяхъ: войска двигались впередъ, но опредѣленнаго плана для военныхъ дѣйствій не было. Наполеонъ хотѣлъ только сосредоточить громаду войскъ на Нѣманѣ, и потомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Онъ употреблялъ всѣ военныя стратагемы: велѣлъ Шварценбергу именовать свой корпусъ *первымъ* австрійскимъ, и распускать слухъ, что за нимъ слѣдуетъ *второй, третій*, и что всѣхъ австрійскихъ войскъ будетъ до 150,000 человѣкъ. Изъ Дрездена отправилъ онъ въ Варшаву посломъ интриганта и болтуна Прадта, архіепископа мехельнскаго, возбуждать умы легкомысленныхъ Поляковъ, и ободрять ихъ вооруженія противъ Россіи. Въ Константинополь былъ еще преж-

де отправленъ хитрый, искусный дипломатъ генералъ Андреосси, съ убѣжденіями къ дивану продолжать войну съ Россіею; онъ не щадилъ никакихъ увѣреній и обольщеній, для воспламененія Турковъ къ завоеванію у Россіи всего, потеряннаго ими въ прежнія войны. Но всѣ такія *устрашенія* были слѣдствіемъ мысли Наполеона: склонить русскаго императора къ миру безъ войны. Видимъ, что онъ очень надѣялся на успѣхъ, когда ожидалъ его приближаясь къ самымъ границамъ Россіи. Не переставая заниматься послѣдними распоряженіями къ войнѣ, онъ переѣхалъ изъ Данцига въ Кенигсбергъ и оставался тамъ нѣсколько сутокъ, посвящая дни и ночи отправленію приказовъ корпуснымъ начальникамъ и интендантамъ, распоряжавшимъ движеніями безчисленныхъ заготовленій, слѣдовавшихъ за арміею. 19 Іюня (н. ст.) онъ прибылъ въ Гумбинненъ; здѣсь получилъ онъ отъ Лористона донесеніе, что ему отказано въ дозволеніи пріѣхать въ Вильну, и только дано знать, что онъ можетъ излагать свои требованія письменно. Наполеонъ принялъ это за рѣшительное объявленіе войны, приказалъ выдать князю Куракину паспорты, и далъ знать Лористону, чтобы онъ потребовалъ своихъ для выѣзда изъ Россіи. Въ то же время корпуснымъ командирамъ предписано объ ускореніи похода къ Нѣману и назначены сборныя мѣста. Курьеры поскакали въ разныя стороны, а самъ Наполеонъ отправился въ Вилковискъ.

Громады войскъ его, утомленныхъ походомъ и

ожиданіемъ, воспламенились новымъ порывомъ, и шумно, радостно заколебались неизмѣримые строи воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ, жившихъ только войною и для войны.

Кто могъ ожидать, что эта безчисленная армія, лучшая изъ всѣхъ, какія бывали у Наполеона во все время побѣдной его жизни, не разгромитъ, не пожретъ Россіи, уже разстилавшейся передъ нею, по другому берегу Нѣмана?

Жребій былъ брошенъ!

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ВОЙНА СЪ РОССІЕЮ. ПОХОДЪ 1812-ГО ГОДА.

La Russie est entraînée par la fatalité; ses destins doivent s'accomplir. Nous croit-elle donc dégénérés? Ne serions-nous donc plus les soldats d'Austerlitz?

Слова Наполеона.

Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.

Слова Александра.

«Солдаты! началась вторая польская война. Первая кончилась въ Фридландѣ и Тильзитѣ; тамъ Россія клялась въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и войнѣ съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она свои клятвы. Она не хочетъ объяснить своего страннаго поведенія, пока орлы французскіе не удалятся за Рейнъ, оставляя нашихъ союзниковъ ея произволу. Россія увлечена рокомъ. Жребій ея долженъ совершиться. Не почитаетъ ли она насъ ослабѣвшими? Развѣ мы уже не солдаты аустерлицкіе. Она ставитъ насъ между безславіемъ и войною. Выборъ не можетъ быть сомнительнымъ. Пойдемъ впередъ, перейдемъ Нѣманъ, перенесемъ войну въ землю непріятелей. Вторая война польская будетъ славна французскому оружію. Но

миръ, который мы заключимъ, дастъ намъ ручательство за него, и положитъ предѣлъ пагубному вліянію, какое уже пятьдесятъ лѣтъ производитъ Россія на дѣла Европы.»

Таковъ былъ приказъ, разосланный по полкамъ французской арміи изъ Волковиска, Іюня 11-го, 1812 года, и встрѣченный восклицаніями воиновъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» Въ прусскихъ и австрійскихъ полкахъ смыслъ приказа былъ измѣненъ; говорили только о чести принадлежать къ великой арміи, о славѣ и наградахъ.

Среди безконечныхъ рядовъ пѣхоты, конницы, артиллеріи и обозовъ, мчалась карета Наполеона. По протяженію Нѣмана растягивались ополченія разнонародныя. На четырехъ стахъ верстахъ двигались слишкомъ четыреста тысячь строеваго войска, съ безчисленнымъ обозомъ. Макдональдъ былъ въ Тильзитѣ, съ 25,000-ми; вице-король, Сенъ-Сиръ и Груши шли къ Пренамъ съ 70,000-ми; Іеронимъ, съ Понятовскимъ, Ренье, Вандамомъ и Латуръ-Мобуромъ, къ Гродно и Бѣлостоку, съ 65,000-ми; южнѣе всѣхъ, въ Дрогичинѣ, находился Шварценбергъ съ 30,000 Австрійцовъ. Но главныя силы сдвинулись на Ковно; здѣсь были: Даву, Ней, Удино, Мортье, Лефевръ, Бессьеръ, Нансути, Монбрюнъ — сюда устремился Наполеонъ. Болѣе 200,000 войска стѣснилось въ изгибѣ Нѣмана, на востокъ выше впаденія Виліи отъ Ковно до Пренъ. Вечеромъ, Іюня 24 (12-го, явился здѣсь Наполеонъ, и въ сюртукѣ и фуражкѣ польскаго полковника, съ

Бертье и генераломъ Гаксо, обозрѣлъ мѣста переправы черезъ Нѣманъ. Генералъ Эбле началъ наводить три моста. Безмолвно стояли войска. Ничего не видно и не слышно было за Нѣманомъ. Тамъ протягивались необозримые пески и мрачные лѣса. Три сотни Поляковъ переправились на другой берегъ, и захватили деревню; отрядъ лейбъ-казаковъ, Жмурина, обмѣнялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами, и разсѣялся въ окрестныхъ лѣсахъ, поспѣшая извѣстить своего начальника, генерала Орлова-Денисова. Такъ нѣкогда на пескахъ Египта встрѣтили Наполеона нѣсколько арабскихъ всадниковъ. Послѣ полуночи двинулось войско по тремъ мостамъ, устроеннымъ вблизи кургана, находящагося влѣво отъ деревни Лежи, а два другіе къ Понемунамъ, въ 150 саженяхъ разстоянія одинъ отъ другаго. На высотѣ, гдѣ разбита была императорская палатка, стоялъ *онъ*, окруженный толпою генераловъ, офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ, штабомъ. День насталъ ясный, жаркій, удушливый, предвѣщая грозу. Недовольно было ему безмолвнаго издали созерцанія; онъ сѣлъ на лошадь, поскакалъ къ мосту, самъ распоряжалъ переправою, переѣхалъ на другой берегъ, быстро проѣхалъ нѣсколько верстъ, и воротился опять къ мостамъ, когда загремѣла страшная гроза, хлынулъ проливной дождь. Наполеонъ укрылся въ какомъ-то бѣдномъ монастырѣ. Такъ прошелъ день. На ночь, Іюня 25-го, онъ прибылъ въ Ковно, откуда отступалъ казачій отрядъ, при наступленіи отрядовъ Нажоля и Морана. Въ безпорядкѣ, необходимомъ при

*

множествѣ войскъ, стѣсненныхъ на мостахъ, переправлялась армія, съ ея безконечными обозами и артиллеріею. Многіе ожидали немедленной встрѣчи съ непріятелемъ, но ничего не было слышно, не было видно ни войскъ, ни жителей, и только раздавались удары грома и слышался шумъ дождя, заглушавшіе гулъ переправы войскъ. Жребій былъ брошенъ, и возвращеніе было невозможно — новый Цезарь за Рубикономъ, и неумолимый рокъ печально закрылъ урну побѣдъ непобѣдимаго дотолѣ!

Мы сказали, что окончательнаго плана войны не было, и не могло быть. Двинуть громаду войскъ, вторгнуться въ предѣлы Россіи, и — если сіе нашествіе не устрашитъ Александра, если Русскіе осмѣлятся стать на борьбу, задавить ихъ превосходствомъ силъ. Подробности борьбы долженствовали зависѣть отъ времени, мѣстности, обстоятельствъ. Не было опредѣляемо ни мѣры пространства, ни продолженія времени похода. Предѣломъ движеній могъ быть *Нѣманъ* — могла быть *Москва*, а временемъ продолженія войны — одинъ годъ, два года.

Послѣ перехода за Нѣманъ, главныя основанія плана утверждались: Александръ не страшился вторженія, и принималъ вызовъ на борьбу. Растянутое положеніе русскихъ войскъ опредѣляло планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ Ковно Наполеонъ развилъ первыя подробности наступленія. Допустивъ скопленіе главныхъ силъ его у Ковно, Русскіе давали ему возможность разобщить двѣ главныя арміи ихъ, стоявшія

у Вильны и Волковиска. Если удастся ихъ разъединеніе, превосходство числа дастъ Наполеону средства разбить каждую отдѣльно, и повторить событія Іены и Ауэрштедта. Если Русскіе соединятся, онъ нападетъ на нихъ всею громадою, и рѣшитъ дѣло одною огромною битвою, отъ которой Русскіе не отказываются. Укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, крѣпости Динабургъ и Бобруйскъ, воздвигнутыя въ послѣднее время, и отсутствіе войскъ далѣе отъ Двины до Петербурга и отъ Днѣпра къ Москвѣ, показываютъ, что Русскіе полагаютъ здѣсь крайнія точки защиты, опредѣляя самое дальнее распространеніе непріятеля на сѣверъ Ригою, на югъ Кіевомъ. До дня вступленія непріятельскаго въ Россію, положеніе корпусовъ обѣихъ русскихъ армій оставалось прежнее: *1-я армія* отъ Россіенъ до Гродно (главная квартира Вильна; корпусъ *Витгенштейна* въ Россіенахъ, Кейданахъ, Юрбургѣ; *Баговута* въ Ортишкахъ и Яновѣ; *Тучкова* въ Трокахъ, у Вильны; *Шувалова* въ Олькеникахъ; авангардъ его, *Дороховъ*, въ Оранахъ; *Дохтурова* въ Лидахъ, противъ Гродно; кавалерійскіе резервные корпуса, *Уварова* въ Вилькомирѣ, противъ Ковно, *Корфа* за Вильною, въ Сморгонахъ, *Палена* у Лиды; гвардія по дорогѣ въ Дриссу за Вильною, въ Свенцянахъ); *2-я армія* у Волковиска; здѣсь были: пѣхотный корпусъ *Бороздина* и кавалерійскій *Сиверса*; корпусъ *Раевскаго*, южнѣе, у новаго двора; 3-я армія отдѣльно у Луцка. Гродно занимали казаки Платова. Около 35,000 человѣкъ составляли гарнизоны и за-

щиту Риги, Митавы, Динабурга, Борисова, Бобруйска, Мозыря, Кіева, Ольвіополя. Дунайская, 4-я армія, оставалась въ Молдавіи и Валахіи.

Въ слѣдствіе своего рѣшенія, Наполеонъ положилъ усиленно двинуться на Вильну, занять ее и въ ней утвердить главную точку дѣйствій, пока Макдональдъ изъ Тильзита угрожаетъ Митавѣ, Ригѣ, и правому крылу Русскихъ, Іеронимъ изъ Гродно отрѣзываетъ 2-ю армію, а вице-король подкрѣпляетъ его, или Наполеона, ибо можно было полагать, что Русскіе не отдадутъ Вильны безъ боя. Между тѣмъ Шварценбергъ изъ Дрогичина останавливаетъ 3-ю армію, и нападаетъ на нее, или съ фланга бьетъ 2-ю армію, пока война съ Турціею удерживаетъ 4-ю русскую армію на Дунаѣ.

Утромъ, Іюня 26-го, самъ Наполеонъ повелъ свою гвардію, а Мюратъ и Даву двинули кавалерію и пѣхоту прямо на Вильну, черезъ Жижморы; Удино и Ней пошли туда по теченію Виліи. Русскіе не являли сопротивленія. Только легкіе конные отряды и казаки, уходившіе почти безъ боя, встрѣчались по дорогѣ. 28-го утромъ приблизились къ Вильнѣ — она была оставлена Русскими; арріергардъ корпуса Тучкова, встрѣченный у Вильны, поспѣшно отступилъ. Лейбъ-казаки схватывались съ мюратовыми гусарами, но не упорствовали въ битвѣ.

Мы видѣли, что послѣ союза Наполеона съ Австріею, мысль Александра перенесть наступательную войну въ Пруссію была отмѣнена. Война долженство-

вала быть въ предѣлахъ Россіи, и оборонительная. Войска русскія занимали обширное протяженіе по границамъ, ибо нельзя было знать направленія силъ наполеоновыхъ, послѣ узнанія коего война могла перейти въ наступательную. Предполагали, что если Наполеонъ усиленно пойдетъ на Вильну, 1-я армія оставитъ Вильну, отступитъ, сосредоточится у Свенцянъ, между Соколкою и Кобыльниками. При устремленіи на нее непріятеля, Платовъ и 2-я армія дѣйствуютъ въ тылъ и во флангъ его, а 3-я армія, защищая Волынь, при усиленномъ движеніи на нее, отступаетъ даже до Кіева, а при устремленіи австрійскаго корпуса въ тылъ Багратіона, отвлекаетъ его нападеніемъ. Столь сложныя движенія могли показаться слишкомъ раздѣльными и опасными передъ такимъ непріятелемъ, каковъ былъ Наполеонъ. Въ нихъ видно было вліяніе совѣтовъ нѣмецкой тактики. Багратіонъ предполагалъ для 2-й арміи еще другую мѣру, но уже слишкомъ отважную. Онъ просилъ позволенія, при переходѣ непріятеля за Нѣманъ, идти на Варшаву, и отвлечь тѣмъ силы его, дѣйствуя на его сообщеніяхъ. Въ случаѣ опасности, Багратіонъ хотѣлъ отступать на Брестъ, соединиться съ Тормасовымъ, и содѣйствовать 1-й арміи. Столь отдаленное движеніе, когда главной арміи грозилъ ударъ вблизи, не было принято, но тѣмъ не менѣе предполагая скорое заключеніе мира съ Турціею, Дунайской арміи предписывали движеніе еще болѣе отдаленное. Она должна была идти черезъ Сербію и

Иллирію, побудить къ возстанію славянскія племена въ Далмаціи, и даже угрожать Италіи. *)

Неизвѣстность мѣры опасности и превосходства числа непріятелей, являли возможными всѣ исчисленныя распоряженія. Все было готово къ немедленному оставленію Вильны. Извѣстіе о вторженіи Наполеона привезено было въ Вильну 24-го Іюня. Императоръ Александръ не отказался отъ бала, даннаго въ тотъ день генераломъ Беннигсеномъ, въ загородномъ домѣ его, въ Закретѣ. Балашовъ тайно извѣстилъ Александра о пріѣздѣ курьера съ давно ожиданнымъ извѣстіемъ. Ночью приведены были въ движеніе всѣ русскія войска. На другой день объявлено о началѣ войны приказомъ по арміямъ: «Воины!» говорилъ Александръ — «вы защищаете Вѣру, отечество, свободу — Я съ вами! *На зачинающаго Богъ*!» Россія извѣщена о войнѣ письмомъ Александра къ главнокомандующему въ Петербургѣ. Памятны остались слова, коими оканчивалось сіе письмо: «*Не положу оружія, доколь ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ*». Александръ сдержалъ слово — болѣе: онъ не положилъ оружія, доколѣ не освободилъ Европу. Изъ Вильны вывозили казначейство, архивы, запасы. Барклай-де-Толли оставался въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, когда появились непріятельскіе отряды. Уже два дня всѣ корпуса 1-й арміи совершали отступленіе на Свенцяны, куда Але-

(* Бутурлинъ (изд. 2), т. I, стр. 124.

ксандръ отправился утромъ Іюня 26-го. Едва удалились русскія войска, жители Вильны обратились на встрѣчу Наполеона съ радостными кликами. Магистратъ Виленскій поднесъ ему ключи города. Вечеромъ освѣтили Вильну, радуясь освобожденію древняго города гедиминова и торжествуя возстановленіе Польши.

Начало казалось удачнымъ. Занятіемъ Вильны положено было первое раздѣленіе двухъ русскихъ армій. Оставаясь въ Вильнѣ, Наполеонъ немедленно распорядился дальнѣйшимъ движеніемъ противъ русскихъ армій. Мюратъ и Ней перешли за Вильну и преслѣдовали 1-ю армію на Свенцяны; Удино велѣно стараться отдѣлить отъ нея корпусъ Витгенштейна; Напасути шелъ наперерѣзъ пути корпуса Дохтурова. Но главное вниманіе Наполеона устремлялось на 2-ю армію и Платова. Даву, съ 50,000 двинулся изъ Вильны на Минскъ, отрѣзывая ихъ отъ 1-й арміи; Іеронимъ, съ Понятовскимъ, Вандамомъ и Латуръ-Мобуромъ, долженъ былъ дѣйствовать во флангъ 2-й арміи; южнѣе въ тылъ ея, предписано идти Шварценбергу, предоставя наблюденіе за 3-ю русскою арміею Ренье, съ его Саксонцами.

Быстрота и рѣшительность движеній Наполеона не только не разстроили отступленія 1-й арміи, но не отдѣлили отъ нея даже ни одного отряда. Всѣ корпуса отступили стройно, разрушая за собою мосты и пользуясь дождливою погодою, затруднявшею походъ Французовъ. Арріергардъ Витгенштейна, застигнутый въ Вилкомирѣ, отразилъ нападеніе Удино,

и Витгенштейнъ соединился съ арміею въ Соколкѣ. Дохтуровъ счастливо укрылся отъ Даву, стремившагося противъ Багратіона, избѣгнулъ нападенія Нансути, и соединился съ 1-ю арміею, идя усиленными маршами, по 40 верстъ въ день. Всего замѣчательнѣе было отступленіе Дорохова: составляя авангардъ корпуса Шувалова, онъ не получилъ во-время приказа отступать, былъ окруженъ отвсюду, не думалъ сдаваться, и уже не имѣя возможности обратиться къ своему корпусу, успѣлъ примкнуть къ отрядамъ Платова, послѣ невѣроятныхъ усилій, сражаясь и уходя въ теченіе нѣсколькихъ дней, не оставя непріятелю ни одного орудія. Отъ утомленія, не только потъ, кровь выступала у солдатъ. Но обширное развитіе движеній Наполеона и оказавшаяся многочисленность войскъ его, заставили Императора Александра отмѣнить прежній планъ военныхъ дѣйствій. Являлась необходимость избѣгнуть раздѣльнаго дѣйствія русскихъ армій, и соединить ихъ для выдержанія натиска непріятельскаго, или нанесенія ему удара. Вслѣдствіе сего спѣшили приказать Багратіону, не оставаясь во флангѣ непріятеля, напротивъ, сколько можно поспѣшнѣе идти на соединеніе съ 1-ю арміею черезъ Новогродекъ и Вилейку. Платову съ Дороховымъ велѣно было прикрывать маршъ Багратіона. Положено оставить Свенцяны, и Дрисскій лагерь назначенъ былъ мѣстомъ соединенія и остановки обѣихъ армій. Іюля 2-го двинулась туда 1-я армія, и 9-го вступила въ сей лагерь, слабо преслѣдуемая Мюра-

томъ; только 5-го Іюля завязывалъ онъ кавалерійское дѣло на Диснѣ, но его отбили, и по переходѣ рѣки сожгли мостъ.

Наполеонъ торжествовалъ. Почти безъ битвъ, когда не прошло двухъ недѣль отъ перехода его за Нѣманъ, войсками его заняты были половина Литвы и столица литовская, гдѣ еще такъ недавно могущимъ самовластителемъ являлся Александръ, среди многочисленной арміи своей. Главная русская армія, предполагавшая остановиться за Вильною, считала себя счастливою, успѣвши удалиться на крайній предѣлъ защиты, въ Дрисскій лагерь. Вторую русскую армію Наполеонъ полагалъ своею вѣрною добычею. Казалось, ей невозможно будетъ избѣгнуть отъ трехъ устремленныхъ на нее армій. Въ ожиданіи извѣстій о пораженіи Багратіона, предоставляя наблюденіе за движеніемъ 1-й арміи Мюрату и Нею, онъ занялся распоряженіями, оставаясь въ Вильнѣ, весело пировавшей и являвшей собою мѣсто пребыванія могущественнаго монарха. Великолѣпную свиту Наполеона умножили иностранные послы, пріѣхавшіе въ Вильну. Явился Маре, и изъ виленскаго кабинета своего Наполеонъ распоряжался дѣлами Европы. Курьеры ежедневно доставляли ему донесенія изъ Парижа, Италіи, Испаніи. Европа безмолвствовала. Монархи европейскіе разъѣхались изъ Дрездена, и дружескими увѣреніями желали исполненія предпріятій Наполеона, не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Марія Луиза посѣтила Прагу, явилась здѣсь своему родителю и народу его въ величіи

первой царицы въ мірѣ, и благополучно достигла Парижа. Приказы Наполеона, касательно папы и короля Карла IV, были исполнены: полубольнаго Пія VII-го перевезли въ Фонтенбло; Карлъ IV-й отправился въ Римъ. По возвращеніи императора австрійскаго въ Вѣну, и короля прусскаго въ Берлинъ, послы русскіе оставили австрійскую и прусскую столицы. Ожеро, генералъ-губернаторъ Берлина, управлялъ самовластно Пруссіею, какъ вѣнскимъ кабинетомъ правилъ посолъ Наполеона. Только вѣсти изъ Испаніи не были благопріятны; но Наполеонъ не страшился ихъ. За ненависть Испанцовъ могли вознаградить его любовь и восторги Поляковъ. И что̀ значили мгновенныя удачи Англичанъ въ Испаніи, когда черезъ нѣсколько дней побѣда должна была покорить ему Россію, если только императоръ Александръ, видя разразившуюся надъ нимъ грозу, не попроситъ мира, не осмѣливаясь испытывать случайности битвъ, успѣхъ коихъ можно было предвидѣть по началу похода? Дѣйствительно, Александръ не замедлилъ неожиданною присылкою въ Вильну довѣренной особы. Полагая, что присланный отъ русскаго императора будетъ просить мира, Наполеонъ велѣлъ принять его сурово, и готовился говорить съ нимъ какъ побѣдитель. Посломъ Александра былъ министръ полиціи Балашевъ. Его не допустили прямо къ Наполеону; Даву остановилъ его, вытребовалъ у него письмо, привезенное имъ, окружилъ стражею его жилище, и уже черезъ два дня Наполеонъ принялъ Балашева въ Вильнѣ, въ томъ самомъ домѣ, даже въ той самой

комнатѣ, откуда послалъ его Императоръ Александръ. Не ошибался Наполеонъ: рѣчь шла о мирѣ, только не *просить* мира, а *согласиться на него, при извѣстныхъ условіяхъ*, поручено было Балашеву. Присылка его была болѣе оправданіемъ отказа въ позволеніи Лористону пріѣхать въ Вильну. Александръ не хотѣлъ оставить за собою упрека, что онъ отвергъ какой либо предлогъ къ миру. Письмо, присланное съ Балашевымъ, было исполнено высокой увѣренности въ правотѣ дѣла и въ силахъ защитить его. «Узнавъ, что войска В. В., не смотря на постоянство, съ какимъ поддерживалъ я донынѣ всѣ связи мои съ вами, перешли предѣлы Россіи,» писалъ Александръ, «сейчасъ получилъ я также ноту графа Лористона, гдѣ поводомъ сего непріязненнаго поступка представляетъ онъ то, что В. В. почитали уже себя въ войнѣ со мною съ тѣхъ поръ, когда князь Куракинъ потребовалъ у васъ поспортовъ. Причины отказа въ дачѣ ихъ не заставляли меня подозрѣвать, что поступокъ посла моего послужитъ предлогомъ къ вашему нападенію. Мой посолъ поступилъ произвольно, въ чемъ онъ самъ сознался; я не одобрилъ его поступка и велѣлъ ему остаться при его мѣстѣ. Если В. В. не намѣрены проливать крови изъ недоразумѣній такого рода, и *согласитесь удалить войска ваши изъ русской земли*, все прошедшее почту я какъ будто не бывшимъ, и соглашеніе между нами будетъ еще возможно. Въ противномъ случаѣ, В. В. принудите меня видѣть въ васъ непріятеля, котораго ни чѣмъ не вызывалъ я на вражду

съ моей стороны. Отъ В. В. зависитъ избавить человѣчество отъ тревогъ новой войны.»

И такъ, Александръ соглашался говорить о мирѣ, но тогда только, когда Наполеонъ выведетъ войска изъ Россіи. Условія Наполеону! Предложеніе могло показаться насмѣшкою. Пригласивъ Балашева обѣдать, прежде и послѣ обѣда долго разговаривалъ съ нимъ Наполеонъ, жаловался на неискренность Александра, на людей, умѣвшихъ поссорить ихъ, сказалъ, что готовъ мириться немедленно, но что предлагать ему воротиться за Нѣманъ, значитъ предлагать ему безчестіе. Горделиво хвасталъ онъ своими войсками, своими надеждами на побѣду. «Войскъ у меня втрое болѣе вашего; война—мое торжество; мной руководитъ разсчетъ, а не страсти. Пойду въ ваши степи, совершу три, четыре похода. Я не воротился изъ Пруссіи; какъ возвращаться теперь, когда съ перваго шага вы бѣжите, и я покорилъ Литву? Кого вы поставите противъ меня? Самъ императоръ Александръ не полководецъ; Кутузова онъ не любитъ; Беннигсенъ и за шесть лѣтъ былъ уже слишкомъ старъ; Барклай? Да, онъ будетъ маневрировать; онъ храбръ, знаетъ войну, но онъ генералъ для отступленій. Вы, Русскіе, еще не дозрѣли до побѣдъ — начитались Жомини, и думаете, что уже выучились воевать; но если бы по книгамъ Жомини можно было выучиваться, неужели я позволилъ бы ихъ издавать?» — Балашевъ давалъ волю дерзкимъ словамъ, но и самъ не щадилъ Наполеона. Зашла рѣчь, что въ Москвѣ *сорокъ сороковъ церквей.*

«Тысяча шесть соть церквей въ наше время, когда нѣтъ религіи!» сказалъ насмѣшливо Наполеонъ. «Извините, государь,» отвѣчалъ Балашевъ, «религія есть еще въ Россіи и въ Испаніи!» — «На какіе города идетъ дорога къ Москвѣ?» спросилъ Наполеонъ. «На разные,» отвѣчалъ Балашевъ — «Карлъ XII шелъ въ Москву черезъ Полтаву.» Послѣднимъ словомъ Наполеона было: «не затѣмъ перешелъ я Нѣманъ, чтобы возвращаться!» Таковы были переговоры, таковъ былъ и длинный отвѣтъ Наполеона на письмо Александра. То упрекая его, то оправдывая себя, и особенно оскорбляясь отказомъ въ переговорахъ съ Лористономъ, «я понялъ тогда,» говорилъ въ заключеніе Наполеонъ, «что *жребій брошенъ, и невидимое Провидѣніе, права и власть коего всегда признаю я, рѣшило наше дѣло, какъ многія другія* (Je compris alors que le sort en était jeté; que cette providence invisible, dont je reconnait les droits et l'empire, avait décidé de cette affaire comme de tant d'autres) . . . . Языкомъ, которымъ говорили со мною въ послѣднее время, могла говорить только Екатерина съ послѣднимъ королемъ польскимъ. Война объявлена. *Самъ Богъ не можетъ того, чтобы то, что уже сдѣлано, не было сдѣлано*» (Dieu même ne peut pas faire que ce qui a été n'ait pas été).» Излагая пользы, полученныя Россіею отъ союза съ нимъ — пріобрѣтеніе Бѣлостока, Тарнополя, Финляндіи, и возможность пріобрѣсть Молдавію и Валахію, и увѣряя, что онъ желалъ добра Россіи, «В. В. не достало

настойчивости въ вашей политикѣ, довѣренности ко мнѣ, и, позвольте мнѣ сказать, искренности,» говорилъ Наполеонъ. «Вы погубили свою будущность.» Наполеонъ предлагалъ начать переговоры, не оставляя оружія, и въ самой войнѣ положить особенныя условія о призрѣніи раненныхъ и размѣнѣ плѣнныхъ. «Мнѣ остается,» заключалъ онъ письмо свое, «просить В. В. вѣрить тому, что, скорбя о направленіи, какое даете вы вашей политикѣ, столь пагубномъ для насъ и народовъ нашихъ, я не измѣняю чувствъ моихъ къ вамъ, ибо они внѣ всякихъ событій, и *если счастіе снова поблагопріятствуетъ моему оружію, В. В. найдете меня, какъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, исполненнымъ дружбы и почтенія къ вашимъ прекраснымъ и великимъ качествамъ, и готоваго доказать вамъ на дѣлѣ мои чувства.*»

Посольство Балашева замѣчательно тѣмъ, что оно было послѣднимъ переговоромъ Александра съ Наполеономъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда въ 1805 году, онъ прекратилъ съ Наполеономъ всѣ сношенія, и война была объявлена непримиримая, не допускавшая даже мысли о мирѣ безъ побѣды. Такъ думалъ и Наполеонъ, говоря послѣ отъѣзда Балашева: «Развѣ такъ мирятся? Развѣ такъ просятъ мира, если хотятъ его искренно? Развѣ такъ говорили въ Тильзитѣ? Имъ надобно нѣсколько дней отдыха, надобно спасти Багратіона, и они проводятъ меня миромъ. Хорошо, докончимъ, что начали, и заставимъ ихъ въ самомъ дѣлѣ просить мира!»

Среди надежды успѣховъ и упоенія гордости, не обходилось безъ огорченій. Подобно Испаніи, роковой странѣ для Наполеона, Польша, какъ всегда, подвергла его большому затрудненію. Испанія вредила ненавистью, а Польша любовью къ Наполеону; одна, отнимая свою самобытность у Наполеона, другая — требуя ея у него. Мы уже говорили о сходствѣ отношеній Наполеона къ Польшѣ въ 1812 году съ отношеніями его къ Полякамъ въ 1807 и 1809 годахъ. Недовольные прежде, Поляки не хотѣли теперь удовольствоваться, какъ прежде, одними обѣщаніями, ибо они видѣли важность своего пособія Наполеону. Увлекаемые безразсудными надеждами, паны польскіе встрѣтили Прадта въ Варшавѣ кликами о свободѣ и немедленномъ возстановленіи Польши, когда посланному Наполеона велѣно было только стараться о наборѣ войскъ и сборѣ денегъ. Надлежало хитрить, обманывать, медлить. Паны обѣщали отдать все, идти всѣ поголовно, но тогда только, когда вполнѣ возставятъ Польшу и дадутъ ей короля. Видя нерѣшительность отвѣтовъ посла Наполеонова, Поляки хотѣли поступить рѣшительно: они собрали сеймъ въ Варшавѣ, избрали маршаломъ его стараго князя Адама Чарторійскаго, при громкихъ кликахъ провозгласили возстаніе Польши, и отправили къ Наполеону въ Вильну депутатовъ. Представленные ему, депутаты произносили великолѣпныя рѣчи. «Государь!» восклицалъ депутатъ Выбицкій, «скажите одно слово, скажите:» да будетъ Польша! «и слово ваше будетъ для цѣлаго міра равносильно дѣйствительному возста-

15*

новленію Польши!» Нѣсколько дней ждали депутаты отвѣта Наполеонова. Принужденный дать его, онъ наговорилъ множество неопредѣленныхъ словъ. «На вашемъ мѣстѣ, я самъ дѣйствовалъ бы такъ, какъ дѣйствуете вы,» сказалъ онъ, «но въ настоящемъ положеніи моемъ, мнѣ надобно согласить выгоды многихъ, исполнить многія обязанности (beaucoup d'interêts à concilier, et beaucoup de devoir à remplir). Будь я при раздѣлѣ Польши, я безусловно сразился бы за васъ. Люблю вашъ народъ, сдѣлаю для васъ все возможное. Я видѣлъ вашихъ солдатъ на поляхъ Италіи и Испаніи. Если явится у васъ единодушіе, вы заставите враговъ признать ваши права. Но въ странахъ столь обширныхъ и раздѣленныхъ, единственно единодушіе усилій всего народонаселенія ручается за успѣхъ. Такъ говорилъ я при первомъ приходѣ моемъ въ Польшу. Мнѣ должно прибавить, что я *подтвердилъ императору австрійскому неприкосновенность его владѣній, и не могу одобрить ничего, что нарушитъ ему спокойное обладаніе участкомъ его въ областяхъ Польши.* Пусть Литва, Самогиція, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна, Подолія оживятся духомъ великой Польши, и Провидѣніе благословитъ ваши начинанія успѣхомъ. *Я награжду преданность вашу всѣмъ, что можетъ по обстоятельствамъ отъ меня зависѣть.*» Отвѣтъ Наполеона не удовлетворилъ никого, оскорбилъ всѣхъ, и только продолжилъ ошибку, начатую имъ съ 1809 года. Руки опустились у Поляковъ. Любимая мечта ихъ

была разрушена, и послѣ отвѣта своего въ Вильнѣ, Наполеонъ навсегда потерялъ Польшу.

Такъ же встрѣчены были имъ всѣ громкіе возгласы литовскихъ пановъ. Имъ обѣщали все, но прежде всего требовали людей, лошадей, хлѣба, денегъ; молчали о возстановленіи Польши, и для управленія Литвою учредили временное правленіе, подъ предсѣдательствомъ генерала Гогендорпа; Биньонъ назначенъ былъ главнымъ коммисаромъ при коммиссіи, которую составили Прозоръ, Сѣраковскій, Сапега, Сельскій, Потоцкій, Снядецкій, Коссаковскій. Литва раздѣлена была на интенданства; всюду посланы были французскіе чиновники. Велѣно учреждать по городамъ народную гвардію, но всего болѣе надлежало заботиться о сборѣ людей, лошадей, запасовъ, учрежденіи магазиновъ и госпиталей. Комендантомъ виленскимъ назначенъ былъ Жомини; потомъ перевели его въ Смоленскъ. Наполеонъ вскорѣ увидѣлъ охлажденіе къ нему Поляковъ, чему еще болѣе способствовали дальнѣйшія слѣдствія похода. «Побѣда кончитъ и примиритъ все,» думалъ онъ.

И тѣмъ болѣе огорчила его ошибка въ надеждѣ неизбѣжной гибели 2-й русской арміи. Какъ левъ, обхваченный ловцами, Багратіонъ спасъ ее и успѣлъ избѣжать отъ всѣхъ трехъ, устремленныхъ на него армій.

Мы говорили о повелѣніи Багратіону идти прямо на соединеніе съ 1-ю арміею, въ Дриссу, черезъ Новогродекъ и Вилейку, и о посылкѣ на него Наполео-

номъ Даву изъ Вильны, Іеронима изъ Гродно, Шварценберга отъ Дрогичина. Приказъ Императора Александра Багратіонъ получилъ 30-го Іюня, въ Слониме, куда перешелъ изъ Волковиска, располагая по первому плану идти на Минскъ и дѣйствовать въ тылъ и флангъ Наполеону, стремившемуся на Вильну и Свенцяны. Исполняя новое распоряженіе, Багратіонъ отправилъ излишніе обозы въ Бобруйскъ, и 4-го Іюля перешелъ въ Новогродекъ; Платовъ прикрывалъ его движеніе, идя изъ Гродно на Лиду и Николаевъ, вверхъ по Нѣману. Въ Новогродкѣ узналъ Багратіонъ о занятіи Іеронимомъ въ тылу его Слонима. Впереди вездѣ встрѣчались Платову непріятельскіе разъѣзды, и плѣнники объявили, что Даву и вице-король уже готовы встрѣтить его между Новогродкомъ и Вилейкою. Багратіонъ рѣшился повернуть правѣе, на Минскъ, приказавъ Платову и Дорохову занимать непріятеля ложною переправою черезъ Нѣманъ въ Николаевѣ, а потомъ соединиться съ нимъ въ Минскѣ, черезъ Камень и Хатово.

Между тѣмъ, какъ нетерпѣливо ждалъ Наполеонъ извѣстій о пораженіи Багратіона, такъ нетерпѣливо ждали прибытія его въ 1-й арміи. Флигель-адъютантъ Бенкендорфъ посланъ былъ снова къ нему, съ приказаніемъ поспѣшать походомъ. Но Бенкендорфъ засталъ Багратіона уже въ Несвижѣ, на маршѣ въ Бобруйскъ, съ рѣшеніемъ идти черезъ Могилевъ. Опытный Даву не дался въ обманъ, не повѣрилъ движеніямъ Платова на Вилейку, хотѣлъ отрѣзать Багратi-

она въ Минскѣ, шелъ не останавливаясь, и сутками предупредилъ приходъ Багратіона въ Минскъ. Бенкендорфъ встрѣтилъ бѣжавшаго изъ Минска губернатора, и едва успѣлъ проскакать черезъ Минскъ до Несвижа, куда Багратіонъ пришелъ Іюля 8-го, когда 1-я армія вступила въ Дрисскій лагерь.

Далеко не избѣгъ еще тогда опасности Багратіонъ, и если до тѣхъ поръ не погибла 2-я армія, соединеніе ея съ 1-ю на столь обширномъ пространствѣ, когда Даву перерѣзалъ путь въ Минскѣ, казалось невозможнымъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ своевольнымъ, какъ казалось, распоряженіемъ Багратіона, приказывалъ ему напасть на Даву и пробиться черезъ Минскъ, полагая Даву въ силахъ недостаточныхъ противиться удару 50,000, бывшихъ съ Багратіономъ, и не зная, что Багратіона, ожидаемаго Даву впереди, преслѣдуетъ съ тыла Іеронимъ.

Когда Багратіона упрекали медленностью его движеній, въ томъ же упрекалъ Наполеонъ Іеронима. Дѣйствительно, онъ заслуживалъ упрекъ, промедливъ четыре дня въ Гродно и употребивъ четыре дня на переходъ до Новогродка. Здѣсь давая войскамъ необходимый отдыхъ въ Несвижѣ, Багратіонъ велѣлъ Платову задерживать его. Платовъ схватился съ польскими полками въ Кореличахъ, и разбилъ ихъ потомъ при Мирѣ (Іюля 9-го). Іеронимъ остановился. Напрасно писалъ ему Наполеонъ: «Пустите впередъ Поляковъ, отдайте всѣ легкія войска Понятовскому, и

только подкрѣпляйте его. Чего вы боитесь? Багратіону нѣкогда драться и маневрировать: ему только уйдти надобно. Бейте Русскихъ, задерживайте, если они пойдутъ на васъ, загородите имъ дорогу, если они станутъ уходить. Хуже вашего маневрировать невозможно, и вы будете причиною, если Багратіонъ уйдетъ. Черезъ васъ потеряю я плоды самыхъ искусныхъ разсчетовъ и самый прекрасный случай, какой только могъ встрѣтиться въ нынѣшней войнѣ!» Слова Наполеона оправдались, но упреки его брату только болѣе повредили дѣлу, нежели принесли пользы.

Между тѣмъ въ расположеніи 1-й русской арміи произошла важная перемѣна. Дрисскій лагерь, плодъ соображеній и трудовъ тактика Фуля, оказался неудобнымъ. Искусный инженеръ, полковникъ Мишо, вполнѣ доказалъ невыгоды его мѣстоположенія и устройства для пребыванія и защиты. Положено оставить его, и при наступательномъ движеніи непріятеля отступать къ Полоцку и Витебску, гдѣ открывалось болѣе удобствъ и для соединенія съ 2-ю арміею, черезъ Минскъ, или даже черезъ Могилевъ, если Багратіонъ найдетъ невозможнымъ пробиться черезъ Минскъ.

Наступательныхъ движеній Наполеона ждали недолго. Іюля 13-го, кончивъ распоряженія въ Вильнѣ, объ управленіи Литвы, продовольствіи войскъ, движеніи корпусовъ Ожеро и Виктора, онъ оставилъ тамъ Маре съ европейскими дипломатами, и подтверждая Даву объ усиленіи дѣйствій на 2-ю армію русскую,

двинулъ войска впередъ, намѣреваясь напасть на 1-ю армію, дѣйствовать въ правое крыло ея, разбить ее отдѣльно, и отбросить къ сѣверу. «Барклаю не видаться болѣе съ Багратіономъ,» говорилъ онъ, смѣясь. При первомъ движеніи Наполеона отъ Вильны началось отступленіе Русскихъ. Дрисскій лагерь очистили. Войска перешли за Двину, и 16-го Іюля, когда Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны, послѣ 18-ти дневнаго въ ней пребыванія, Барклай де Толли повелъ войска къ Полоцку. Противъ Дриссы оставленъ былъ за Двиною только корпусъ генерала Витгенштейна. Ему предписано наблюдать движеніе непріятеля въ сѣверныя области Россіи, къ чему давала подозрѣніе отдѣльность корпусовъ Макдональда и Удино. Едва выѣхалъ Наполеонъ изъ Вильны, какъ получилъ извѣстіе, что русскій конный отрядъ напалъ изъ-за Двины на одинъ изъ отрядовъ Мюрата, разбилъ его, и захватилъ въ плѣнъ генерала Сенъ-Жени. Опасаясь, не слѣдуетъ ли за отрядомъ конницы вся русская армія, Наполеонъ остановилъ движеніе войскъ, поспѣшилъ въ Свенцяны, и здѣсь убѣдился, что русскіе наѣздники учинили легкій набѣгъ для развѣдыванія о движеніи непріятеля; то былъ генералъ Кульневъ, посланный отъ Витгенштейна. Потерю времени въ сей нежданной остановкѣ Наполеонъ спѣшилъ замѣнить быстротою похода. Онъ остановился въ Глубокомъ, откуда равно могъ наблюдать Дриссу и Полоцкъ. Здѣсь прожилъ онъ недѣлю, сдвигая войска, и тщетно ожидавши извѣстій о гибели Багратіона двинулся въ Бѣшенковичи, между

Полоцкомъ и Витебскомъ, намѣреваясь не допустить здѣсь соединенія русскихъ армій, если бы Даву не успѣлъ преградить пути Багратіону черезъ Могилевъ. Корпусъ Удино занялъ Дриссу, срылъ укрѣпленія бывшаго тамъ русскаго лагеря, и получилъ приказаніе напасть на Витгенштейна и разбить его, дѣйствуя вмѣстѣ съ Макдональдомъ, который, наблюдая Ригу, долженъ былъ соображаться съ дѣйствіями Удино.

Объ усиленномъ наступленіи Наполеона узнали, когда 1-я русская армія стояла близъ Полоцка. Здѣсь Императоръ Александръ оставилъ русскую армію, и власть главнокомандующаго вполнѣ передана была имъ Б. де Толли. Облеченный полною довѣренностью Монарха, Б. де Толли принялъ тяжелую обязанность борьбы, когда повидимому дѣла сближались къ неизбѣжному рѣшенію. Положено было сражаться, едва соединится онъ съ Багратіономъ, и маневрировать до тѣхъ поръ, ибо превышавшія силы Наполеона не давали возможности противостать имъ одною 1-ю арміею. Движеніе Наполеона на Бѣшенковичи заставило Барклая де Толли опасаться, что непріятель отрѣжетъ ему сообщеніе съ Багратіономъ у Витебска. Іюля 20-го, армія оставила Полоцкъ. Миновавъ Бѣшенковичи, Б. де Толли думалъ переправиться за Двину, въ Будиловѣ, идти на Сенно и стать въ Оршѣ, закрывая дорогу въ Смоленскъ и сближаясь къ Багратіону; но удовольствовался только посылкою отряда по сему направленію, и 23-го Іюля вступилъ въ Витебскъ. Здѣсь пришло извѣстіе, что Багратіонъ на-

ходится уже въ Могилевѣ. Обрадованный тѣмъ, Б. де Толли полагалъ соединеніе армій совершившимся, поставилъ войско на лѣвомъ берегу Двины, противъ Полоцка, гдѣ фронтъ позиціи закрывала рѣка Лучеса, впадающая выше Витебска въ Двину. Передъ Витебскомъ, на правомъ берегу Двины, былъ корпусъ Дохтурова. Давая войскамъ нѣсколько времени на отдыхъ, Б. де Толли не рѣшился принять битвы, хотѣлъ только обороняться, и, въ случаѣ усиленнаго нападенія, двинуться на Оршу, сближаясь съ Багратіономъ, коего умолялъ поспѣшать. «Могу сражаться,» писалъ онъ, «но послѣдствія сраженія могутъ быть пагубны. Что дастъ послѣ того спасеніе отечеству, если армія, долженствующая прикрывать нѣдра его, сильно потерпитъ отъ пораженія, которое, при всѣхъ усиліяхъ, не есть невозможный случай? Судьба государства не должна быть ввѣрена уединеннымъ силамъ одной арміи противъ несравненно превосходнѣйшаго непріятеля — соединимся и сразимъ врага Россіи!» Твердый въ своемъ намѣреніи, Б. де Толли не страшился, что непріятель усиленно движется по обоимъ берегамъ Двины, что Мюратъ занялъ, 24-го Іюля, Бѣшенковичи, и что выше по Лучесѣ показывались отряды изъ Сенно на Бабиновичи. Б. де Толли рѣшился удерживать позицію подъ Витебскомъ, съ часу на часъ ожидая Багратіона. Іюля 25-го узнали, что непріятель идетъ отъ Бѣшенковичей къ Островно, селенію на лѣвомъ берегу Двины, передъ Витебскомъ и Лучесою. Генералъ Остерманъ-Толстой посланъ былъ удержать

Островно. Здѣсь вспыхнулъ первый бой Наполеона съ 1-ю русскою арміею. Обѣ стороны дрались упорно; 6 русскихъ пушекъ схвачены были при первомъ нападеніи Французовъ. Бой длился до ночи. Безстрашный Остерманъ не уступалъ ни шагу. На вопросъ, что прикажетъ онъ дѣлать, ибо артиллерія Французовъ наноситъ большой вредъ — «ничего не дѣлать» — отвѣчалъ Остерманъ: «стоять и умирать!» Ночью отвели войско на восемь верстъ ближе къ Витебску; Коновницынъ смѣнилъ Остермана и сталъ у Куковяки. Утромъ 26-го здѣсь возобновился бой. Явился самъ Наполеонъ, упорно тѣснилъ Русскихъ, къ вечеру занялъ поле битвы, велѣлъ поставить близъ Куковяки свою палатку, и располагалъ дать битву на слѣдующій день. Передъ нимъ, на берегахъ Лучесы, оставался авангардъ русской арміи, предводимый генераломъ Паленомъ. Рано утромъ двинулись Французы и были отбиты. Въ быстрой аттакѣ, лейбъ-казаки промчались даже до той баттареи, гдѣ стоялъ Наполеонъ, распоряжая будущею битвою; стремленіе ихъ остановилъ отрядъ, охранявшій Наполеона. Битвы равно ждали Французы и Русскіе. Мужественное упорство, оказанное Русскими въ двухдневныхъ сраженіяхъ, увѣряло ихъ въ успѣхѣ. Но когда Паленъ отбивалъ нападенія Мюрата, русская армія уже снималась съ мѣста, и отступала. Къ вечеру Паленъ перешелъ за Лучесу. Всѣ войска Наполеона сдвинулись къ ея берегамъ. Вице-король и Ней стояли отъ Двины по Лучесѣ; часть корпуса Даву, Нансути и гвардія были за ними;

Монбрюнъ находился на правомъ берегу Двины; Сенъ-Сиру велѣно идти во флангъ Русскимъ отъ Ушача, Груши отъ Орши.

Настало утро, и Наполеонъ изумился извѣстію, что русская армія оставила свою позицію и очистила Витебскъ. Паленъ ушелъ ночью. Наполеонъ не вѣрилъ, поскакалъ самъ за Лучесу: русскихъ армій не было слѣда. Заняли Витебскъ, откуда уѣхали губернаторъ, чиновники и удалилась большая часть жителей. Наполеонъ послалъ разъѣзды по дорогамъ петербургской, порѣчской и смоленской, видѣлъ, что Б. де-Толли отступаетъ на Порѣчье, остановилъ преслѣдованіе его, и возвратился въ Витебскъ. Войска французскія заняли все протяженіе земель отъ Велижа и Суража до Орши; въ Витебскѣ была главная квартира Наполеона. Трехдневныя битвы подъ Витебскомъ стоили Русскимъ до 4000 убитыми, раненными и плѣнными; генералъ-маіоръ Окуловъ былъ убитъ, а начальникъ артиллеріи 1-й арміи, генералъ Кутайсовъ, раненъ. Французы потеряли не менѣе: генералъ Руссель былъ убитъ подъ Островно.

Причиною перемѣны плана Б. де-Толли и отступленія отъ Витебска, было извѣстіе, полученное отъ Багратіона. Вопреки прежнему слуху, Даву предупредилъ его въ Могилевѣ, и Багратіонъ долженъ былъ отодвинуть свое отступленіе гораздо далѣе. Онъ могъ пройти только черезъ Мстиславль и, слѣдственно, соединиться съ Б. де-Толли уже близъ Смоленска. Такимъ образомъ, не Витебскъ, но Смоленскъ являлся

*

тою точкою, гдѣ могли остановиться русскія арміи. Б. де Толли двинулся туда. Онъ шелъ на Порѣчье, охраняя отправленные туда обозы и тяжести; Дохтуровъ былъ отряженъ поспѣшно въ Смоленскъ, предупреждая могущее быть движеніе туда Наполеона. Онъ достигъ Смоленска Іюля 31-го. Барклай де-Толли былъ въ Порѣчьѣ 29-го, и Августа 1-го также сдвинулся къ Смоленску. Авангардъ его, съ Паленомъ, остановился въ Холмѣ, на порѣчской дорогѣ, другой авангардъ, съ Шевичемъ, въ Руднѣ, на Витебской. Августа 2-го явился въ Смоленскъ Багратіонъ, и на другой день пришла изъ Мстиславля 2-я русская армія.

Опасенія Наполеона оправдались: одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ случаевъ, одинъ изъ самыхъ искусныхъ разсчетовъ похода были потеряны; но не во всемъ виноватъ былъ Іеронимъ, какъ говорилъ Наполеонъ: главною виною успѣшнаго отступленія Русскихъ были необыкновенныя воинскія дарованія Багратіона, мужество и неутомимость подчиненныхъ ему войскъ.

Вопреки полученному имъ приказу идти на Минскъ, Багратіонъ видѣлъ одно средство спасенія — предупредить Даву въ Могилевѣ. Туда направился онъ. Іюля 13-го Русскіе были въ Слуцкѣ, идя двумя колоннами, изъ коихъ въ передней находился Раевскій; ему велѣно пробиваться грудью, если Даву заградитъ путь; вторую колонну велъ Багратіонъ, готовый подкрѣплять Раевскаго, или арріергардъ Платова, отби-

вавшій съ тыла нападенія Іеронима. Багратіонъ готовъ былъ аттаковать Іеронима, увѣренный, что разобьетъ его, и потомъ отдѣльно ударитъ на Даву; но онъ опасался задержаться боемъ, поставить себя между двухъ огней, и зналъ, что всего важнѣе была не частная побѣда, но сохраненіе арміи. Отправя въ Мозырь излишніе обозы, раненныхъ, плѣнныхъ и больныхъ, Багратіонъ отбилъ нападенія Іеронима при Романовѣ, и вскорѣ освободился отъ своего неопаснаго преслѣдователя. Разсерженный безпечностью брата, Наполеонъ велѣлъ Даву принять надъ нимъ начальство. И безъ того недовольный упреками, понужденіями Даву, Іеронимъ почелъ оскорбленнымъ свое королевское величіе подчиненіемъ ему, сдалъ начальство генералу Таро, и не только оставилъ армію, но даже уѣхалъ изъ Россіи — дожидаться прихода Русскихъ въ Касселѣ, оставя незавидную память о своемъ походѣ въ Россію. Забывая санъ короля и званіе полководца, Іеронимъ шумно пировалъ съ своими молодыми офицерами по городамъ и селеніямъ, пьяный, билъ стекла въ домахъ, рубилъ саблею деревья въ садахъ помѣщиковъ, и не останавливалъ солдатъ, въ глазахъ его грабившихъ погреба и домы богатыхъ Поляковъ. Съ нимъ уѣхалъ Вандамъ, отзываясь болѣзнью. Наполеонъ разсердился. «Quelle incartade!» вскричалъ онъ, услышавши о поступкѣ брата, и говорилъ, что Іеронима слѣдовало разстрѣлять, какъ бѣглеца, но потомъ смягчился, и упрекалъ Даву за грубость обращенія съ его королевскимъ величествомъ,

а Вандаму поручилъ начальство надъ резервами въ Вестфаліи. Нѣсколько дней войска, бывшія подъ начальствомъ Іеронима, оставались бездѣйственными, тѣмъ болѣе, что Даву измѣнилъ планъ, надѣясь удержать Багратіона въ Могилевѣ своимъ корпусомъ и отрядами Понятовскаго и Латуръ-Мобура, которымъ велѣлъ идти изъ Несвижа черезъ Игуменъ; остальныя войска посланы были черезъ Минскъ на Оршу, куда пошелъ и Груши изъ Минска. Іюля 18-го Багратіонъ достигъ Бобруйска, гдѣ комендантъ сей вновь построенной крѣпости, генералъ-маіоръ Игнатьевъ, приготовилъ ему припасы и средства переправы черезъ Березину. Услуга была важная, ибо у Багратіона не было понтоновъ; при замедленіи непріятель могъ заградить ему путь въ Бобруйскѣ, заставить его спускаться до Рѣчицы на Днѣпрѣ, и, можетъ быть, вовсе отказаться отъ похода на Смоленскъ, невольно примкнувъ къ 3-й арміи, если онъ не хотѣлъ погибнуть сражаясь. Могилевъ былъ теперь спорнымъ мѣстомъ для Даву и Багратіона. Туда спѣшилъ Даву отъ Игумена, Багратіонъ изъ Бобруйска. Еще разъ Даву предупредилъ Русскихъ, не допустивъ даже губернатора сжечь могилевскіе магазины, и 20-го занялъ Могилевъ, когда Багратіонъ достигъ селенія Дашковки, близъ Могилева. Остановясь въ недоумѣніи, Багратіонъ рѣшился испытать силы. Даву ждалъ его у Салтановки, въ лѣсахъ, на правомъ берегу Днѣпра, и 23-го Раевскій началъ бой. Но усилія его и генерала Паскевича были тщетны. Напрасно рвались Рус-

скіе, ободряемые начальникомъ. Юный сынъ Раевскаго просилъ дать ему нести знамя; ровесникъ его, 16-ти лѣтній подпрапорщикъ, не отдалъ, говоря: «Я самъ умѣю умирать!» Потеря Русскихъ простиралась до 2000. Багратіонъ могъ возобновить сраженіе, даже надѣяться успѣха, но онъ убѣдился, что, для сохраненія арміи, ему оставалось предупредить непріятеля въ Мстиславлѣ. Онъ велѣлъ Платову перейдти черезъ Днѣпръ, обходить Могилевъ, разсыпать отряды казаковъ между Могилевомъ и Мстиславлемъ, прикрыть движеніе арміи, и потомъ идти къ Смоленску на Чаусы и Горки Приказъ былъ исполненъ, и Багратіонъ, оставя Даву дожидаться возобновленія битвы, имѣлъ возможность укрыться, перейдти Днѣпръ въ Быховѣ, и черезъ Пропойскъ и Чериковъ, 29-го Іюля, достигнуть Мстиславля. Августа 3-го полки Багратіона завидѣли башни смоленскія, и уже радостно обняли храбрыхъ товарищей, воиновъ арміи Барклая де-Толли, когда соединивъ до 60,000 войска, Даву ждалъ между тѣмъ Багратіона у Могилева и отбивалъ рои казаковъ, отвсюду налетавшіе. Когда отхлынули они съ пространства между Днѣпромъ и Сожею, Даву совершенно потерялъ изъ вида своего противника и двинулся къ Оршѣ, убѣдясь, что дальнѣйшее преслѣдованіе Багратіона было безполезно.

Такъ совершилось соединеніе Русскихъ армій у Смоленска! Въ виду Наполеона и армій его, 1-я русская армія совершила переходъ на 500-хъ, 2-я армія на 750-ти верстахъ, въ теченіе сорока дней. Осо-

бенно достоинъ былъ изумленія подвигъ Багратіона, умѣвшаго избѣгнуть преслѣдованія трехъ армій, далеко превосходившихъ его числомъ. Если дремучіе лѣса, глубокіе пески и бездонныя болота Минска и Могилева служили къ прикрытію его движеній, они также затрудняли ему слѣдованіе, когда, нерѣдко, растягивая армію на протяженіи 50 верстъ, Багратіонъ переходилъ по 40 и болѣе верстъ въ сутки. Величайшимъ пособіемъ были ему казаки, являвшіеся повсюду, и сбивавшіе всѣ разсчеты наполеоновыхъ генераловъ.

Въ Витебскѣ снова остановился Наполеонъ, и пробылъ до 14-го Августа. Двѣ недѣли бездѣйствовалъ онъ здѣсь. Ему было о чемъ подумать. Соединеніемъ русскихъ армій у Смоленска кончился первый періодъ похода. Надлежало рѣшить планъ окончанія его. Сей первый періодъ столь важенъ въ исторіи войны 1812 года, что необходимо здѣсь остановиться, и сообразить положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ въ то время, когда Наполеонъ оставался въ Витебскѣ, а Барклай де-Толли находился въ Смоленскѣ.

И безъ громкихъ бюллетеней дѣйствія Наполеона могли казаться блестящими. Передвинувъ полмилльона войскъ на край Европы, въ шесть недѣль провелъ онъ ихъ отъ Нѣмана до Витебска, овладѣлъ Литвою, сталъ на предѣлахъ коренной Руси, безъ боя заставилъ отступить 200 тысячь Русскихъ, оставлявшихъ во власти Наполеона города, области, лагери, гдѣ думали они противостать ему. Войска,

его угрожали вторженіемъ въ древній оплотъ Россіи, Смоленскъ; съ другой стороны окружили Ригу; стремились къ Петербургу. Непріятели уступали имъ послѣ каждой битвы, гдѣ рѣшались сопротивляться. Императоръ Александръ оставилъ свои войска, искалъ новыхъ средствъ спасенія Россіи. Досужіе поэты парижскіе уже провозглашали побѣды Наполеона, говоря, что «передъ непобѣдимымъ бѣжитъ Александръ, и во прахѣ видитъ свой тронъ». (*

Но если все, исчисленное нами, заставляло Европу убѣждаться въ успѣхахъ Наполеона и величіи генія его, и если событія съ перехода Наполеона за Нѣманъ наводили грусть и уныніе на Русскихъ, заставляя ихъ трепетать за участь отечества, безпристрастное разсмотрѣніе могло показать все совершавшееся въ другомъ видѣ.

Безспорно, Русскіе *отступили*, но *побѣжденные*-ли? Безславно ли было ихъ отступленіе? Въ виду Наполеона, стройно совершилось оно, на обширномъ пространствѣ, черезъ лѣса, пески, болота, и всюду, гдѣ воля полководцевъ останавливала русскіе полки, они выдерживали бой, и не уступали усиліямъ воиновъ Наполеона. Онъ угрожалъ Смоленску, но передъ нимъ стояла русская армія, уцѣлѣвшая, бодрая духомъ, тре-

---

*) Стихи Дезожье:

Tu fuis, Alexandre,
Tu fuis de Wilna.
Ton trône est en cendres:
L'invincible est là.

бовавшая битвъ, даже надежная на побѣду, ибо побѣда уже привѣтствовала тогда знамена Русскихъ. Здѣсь надобно дополнить главныя военныя событія подробностями дѣлъ въ отдѣльныхъ корпусахъ обѣихъ армій.

Когда Макдональдъ двигался отъ Тильзита, изъ Шавель отдѣлилась часть корпуса его, состоявшая изъ прусскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Граверта, и вступила въ Курляндію. По дорогѣ происходили сшибки съ отрядами рижскаго гарнизона. Важнѣе другихъ было сраженіе при Эккау, Іюля 19, гдѣ сражались Клейстъ съ Левизомъ. Пруссаки потеряли до 600 человѣкъ и Русскіе не менѣе. Пруссаки стали на берегахъ Двины и безъ боя заняли Митаву. Опасаясь, что немедленно начнется упорная осада, рижскій военный губернаторъ, генералъ Эссенъ, поспѣшилъ выжечь городскія предмѣстія Риги, гдѣ сгорѣло 4 церкви и до тысячи домовъ; убытокъ, причиненный пожаромъ, простирался до 17-ти милліоновъ рублей — жертва безполезная, но она показывала рѣшительность защитниковъ Риги. Когда Гравертъ потребовалъ сдачи города, Эссенъ отвѣчалъ, что «жалѣетъ, видя прусскаго генерала исполнителемъ воли чуждаго деспота». Пруссаки ограничились блокадою и легкими сшибками.

На Волыни находились другіе союзники Наполеона, Австрійцы, съ Шварценбергомъ, Саксонцы съ Ренье. Предписавъ Шварценбергу преслѣдовать 2-ю русскую армію съ Даву и Іеронимомъ, Наполеонъ велѣлъ Ренье наблюдать 3-ю армію, Тормасова, и охра-

нять сообщенія съ Варшавскимъ Герцогствомъ. Шварценбергъ медленно потянулся въ Несвижъ, слѣдуя за движеніями Іеронима. Ренье сталъ въ Слонимѣ. Тормасову предписано было, Іюля 13-го, охраняя Волынь и Кіевъ, наступательнымъ движеніемъ тревожить непріятеля, и тѣмъ облегчать отступленіе Багратіона. Отправя отрядъ въ Мозырь, оставя другой въ Житомирѣ, Тормасовъ послалъ третій отрядъ въ Пинскъ, увлекъ туда вниманіе Ренье, явился съ остальными войсками у Бреста, захватилъ въ расплохъ саксонскій отрядъ въ Кобринѣ, послѣ упорнаго боя, Іюля 27-го, заставилъ сдаться въ плѣнъ саксонскаго генерала Кленгеля, 66 офицеровъ, 2234 рядовыхъ, и взялъ 4 знамени и 8 пушекъ. Побѣда была не велика, но слѣдствія ея чрезвычайно важны, ибо она встревожила Варшавское Герцогство, заставила Шварценберга обратиться на помощь Ренье, и отвлекла его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія 2-й арміи.

Но не только по слѣдствіямъ, и по самой сущности важна была побѣда, одержанная, почти въ то же время, гораздо ближе къ главной арміи Наполеона. Мы видѣли, что корпусъ Витгенштейна оставленъ былъ ниже Полоцка, на правомъ берегу Двины. Имѣя до 25,000 войска и получивъ неопредѣленное приказаніе охранять сѣверныя русскія области, онъ подвергался двойному нападенію, ибо Наполеонъ велѣлъ Удино очистить берега Двины, дѣйствуя за одно съ Макдональдомъ. Утвердясь въ Полоцкѣ, Удино пошелъ на Себежъ, когда Макдональдъ, бывшій у Якобштадта,

переправлялся за Двину, и угрожалъ нападеніемъ съ другой стороны. Охраняя отрядомъ Динабургъ, и находясь самъ ближе къ Полоцку, Витгенштейнъ видѣлъ опасность, если Удино и Макдональдъ соединятся, хотѣлъ идти на Макдональда, но рѣшился прежде предупредить Удино, и смѣло напалъ на него, не смотря на неравенство силъ, ибо Удино имѣлъ болѣе 30 тысячь. «Если разобью его, то съ однимъ Макдональдомъ могу быть споконенъ», писалъ Витгенштейнъ. Пока отрядъ генерала Гамена увлекалъ вниманіе Макдональда, Витгенштейнъ явился на перерѣзъ пути Удино по себежской дорогѣ. Удино занималъ селеніе Клястицы, намѣреваясь идти въ Себежъ, когда влѣво показались полки Витгенштейна. Бой загорѣлся у Якубова Іюля 30-го, и возобновился на другой день съ разсвѣтомъ. Удино ввелъ въ дѣло всѣ бывшія у него силы, но не выдержалъ упорства Русскихъ, оставилъ Клястицы, перешелъ за Дриссу, пересѣкающую дорогу отъ Себежа къ Полоцку, и соединилъ всѣ силы у Сивошина, оставя Витгенштейну 900 плѣнныхъ, обозы, даже свои собственные экипажи, хотя противъ 23-хъ тысячь бывшаго у него войска, у Витгенштейна не было и 18,000. Желая воспользоваться побѣдою, Витгенштейнъ послалъ генерала Кульнева преслѣдовать непріятелей. Излишне-отважный, Кульневъ напалъ на Удино Августа 1-го, перейдя за Дриссу, поплатился за отвагу разбитіемъ, потерею 9 пушекъ, и былъ убитъ. Но Витгенштейнъ не надолго остался въ долгу. Онъ встрѣтилъ Вердье, посланнаго

преслѣдовать Русскихъ, смялъ его, и преслѣдовалъ до Дриссы, куда Вердье успѣлъ укрыться, потерявъ до 2000. Вообще, весь уронъ Французовъ въ битвахъ съ Витгенштейномъ простирался до 10,000, въ томъ числѣ до 3,000 плѣнными, когда русскіе потеряли не болѣе 4300. Съ остальными, разстроенными войсками, Удино возвратился въ Полоцкъ, и только опасеніе со стороны Макдональда остановило преслѣдованіе его Русскими.

Но Макдональда опасались напрасно. Отправя Граверта къ Митавѣ и Ригѣ, онъ переправился съ дивизіею Гранжана за Двину въ Якобштадтѣ. Гаменъ безъ боя уступилъ ему Динабургъ, куда Макдональдъ пришелъ въ день клястицкой битвы. Услышавъ объ успѣхѣ Русскихъ, онъ не смѣлъ идти далѣе и думалъ оказать важную услугу, уничтожая крѣпостныя строенія и строительные запасы неоконченной динабургской крѣпости. Наполеонъ считалъ, по невѣрнымъ извѣстіямъ, Динабургъ столь важнымъ, что назначилъ для осады его паркъ изъ 100 орудій, которыя изъ Магдебурга были уже привезены на Нѣманъ, но отсюда отправлены въ Данцигъ.

Всѣ сіи успѣхи могли возвышать надежды Русскихъ; но гораздо важнѣе были дѣла, совершавшіяся тогда въ Россіи, вдали отъ полей брани: оживляемый великодушнымъ рѣшеніемъ, Императоръ Александръ возставлялъ духъ Русскаго народа, и кликъ негодованія противъ дерзкаго завоевателя, грозившій

непримиримою местью, раздавался во всѣхъ предѣлахъ Русскаго царства.

Прервавъ всѣ сношенія съ Наполеономъ, давши обѣтъ брани безъ мира, если Императоръ Александръ убѣдился въ опасности борьбы противъ полчищъ Наполеона, въ обширности бѣдствія, терзавшаго Россію, онъ созналъ и огромныя силы свои, и хотѣлъ всѣ ихъ употребить и истощить на гибель врага. Онъ оставилъ свою армію, но только для того, дабы готовить новыя ополченія, оружіе, запасы, подвигнуть на битвы весь свой народъ, указать ему на брань съ непріятелемъ, вторгнувшимся въ предѣлы Россіи, какъ на дѣло отчизны и Вѣры. Посылая на битвы полки и полководцевъ своихъ, Александръ хотѣлъ пожертвовать обѣими столицами, если до того доведетъ необходимость, но прежде того противопоставить грозные ряды новыхъ укрѣпленій, если бы врагъ сломилъ уже поставленныя противъ него.

Война была кровавая, народная, война, которую уже испыталъ Наполеонъ въ Испаніи. Въ слѣдъ за удаленіемъ Русскихъ, велѣно было повсюду увозить все оттуда, гдѣ является непріятель, и истреблять, чего увезти было невозможно; оставлять ему опустѣлые города и селенія, испорченныя дороги, разрушенные мосты; жителямъ приказано уходить въ лѣса, вооружаться и истреблять враговъ всѣми средствами. Императоръ Александръ не скрывалъ опасности, угрожавшей Петербургу, и велѣлъ изготовлять къ отправленію изъ столицы всѣ присутственныя мѣста,

учебныя заведенія, драгоцѣнности изъ дворцовъ и общественныхъ заведеній, арсеналы трофеи, святыни церквей; даже приказано было распорядиться увозомъ памятниковъ Петра Великаго и Суворова. Все должно было отправить по Невѣ во внутрь Россіи. Императорское семейство долженствовало готовиться къ отбытію; Казань назначалась мѣстомъ пребыванія его и высшихъ мѣстъ управленія государствомъ.

«Если началась война, я рѣшился продолжать ее годы, даже если бы пришлось мнѣ сражаться на берегахъ Волги», писалъ Александръ Бернадотту. Слова сіи не были хвастливою угрозою. Изъ Дриссы посланы были полковники Мишо, Чернышевъ и Эйхенъ обозрѣвать местоположенія до Москвы, гдѣ можно было устроить лагери, и когда не нашли бы ихъ, велѣно было ѣхать на Волгу, даже далѣе. «Если счастіе захочетъ испытать мое постоянство, у меня остается еще много средствъ и довольно земли завести непріятеля далеко», говорилъ Александръ, отправляя Мишо. Дѣйствительно, не найдя нигдѣ до Москвы удобныхъ мѣстъ, Мишо получилъ приказъ устроивать лагерь на 100 тысячь человѣкъ на Волгѣ, для прикрытія Нижняго-Новгорода и Казани. Всюду готовили оружіе, и послѣ объявленія о новомъ наборѣ (Іюля 13-го) съ нѣкоторыхъ губерній, дѣятельно производилась формировка войскъ Милорадовичемъ въ Калугѣ, Лобановымъ во Владимірѣ, Клейнмихелемъ въ Москвѣ. Но въ душѣ Александра явилась мысль составить многочисленныя *народныя* ополченія, подоб-

по тому, какъ, въ 1806 году, собрана была милиція. Сіи *ратники*, или *ополченіе*, какъ назвали ихъ въ послѣдствіи, долженствовали быть произвольнымъ пожертвованіемъ помѣщиковъ, а вооруженіе ихъ составить пожертвованіе другихъ сословій. «Хочу воззвать народъ мой на истребленіе врага всѣми средствами, какъ на дѣло, которое предписываетъ намъ самая Вѣра, и надѣюсь — мы окажемъ столько же твердости, сколько оказали ее Испанцы» писалъ Александръ Барклаю де-Толли (Іюля 9-го). Въ Москвѣ повторилъ онъ сіи слова графу Толстому, когда тотъ спросилъ его, что́ намѣренъ онъ дѣлать, если Наполеонъ дойдетъ до Москвы и останется въ ней зимовать»? «Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію!» отвѣчалъ Александръ. Іюля 18-го изданы были манифестъ и воззваніе къ Москвѣ, гдѣ, обѣщая вскорѣ стать среди народа своего въ древней столицѣ, Александръ говорилъ о необходимости «собрать внутри государства новыя силы, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ».

Объявленіе Императора Александра возбудило всеобщій восторгъ. Уныніе смѣнилось воплемъ народнаго мщенія. Москва нетерпѣливо ждала своего Царя. Александръ отправился изъ Полоцка въ Великіе Луки, гдѣ ждали его канцлеръ Румянцовъ и посолъ испанскихъ кортесовъ, Зеа Бермудесъ. Распорядясь здѣсь дипломатическими сношеніями съ Европою, Александръ спѣшилъ въ Москву. Въ Смолен-

скѣ встрѣтили его радостныя слезы и клики восторга подданныхъ. Смоленское дворянство вызывалось поставить изъ своихъ крестьянъ до 20 тысячъ ратниковъ. Въ городахъ отъ Смоленска до Москвы встрѣчалъ Александръ одинакій восторгъ. Жители Москвы вышли привѣтствовать Императора Александра на Поклонную Гору, близъ смоленской заставы, хотѣли выпрячь лошадей изъ его коляски, и везти ее на себѣ. Желая уклониться отъ встрѣчь, Александръ въѣхалъ въ Москву ночью; но когда, на другой день, узнали объ его прибытіи, безсчетныя толпы народа наполнили Кремль. Самовидцы не забудутъ, а не видавшіе съ трудомъ повѣрятъ чувству, какимъ встрѣтили Александра, едва появился онъ передъ народомъ. По слову его, пол-Москвы готово было двинуться немедленно на встрѣчу непріятелю. Черезъ два дня, въ собраніи дворянства и купечества, положено единодушно: отдать въ новое ополченіе *десятаго* изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сіе ополченіе не было рекрутскимъ наборомъ, или милиціею, но «временнымъ ополченіемъ», въ подкрѣпленіе войскамъ и охраненіе отечества. Положено собрать его съ 17-ти губерній, раздѣленныхъ на три округа. Ратники возвращались въ домы и семейства свои по окончаніи войны; они сохраняли свои бороды, были одѣты въ русскіе кафтаны, и носили шапки съ крестомъ и надписью: «За Вѣру и Царя.» Другія сословія не щадили пожертвованій деньгами. Духовенство возбуждало ревность народа духовными увѣщаніями, нарочно составленными

молитвами, которыя читали въ церквахъ. Митрополитъ Платонъ, нѣкогда славный краснорѣчіемъ, но тогда почти столѣтній старецъ, прислалъ Александру доску съ гроба св. Сергія, на которой написанъ былъ образъ святаго, почитаемаго защитникомъ Москвы, и которую во всѣхъ походахъ имѣлъ съ собою Петръ Великій. Въ Москвѣ обпародованы были договоры Россіи съ Испаніею и Англіею. Договоромъ съ Испаніею, заключеннымъ въ Великихъ Лукахъ, Іюля 20-го, Императоръ Александръ признавалъ кортесовъ и конституцію ихъ, какъ временное правительство, въ отсутствіе законнаго короля испанскаго, Фердинанда VII; оба государства обязывались къ взаимной помощи противъ общаго врага. Договоръ съ Англіею заключенъ былъ въ Оребро, россійскимъ посломъ въ Швеціи, Сухтеленомъ, и англійскимъ посломъ Торнтономъ. Возобновляя взаимныя сношенія и торговлю, Александръ довольствовался отъ Англичанъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ взаимной помощи. *) Не ожидая размѣна ратификацій, Англія прислала посла своего, лорда Каткарта, въ Петербургъ, и русскія гавани были открыты англійскимъ кораблямъ. Гораздо важнѣе обоихъ договоровъ былъ мирный трактатъ съ Турціею, ка-

*) *Art.* 3. Si une puissance quelconque déclarait la guerre à S. M. I. ou Britannique, les deux souverains conviennent de s'assister mutuellement pour la défense et la sureté de leurs états respectifs. *Art.* 4. Les deux hautes parties contractantes se réservent de s'entendre, sitôt que possible, relativement à tout ce qui concerne leurs intérêts éventuels politiques et commerciaux.

завшійся невозможнымъ въ тогдашнемъ положеніи Россіи; заключеніемъ его обязаны были уму и опытности Кутузова. Послѣ разрушенія бухарестскаго конгресса, онъ дѣйствовалъ одинъ, какъ полководецъ и какъ министръ, открылъ зимою военныя дѣйствія, стращалъ и ласкалъ Турковъ, когда въ Царьградѣ возстала противъ Россіи вся дипломатика европейская; даже Англія хитрила, и явныя пользы Султана требовали продолженія войны, а въ то же время изъ Петербурга было подтверждаемо Кутузову сохранять честь Россіи, и предписывалось, въ случаѣ упорства Турковъ, начать войну наступательную, но паче всего не медлить. Неисполненіе Кутузовымъ предписаній, вопреки донесеніямъ его о невозможности исполненія, огорчало Александра. Уже на смѣну Кутузова ѣхалъ изъ Петербурга любимецъ Императора Александра, адмиралъ Чичаговъ, съ новыми распоряженіями, полномочіемъ заключить миръ, и планомъ военныхъ дѣйствій въ адріатическихъ областяхъ Франціи. Не дождаясь его, Кутузовъ кончилъ дѣло, и Мая 17-го подписалъ мирный договоръ. Турція уступала Россіи земли по рѣку Прутъ, всю Бессарабію, съ Хотиномъ, Бендерами, Измаиломъ, и обѣщала права и прощеніе Сербамъ. Трактатъ подписанъ былъ въ Бухарестѣ черезъ десять дней (Мая 28-го). Предоставляя Александру подтвердить или отвергнуть заключенный имъ миръ, Кутузовъ сдалъ Чичагову армію и смиренно удалился въ свою деревню. Что показалось бы неудовлетворительно прежде, то являлось великою за-

слугою при измѣнившихся быстро обстоятельствахъ. Кромѣ честнаго мира и новыхъ, богатыхъ областей, Россія пріобрѣла 50,000 храбраго, опытнаго войска, бывшаго на Дунаѣ, когда дорогъ былъ каждый солдатъ. Миръ торжествовали, какъ радостное событіе. Кутузовъ, узнавшій о началѣ войны съ Наполеономъ, отправился въ Петербургъ, и на дорогѣ встрѣчаемъ былъ повсюду привѣтомъ и нескрываемыми надеждами, что ему ввѣрено будетъ начальство противъ Наполеона, и ему Провидѣніе опредѣляетъ спасти Россію. По прибытіи въ Петербургъ Императора Александра (Августа 3-го) Кутузовъ награжденъ былъ княжескимъ титуломъ.

Убѣжденный въ готовности подданныхъ раздѣлить его твердое и непоколебимое рѣшеніе, Императоръ Александръ спѣшилъ лично утвердить союзъ Россіи съ Швеціею. За Бернадотта могли ручаться всѣ политическія отношенія его и раздоръ съ Наполеономъ Швеція заключила даже тайный, предварительный договоръ съ Россіею, подписанный въ Петербургѣ, Апрѣля 5-го. Швеція обязывалась соединить вспомогательный корпусъ, отъ 25 до 30 тысячь, съ русскимъ, отъ 15-ти до 20 тысячь, и учинить высадку въ Германію, гдѣ почтено будетъ приличнѣе. Россія не только утверждала за нею Норвегію, но принимала на себя обязанность убѣдить Данію на сію уступку, и, въ случаѣ несогласія, отдавала Швеціи 35,000-й корпусъ для немедленнаго завоеванія Норвегіи. Шведскій посланникъ въ Царьградѣ усердно

помогалъ въ убѣжденіи Султана на миръ. Съ Апрѣля находился въ Швеціи англійскій посолъ Торнтонъ; Іюля 12-го заключенъ былъ съ Англіею трактатъ, коимъ возобновлялись дружба и торговля, и Швеція отказывалась отъ правъ морскаго неутралитета. Бернадоттъ предлагалъ даже Александру, послѣ вторженія Наполеона въ Россію, повременить завоеваніемъ Норвегіи, изъявляя готовность отправить на помощь Россіи корпусъ войскъ. «Надобности въ томъ не предвижу; но судьба Европы должна рѣшиться въ Россіи, а спасти ее можно только гибелью Наполеона,» говорилъ онъ. «Всякое примиреніе съ нимъ погубитъ насъ.» Но Александру не могли не быть извѣстны переговоры, которые велъ въ то же время Бернадоттъ черезъ жену свою въ Парижѣ, и черезъ Линьёля въ Дрезденѣ. Весьма важно было послѣ сего опредѣлить гласно и рѣшительно отношенія съ Швеціею, послѣ чего войска, находившіяся въ Финляндіи, могли двинуться на мѣста военныхъ дѣйствій. Августа 21-го Александръ отправился въ Або, ждалъ три дня пріѣзда Бернадотта, и встрѣтилъ его дружески. Согласились, что завоеваніе Норвегіи будетъ отсрочено на нѣкоторое время, но за то Россія обязывалась дать потомъ Швеціи не менѣе 35,000 человѣкъ. Кромѣ того, Бернадоттъ предложилъ возвратить Швеціи Аландскіе острова. Александръ отвергъ предложеніе, и отвѣчалъ, что какъ ни дорожитъ онъ дружбою и союзомъ Швеціи, но «*не уступитъ ни аршина земли, даже если бы довелось ему удалиться въ*

Сибирь, и тамъ сражаться за неприкосновенность Имперіи!» Бернадоттъ согласился, и Августа 30-го подписали новый договоръ, послѣ чего немедленно разстались Александръ и Бернадоттъ, съ изъявленіями дружества. Какъ опытный полководецъ и ученикъ Наполеона, Бернадоттъ много говорилъ о планѣ войны, и особенно одобрилъ планъ медленія и завлеченія непріятеля. «Дайте Наполеону растрепаться (s'user), и вы увидите, что черезъ мѣсяцъ онъ совершенно спутается. Макдональду не пройдти въ Петербургъ, если вы подкрѣпите Витгенштейна войсками изъ Финляндіи. До Витебска Наполеонъ еще держится стройно, въ Смоленскѣ растеряется, въ Москвѣ погибнетъ. Витгенштейнъ съ Двины, Тормасовъ съ Волыни пойдутъ на Варшаву. Шварценбергъ драться не станетъ, и Наполеонъ будетъ отрѣзанъ отъ Европы. Пусть идетъ впередъ! Въ каждой битвѣ онъ все ставитъ на карту — проиграетъ одну и все потеряетъ. Люди служатъ ему, пока онъ счастливъ, но при бѣдствіи все возстанетъ на него, и сенатъ его уничтожитъ.» Бернадоттъ показалъ Александру тайную переписку свою съ Парижемъ, и просилъ не думать о Норвегіи. «При успѣхѣ Россіи, я свое возьму — говорилъ онъ — «вы сдержите ваше обѣщаніе. Но если падетъ Россія, Европа будетъ рабой Наполеона; цари сдѣлаются его слугами, и — лучше быть простымъ крестьяниномъ и пахать землю, нежели носить безславный вѣнецъ по волѣ тирана!»

Если договоры съ Турціею и Швеціею безопасн-

ли Россію на сѣверѣ и югѣ, давая средства усилить число войскъ противъ Наполеона бывшими на Дунаѣ и въ Финляндіи, а договоръ съ Англіею оживлялъ торговую дѣятельность Россіи, чрезвычайно важны были они въ нравственномъ отношеніи, ободряя духъ народа, являя ему возобновлявшіеся союзы Россіи, и показывая Наполеону отношенія къ нему европейской политики. Александра могло между тѣмъ особенно порадовать расположеніе его подданныхъ. Они оправдывали, превосходили всѣ надежды его. При возвращеніи въ Петербургъ, онъ видѣлъ, что въ обширныхъ и дѣятельныхъ мѣрахъ развились ревность и усердіе, возбужденныя его воззваніемъ. Всюду выставляли людей; отвсюду несли деньги; отставные старики просились въ службу; юноши бѣжали изъ отцовскихъ домовъ, спѣша стать въ ряды воиновъ; купцы, мѣщане, ремесленники записывались въ полки и ополченіе; богатые помѣщики вербовали на счетъ свой особенные полки; частные люди отдавали какое было у нихъ оружіе. Забыты были различія вѣръ, правовъ и обычаевъ. Когда Калмыки и Башкиры составляли дружины, на службу вызывались сибирскіе Тунгузы и Таврическіе Татары. Евреи, Греки, Армяне молились о бѣдѣ русскаго царя, и жертвовали деньгами. Собранія дворянъ и разныхъ сословій, гдѣ происходили совѣщанія, представляли поразительныя зрѣлища, гдѣ часто слезы горести и клики негодованія прерывали рѣчи, внушаемыя неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ сердца. Отворенныя церкви съ утра до вечера были наполне-

ны народомъ, молившимся со слезами. На праздникахъ, въ театрахъ, при каждомъ словѣ о защитѣ отечества, о гибели врага, раздавались клики и слышались рыданія. Преступники, сосланные въ Сибирь, люди, отвергнутые обществомъ, приносили бѣдную лепту отечеству. Въ Финляндіи, столь недавно пріобрѣтенной, жители набирали полки. Съ Урала и съ Буга шли полки казаковъ — Донъ поднялся весь, остались только старики и слабые юноши; новое ополченіе Донцовъ составило 15,000 человѣкъ. Между тѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ дѣятельно производилось составленіе ополченій. Въ мѣсяцъ Москва и семь приписанныхъ къ ней губерній снарядили 120,000 ратниковъ. Замѣчательно, что въ начальники ополченія, въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ одно время, выбранъ былъ единогласно *одинъ* и *тотъ же* вождь — *Кутузовъ*. Принявъ на себя должность начальника петербургскихъ ратниковъ, онъ явился въ собраніе дворянства, и со слезами благодарилъ за честь выбора, которымъ «украсили его сѣдины». Ревностно занялся онъ составомъ ратниковъ, и также черезъ мѣсяцъ, какъ въ Москвѣ, готово было въ Петербургской и Новгородской губерніи, болѣе 23,000. Съ ратниками 3-го округа ополченіе простерлось до 208,000 человѣкъ.

Пока готовились сіи народныя дружины, обнародованъ былъ новый наборъ рекрутскій, по одному рекруту съ 50 душъ. Въ Смоленскѣ составился особенный отрядъ, образованіе и начальство надъ коимъ

отдано было генералу Винцингероде. Онъ назначался для отдѣльныхъ дѣйствій, внѣ состава армій. На защиту Петербурга велѣно Кутузову сформировать нѣсколько полковъ изъ остававшихся въ столицѣ солдатъ и способныхъ людей. Послѣ заключенія договора съ Швеціею, 17,000 войска, бывшаго въ Финляндіи, положено отправить въ Ригу. Наконецъ миръ съ Турціею давалъ возможность распорядиться Дунайскою арміею. Потребность усилій въ борьбѣ съ Наполеономъ въ Россіи и особенныя отношенія къ Австріи (какъ увидимъ въ послѣдствіи), заставили Александра отмѣнить отдаленное предпріятіе въ Далмацію. Чичагову послано было изъ Смоленска повелѣніе обратиться на Волынь и соединиться съ Тормасовымъ. Онъ получилъ приказъ Іюля 27-го, когда русскіе отряды уже вступили изъ Валахіи въ Сербію. Немедленно возвратили ихъ и черезъ четыре дня полки съ Дуная двинулись на Волынь.

Приготовляя силы противъ врага, обрадованный успѣхами Витгенштейна и Тормасова, и успѣшными битвами подъ Витебскомъ и Могилевомъ, Императоръ Александръ нетерпѣливо ждалъ извѣстій о наступательномъ движеніи главныхъ армій, соединенныхъ у Смоленска. «Намъ надлежало оставить предѣлы нашей земли,» писалъ онъ Барклаю де-Толли, «но прискорбно видѣть, что отступленіе войскъ нашихъ продолжилось до Смоленска. Нетерпѣливо жду извѣстій о вашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, и даже почитаю ихъ теперь начатыми.»

Все изложенное нами, можетъ убѣдить, что безпристрастный взоръ на событія войны 1812 года до Витебска являлъ побѣду Наполеона — *сомнительною*, если не сказать ничего болѣе. Царей и народы, мыслящихъ и дѣйствующихъ, какъ мыслили и дѣйствовали Александръ и народъ его въ 1812 году, не побѣждаютъ. Но еще большимъ ручательствомъ за трудность, если не совершенную неисполнимость исполинскаго предпріятія Наполеонова, было состояніе его полчищъ, казавшихся побѣдительными, и даже состояніе самого Наполеона. До Витебска уже раскрылось все, что̀ было зерномъ гибели его, въ положеніи Европы, полководцевъ его, войска, и самого Наполеона — измѣненіе быстрое, изумляющее!

Мы говорили о несогласіи на походъ въ Россію почти всѣхъ окружавшихъ Наполеона, даже ропотъ его полководцевъ, войска и народа, и причинахъ тому. Шумъ, обольщеніе, тревога похода, привычка къ безпрекословному повиновенію, воинская дисциплина, надежда наградъ и добычи заглушили все — безмолвствовали передъ всемогущею волею повелителя, но уже утомительный походъ до Нѣмана снова возбудилъ ропотъ и неудовольствіе. Очарованіе перехода за Нѣманъ скоро исчезло, когда войско вступило въ негостепріимныя области Литвы, увидѣло тамошніе дремучіе лѣса, непроходимыя болота, сыпучіе пески, ничтожное народонаселеніе, бѣдные города, наполненные Жидами, селенія, обитаемыя грубыми, неопрятными крестьянами. Всюду были истреблены запасы, удалены управле-

нія, испорчены дороги, разрушены мосты. Къ умноженію неудобствъ похода, начались проливные дожди, и, утопая въ грязи, въ болотахъ, въ пескахъ, войска совершали безъ отдыха усиленные марши, останавливаясь на бивакахъ голодныя, видя передъ собою впереди безконечные лѣса и пустыни, когда изъ-за каждаго куста грозила смерть и плѣнъ на дротикѣ казака, или пикѣ русскаго гусара. Бѣдствія голода вскорѣ начали терзать армію. Обозы и запасы не могли успѣвать за быстрымъ походомъ арміи; у жителей ничего не было; всѣ запасы русской арміи были увозимы, или истребляемы. Лошади падали тысячами; люди, изнуренные, голодные, подвергались губительнымъ болѣзнямъ, когда не было ни госпиталей, ни лекарствъ. Подъ предлогомъ фуражировки, умножалось мародерство, и тысячи бродягъ отставали отъ войска, жгли, грабили, что̀ могли, составляя гибель жителей и язву, растлѣвавшую воинскій порядокъ. Дошло до того, что Наполеонъ велѣлъ составить особыя команды, ловить и разстрѣливать бродягъ и мародеровъ. Но зло было неистребимо, и всюду на пути встрѣчали его жалобы и вопли жителей. Въ глазахъ его солдаты грабили, безчинствовали. Офицеры и генералы не рѣдко подавали тому примѣръ; не щадили церквей и господскихъ домовъ, разливаясь широко отъ проходимаго войскомъ пути, какъ губительная лава. За неимѣніемъ лошадей, артиллерію, даже гвардейскую, во многихъ мѣстахъ, везли волами. Всѣ сіи причины совокупно, при неудовольствіи и враждѣ другъ на друга

*

начальниковъ, производили медленность, неточность въ движеніяхъ войскъ, когда притомъ не было проводниковъ, а казаки вездѣ перехватывали курьеровъ и прерывали сообщенія. Раздоръ и негодованіе умножались. Мы видѣли ссору и ошибки Іеронима и Даву, неудачи Ренье и Удино, нерѣшительность Макдональда. Тамъ, гдѣ являлся самъ Наполеонъ, все одушевлялось, оживало, и все было уныло, грустно, нерѣшительно, гдѣ не было его. Тогда оказался вредъ того, что̀ такъ часто прежде давало ему побѣду — соединеніе всѣхъ распоряженій въ его особѣ. Онъ не могъ распоряжать, когда военныя дѣйствія растянулись на тысячу верстъ, и сдѣлались сложны и разнообразны. Бѣдствія, терпимыя Литвою и Польшею, умножили охлажденіе Поляковъ къ Наполеону, начавшееся послѣ отказа его возстановить немедленно Польшу. Напрасно горячія головы старались возбудить восторгъ земляковъ, кричали о славѣ Собіескихъ, звали Поляковъ подъ знамена освободителя Польши: являлось нѣсколько бродягъ, нѣсколько ослѣпленной молодежи и старыхъ пановъ, пить, размахивать саблями шумѣть, и все оканчивалось жалобами на грабежи войска, на жадность и корыстолюбіе французскихъ чиновниковъ, управлявшихъ Литвою. Недалеко отъ Вильны Наполеонъ велѣлъ призвать къ себѣ нѣсколько литовскихъ крестьянъ, и началъ говорить имъ о свободѣ. Кланяясь ему униженно, крестьяне смотрѣли безсмысленно, и ничего не понимали. «И они хотятъ,

чтобы съ такими людьми я возстановилъ Польщу!» съ досадою вскричалъ Наполеонъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, въ Витебскѣ узналъ Наполеонъ о новыхъ ополченіяхъ Императора Александра, велѣлъ переводить и читалъ воззваніе его и Синода, слышалъ о мирѣ Россіи съ Турками, о союзѣ Александра съ Бернадоттомъ, соединеніи русскихъ армій подъ Смоленскомъ, успѣхахъ Витгенштейна и Тормасова. Обманывая себя и другихъ, онъ старался представить себѣ многое въ превратномъ видѣ; иногда молчалъ въ недоумѣніи; иногда не скрывалъ гнѣва и негодованія, и заставлялъ другихъ молчать. Презрительно говорилъ онъ, что Александръ старается возбудить «дикое изувѣрство Москвитянъ» своими воззваніями къ Вѣрѣ и чести народной. «Чѣмъ возбудилъ я противъ себя такую ненависть Императора Александра?» спрашивалъ онъ иногда съ удивленіемъ. «Неблагодарный! «вскричалъ Наполеонъ, услышавъ о союзѣ съ Россіею Бернадотта. «Марта 24-го подписалъ онъ трактатъ съ Россіею, а 29-го Марта послалъ своего повѣреннаго торговаться со мною въ Дрезденѣ!» — «Турки раскаются, но поздно,» говорилъ онъ хладнокровно, услышавъ о бухарестскомъ мирѣ. «Турецкіе бунчуки могли бъ быть на стѣнахъ Одессы, когда въ Петербургѣ вѣялось бы шведское знамя, а французскіе орлы воздвиглись надъ Москвою! Судьба сильнѣе человѣка!» Недостатку продовольствія и болѣзнямъ старался онъ помочь приказами подвозить хлѣбъ изъ запасовъ въ Пруссіи и учреж-

деніемъ госпиталей. Иногда, просто, запрещалъ онъ надоѣдать ему требованіями. «Скажите Понятовскому,» отвѣчалъ онъ, когда тотъ жаловался на недостатокъ хлѣба и невыдачу жалованья, «что я весьма недоволенъ, если онъ говоритъ о хлѣбѣ и жалованьѣ, когда надобно драться. У моей гвардіи нѣтъ хлѣба; она ѣстъ мясо — и не жалуется. Неужели Поляки такіе плохіе солдаты, что не переносятъ подобныхъ лишеній въ походѣ? Надѣюсь, что впередъ онъ не будетъ толковать со мной о подобныхъ вздорахъ.» — «Пусть встаетъ ранѣе, и самъ смотритъ за приготовленіемъ запасовъ, которые у него есть подъ рукою,» велѣлъ онъ сказать Жомини, на его жалобу.» Если онъ будетъ долго спать, да хныкать — толку мало. Развѣ онъ не знаетъ, что я самъ всегда наблюдаю за продовольствіемъ, тамъ, гдѣ бываю? Спорами и порицаніями другихъ онъ только вредитъ дѣлу.» Вообще замѣчали, что никогда прежде Наполеонъ не былъ такъ раздражителенъ взыскателенъ, задумчивъ, бранчивъ. Онъ убавлялъ силы непріятелей, уменьшалъ трудности исполненія его приказовъ, и жестоко порицалъ за неисполненіе ихъ. Удино посланъ былъ выговоръ за слабость его дѣйствій; велѣно Сенъ-Сиру подкрѣпить его, и сбить малочисленный отрядъ Витгенштейна; Шварценбергу приказано идти и уничтожить Тормасова, оградить Варшаву, и произвесть возстаніе на Волыни. Поощряя къ усиленному нападенію, Наполеонъ говорилъ Удино: «У Витгенштейна нѣтъ 10,000 войска —

идите смѣло, и онъ отступитъ. Marchez haut la main sur Wittgenstein, pressez le vivement l'épée dans les reins, et balayez la rive droite (Двины) que vous avez devant vous.» — «Тормасовъ ничтоженъ передъ вами,» писалъ онъ Ренье. «У него остатки третьихъ батальоновъ, плохіе рекруты, негодные въ дѣло. Русскіе разславляютъ, что къ нему идутъ полки изъ Крыма и съ Дуная — все это вздоръ: Султанъ не утвердилъ мира, и Русскіе посылаютъ теперь новыя войска въ Молдавію. Обстоятельства дѣлъ нынѣ таковы, что мы угрожаемъ Москвѣ и Петербургу, и когда же тутъ думать Тормасову о наступательныхъ дѣйствіяхъ съ его жалкимъ войскомъ (avec des troupes passables)! Непріятель нашъ не такъ еще глупъ, чтобы послать 15 или 20 тысячь хорошаго войска на Волынь, когда бѣда грозитъ Москвѣ и Петербургу!

«Вѣримъ» говоритъ одинъ изъ историковъ похода 1812 года, *) «что Наполеонъ не думалъ обманывать своихъ подчиненныхъ: онъ обольщалъ самого себя мечтами, и видѣлъ положеніе дѣлъ такимъ, какимъ ему хотѣлось, то есть, совершенно различнымъ отъ того, какимъ было оно въ дѣйствительности.»

Исполненіе приказовъ далеко не соотвѣтствовало желанію Наполеона. Не опасаясь сближенія силъ Шварценберга и Ренье, Тормасовъ, съ его «плохими войсками» ждалъ ихъ въ крѣпкой позиціи при Городечнѣ, впереди Кобрина. Въ Слонимѣ соединились Саксонцы

*) Шамбре, Hist. de l'expéditione de Russie.

и Австрійцы, и Августа 11-го стали у болотистаго ручья, за которымъ, имѣя направо болота, налѣво лѣсъ, безопасно находился Тормасовъ. Позиція казалась недоступною. Ночью Ренье открылъ проходъ черезъ лѣсъ, повелъ туда войска, и утромъ на другой день аттаковалъ Тормасова, когда Шварценбергъ покушался перейдти черезъ ручей съ фронта. Бой продолжился до ночи. Русскіе, не смотря на оплошность свою, не уступили превосходству числа непріятелей, и ночью отошли съ позиціи, потерявъ не болѣе 1300 человѣкъ. Шварценбергъ медленно преслѣдовалъ Тормасова и остановился на берегу Стыри, за Владиміромъ, въ Киселинѣ и Торчинѣ. Тормасовъ стоялъ спокойно за Стырью, и, занимая Луцкъ, дожидался прибытія Чичагова.

Витгенштейнъ даже и не дожидался нападенія, но предупредилъ его. Не страшась Макдональда и прибывшаго въ Полоцкъ Сенъ-Сира, онъ двинулся на Полоцкъ; Августа 11-го аттаковалъ непріятеля при Свольнѣ и преслѣдовалъ его на отступленіи до Полоцка. Войска Удино и Сенъ-Сира до того были ослаблены недостатками и болѣзнями, что Удино хотѣлъ даже оставить Полоцкъ. Появленіе Русскихъ заставило его сражаться. Битва началась Августа 17-го утромъ, и продолжилась до ночи. Удино былъ раненъ, и сдалъ начальство Сенъ-Сиру. Витгенштейнъ видѣлъ невозможность одолѣть непріятеля при малочисленности войскъ своихъ, ибо имѣлъ не болѣе 17-ти тысячъ, и располагалъ отступленіемъ, довольный тѣмъ,

что отразилъ и удержалъ непріятеля. Безпечно расположились Русскіе въ своемъ лагерѣ; Сенъ-Сиръ имѣлъ время сообразить силы непріятелей, и рѣшился воспользоваться неосторожностію вождя ихъ. Собравъ все, что можно было выбрать изъ войскъ, онъ внезапно двинулся на Русскихъ, подъ прикрытіемъ 60-ти орудій. Быстрота нападенія смѣшала, но не разстроила Русскихъ. Полки Русскіе строились подъ огнемъ непріятельскимъ, отражали нападенія, и конница ударила столь стремительно въ аттаку, что отбила 15 пушекъ, пронеслась до предмѣстій Полоцка, и едва не захватила въ плѣнъ самого Сенъ-Сира. Онъ укрылся во рву, и Русскіе промчались мимо него. Пользуясь храбрымъ отбоемъ, Витгенштейнъ отступилъ въ окрестный лѣсъ, потерявъ 7 орудій, и ночью отошелъ по себежской дорогѣ до Бѣлаго, гдѣ твердо сталъ, ожидая подкрѣпленія, и рѣшась «защищаться до послѣдней возможности,» если непріятель продолжитъ нападеніе. Въ упорныхъ битвахъ подъ Полоцкомъ, съ обѣихъ сторонъ потеря была равная, и простиралась до 10,000 убитыми, ранеными и плѣнными. У Русскихъ ранены были генералы Бергъ, Казачковскій и Гаменъ; у Французовъ, кромѣ Удино, ранены Сенъ-Сиръ, Сорбейнъ, Рагловичъ, и — вѣрный спутникъ походовъ Наполеона, старый баварскій генералъ Деруа — онъ умеръ отъ своей тяжелой раны.

Каждый успѣхъ уже столь важенъ казался Наполеону, что онъ провозгласилъ городечненскую и полоцкую битвы побѣдами, испросилъ у австрійскаго

императора Шварценбергу чинъ фельдмаршала, и возвелъ Сенъ-Сира въ званіе маршала.

Но что дѣлалъ, и на что рѣшался тогда самъ *онъ*, тотъ, кто приводилъ въ движеніе царей, ополченія и народы всей Европы, можетъ быть, уже предчувствуя гибель, видя померкающую звѣзду свою? Неужели всеобъемлющій умъ его не постигалъ въ настоящемъ видѣ положенія дѣлъ, грознаго возстанія Востока, и скрытной радости Запада?

Въ Витебскѣ въ первый разъ явилась мысль Наполеону остановиться и измѣнить всегдашній образъ своихъ дѣйствій. *Остановиться* хотѣлъ онъ, какъ-будто чувствуя, что еще шагъ — и онъ станетъ на краю бездны. «Здѣсь остановимся мы», воскликнулъ онъ, входя въ свою квартиру въ Витебскѣ и сбрасывая свою шпагу — «надобно оглядѣться, отдохнуть, устроить Польшу. Походъ 1812 года кончился — походъ 1813 года окончитъ начатое!» Мюратъ явился къ нему на другой день, убѣждая его идти впередъ, увѣряя, что русская армія будетъ разбита». Наше дѣло кончено — мы остаемся здѣсь!» отвѣчалъ Наполеонъ. «Неужели подражать глупостямъ Карла XII-го?» — Велѣно было укрѣплять Витебскъ, готовить квартиры, даже сломать нѣсколько ветхихъ домовъ на главной площади и открыть ее для парадовъ гвардіи.

Но злой геній Наполеона бодрствовалъ, и, черезъ нѣсколько дней отдыха и размышленія, онъ измѣнилъ свой новый планъ. Еще ударъ — и русская армія будетъ уничтожена, Смоленскъ взятъ, и если Россія и

Александръ не затрепещутъ даже и тогда — *тамъ*, въ Смоленскѣ должно остановиться, а не *здѣсь*, въ бѣдной, раззоренной Литвѣ! Не рѣшила-ль войны 1805 года побѣда аустерлицкая, а войны 1807 года побѣда фридландская? Аустерлицомъ и Фридландомъ будетъ Смоленскъ!»

Новое рѣшеніе Наполеона встрѣтило общее противорѣчіе его подчиненныхъ, которое опровергалъ онъ множествомъ доводовъ о необходимости идти впередъ. «Чѣмъ болѣе раздражается непріятель, тѣмъ менѣе должно медлить», говорилъ онъ, «пока эти восточные изувѣры не сбѣгутся на насъ съ своихъ безконечныхъ степей! Русскіе отступаютъ добровольно и завлекаютъ насъ въ Москву, говорите вы — нѣтъ! они оставили Вильну потому, что не могли тамъ соединить армій; оставили Двину потому, что Багратіонъ не пришелъ къ Барклаю, и для того отошли они теперь къ Смоленску. Часъ рѣшительной битвы сближается. Смоленска безъ битвы не отдадутъ. Быстрый и смѣлый походъ можетъ кончиться неблагопріятно, правда; но если война затянется, слѣдствія будутъ для насъ гораздо хуже, и наше удаленіе отъ Франціи погубитъ насъ. И какъ становиться на зимнія квартиры въ Іюлѣ мѣсяцѣ? Нынѣшней войны не должно дѣлить на нѣсколько походовъ — я хорошо думалъ обо всемъ, ибо вопросъ важенъ. Наши войска охотно идутъ впередъ. Война вторженія имъ нравится; но продолжительная, на одномъ мѣстѣ война обороны не въ духѣ Французовъ. Загородить себя рѣками, запереться въ избы, манев-

рировать ежедневно, и послѣ восьми мѣсяцовъ скуки томленія оставаться на прежнемъ мѣстѣ — такъ ли мы привыкли воевать? Защита Днѣпромъ и Двиной мнимая: придетъ зима, рѣки замерзнутъ и завалятся снѣгомъ. Не только зимнихъ морозовъ надобно опасаться, но и дипломатическихъ интригъ, которыя завяжутся сзади насъ. А обольщенные нами союзники, которые теперь изумляются, что не дерутся съ нами, и гордятся тѣмъ, что идутъ съ нами? Неужели дать имъ время раздуматься о странности ихъ новаго положенія? И для чего же ждать здѣсь восемь мѣсяцовъ, когда восьми дней довольно достигнуть цѣли? Предупредимъ зиму, и всякое раздумье! Надобно бить, бить смѣло, а иначе мы все испортимъ! Не удастся въ Смоленскѣ, надобно быть черезъ мѣсяцъ въ Москвѣ, или отказаться быть въ ней когда-нибудь! На войнѣ счастье составляетъ половину силы и средствъ. Если всегда ждать полнаго соединенія благопріятныхъ обстоятельствъ, то никогда и ничего не кончишь. Словомъ: мой планъ похода — *битва*, и вся моя политика — *успѣхъ*!»

Краснорѣчіе Наполеона было обольстительно; но если оставалось еще какое либо сомнѣніе, его разрушили неожиданныя дѣйствія Русскихъ. Августа 8-го явились русскіе отряды Платова на витебской дорогѣ, близъ Рудни, напали при Молевомъ Болотѣ на два гусарскіе полка, и, не смотря на подкрѣпленіе генераломъ Себастіани, разбили и прогнали ихъ, когда подошелъ въ пособіе Платову Паленъ. Наполеонъ и

войско его ожили, и жажда битвъ одушевила всѣхъ. По всѣмъ извѣстіямъ, Наполеонъ видѣлъ, что Русскіе рѣшились на наступательное дѣйствіе. Онъ не ошибался.

Убѣждаемый сознаніемъ силъ, мнѣніемъ Багратіона, волею Императора Александра, желаніемъ арміи, голосомъ народа, до него доходившими, Барклай де-Толли рѣшился на дѣйствія наступательныя. Соединенныя русскія арміи составляли до 120,000 человѣкъ. Предложеніе Барклая де-Толли идти впередъ было единогласно одобрено въ собранномъ имъ военномъ совѣтѣ. Находили невыгоднымъ дать время непріятелю сосредоточить силы, и невозможнымъ сражаться съ нимъ подъ Смоленскомъ, гдѣ не представлялось выгодной позиціи. Августа 7-го русскія войска двинулись къ Витебску. Генералъ Невѣровскій отряженъ былъ лѣвѣе, въ Красный, для наблюденія пути изъ Витебска черезъ Оршу. Выше его шла 2-я армія на Катань, имѣя въ авангардѣ Платова, и 1-я, въ двухъ колоннахъ, выше 2-й, имѣя отдѣльный отрядъ въ Холмѣ, на порѣчьской дорогѣ. На другой день походъ русскихъ войскъ былъ внезапно остановленъ. Извѣстіе, что Наполеонъ движется черезъ Порѣчье къ Смоленску, побудило Барклая де-Толли передвинуть туда 1-ю армію, сближая 2-ю на рудинискую дорогу, вопреки мнѣнію Багратіона, который убѣждалъ сблизить 2-ю армію къ Смоленску. Платову велѣно было обозрѣть Порѣчье, а смоленскому отряду Винцингероде дѣлать наблюденія къ Велижу.

Ихъ донесенія убѣдили Барклая де-Толли въ неосновательности слуха о движеніи Французовъ на Поречье. Войска 1-й арміи снова обратились къ Руднѣ и къ ней приблизилась 2-я армія. Во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ Барклая де-Толли видны были недоумѣніе и нерѣшительность. Казалось, отваживаясь на смѣлое предпріятіе, онъ ужасался своей смѣлости, и не зналъ, чѣмъ кончить его — движеніе Французовъ рѣшило недоумѣніе.

Мысль геніальная явилась у Наполеона: оставя маневрировать Русскихъ на Витебскъ, обойдти ихъ вправо на Красный, занять оставленный безъ защиты Смоленскъ и отрѣзать русскія арміи отъ московской дороги. Исполненіе соотвѣтствовало мысли. Быстро сосредоточились войска, переправились черезъ Днѣпръ выше Орши, въ Расаснѣ и Хоминѣ, и Августа 13-го 190,000 войска Наполеонова шло къ Смоленску лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Впереди былъ Мюратъ съ Пансути, Монбрюномъ и Груши; далѣе Ней, Даву и вице-король; правѣе Понятовскій, Жюно и Латуръ-Мобуръ; Себастіани шелъ налѣво правымъ берегомъ Днѣпра. Громада войскъ нахлынула на Красный, послѣ полудня 14-го Августа. Отрядъ Невѣровскаго казался вѣрною добычею ихъ, но Невѣровскій совершилъ подвигъ, изумившій самихъ непріятелей. Имѣя не болѣе 8000 и свернувъ ихъ въ каре, онъ совершилъ отступленіе на 23-хъ верстахъ, до деревни Корытни, по ровному мѣстоположенію, отбилъ болѣе сорока аттакъ Мюрата, и спасъ честь Русскихъ и

русскія арміи, потерявъ 5 пушекъ и до 1500 человѣкъ. Пальба въ сторонѣ Краснаго заставила Раевскаго, шедшаго сзади всѣхъ другихъ отрядовъ 2-й арміи отъ Смоленска, остановиться. Вскорѣ получилъ онъ приказъ Багратіона поспѣшать къ Смоленску, спасти Невѣровскаго, защищать Смоленскъ, спѣшилъ туда, шелъ всю ночь, и утромъ Августа 15-го, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска, соединился съ окровавленными, но побѣдоносными остатками отряда Невѣровскаго.

Подвигомъ Невѣровскаго уничтожился планъ Наполеона предупредить Русскихъ и захватить въ расплохъ Смоленскъ. Но положеніе защитниковъ Смоленска было отчаянное. Русскія арміи находились еще одна въ 40, другая въ 30 верстахъ. Раевскій рѣшился засѣсть насмерть въ Смоленскѣ.

Древній Смоленскъ, первый русскій городъ на границахъ Литвы и Бѣлоруссіи, имѣвшій въ 1812 г. до 15 тысячь жителей, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра (382 версты отъ Москвы). Каменныя стѣны, въ 7 саженъ вышины, $2\frac{1}{2}$ сажени толщины, воздвигнутыя Годуновымъ, защитившія Смоленскъ отъ Сигизмунда и его войска въ 1612, окружали городъ со всѣхъ сторонъ; изъ 36 башенъ были еще тогда цѣлы 30; земляные валы опоясывали снаружи стѣны съ трехъ сторонъ, кромѣ днѣпровской; влѣво находился земляной кронверкъ, окружающій королевскій бастіонъ, построенный Сигизмундомъ. За рѣкою было предмостное земляное укрѣпленіе, сдѣланное Петромъ Великимъ, для защиты моста, соединяющаго

Смоленскъ съ находящимся на правомъ берегу петербургскимъ предмѣстіемъ. Стѣны Смоленскія были ветхи и окружались обширными предмѣстіями. Не готовясь къ защитѣ Смоленска, не приняли никакихъ на то мѣръ.

Имѣя не болѣе 16,000, Раевскій, по совѣту ген. маіора Паскевича, уже отличившагося въ битвахъ подъ Могилевомъ, рѣшился защищаться въ стѣнахъ Смоленска, надѣясь удержать такимъ образомъ городъ до прихода армій — все, что̀ могло быть цѣлью его подвига. Въ полѣ онъ сдѣлался бы неминуемою жертвою многочисленности непріятеля. Разставивъ войска по городскимъ стѣнамъ и въ предмѣстіяхъ, Раевскій безстрашно смотрѣлъ, какъ приходили войска Наполеона во всю ночь, съ 15-го на 16-е Августа. Наполеонъ почевалъ въ архіерейскомъ домѣ, въ семи верстахъ отъ Смоленска; рано утромъ осмотрѣлъ онъ городскія укрѣпленія и двинулъ три колонны пѣхоты на кронверкъ; 70 орудій не могли удержать стремленія Французовъ, но штыки русскіе остановили напоръ и отбили наступавшихъ; началась пальба; Французы громили стѣны изъ пушекъ, разсыпались въ стрѣлки, но между тѣмъ на лѣвомъ берегу Днѣпра уже явилась сперва 1-я, потомъ 2-я армія. Мысль Наполеона отвлеклась отъ Смоленска. «Наконецъ они въ моихъ рукахъ!» воскликнулъ Наполеонъ, глядя на Русскихъ, и къ вечеру велѣлъ прекратить безполезное нападеніе на городъ.

Въ ночь на 17-е Августа сошлись къ Смоленску

всѣ остальныя французскія войска. Не сомнѣваясь, что Русскіе начнутъ битву, Наполеонъ обогнулъ полукружіемъ войска свои вокругъ Смоленска — Ней сталъ отъ Днѣпра къ Красненскому и Мстиславльскому предмѣстьямъ; Даву противъ малоховскихъ воротъ; за нимъ гвардія; правѣе Понятовскій, противъ Никольскаго предмѣстья; за нимъ Мюратъ; правѣе къ Днѣпру, противъ предмѣстья Раченки, долженъ былъ стать Жюно; но онъ сбился съ дороги, и явился уже вечеромъ, съ измученными войсками, больной, и не принималъ участія въ дѣлѣ. Вице-король оставленъ былъ, верстахъ въ 15-ти отъ Смоленска, въ Корытнѣ, охранять сообщенія. За гвардіею, на высотахъ, стоялъ шатеръ Наполеона. Нетерпѣливо наблюдалъ онъ движенія Русскихъ на правомъ берегу Днѣпра, за Смоленскомъ. Между тѣмъ съ 8-ми часовъ утра завязался бой въ предмѣстіяхъ; Русскіе выгоняли Французовъ изъ предмѣстьевъ, занятыхъ ими ночью. Началась пальба и стихла послѣ полудня. Необыкновенное волненіе видно было во Французскомъ войскѣ; Наполеонъ поскакалъ вправо отъ Смоленска, къ Шеину острову. Ему донесли, что Русскіе отступаютъ. Онъ убѣдился въ томъ собственными глазами: Русскіе тянулись за Днѣпромъ по московской дорогѣ. Вся цѣль движенія Наполеонова на Смоленскъ была потеряна — русская армія уходила въ виду его.

Отступленіе было рѣшено Барклай де-Толли еще наканунѣ, вечеромъ: онъ видѣлъ невозможность побѣды, не хотѣлъ изъ Смоленска сдѣлать новаго Уль-

ма, и рѣшился отступить. Мысль, что отступленіе должно кончиться въ Москвѣ, не приходила ему въ голову; онъ полагалъ, что по дорогѣ отъ Смоленска найдется выгодная позиція, гдѣ можно остановиться и дать битву; надлежало только обезпечить отступленіе. Разсчитывая, что единственный путь Наполеону за Днѣпръ былъ черезъ Смоленскъ, Барклай де-Толли рѣшился упорно отстаивать его, пока арміи будутъ уже безопасны. Багратіонъ двинулся отъ Смоленска по дорогобужской дорогѣ; 1-я армія должна была идти за нимъ боковою проселочною дорогою, и обѣ переправиться черезъ Днѣпръ, въ Соловьевѣ, гдѣ Днѣпръ, изгибаясь угломъ къ югу до Смоленска, перерѣзываетъ московскую дорогу Въ Смоленскъ ввели корпусъ Дохтурова, одного изъ отличныхъ генераловъ русскихъ. Онъ былъ боленъ, и Барклай де-Толли спросилъ его, можетъ ли онъ принять на себя оборону Смоленска? «Лучше умереть въ бою, нежели на постелѣ», отвѣчалъ Дохтуровъ.

Поспѣшно велѣлъ Наполеонъ искать брода ниже Смоленска и переправлять войска; брода не находили, и нетерпѣливый Наполеонъ велѣлъ взять Смоленскъ, единственный путь за Днѣпръ. Въ 3 часа пополудни Французы рванулись на Смоленскъ. Дохтуровъ не могъ удержаться въ предмѣстіяхъ. Начался бой у стѣнъ. Поляки рвались въ Малаховскія ворота, съ кликомъ: «Да здравствуетъ отчизна!» Ней, Даву, Понятовскій упорно ломились въ городъ, защищаемый Коновницынымъ, принцомъ Евгеніемъ виртемберг-

скимъ и Невѣровскимъ. Защитники не уступали, и Наполеонъ загремѣлъ по Смоленску изъ ста пятидесяти орудій — бомбы и гранаты полетѣли въ городъ, когда стѣны смоленскія сокрушались ударами ядеръ. — Смоленскъ вспыхнулъ, загорѣлся, но сила русская не уступала! Настала ночь. Зарево обагрило полнеба. Въ 10 часовъ смолкъ бой. Непріятель отступилъ. Смоленскъ горѣлъ и, за пожаромъ его, невозможно было разсмотрѣть движенія русскихъ войскъ. Нѣсколько французскихъ солдатъ рѣшились приблизиться утромъ къ городу, войдти въ него, и нашли горѣвшія, дымившіяся, заваленныя трупами развалины города опустѣлыми. Только полуобгорѣлые, истерзанные жители ползали по пожарищамъ домовъ, и съ дикими воплями, какъ тѣни, бѣгали живые, отыскивая родныхъ, друзей, пепелища домовъ своихъ.

Ней признавался, что нападеніе Французовъ на Смоленскъ было «отважнѣйшимъ дѣломъ военнымъ, какое видалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ воевать» (le fait d'armes le plus valeureux que j'ai vu depuis que je fais la guerre). Ларрей говорилъ, что приступъ къ Смоленску былъ самымъ кровавымъ дѣломъ, какое онъ видалъ когда либо.» Смоленскъ стоилъ Русскимъ до 6000, не считая потери наканунѣ. Коновницынъ былъ раненъ; ген. маіоры Скалонъ и Балла убиты. Французы потеряли до 12,000. Польскіе генералы: Грабовскій былъ убитъ, а Зайончекъ раненъ; ранены были еще генералы Дальтонъ и Грандо.

Гибель Смоленска была тѣмъ страшнѣе, что жи-

тели не знали объ угрожавшей имъ опасности, и оставались въ городѣ. При соединеніи армій (Іюля 31), Б. де-Толли даже увѣрялъ губернатора въ безопасности Смоленска. «Не только не предстоитъ никакой опасности, но невѣроятно, чтобы она и угрожала,» говорилъ онъ. «Обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ во ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества, или пока истребится въ храбрыхъ рядахъ послѣдній воинъ. Имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска; ибо кого защищаютъ два столь храбрыя войска, тотъ можетъ быть увѣренъ въ ихъ побѣдѣ.» Жители Смоленска радостно провожали русское войско, когда оно выступало, Августа 7-го, къ Витебску, и не вѣрили глазамъ своимъ, когда, черезъ пять дней потомъ, 200,000 войска Наполеонова явились передъ Смоленскомъ. Церкви наполнены были народомъ даже вечеромъ 18-го (6-го) числа: то былъ канунъ праздника Преображенья. Тысячи жителей — погибли, тысячи бѣжали за войсками, лишенныя крова и пропитанія. Ни одинъ изъ городовъ русскихъ — кромѣ Москвы — не принесъ Россіи такихъ жертвъ, какія принесъ Смоленскъ. Кромѣ гибели во время приступа и 4-хъ мѣсячнаго пребыванія непріятельскаго, 12,500 ратниковъ поставлено было Смольянами, и всѣ требованія съ смоленской губерніи въ 1812 году оцѣнены были болѣе 10 милльоновъ рублей.

Если гдѣ можно было вспомнить слова Тюреня, что «на войнѣ, когда самый искусный полководецъ

составилъ самое превосходное предположеніе, три четверти успѣха его все еще зависятъ отъ случая,» то, конечно, можно было вспомнить сіи слова подъ Смоленскомъ. Геніяльная мысль Наполеона была исполнена, когда безъ опредѣленной цѣли предположенныя, нерѣшительно исполняемыя движенія русскихъ армій ставили ихъ въ сомнительное положеніе. Но надобно было желѣзному Новѣровскому стоять въ Красномъ; безразсудному Мюрату нападать на него; гулъ битвы ихъ услышать Раевскому и Паскевичу, и примчаться въ Смоленскъ съ рѣшительностью защиты или смерти. Недоумѣніе овладѣло Наполеономъ, ибо онъ могъ взять Смоленскъ 17-го числа, въ чемъ откровенно сознавался Раевскій. *) Когда русскія арміи явились къ Смоленску, видимость опасности арміи внушила Барклаю де-Толли мысль отступленія. Новая ошибка дополнила прежнюю нерѣшимость Наполеона. У него было довольно силъ сражаться у Смоленска (гдѣ въ битвѣ участвовало не болѣе 70,000). Остальныя войска могли быть передвинуты за Днѣпръ, и ударить во флангъ отступавшей русской арміи, когда и безъ

---

*) «Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть на семъ постѣ спасенія и чести. Ясно вижу, что удача зависѣла не столько отъ моихъ соображеній, сколько отъ слабости натисковъ Наполеона. Вопреки всегдашнихъ правилъ своихъ, видя рѣшительный пунктъ, Наполеонъ не умѣлъ имъ воспользоваться. Если бы въ первый день напиралъ онъ такъ же сильно, какъ въ слѣдующій, то рѣшилъ бы участь арміи и войны.»

Записки Раевскаго.

того дорогобужская дорога, верстахъ на 8-ми отъ города, идетъ по берегу Днѣпра, и Наполеонъ могъ, даже не переходя рѣки, громить непріятеля съ другаго берега. Не могли отыскать брода (а онъ находился въ 4-хъ верстахъ ниже Смоленска!); начали 150-ю орудіями бить стѣны смоленскія, жечь городъ, и кончили бой вечеромъ, дожидаясь утра. Не узнаемъ Наполеона!

Говорятъ, что Мюратъ умолялъ Наполеона не губить безполезно войска, но идти за Днѣпръ, и въ отчаяніи отъ отказа его переправляться за Днѣпръ, сталъ подъ ядрами русскихъ баттарей, ища смерти. Едва могли отвлечь его, почти насильно. Долго ночью сидѣлъ Наполеонъ, неподвижно, передъ своею палаткою, и безмолвно смотрѣлъ на пожаръ смоленскій. Столбы огня и облака дыма изъ-за высокихъ, темныхъ городскихъ стѣнъ, представляли зрѣлище огнедышащей горы. Никакихъ особенныхъ распоряженій не было сдѣлано къ другому дню; придвинутъ былъ только корпусъ вице-короля: Наполеонъ *ждалъ* битвы на другой день.

Витебскъ былъ началомъ, Смоленскъ продолженіемъ, Москва страшнымъ окончаніемъ недоумѣній Наполеона. Онъ опомнился, когда было поздно, и когда никакія усилія генія не спасли созданнаго столь многими годами, столь безчисленными подвигами.

Мрачный и унылый въѣхалъ онъ въ стѣны Смоленска, черезъ Никольскія ворота, и по дымившимся, покрытымъ трупами развалинамъ перваго русскаго

старинпаго города, прибылъ въ квартиру, назначенную въ домѣ Каховскаго (нынѣ Красномилашевичевой). Немедленно отправился онъ къ воротамъ на Днѣпръ, взошелъ въ церковь, надъ ними построенную, и осматривалъ мѣстоположеніе. Русскіе занимали еще Петербургское предмѣстіе за рѣкою. Велѣно было встащить на церковь двѣ пушки, поставить на валу еще четыре. Предмѣстіе горѣло. Русскіе выступили изъ него; но едва Французы заняли ихъ мѣсто, Русскіе возвратились, и перестрѣлка продолжалась до ночи.

Хотѣли знать рѣшеніе Наполеона. Ней, Даву, Мортье, Дюрокъ, Лобау явились къ нему. Онъ началъ говорить, бранилъ Русскихъ, порицалъ Б. де Толли. «Какой стыдъ!» говорилъ онъ, «безъ битвы отдать ключъ Россіи! Рѣка безопасила имъ отступленіе, а городъ защищалъ его — гдѣ они найдутъ лучше мѣсто? Они погубятъ свою армію, и развѣ выгонятъ мужиковъ на драку! Они бѣгутъ, стало быть, они разбиты!» Тогда получено было извѣстіе о городечненской битвѣ Шварценберга съ Тормасовымъ. «Видите ли,» вскричалъ Наполеонъ, «ужь и Австрійцы бьютъ этихъ трусовъ!» Окружавшіе Наполеона не противорѣчили.

Но Русскіе не были разбиты и не бѣжали. Тѣмъ не менѣе нерѣшительность Наполеона допустила Б. де Толли исполнить отступленіе весьма затруднительное, гдѣ русская армія подвергалась величайшей опасности; а побѣда, можетъ быть, вознаградила бы ошибку Наполеона въ Смоленскѣ.

Начавъ отступленіе еще ночью на 18-е Августа, Багратіонъ былъ уже далеко, оставя, для прикрытія сообщеній съ 1-ю арміею, отрядъ въ Лубинѣ, куда окольною дорогою потянулись войска Б. де Толли только 18-го числа, занимая до того времени позицію въ 3-хъ верстахъ отъ Смоленска, на порѣчской дорогѣ. При немедленномъ движеніи Наполеона, русскія арміи подвергались опасности быть разрѣзанными, когда притомъ 1-я армія должна была совершать движенія, преслѣдуемая силами Наполеона. Онъ бездѣйствовалъ цѣлый день. Только вечеромъ 18-го числа велѣно было Жюно переправляться черезъ Днѣпръ въ Прудищевѣ, ниже Смоленска, и утромъ на другой день Ней двинулся изъ Смоленска, когда авангардъ 1-й русской арміи едва успѣлъ достигнуть Лубина, а за нимъ трудными проселочными дорогами шла вся 1-я русская армія, удаляясь отъ береговъ Днѣпра, и скрывая свое движеніе. Выступленіе Нея имѣло цѣлью только обозрѣніе мѣстности; Груши посланъ былъ для того лѣвѣе по петербургской дорогѣ, а Мюратъ по берегу Днѣпра. Самъ Наполеонъ выѣзжалъ изъ Смоленска, воротился въ городъ, и занялся дѣлами. Ней встрѣтилъ у Гедеонова запоздавшія русскія войска, началъ перестрѣлку, но вскорѣ оставилъ ее, и обратился въ слѣдъ за Мюратомъ. Они достигли Лубина. За ними подвигался сюда корпусъ Даву, послѣ всѣхъ оставившій Смоленскъ. Къ счастью, генералъ Тучковъ, начальствовавшій авангардомъ 1-й арміи, понялъ опасность, видя приближеніе войскъ Нея и Мю-

рата, и слыша о переправѣ Жюно въ Прудищахъ. Онъ остановился, занялъ крѣпкую позицію у Лубина, за рѣчкою Страганью, и рѣшился защищаться. Бой завязался въ 10 часовъ утра, когда Барклай де Толли былъ у Гедеонова, и подкрѣплялъ войска, съ коими утромъ перестрѣливался Ней. Услышавъ о битвѣ подъ Лубинымъ, онъ поспѣшилъ туда, подкрѣпилъ Тучкова и поставилъ Нея и Мюрата въ невозможность одержать поверхность. Тщетно посылали они къ Даву, къ Жюно, къ Наполеону: не имѣя приказаній, Даву не давалъ войска; Жюно, въ которомъ уже тогда открывались признаки помѣшательства и болѣзни, бывшей черезъ годъ причиною бѣдственной смерти его, отказался отъ боя неимѣніемъ приказа и невозможностью пути черезъ болота; нетерпѣливый Мюратъ прискакалъ къ нему, просилъ, умолялъ. «Тамъ ваша слава, тамъ вашъ маршальскій жезлъ!» говорилъ онъ, указывая на поле битвы. Жюно не двигался. Уже къ вечеру, изъ корпуса Даву пришла дивизія Гюдена. При первой аттакѣ ея, Гюденъ былъ убитъ. Тучковъ, герой лубинской битвы, раненный, попался въ плѣнъ. Бой прекратился около 10 часовъ вечера. Потерю Французовъ полагали въ 6000; Русскіе потеряли не менѣе.

Такъ утраченъ былъ случай, котораго не могли уже ожидать болѣе! Французы остановились. Русскіе отступали въ теченіе двухъ дней, не преслѣдуемые непріятелемъ, и Августа 21-го достигли Дорогобужа, въ 90 верстахъ отъ Смоленска.

Неопредѣленное, разрозненное движеніе войскъ Нея, Даву и Жюно, смѣтливость Тучкова, упрямство Жюно, мужество Русскихъ вырвали у Французовъ побѣду подъ Лубинымъ (или Валутиной горой). Получивъ извѣстіе объ окончаніи битвы и упорствѣ ея, Наполеонъ съ удивленіемъ спросилъ: «Mais c'était donc une bataille? Онъ порицалъ Даву, и особенно Жюно. Junot n'en veut plus, vous le voyez, et je ne puis lui laisser un commandement!» Онъ хотѣлъ отнять у него начальство надъ корпусомъ, и передать его Раппу. Дюрокъ уговорилъ Наполеона не оскорблять стараго, больнаго товарища. Но не виноватѣе ли всѣхъ былъ самъ Наполеонъ, не явившійся на поле битвы, не отдавшій точныхъ приказовъ? По крайней мѣрѣ, пріѣхавъ рано утромъ къ Лубину, и осматривая поле битвы, онъ не упрекалъ никого, хвалилъ храбрость войска, раздавалъ награды, и воротился въ Смоленскъ, не сдѣлавши никакихъ распоряженій о преслѣдованіи непріятеля.

Странное недоумѣніе, замѣченное въ Витебскѣ, еще болѣе замѣчено было тогда въ Наполеонѣ. Четыре дня оставался онъ, бездѣйствуя въ Смоленскѣ. Казалось, вопросъ: идти ли впередъ, или остановиться здѣсь? тяжко тревожилъ Наполеона. Вопросъ былъ окончательный. Общее мнѣніе рѣшало его отрицательно. Даже Мюратъ и Ней соглашались съ Даву, что должно зимовать въ Смоленскѣ. Говорили, что, оставя Смоленскъ, можно было остановиться только въ Москвѣ. «Мы уже за Европою — куда идти еще?»

Рапп, только что пріѣхавшій, не скрывалъ видѣннаго имъ разстройства арміи на всемъ пространствѣ отъ отъ Нѣмана до Смоленска, и откровенно говорилъ, что изъ Баварцовъ погибла половина. Наполеонъ утверждалъ одно противъ всѣхъ, что идти впередъ необходимо. «Да, отсюда должно идти въ Москву,» говорилъ онъ, «останавливаться нельзя. Одинъ сильный ударъ еще — и все будетъ кончено!» Себастіани напомнилъ ему обѣщаніе не переходить далѣе Двины, и особливо теперь, при видимомъ разстройствѣ арміи. «Я знаю, что состояніе моей арміи ужасно,» отвѣчалъ Наполеонъ. «Уже съ Вильны половина ея разстроилась, теперь въ безпорядкѣ двѣ трети, а потому-то и нельзя терять времени: надобно вырвать миръ — онъ въ Москвѣ! Армія наша такова, что останавливаться при ея составѣ и разстройствѣ гибельно! Только движеніе впередъ спасетъ ее — это армія для нападенія, а не для защищенія, для битвъ, не для позицій!»

Но четыре дня, проведенные имъ въ Смоленскѣ бездѣйственно, нерѣшительность при Лубинской битвѣ, и невольная задумчивость доказывали, что участь будущаго похода страшно тревожатъ его. Остались свидѣтели, что, соглашаясь съ Даву, онъ неоднократно рѣшался остаться въ Смоленскѣ. «Мы здѣсь прикрыты; устроимся, отдохнемъ, получимъ запасы изъ Данцига, подымемъ Литву. Польша завоевана — довольно успѣха для двухъ мѣсяцовъ; и если зимой не придутъ къ намъ просить мира — весной мы въ Москвѣ!» Наконецъ — важное обстоятельство — Наполеонъ уже не

отказывался отъ мира, но даже готовъ былъ самъ предложить миръ Императору Александру. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ плѣннаго Тучкова, обласкалъ его, долго говорилъ съ нимъ, оправдывался въ началѣ войны, хвалилъ Александра, называлъ его другомъ своимъ, и когда Тучковъ отказался писать о томъ, что̀ ему говорили, къ Императору Александру, и даже къ главнокомандующему, Наполеонъ просилъ его написать къ брату его, другому Тучкову, что онъ всего болѣе желаетъ мира, хотя увѣренъ въ побѣдѣ. «За что̀ намъ драться? вы не Англичане — мы уже довольно сожгли пороху. Если продолжится война, я возьму Москву. Вы думаете, что меня легко разбить; но я предлагаю: избрать изъ вашихъ генераловъ тѣхъ, кого болѣе другихъ вы уважаете: пусть они составятъ военный совѣтъ, и разсмотрятъ положеніе дѣлъ, мои и ваши силы. Если найдутъ болѣе вѣроятностей къ побѣдѣ и возможности разбить меня на вашей сторонѣ, назначьте гдѣ и когда быть сраженію — я готовъ. Но если вѣроятности успѣха будутъ признаны въ пользу мою, какъ и дѣйствительно есть, зачѣмъ проливать кровь попустому? Не лучше ли говорить о мирѣ до потери сраженія, чѣмъ послѣ? И какія послѣдствія будетъ имѣть для васъ проигранное сраженіе? Я займу Москву, и если бы и взялъ я мѣры спасти ее отъ раззоренія, ни что̀ не поможетъ. Столица, занятая непріятелемъ — женщина, потерявшая честь: что̀ ни дѣлай потомъ, чести не воротишь! У васъ говорятъ,

что *Россія не въ Москвѣ*. Такъ говорили Австрійцы о Вѣнѣ; но когда я занялъ ее, заговорили иначе. У васъ будетъ то же: ваша столица Москва; а Петербургъ только мѣстопребываніе государя!» Тучковъ писалъ. Отвѣта не было.

Развалины Смоленска подтверждали рѣшительность Русскихъ, а немногія встрѣчи Наполеона съ Русскими являли неописанное ожесточеніе ихъ. Священникъ, оставшійся въ Смоленскѣ, представленъ былъ Наполеону, и въ глаза укорялъ его, называя грабителемъ церквей. «Но твоя церковь уцѣлѣла?» сказалъ ему Наполеонъ. «Да, потому что Богъ сильнѣе тебя, и сохранилъ ее!» Наполеонъ отпустилъ священника, велѣлъ приставить караулъ къ его церкви, и помочь раненнымъ и больнымъ, которые искали въ ней убѣжища. Онъ читалъ въ Смоленскѣ исторію Карла XII-го, не Вольтерову, которую называлъ болтовнею, но Адлерфельдтову, и часто задумчивый ходилъ по комнатѣ, и смотрѣлъ на карту Россіи. Продолжительныя совѣщанія происходили у него съ Коленкуромъ и съ Лористономъ, пріѣхавшимъ въ Смоленскъ изъ Петербурга и передававшимъ ему всѣ подробности о томъ, что̀ видѣлъ и замѣтилъ онъ въ столицѣ и при Дворѣ Александра. Разсказы сіи не могли порадовать Наполеона. Нерѣшительность его видѣли тогда даже, когда наконецъ велѣно было оставлять Смоленскъ. Онъ препоручилъ начальство пылкому Мюрату и безстрашному Нею, но придалъ имъ Даву, медленнаго, осторожнаго, нелюбимаго ими, и останавливавшаго порывы ихъ.

Но съ первымъ шагомъ впередъ рѣшительность Наполеона укрѣпилась, и уже ничто не могло остановить его. Обширный планъ остальнаго похода былъ имъ начертанъ: Шварценбергу велѣно сбить Тормасова и взять Кіевъ; Макдональду занять Ригу, и потомъ, вмѣстѣ съ Сенъ-Сиромъ, разбить Витгенштейна и идти въ Петербургъ; Виктору спѣшить изъ-за Нѣмана, и охранять Смоленскъ, подкрѣпляя Сенъ-Сира, пока Макдональдъ управится съ Ригою. Виктору отдавалось главное начальство въ Литвѣ, и онъ долженъ былъ наблюдать за подкрѣпленіями, какія потребуются, если Наполеонъ, съ боя, или безъ битвы займетъ Москву. Всѣ войска, до самой Франціи, велѣно передвигать — Ожеро съ Одера идти на Вислу; Монсею отъ Эльбы приближаться къ Одеру; національной гвардіи сблизиться на Рейнъ и Эльбу, а ея мѣсто дополнить новымъ наборомъ. Слѣдовательно, Наполеонъ видѣлъ уже недостаточность громадныхъ силъ, введенныхъ имъ въ Россію, и ведя 200,000 въ Москву, полагалъ сіе число недостаточнымъ для полной побѣды. Непостижимо, что, зная слабость войскъ на Двинѣ, онъ утвердительно говорилъ о Ригѣ и Петербургѣ, и видя явное уклоненіе Шварценберга отъ битвъ, не только возлагалъ на него новыя препорученія, но особенно ласкалъ его, даже назначилъ ему по 12,000 франковъ въ мѣсяцъ награжденія, подъ предлогомъ выдачи сихъ денегъ на тайные расходы (fonds secrets). Забывая оставшуюся за Нѣманомъ Европу, все сдвигалъ онъ къ предѣламъ Россіи, а въ Россіи все со-

средоточивалъ въ Москвѣ, куда устремился, отлагая всѣ разсчеты политики и правила стратегіи, снова раздвигая свое движеніе на 400 верстъ за Смоленскъ, въ глубину Россіи. Какой планъ предполагалъ онъ притомъ? спрашиваете невольно, и — «никакого,» можно отвѣчать, соображая всѣ распоряженія и дѣйствія Наполеона идти, гнаться за русскими арміями, разбить ихъ, занять Москву. Она представлялась ему вожделѣнною цѣлью, гдѣ все совершится, мѣстомъ, завоеваніе коего уничтожитъ Россію и сломитъ наконецъ непреклонную волю Александра. «Святой городъ! Святой городъ!» часто повторялъ среди думы своей Наполеонъ, ибо его увѣрили, что Русскіе чтутъ Москву святымъ городомъ, Іерусалимомъ Русской земли. Падетъ Москва — падетъ Россія!

Августа 11-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска, гдѣ изъ 2250 домовъ уцѣлѣло 350, и изъ 15000 жителей едва ли осталось тысяча страдальцовъ — остальные бѣжали, или погибли. Велѣно было учредить здѣсь огромное депо запасовъ; Коленкуру, а потомъ Жомини, дано званіе смоленскаго губернатора; Бараге д'Ильерь опредѣленъ начальникомъ смоленской области.

Среди пожаровъ и опустошенія двинулась французская армія — Даву, Ней, Жюно, гвардія и конные резервы столбовой дорогой; Понятовскій правѣе, вице-король отъ Духовщины на Дорогобужъ. Съ какимъ-то наслажденіемъ говорилъ Наполеонъ окружавшимъ его по выѣздѣ изъ Смоленска: «Мы такъ далеко зашли, что теперь ворочаться поздно! Если бы я хо-

тѣлъ только блеска побѣдъ, я возвратился бы въ Смоленскъ, поставилъ тамъ мои орлы, протянулъ руки направо и налѣво, и задавилъ Витгенштейна и Тормасова. Дѣла были бы блестящи, хорошо кончили бы походъ, но не кончили войны. Миръ передъ нами въ восьми дняхъ перехода! Такъ близко къ цѣли разсуждать нечего — пойдемъ въ Москву!» Августа 10-го, у Соловьевой переправы черезъ Днѣпръ, Платовъ съ казаками остановилъ французскій авангардъ. Мюратъ бросился сбивать его по переходѣ рѣки, и поссорился съ Даву, отказавшимъ въ подкрѣпленіи. По извѣщенію Мюрата, Наполеонъ явился самъ, но Русскіе уже отступали. Они не остановились и въ Умольѣ, гдѣ Барклай де-Толли располагался дать битву, и отступалъ, опасаясь быть обойденнымъ. Нетерпѣніе Наполеона умножалось. Онъ спѣшилъ по слѣдамъ непріятелей; отвага усиливалась ихъ осторожностью; предусмотрительность ихъ называлъ онъ трусостью, отступленіе — бѣгствомъ, и укрѣплялъ тщетныя надежды, изъявляя презрѣніе. Какъ будто гордясь завоеваніемъ Россіи, онъ разсылалъ по всей Европѣ множество указовъ, означая мѣста, гдѣ они даны, названіями русскихъ селеній и городовъ. Безпорядокъ похода увеличивался съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ. Не было точности въ распоряженіяхъ — все шло, спѣшило впередъ; иногда передніе войска жгли мостъ на бивакахъ, не думая о войскахъ, идущихъ по слѣдамъ ихъ; добывали припасы гдѣ и какъ могли, отнимали ихъ другъ у друга, дрались за нихъ

при раздачѣ. Наполеонъ нерѣдко ѣхалъ въ авангардѣ. Мюратъ всегда былъ впереди, и казалось, Наполеонъ увлекался его безразсудною отвагою. Обозы тянулись въ безпорядкѣ, безъ прикрытій. Разсерженный тѣмъ, что они задерживаютъ походъ, Наполеонъ велѣлъ бросать, ломать, жечь фуры, и при себѣ сжегъ два фургона, принадлежавшіе Бертье. Ночью Августа 13-го вступилъ Мюратъ въ Дорогобужъ; городъ разграбили и зажгли. Наполеонъ хотѣлъ наказать грабителей, но спѣшилъ впередъ, слыша, что у Вязьмы сосредоточиваются Русскіе. Упорное дѣло за рѣчкою Осмою, 15-го Августа, гдѣ Даву еще разъ отказалъ въ помощи Мюрату, до того разсердило короля неаполитанскаго, что онъ хотѣлъ вызвать Даву на дуэль. Стоя на полѣ битвы, и покатывая ногою русское ядро, Наполеонъ разбиралъ ссору двухъ своихъ вождей. Даву представлялъ ему о безпорядкахъ арміи и безразсудствѣ аттакъ Мюрата. На возраженіе Мюрата, что Русскіе бѣгутъ, и надобно только догонять ихъ, Даву замѣтилъ стройность отступленія Русскихъ, не оставлявшихъ непріятелю ни одной фуры, не только пушки, отъ самаго Смоленска, и то, что при каждой схваткѣ они всегда удерживали за собою мѣста битвъ. Наполеонъ вспыхнулъ, обвинилъ Даву, сказалъ, что онъ умѣетъ драться въ сраженіи, но не годится въ авангардъ, и что если бы Мюратъ преслѣдовалъ Багратіона въ Литвѣ, ему не уйдти бы отъ него. Даву оскорбился; но Наполеонъ спѣшилъ обласкать его.

Волшебство гнѣва и милости Наполеона были еще непобѣдимы.

Битвы, рѣшительной битвы жаждалъ, искалъ, требовалъ Наполеонъ. Она могла помирить всѣхъ, загладить все. Но Русскіе уходили. Въ пять дней пройдено было разстояніе до Вязьмы — 163 версты. Мюратъ напиралъ на Вязьму, гдѣ упорно защищался русскій арріергардъ, поступившій подъ начальство Коновницына; но 16-го уступили Наполеону Вязьму, зажженную самими жителями. Узнавши, что Русскіе отступили, Наполеонъ въѣхалъ въ Вязьму разсерженный, велѣлъ разстрѣлять нѣсколькихъ бродягъ, грабившихъ городъ, и еще болѣе разсердился, когда явился Бельяръ, съ донесеніемъ, что Русскіе остановились за Вязьмою, завязали дѣло, но Даву не даетъ войскъ, хотя Мюратъ аттаковалъ непріятеля. «Даву забываетъ всякую подчиненность!» вскричалъ Наполеонъ, и поскакалъ на мѣсто боя. Тамъ дрался Коновницынъ, и отступалъ въ виду Наполеона. Даву оправдался безразсудствомъ аттаки при невыгодномъ мѣстоположеніи. Наполеонъ согласился съ нимъ, и обвинилъ Мюрата. Въ бѣшенствѣ ушелъ Мюратъ въ свою палатку, бросилъ свою саблю, даже заплакалъ отъ досады, и кричалъ, что короной одолженъ онъ саблѣ своей, а не Наполеону.

Возвратясь въ Вязьму, Наполеонъ вздумалъ воспользоваться присылкою русскаго офицера, коему поручено было узнать о генералѣ Тучковѣ. Бертье отправилъ къ Б. де Толли отъ своего имени письмо, на-

писанное собственноручно Наполеономъ, гдѣ предлагалъ онъ размѣнять плѣнныхъ, оставлять въ городахъ русское правительство, и прекращать раззореніе областей. «Императоръ,» сказано было въ заключеніе, «препоручилъ мнѣ просить васъ передать его привѣтствіе Императору Александру, если онъ въ арміи, или при первомъ случаѣ, какой вамъ представится. Скажите ему, что ни превратности войны, и никакія обстоятельства не могутъ измѣнить почтенія и дружбы, которыя императоръ сохраняетъ къ нему.» Отвѣта не получено. Александръ пересказалъ г-жѣ Сталь, бывшей тогда въ Петербургѣ, о неожиданной вѣжливости Наполеона — fade persiflage que l'empereur de Russie reçut comme il le devait (*пошлой насмѣшкѣ, которую Императоръ Русскій принялъ, какъ надлежало принять*). Война принимала какое-то страшное ожесточеніе. Солдаты рѣзались, не сдавались въ плѣнъ, изъявляя взаимную ненависть бранью и поношеніемъ другъ друга, жгли и уничтожали только для того, чтобы сжечь и уничтожить. Одинъ изъ французскихъ генераловъ спросилъ русскаго плѣннаго офицера: какой городъ встрѣтятъ они за Вязьмою? «Городъ?» свирѣпо вскричалъ плѣнникъ — «Полтаву встрѣтите вы, гдѣ погибнетъ врагъ моего отечества!»

Чего не видали Наполеонъ и его войска въ Литвѣ, и что̀ увидѣли они за Смоленскомъ — то была народная война. Нашествію врага противоставало не одно войско — противосталъ народъ. Дикіе лѣса и

сыпучіе пески Литвы смѣнились прелестью рощей, полей, луговъ, жатвъ, опрятныхъ селеній, торговыхъ городовъ; но жилища были безлюдны, на мѣстѣ селеній разстилались пожарища, и — жгли домы свои сами ихъ хозяева. Не было проводниковъ, предателей; не находили подводъ, погонщиковъ — все бѣжало, скрывалось въ лѣса, уходило за русскою арміею. Нерѣдко къ русскимъ полкамъ примыкали священники, со святынею и хоругвями оставленныхъ ими церквей, и жители деревень и городовъ, съ дѣтьми и имѣніемъ. Если непріятели успѣвали захватить кого нибудь, ничего не могли добиться отъ плѣнника, ни угрозами, ни побоями, ни смертью, а нерѣдко проводникъ брался вести враговъ, наводилъ ихъ на гибель и убѣгалъ. Золото было не дѣйствительно. Наполеонъ могъ тогда повѣрить словамъ Коленкура, что «русскій подъячій, который возьметъ 500 рублей за несправедливое рѣшеніе дѣла въ судѣ, не согласится за милльонъ измѣнить отечеству.» Но бѣгства жителей и опустошенія жилищъ ихъ было недостаточно: крестьяне, крестьянки вооружались, чѣмъ могли, стерегли, ловили Французовъ, били отсталыхъ, терзали бродягъ, рѣзали раненныхъ. Нерѣдко, предводимые стариками и священниками, они наводили на враговъ казацкіе отряды, и не только мародерство, но даже правильная фуражировка требовали уже посылки многочисленныхъ отрядовъ, ибо всѣ малые были истребляемы. Гибель народа при сихъ случаяхъ, и то, что, за несысканіемъ проводниковъ, Французы бродили ощупью и сби-

вались съ пути, едва сворачивали съ дороги, раздражала Наполеона. «Вашъ главный штабъ мнѣ вовсе безполезенъ,» писалъ онъ Бертье — «ни жандармы, ни вагенмейстеры, ни офицеры штаба, никто не исполняетъ своей обязанности. Хуже настоящаго порядка быть не можетъ (il est impossible de voir un plus mauvais ordre que celui qui règne). Мы теряемъ ежедневно множество народа отъ безпутной посылки за припасами. Надобно принять мѣры, и положить конецъ направленію дѣлъ, которое грозитъ арміи разрушеніемъ. Каждый день непріятель беретъ у насъ въ плѣнъ многія сотни людей. Строжайше должно запретить солдатамъ отдаляться, и надобно посылать за припасами, какъ за фуражемъ, отъ корпуса, когда армія соединена, отъ дивизіи, когда она раздѣлена. Генералъ, или высшій офицеръ, долженъ командовать притомъ, и достаточное прикрытіе должно защищать фуражировку отъ мужиковъ и казаковъ. Если встрѣтятъ мирныхъ жителей, у нихъ должно требовать нужнаго, не раззоряя ихъ. Дѣло столь важно, что отъ усердія генераловъ и начальниковъ корпусовъ ожидаю я принятія всѣхъ мѣръ, могущихъ прекратить гибельный безпорядокъ. Король неаполитанскій, какъ начальникъ кавалеріи, долженъ особенно прикрывать фуражировъ, и защищать отряды, посылаемые за припасами, отъ казаковъ и непріятельской конницы. Князю экмюльскому (Даву) не велите находиться ближе двухъ льё къ авангарду, ибо фуражировки не должно производить слишкомъ близко къ не-

пріятелю. Замѣтьте герцогу эльхингенскому (Нею), что каждый день теряемъ мы людей *больше, нежели потеряли бы ежедневно сражаясь*, и что намъ необходимо лучше устроить фуражировку.»

При такомъ состояніи дѣлъ, одно безпрестанно было въ устахъ Наполеона: *впередъ! впередъ*! Пространство какъ будто исчезало подъ его войсками. Быстро пройдено было разстояніе до Гжатска (60 верстъ отъ Вязьмы), куда Французы вступили 31-го Августа, но многое совершилось въ сіи дни, и въ Гжатскѣ услышалъ Наполеонъ о прибытіи въ русскую армію Кутузова.

Если до сихъ поръ русское войско являло изумительную стройность въ отступленіи, непобѣдимую твердость въ каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ, ему начинали угрожать упадокъ духа, неудовольствіе подчиненныхъ, и раздоръ начальниковъ. Раззореніе отечества непріятелями, стыдъ отступленія передъ нимъ, производили уныніе, ропотъ, и все падало на главнокомандующаго — его обвиняли въ незнаніи воинскаго дѣла, непростительной робости — даже измѣнѣ. Холодно встрѣчаемый солдатами, онъ не могъ продолжить своего согласія съ Багратіономъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ неудовольствіемъ оставилъ армію; за нимъ уѣхалъ разсерженный Беннигсенъ; Фуль не смѣлъ оставаться при Б. де Толли, нетерпимый ни кѣмъ, и также отправился въ Петербургъ. Русская удаль требовала битвы, сраженія — побѣды или смерти! Хотѣли лучше умереть, но не хотѣли

идти далѣе. Б. де Толли соразмѣрялъ потребность и опасность битвы, видѣлъ необходимость и невозможность дать ее. Положено было стать у Дорогобужа. «Нынѣшнее положеніе дѣлъ,» писалъ Б. де Толли, «непремѣнно требуетъ рѣшить нашу судьбу генеральнымъ сраженіемъ. Всѣ причины, воспрещавшія доселѣ дать его, нынѣ уничтожаются. Неиріятель слишкомъ близко къ сердцу Россіи, и всѣми обстоятельствами принуждены мы взять сію рѣшительную мѣру; ибо, въ противномъ случаѣ, арміи были бы подвержены сугубой гибели и безчестью, а отечество не менѣе того находилось бы въ опасности, отъ коей можетъ избавиться общимъ сраженіемъ, для котораго мы съ княземъ Багратіономъ избрали позицію у Умолья» (подлѣ Дорогобужа). Осмотрѣвъ позицію, нашли ее недостаточною, начали укрѣплять; но при извѣстіи, что неиріятель идетъ въ обходъ, велѣно отступить. Генералъ Трузсонъ и полковникъ Толь посланы впередъ къ Вязьмѣ, куда ждали прихода Милорадовича съ свѣжимъ войскомъ, 20, или 25-ю тысячами. «Наполеонъ слабѣетъ съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ, мы подкрѣпляемся резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ,» писалъ Барклай де-Толли. «Мое намѣреніе поставить тамъ въ позицію 20, или 25 тысячь, и такъ ее укрѣпить, чтобы сей отрядъ въ состояніи былъ удерживать неиріятеля — и тогда съ большею увѣренностью можно будетъ дѣйствовать наступательно, чему до сихъ поръ препят-

ствовали важныя причины. Главная была та, что доколѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ превосходнаго и хитраго непріятеля. Надлежало по возможности сохранять арміи, и не подвергать ихъ пораженію, дабы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, соединившаго всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы достигали нашей цѣли, не теряя непріятеля изъ вида, удерживали его, и вѣроятно, принудимъ его раздѣлить свои силы, и—вотъ минута, когда наше наступленіе должно начаться[1]» Возвращеніе Трузсона и Толя, съ донесеніемъ, что около Вязьмы способной позиціи не найдено, что она отыскана за Вязьмою, у селенія Царева-Займища, и рѣшеніе Б. де-Толли идти туда и стать тамъ, возбудило всеобщее неудовольствіе. Багратіонъ не скрывалъ своего негодованія и не щадилъ упрековъ. Уже никто не вѣрилъ обѣщанію главнокомандующаго — сражаться, хотя Августа 29-го онъ доносилъ Императору Александру, что «сталъ въ позиціи, и рѣшился ожидать аттаки непріятельской.» За десять дней прежде, участь Б. де-Толли была рѣшена.

Не только голосъ арміи, но отзывъ всей Россіи, вопіявшей противъ отступленія армій, доходилъ до престола Императора Александра, и поколебалъ довѣренность его къ дарованіямъ и твердости Б. де-Толли, если недостаточно было для того собственнаго несоглашенія его съ распоряженіями главнокомандовавшаго русскими арміями. Надлежало избрать

новаго вождя. Императоръ Александръ приказалъ собрать совѣтъ для рѣшенія, отъ коего зависѣла судьба Россіи. Составленъ былъ комитетъ, гдѣ засѣдали старый фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, генералы: Вязмитиновъ, Аракчеевъ, Балашовъ, и гражданскіе высшіе сановники Лопухинъ и Кочубей. Признавая необходимость ввѣрить всѣ разрозненныя арміи одному полководцу, долго колебались въ выборѣ его; упоминали о Беннигсенѣ, Багратіонѣ, Тормасовѣ, даже графѣ Паленѣ, давно бывшемъ въ отставкѣ. Имя Кутузова, сіе «судебъ исполненное имя,» (по выраженію Ермолова), давно сказанное желаніемъ и надеждою отечества, произнесено послѣднее — и соединило всѣ голоса.

Занимаясь составленіемъ петербургскаго ополченія, Кутузовъ получилъ приглашеніе Императора Александра явиться къ нему, Августа 20-го, и узналъ о своемъ назначеніи. Онъ не могъ не ожидать его, видѣлъ все бремя, возлагаемое на него Провидѣніемъ, и не смѣлъ отказаться. «Какъ призваніе свыше, съ христіанскимъ смиреніемъ принялъ я повелѣніе Императора,» говорилъ Кутузовъ. «Не оробѣлъ я, и съ помощью Бога, надѣюсь успѣть; но слушая Государя, я былъ растроганъ моимъ новымъ назначеніемъ.»

Кутузовъ не медлилъ. Дорога была каждая минута, и черезъ три дня по назначеніи Кутузова, Петербургъ подвигся провожать сѣдовласаго вождя русскихъ силъ. Послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ,

возложивъ на грудь свою поднесенный ему образъ Богоматери, онъ оставилъ Петербургъ, говоря окружавшимъ его: «Молитесь обо мнѣ — меня посылаютъ на великое дѣло.» На первой станціи узналъ Кутузовъ о взятіи Смоленска, и услышалъ всѣ подробности о событіяхъ войны отъ Цесаревича Константина Павловича, котораго встрѣтилъ вечеромъ того же дня. Въ Торжкѣ повстрѣчалъ онъ Беннигсена и воротилъ его; далѣе встрѣтился ему Фуль, но Кутузовъ не препятствовалъ его удаленію. Народъ всюду на пути привѣтствовалъ Кутузова мольбами и благословеніями, и 29-го изъ Гжатска прибылъ онъ въ армію. Все ожило при появленіи его. Говорили, что орелъ леталъ надъ его головою, когда онъ въ первый разъ осматривалъ полки, и клики радости и надежды долетѣли въ станъ Наполеона.

Узнавъ о назначеніи Кутузова, Барклай де-Толли, писалъ Императору Александру: «Молю Бога, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ В. В. Что касается до меня, ничего другаго не желаю я, какъ того только, чтобы пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ.» Говоря такъ, Б. де-Толли не обманывалъ. По совѣсти исполняя долгъ свой, но обвиненный общимъ мнѣніемъ, онъ рѣшился не пережить несправедливыхъ упрековъ, и искать смерти въ первой битвѣ.

Наполеонъ не смутился, услыша о назначеніи новаго полководца русскимъ арміямъ. Онъ думалъ, что

хорошо знаетъ Кутузова — помнилъ искусное отступленіе его отъ Инна, но помнилъ и Аустерлицъ, полагалъ, что Кутузовъ полководецъ не безъ дарованій, но старый, и удрученный лѣтами, умѣющій маневрировать и бить Турковъ, осторожный тактикъ, генералъ отступленій, неспособный устоять противъ его генія, противъ его силъ, особливо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ принялъ армію Кутузовъ — нѣтъ! онъ не зналъ Кутузова! Онъ не предчувствовалъ, слыша сіе роковое имя, что, означивъ имъ за семь лѣтъ начало неслыханнаго могущества Наполеонова, Провидѣніе означало теперь симъ именемъ начало также неслыханнаго дотолѣ паденія царства его! *)

---

*) «Я видѣла Кутузова наканунѣ его отъѣзда изъ Петербурга,» говоритъ г-жа Сталь. «Онъ былъ старикъ весьма пріятный въ обращеніи, съ живою физіономіею, хотя, кромѣ ранъ, коими покрытъ былъ въ теченіе пятидесятилѣтняго воинскаго поприща, лишился онъ въ битвахъ глаза. Смотря на него, я страшилась, что у него не достанетъ силъ бороться съ рьяными (âpres), юными людьми, ринувшимися на Россію. Но Русскіе, баловни въ Петербургѣ, дѣлаются Татарами въ арміи .... Я тронута была, разставаясь съ знаменитымъ фельдмаршаломъ, и не зная съ кѣмъ прощаюсь: побѣдителемъ, или мученикомъ.... Передъ отъѣздомъ, Кутузовъ молился въ церкви Казанской Богоматери, и толпы народа, слѣдовавшія за нимъ, кричали ему: «спаси Россію!» — Вотъ какъ Сегюръ излагаетъ мнѣніе, составленное тогда о Кутузовѣ въ арміи Наполеона: «Кутузова изображали старикомъ, извѣстность коего началась съ удивительной раны, нѣкогда имъ полученной. Съ тѣхъ поръ онъ ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Даже пораженіе подъ

Наполеонъ радовался, слыша, что новый русскій полководецъ рѣшительно хочетъ сражаться. Остановясь въ Гжатскѣ на два дня, весело говорилъ онъ своей гвардіи: «Скоро битва, и новые лавры! Я съ вами — побѣда несомнительна!» Велѣно было распорядиться къ сраженію, отдалить обозы, усилить артиллерію. «Представить мнѣ подробныя донесенія о числѣ наличныхъ солдатъ, и тѣхъ, которые могутъ собраться къ битвѣ, если ее дадутъ завтра, или въ теченіе трехъ дней, количествѣ конницы и пѣхоты, числѣ орудій, калибрѣ ихъ, готовыхъ выстрѣловъ, патроновъ, у солдатъ и въ полковыхъ ящикахъ, фуръ для раненныхъ, лекарей, и перевязокъ, которыя могутъ они сдѣлать, расковавшихся лошадей, и времени, когда успѣютъ ихъ подковать. Все должно быть разсмотрѣ-

---

Аустерлицомъ, имъ предвидѣнное, умножило славу его. Послѣдніе походы противъ Турковъ еще болѣе увеличили ее; мужество его было неоспоримо; но укоряли Кутузова, что онъ пользуется имъ для своихъ личныхъ выгодъ (?), ибо у него все было разсчитано. Умъ его былъ медленный, упрямый, но всего болѣе хитрый: характеръ Татарина — умѣть приготовить льстивою, гибкою, терпѣливою политикою непримиримую войну! Впрочемъ, еще болѣе ловкій царедворецъ, нежели искусный генералъ, но опасный своею славою, умѣньемъ увеличить ее, принудить къ тому другихъ, Кутузовъ умѣлъ льстить всему народу, и каждому отдѣльно, отъ генерала до солдата. Прибавляли, что въ его наружности, языкѣ, даже одеждѣ, и наконецъ въ самой старости его, было нѣчто Суворовское, отпечатокъ стариннаго Москвитянина, народность, дѣлавшая его драгоцѣннымъ для Русскихъ. Въ Москвѣ радость о назначеніи Кутузова была безмѣрная — обнимались на улицахъ, считали себя спасенными»....

но немедленно, съ особенною точностью, ибо отъ сообраafженія сихъ донесеній зависитъ мое рѣшеніе. Солдатамъ объявить, что мы сближаемся на битву, и они должны готовиться къ ней.» Таковы были подробные приказы Наполеона. Наличныя силы его, по представленнымъ рапортамъ, являлись еще страшны, послѣ всѣхъ потерь въ битвахъ и походѣ: *сто тридцать тысячь* человѣкъ, и до *шести сотъ* пушекъ, готовы были немедленно стать въ ряды. Но, къ прискорбію Наполеона, вскорѣ новый полководецъ русскій показалъ, что хочетъ продолжить прежній планъ — Русскіе отступали.

Кутузовъ получилъ полную волю располагать военными дѣйствіями. Только одно условіе положилъ непремѣннымъ Императоръ Александръ: не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ. До прибытія своего на мѣсто, Кутузовъ ни на что не рѣшался, хотя зналъ непремѣнную волю Александра и общее желаніе арміи — дать битву. Изъ Гжатска писалъ онъ, требуя у главнокомандовавшаго въ Москвѣ оружія и подкрѣпленія: «Не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію, или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи.» Необходимость битвы была очевидна, по мѣстоположеніе, избранное Б. де Толли, оказывалось невыгоднымъ. Кромѣ того, Кутузовъ нашелъ въ арміи до 96,000; вскорѣ надлежало присоединиться къ арміи Милорадовичу съ 15, или 20-ю тысячами. Тогда, съ присовокупленіемъ разныхъ отрядовъ, войско возра-

стало до 120,000. У Наполеона полагали до 165,000. Кутузовъ не боялся помѣряться силами, не смотря на неравенство, но надлежало избрать мѣсто, и дать битву оборонительную, а не наступательную. Отступленіе было необходимо, пока немедленно посланные офицеры осмотрятъ мѣстоположенія впереди. До времени оставлено прежнее раздѣленіе на двѣ арміи, и начальство надъ ними Б. де-Толли и Багратіону; Кутузовъ назначилъ при себѣ Беннигсена въ званіи начальника штаба, велѣлъ Тормасову сблизиться на сообщенія Наполеона, а Чичагову занимать его мѣсто.

«Съ такими ли молодцами отступать!» говорилъ Кутузовъ, осматривая полки, и въ ночь того же дня предписано отступленіе, и продолжено въ теченіе трехъ дней на 60 верстъ. Изумлялись, но не смѣли роптать, съ надеждами смотря на спокойное, величавое лицо главнокомандующаго, въ недоступной тайнѣ скрывавшаго свои намѣренія. Быстро отступивъ отъ Гжатска, Сентября 2-го, русская армія была у Колоцкаго монастыря, 3-го потянулась къ Можайску, присовокупя на пути полки Милорадовича, до 15,000 пѣхоты и конницы. Еще разъ обманутый надеждою, Наполеонъ, оставя за собою пылающій Гжатскъ, преслѣдовалъ Русскихъ, горячо подвигаясь главною колонною по большой дорогѣ, имѣя Понятовскаго направо, вице-короля налѣво. Сентября 2-го, въ Гридневѣ, Коновницынъ упорно отстаивалъ свою позицію, но отступилъ къ Колоцкому монастырю, когда вице-король началъ угрожать ему во флангъ, и 3-го уступилъ мо-

пастырь, при новомъ движеніи вице-короля. Но здѣсь окончилось отступленіе. Французы выступили на обширную равнину, и радостные клики раздались въ ихъ рядахъ, когда они увидѣли русскія войска, протянутыя на возвышеніяхъ, отъ рѣки влѣво, до лѣса вправо. Впереди направо видѣлось отдѣльное укрѣпленіе. Узнали, что рѣка налѣво — *Москва*, и восторгъ умножился. Воинамъ Наполеона мечталось, что они видятъ уже Москву. Всѣ несогласія и раздоры прекращались. «Битва! битва! раздавалось вездѣ. «Мы назовемъ ее битвою *Московскою*!» говорилъ Наполеонъ.

Дѣйствительно — мѣсто было избрано. Сентября 3-го Кутузовъ осмотрѣлъ его, и утвердилъ, что здѣсь надлежало быть великой битвѣ, къ коей стремился Наполеонъ на протяженіи тысячи верстъ, коей жаждали Русскіе, отступая передъ нимъ. До Москвы оставалось менѣе ста верстъ — далѣе отступать было невозможно.

Село *Бородино*, по имени коего названа великая битва, находится здѣсь на рѣкѣ Колочѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Войны. Колоча, извивистая, крутоберегая, отдѣляетъ бородинскую равнину, и впадаетъ въ Москву-рѣку. На югъ отъ Колочи идутъ возвышенія до лѣсовъ на старой смоленской дорогѣ, гдѣ находится селеніе Утица. Примыкая правымъ крыломъ къ Колочѣ противъ Бородина и протягиваясь центромъ далѣе до селенія Семеновскаго, а лѣвымъ крыломъ до Утицы, русская армія защищалась справа

Колочею; фронтъ ея прикрывалъ передъ возвышеніями ручей Семеновскій. Русскіе уже защитили баттареями свою позицію; но еще дѣятельно работали. Впереди отъ Семеновскаго устроенъ былъ отдѣльный редутъ въ Шевардинѣ.

Тремя громадами двигались Французы по теченію Колочи, и стали переходить за нее въ Ѳомкинѣ и Валуевѣ, въ 2 часа по полудни Сентября 5-го. Стрѣлки русскіе были прогнаны съ береговъ и изъ кустарниковъ, но редутъ шевардинскій припятствовалъ расположенію войскъ противъ русской позиціи. Велѣно взять его. Понятовскій отъ Ельни, по старой смоленской дорогѣ обходилъ его справа. Мюратъ и дивизія Компана, «забирателя редутовъ» (preneur des redoutes), пошли прямо. Битва была упорная. Самъ Багратіонъ явился къ редуту, который три раза переходилъ изъ рукъ въ руки. Наполеонъ лично распоряжалъ аттакою. Русскіе уступили его къ ночи, ибо имъ надобно было только задержать непріятеля. Французы потеряли тысячу человѣкъ — кровавый прологъ страшной драмы; но такія битвы считали тогда ошибкою. На ночь расположились противъ русской арміи: Мюратъ направо отъ Шевардина, Даву въ Ѳомкинѣ, Алексинкахъ, Доронинѣ и Валуевѣ, вице-король у Бородина, гвардія у Валуева и Ратова, за нею Жюно и Ней; Понятовскій за Шевардинымъ у Рыкачева. Наполеонъ былъ въ Валуевѣ. Стройнымъ полукружіемъ горѣли русскіе бивачные огни, и безпорядочно освѣщались французскіе бивакп. «Почему такъ мало плѣн-

ныхъ?» спросилъ Наполеонъ, получивъ донесенія о битвѣ Шевардинской. «Русскіе не сдаются въ плѣнъ и дерутся на смерть,» отвѣчали ему. Онъ задумался и сказалъ только: «Хорошо — ну, мы перебьемъ ихъ!»

Ночью шелъ дождь; Сентября 8-го насталъ холодный, пасмурный день. Рано утромъ Наполеонъ, окруженный свитою, объѣзжалъ позицію Русскихъ, подъ прикрытіемъ перепалки стрѣлковъ; его замѣтили съ русскихъ баттарей и выстрѣлили картечью. Онъ сдѣлался осторожнѣе.

Замѣтили чувство удовольствія на безстрастномъ лицѣ его. Пристально глядя съ бивaковъ Пажоля на русскіе полки, онъ даже запѣлъ въ полголоса, какъ въ счастливыя времена побѣдъ и юности: La victoire en chantant nous ouvre la barrière (*и съ пѣніемъ побѣда открываетъ намъ путь*)! Обозрѣніе удостовѣрило его, что здѣсь собраны были всѣ силы Русскихъ. Онъ видѣлъ, что правый флангъ русскій, примыкая къ Колочѣ и Москвѣ рѣкѣ, не доступенъ; лѣвый былъ защищаемъ грозными баттареями; центръ защищалъ редутъ; къ Утицѣ были до лѣса войска, защищенныя баттареями. Стоя на высотахъ противъ Семеновскаго, Наполеонъ распорядилъ завтрашнею битвою: она будетъ состоять въ натискѣ. «Войска вице-короля будутъ ключемъ ея, а правое крыло завяжетъ битву» (Eugène sera le pivot; c'est la droite qui engagera la bataille); Даву, Ней, Жюно возьмутъ баттареи у Семеновскаго, повернутъ фронтъ направо и сбросятъ Русскихъ въ Колочу; Мюратъ подкрѣпитъ ихъ кава-

леріею, сюда устремится и артиллерія; Понятовскій будетъ угрожать обходомъ лѣвому флангу Русскихъ по старой смоленской дорогѣ; вице-король займетъ правое крыло, и овладѣетъ баттареями въ центрѣ. Гвардія станетъ у Шевардина, готовая подкрѣпить ударъ; лѣвое крыло за Бородинымъ и Колочею обезопаситъ итальянская гвардія.

Войска начали передвигаться, когда явился Даву. Осмотрѣвши лѣвую оконечность Русскихъ, онъ просилъ дать ему 35,000 войска, и вмѣстѣ съ Понятовскимъ позволить обойдти во флангъ и въ тылъ непріятеля. Наполеонъ подумалъ. «Нѣтъ, движеніе слишкомъ отдаленно: оно удалитъ меня отъ моей цѣли, и заставитъ потерять много времени.» Даву брался совершить обходъ къ 6-ти часамъ утра. «О,» вскричалъ Наполеонъ съ досадою — «у васъ всегда одно: обходить непріятеля! Знаете ли, что это самый опасный маневръ?» Расположеніе осталось прежнее.

Многіе винили потомъ Наполеона, что онъ не исполнилъ предложенія Даву. Схваченные съ фронта, обойденные съ фланга, Русскіе были бы смяты. Но въ такомъ случаѣ, если бы Кутузовъ и допустилъ обходъ, онъ отступилъ бы, а только того и боялся Наполеонъ. Безпрестанно приказывалъ онъ смотрѣть: не снимаются ли, не уходятъ ли Русскіе? Только не ушли бы они, какъ уходили отъ Нѣмана до Москвы, побѣда несомнительна!

Но Русскіе не уходили. Старецъ-вождь Русскихъ хладнокровно распоряжалъ полки свои. Видя движенія

непріятеля направо, онъ успилъ укрѣпленія у Семеновскаго, занялъ редутомъ Утицу. Здѣсь сталъ Тучковъ; Багратіонъ былъ у Семеновскаго; Барклай де-Толли начальствовалъ центромъ и правымъ крыломъ. «Сберегать резервы сколько возможно; ибо кто сохранилъ резервы, тотъ еще не побѣжденъ,» приказывалъ Кутузовъ. «Наступать колоннами, стрѣльбою не заниматься, но быстро дѣйствовать холоднымъ оружіемъ.» И Наполеонъ подтверждалъ: «Исполнять все въ порядкѣ и методически, стараясь всегда имѣть болѣе резервовъ.» Онъ чувствовалъ важность битвы, для которой пришелъ изъ Парижа къ Москвѣ. Русскіе остановились передъ своею древнею столицею — отступить могли они только въ Москву. Надеждою на Бога укрѣплялись русскіе полки. Велѣно было носить по лагерю икону Смоленской Богоматери, вынесенную войсками изъ Смоленска. Кутузовъ сопровождалъ ее при торжественномъ духовномъ пѣніи. Русскіе воины молились благоговѣйно. Изъ лагеря Наполеонова видѣли ихъ благочестіе, и съ горделивымъ презрѣніемъ указывали на изувѣрство русскихъ варваровъ. Мечта о славѣ, мысль о побѣдѣ замѣняли молитву воинамъ Наполеона. Французскіе историки сохранили даже какое-то странное воззваніе, вѣроятно, тогда вымышленное, и будто бы читанное отъ имени Кутузова русскимъ войскамъ. Можемъ ихъ увѣрить, что такого воззванія никогда не было. *)

---

*) Братья и сподвижники! Вы видите передъ собою въ семъ образѣ предметъ вашего благочестія, воззваніе къ Небу, да сое-

Но если карающая рука Провидѣнія налегла на завоевателя съ самаго вступленія его въ Россію, онъ могъ почувствовать, что она отяжелѣла надъ нимъ въ минуту самую рѣшительную. Если уже давно, въ Витебскѣ, въ Смоленскѣ, видѣли его утомленнымъ, нерѣшительнымъ, не узнавали прежняго Наполеона, побѣдителя при Арколѣ, переходившаго Альпы, въ мѣсяцъ рѣшавшаго битвами жребій царствъ — еще болѣе изумились, видя его вечеромъ накапунѣ бородинской битвы. Онъ былъ неузнаваемъ — то молчаливъ, задумчивъ, мраченъ, неподвиженъ, то дѣятеленъ, говорливъ, вспыльчивъ; садился на лошадь, мчался по ла-

---

диится оно съ людьми противъ тирана, возмущающаго міръ. Недовольный истребленіемъ милльоновъ созданій по образу и по подобію Божію, сей архи-возмутитель противъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, вооруженною рукою проникаетъ въ наши святилища, обагряетъ ихъ кровью, низвергаетъ алтари, и предаетъ даже святыню Господню, въ семъ святомъ образѣ нашей Церкви, тревогамъ, бурямъ и рукамъ святотатственнымъ. Не убойтесь же, что Богъ, коего алтари оскорблены симъ червемъ, коего всемогущество его извлекло изъ праха, не будетъ съ нами; не убойтесь, что онъ не прострет щита своего надъ рядами нашими, и не поразитъ врага своего мечемъ Михаила Архангела! Такъ вѣруя, хочу я сражаться, побѣдить и умѣреть, увѣренный, что умирая узрю побѣду. Воины, исполните долгъ вашъ! вспомните о градахъ, огню преданныхъ, о чадахъ, молящихъ вашей защиты, вспомните о государѣ вашемъ, считающемъ васъ основою силы его (qui vous considère comme le nerf de sa force? Безсмыслица!), и завтра, прежде нежели зайдетъ солнце, вы означите вашу вѣру и вашу вѣрность на поляхъ отчизны вашей кровью притѣснителя и его воиновъ!»

герю, и опять укрывался въ свою палатку. Если тревогъ души и бури страстей было недостаточно, къ нимъ присовокупилась еще тѣлесная немощь. Труды похода, безсонныя ночи, осенняя погода, дождь, промочившій его при обозрѣніи позиціи, произвели въ немъ жестокую лихорадку. Тщетно хотѣлъ онъ преодолѣть тѣло духомъ — прошли годы юности — пятнадцать лѣтъ жизни, какою не живутъ люди, изнурили желѣзныя силы его. Жестокій ознобъ, палящій жаръ, нестерпимая жажда мучили его.

Присоединились другіе, неожиданные причины. Фавье, адъютантъ Мармона, привезъ ему изъ Испаніи извѣстія о потерѣ арапильскаго сраженія, бѣдствіи войскъ его въ Испаніи, торжествѣ Веллингтона, бѣгствѣ Іосифа изъ Мадрида. Съ жаромъ заговорилъ Наполеонъ о безразсудствѣ Мармона, вдругъ замолчалъ, и въ полголоса произнесъ три стиха изъ оды къ Счастію Ж. Б. Руссо, замѣнивъ въ нихъ слово: *неопытность*, словомъ: *нетерпѣніе:* «непослушное *нетерпѣніе* товарища Павла Эмилія, составило весь успѣхъ Аннибала.» *) Болѣе не было сказано ни слова. Другія извѣстія были изъ Парижа. Курьеръ привезъ ему письма Маріи Луизы, и портретъ сына, писанный Жерарромъ. Императрица писала о надеждѣ успѣха, скоромъ свиданіи; лицо сына улыбалось ему сладостными на-

---

*) *L'impatience* indocile,
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout le succès d'Annibal....

деждами будущаго. Долго, съ восторгомъ смотрѣвши на него, онъ велѣлъ выставить портретъ передъ палаткою. Не только генералы и офицеры, но даже и усачи-солдаты толпою собирались окрестъ него. Вдругъ скорбное чувство овладѣло Наполеономъ. Онъ велѣлъ убрать портретъ. «Спрячьте его,» сказалъ онъ «слишкомъ рано показывать ему кровавое поле битвъ!» Онъ прохаживался по своей палаткѣ и говорилъ, какъ будто самъ съ собою: «Война! Что такое война? Ремесло варваровъ — тутъ все искусство собрать болѣе силъ на извѣстной точкѣ!» Можетъ быть, Наполеонъ размышлялъ тогда о всей жизни своей, о славѣ и могуществѣ, которыми могъ наслаждаться, о счастіи супруга, отца, государя — и гдѣ онъ? зачѣмъ заброшенъ онъ на край свѣта? Какая безумная мечта увлекла его въ лѣса Скиѳіи и степи Сарматіи? Какъ будто стараясь изгнать всѣ другія помышленія, онъ обратилъ все вниманіе на предстоящую битву. Призвавъ къ себѣ Раппа, началъ онъ говорить съ нимъ о дряхлости, неспособности Кутузова; удивлялся, что не избрали Бенингсена на мѣсто Барклая де-Толли, и какъ будто утѣшалъ себя стараніемъ унизить противника. «Вѣришь ли ты въ завтрашнюю побѣду?» спросилъ Наполеонъ. «Безъ сомнѣнія; но битва будетъ кровопролитная!» — «Знаю, но у меня 80,000; я потеряю 20, приду въ Москву съ 60-ю; явятся отсталые, находящіеся на маршѣ, и мы будемъ сильнѣе, нежели передъ побѣдою.» — «Надобно распить, что налито въ Смоленскѣ!» говорилъ онъ другому адъютанту.

Всю ночь продолжалось болѣзненное волненіе Наполеона. Около 5 часовъ утра, въ двадцатый разъ велѣлъ онъ узнать, не уходятъ ли Русскіе, и послѣ утвердительнаго отвѣта, приказалъ подавать лошадь. Полки строились. Пушки катились по назначенію. Бодро поднялся Наполеонъ, воскликнувъ: Ну, такъ они теперь у насъ въ рукахъ! Пойдемъ! Отворимъ ворота московскія!»

Безмолвно, послѣ краткаго отдыха въ холодную, осеннюю ночь, подымались солдаты. Ихъ оживилъ приказъ, читанный передъ каждою ротою:

«Солдаты!

Вотъ битва, которой вы такъ желали. Теперь побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ необходима: она доставитъ намъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Поступайте какъ подъ Аустерлицомъ, Фридландомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, и пусть самое отдаленное потомство вспомнитъ дѣла ваши въ сей день; пусть говорятъ объ васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!»

Едва приблизился Наполеонъ къ Шевардину, яркое солнце выкатилось на осеннее небо. «Это солнце Аустерлица!» сказалъ онъ окружавшимъ его. Онъ не успѣлъ подать знака къ битвѣ. Въ Бородинѣ началась перепалка, и на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, по обѣимъ линіямъ, вспыхнулъ двойной огонь; облака дыма покрыли полки; земля дрогнула.

Прежде и потомъ были даны Наполеономъ великія битвы, но ни одна не сравнялась размѣрами съ бородинскою. Двѣсти пятьдесятъ, или почти до трехъ

сотъ тысячь воиновъ, съ тысячью слишкомъ пушекъ, бились здѣсь 12 часовъ, сдвинутые на пространствѣ 8-ми квадратныхъ верстъ. Почти третья часть ихъ были убиты и изранены. Пушки разгарались и лопались; баттареи по шести разъ переходили изъ рукъ въ руки и переставали стрѣлять, заваленныя трупами. Гулъ пальбы слышенъ былъ за *сто верстъ* — боролись Востокъ съ Западомъ — бился Наполеонъ за все свое прошедшее, настоящее и будущее.

Сраженіе казалось начатымъ на всей линіи войска, но главный ударъ Наполеона вначалѣ былъ направленъ на Семеновское. Даву, Ней, Жюно, прикрытые 130 пушками, подкрѣпляемые Мюратомъ, ударили на русскія баттареи. Компанъ, Раппъ и Дезе были ранены; Даву упалъ съ убитой подъ нимъ лошади. Ней принялъ начальство. Баттареи были взяты, и отбиты русскими снова; между тѣмъ Понятовскій занялъ Утицу. Ней въ другой разъ овладѣлъ баттареями, былъ опять сбитъ, и овладѣлъ ими въ третій разъ. Жюно подкрѣплялъ его. Понятовскій овладѣлъ утицкою баттареею, но въ 9 часовъ Французы были снова *повсюду отбиты.*

Тогда началась аттака центра. Французы перешли за Колочу — штыки на перевѣсъ, молча, среди града картечь явились они на русской баттареѣ. Ихъ отбили отчаяннымъ усиліемъ, гдѣ былъ убитъ русскій генералъ Кутайсовъ. Французскій генералъ Бонами, израненный, взятъ въ плѣнъ Русскими.

Между тѣмъ четыреста пушекъ загремѣли противъ

Семеновскаго; триста пушекъ русскихъ отвѣчали имъ. Подъ огнемъ семисотъ орудій началась отчаянная рукопашная битва, гдѣ смертельно ранили Багратіона. То былъ поединокъ между сорока тысячами сражавщихся, «пиръ смерти, со всѣми его ужасами, битва, гдѣ истощались усилія, казавшіяся не человѣческими.» Дохтуровъ заступилъ мѣсто Багратіона. Русскіе уступили высоты, сохранивъ свои пушки. Мюратъ понесся въ аттаки. «Тутъ нельзя стоять!» говорилъ ему одинъ изъ полковниковъ, когда Мюратъ увидѣлъ его отступающимъ, послѣ потери половины полка. «Я стану здѣсь!» закричалъ Мюратъ. «Хорошо!» хладнокровно отвѣчалъ полковникъ — «впередъ! Умремъ!» Онъ двинулся впередъ и палъ. Наполеонъ хотѣлъ нанесть ударъ послѣдній — тронулъ съ мѣста молодую гвардію. Минута была рѣшительная....

Внезапное смятеніе на лѣвомъ крылѣ Наполеона остановило неотразимый порывъ нападавшихъ. За Колочею явились казаки и русская конница, и смяли отряды Итальянцовъ. Вице-король бросился туда. Самъ Наполеонъ явился здѣсь, изумленный внезапностью нападенія. Дѣло оказалось неважно, но оно измѣнило судьбу битвы, и было личнымъ распоряженіемъ Кутузова. Хладнокровный, безстрастный зритель боя, находясь за главною баттареею русскою, старецъ видѣлъ опасность рѣшительной минуты, приблизился къ пылу битвы, и мысль спасительная возникла въ умѣ его, при взглядѣ на общность сраженія. Насильно

увлекли его изъ подъ ядеръ и картечь. Но слѣдствіемъ взгляда его было нападеніе легкой конницы и казаковъ во флангъ праваго крыла непріятельскаго. Платовъ и Орловъ-Денисовъ перешли за Москву рѣку, произвели тревогу *аттакою столь быстрою*, что прискакавшій туда вице-король едва успѣлъ спастись въ каре своихъ полковъ. Аттаку отбили. Вице-король и Наполеонъ спѣшили обратиться къ бою, но мгновеніе, отъ коего зависѣла битва, было пропущено. Русскіе укрѣпились на своихъ мѣстахъ. Перемежка боя показала Французамъ весь ужасъ положенія ихъ. Нравственная сила однихъ укрѣпилась, другихъ ослабѣла. Было два часа по полудни. Уже восемь часовъ шелъ бой, и никакія усилія Французовъ не могли одолѣть желѣзнаго упорства Русскихъ. Еще нѣсколько дивныхъ, геройскихъ подвиговъ было совершено съ обѣихъ сторонъ. Баттарея русская въ центрѣ была взята; здѣсь палъ генералъ Коленкуръ, и взять въ плѣнъ русскій генералъ Лихачевъ, больной и израненный. По тѣмъ кончились успѣхи Наполеона. Кавалерійскія аттаки Мюрата на Семеновское, и губительная канонада являлись безполезными. Не доставало болѣе силъ сражаться. Въ девять часовъ вечера все смолкло на страшномъ полѣ битвы. Русскія войска оставались на своихъ мѣстахъ; французскія войска отступили на позицію, какую занимали по утру. Грустно, уныло, не зажигая огней, воины Наполеона считали потери и раны, усталые, голодные, истерзанные. Врач-

ное осеннее небо стемнѣло надъ ихъ головою, и вопли тысячей страдальцовъ какъ будто говорили имъ о гибельной участи, ожидавшей ихъ въ будущемъ.... Казаки нѣсколько разъ ночью производили тревогу и заставляли цѣлые корпуса становиться подъ ружье, налетая съ гикомъ и укрываясь въ темнотѣ ночи.

Ужасна была великая битва бородинская, названная французскою арміею *битвою генераловъ* (bataille de généraux), ибо никогда прежде не было столь огромной утраты высшихъ воинскихъ чиновъ въ одномъ сраженіи. Французы считали убитыми и раненными *сорокъ три* генерала; въ числѣ убитыхъ были графъ Монбрюнъ и Коленкуръ, младшій братъ герцога виченцскаго; въ числѣ раненныхъ Даву, Компанъ, Раппъ, Дезе. Русскіе потеряли убитыми: Тучкова, Кутайсова, начальника артиллеріи 1-й арміи; другой братъ Тучковъ, начальникъ корпуса, умеръ отъ раны; не пережилъ бородинской битвы и Багратіонъ, герой Требіи, Нови, Голлабруна, спаситель 2-й русской арміи: онъ умеръ въ селѣ Симѣ, на берегахъ Волги, куда увезенъ былъ изъ арміи. Раненныхъ русскихъ генераловъ было двадцать. У Французовъ выбыло изъ строя до *пятидесяти тысячь*, у Русскихъ болѣе *пятидесяти тысячь* человѣкъ. Подъ Маренго не было столько всего въ бою съ обѣихъ сторонъ. При безмѣрномъ количествѣ пушекъ (Французы сдѣлали 100,000 выстрѣловъ), и въ упорствѣ кавалерійскихъ аттакъ и рукопашныхъ битвъ, никогда не видали прежде столько

смертельно раненныхъ и столь свирѣпо истерзанныхъ. Большая часть раненныхъ погибла. *)

Но сіе губительное сраженіе было ли *побѣдою* Наполеона? Потому, что слѣдствіемъ его были отступленіе Русскихъ и оставленіе Москвы, Наполеонъ провозгласилъ его побѣдою, назвавъ Нея на память тор-

---

*) А. И. Данилевскій, достовѣрнѣе всѣхъ, полагаетъ число Французовъ подъ Бородинымъ болѣе 170,000, и потерю ихъ до 50,000; Русскихъ подъ Бородинымъ было 113,000, и 15,000 ополченія. Потеря въ 1-й русской арміи простиралась, убитыми, раненными и безъ вѣсти пропавшими, до 38,506, во 2-й (оффиціальныхъ отчетовъ не представлено), примѣрно, не менѣе 20,000, слѣдовательно, всего, по крайней мѣрѣ, болѣе 50,000 человѣкъ. Въ Тарутинѣ оказалось на лицо, изъ 113 тысячь, бывшихъ подъ Бородинымъ 52,343! Д. П. Бутурлинъ считаетъ Французовъ подъ Бородинымъ до 152,000; потерю ихъ полагаетъ болѣе 60,000, Русскихъ до 50,000. Показанія французскихъ историковъ сбивчивы и разногласны. Шамбре говоритъ, что число Французовъ, вышедшихъ съ Наполеономъ изъ Смоленска, составляло 155,675, и что въ Гжатскѣ оказалось подъ ружьемъ 133,819. Потерю подъ Бородинымъ полагаетъ онъ въ 60,000 съ обѣихъ сторонъ; Жомини до 80,000; Фенъ, Русскихъ 50,000, Французовъ — 20,000; Ларрей считаетъ убитыхъ Французовъ 9000, раненныхъ 13,000. Убитые французскіе генералы: *Монбрюнъ*, *Коленкуръ*, *Комперъ*, *Плозоль*, *Ланаберъ*, *Ромефъ*, *Гюаръ*, *Лепель*, *Маріонъ*: раненные: маршалъ *Даву*, генералы: *Моранъ*, *Компанъ*, *Раппъ*, *Дезе*, *Фріанъ*, *Нансути*, *Груши*, *Латуръ-Мобуръ*, *Лагуссе*, *Периньонъ*, *Бонами*, и кромѣ нихъ 22. Русскіе генералы, убитые — *Тучковъ*, *Кутайсовъ*; раненные: *Принцъ Мекленбургскій*, *Багратіонъ*, *Раевскій*, *Коновницынъ*, *Крейцъ*, *Горчаковъ*, *Воронцовъ*, *Ермоловъ*, *Сенъ-При*, *Кретовъ*, *Лихачевъ*, *Иеличъ*, *Тучковъ*, *Росси*, *Цыбульскій*, *Алексополь*, *Кантакузинъ*, *двое Бахметьевыхъ*, *Остерманъ* (оконтуженный).

жества *княземъ Москворѣцкимъ* (Prince de Moskowa), и отправя хвастливый бюллетень, велѣлъ пѣть Te Deum во всѣхъ церквахъ своей имперіи, «за счастливый переходъ Нѣмана, Двины, Борисоена, и побѣды могилевскую, дрисскую, полоцкую, смоленскую и московскую,» (Сентября 10-го). Французы насмѣшливо утверждали, что Русскіе, въ свою очередь, считали бородинскую битву побѣдою, что такъ донесъ объ ней Кутузовъ, что онъ былъ за то возведенъ въ званіе фельдмаршала, розданы награды, и *Тебѣ Бога хвалимъ* пѣли во всей Россіи. Никогда не доносилъ Кутузовъ о бородинской битвѣ, какъ о побѣдѣ. Онъ откровенно сознался, что Русскіе только удержали непріятеля, что непомѣрная убыль войска заставила его отступить, и что онъ готовится дать снова битву. За сей подвигъ были награды ему, сподвижникамъ его, и воздано благодареніе Богу. Слова Кутузова были вполнѣ справедливы, и Наполеонъ обманывалъ себя и другихъ, если считалъ себя побѣдителемъ. Не смотря на превосходство числа, Русскіе не уступали отчаяннымъ усиліямъ непріятеля. Даже трофеи съ обѣихъ сторонъ были равные: не взято ни *одно* русское знамя, не взятъ ни *одинъ* французскій орелъ. Французы захватили до 1,000 плѣнныхъ, 15 пушекъ и генерала (Лихачева); Русскіе также взяли тысячу плѣнныхъ, 13 пушекъ и генерала (Бонами). Почтимъ память героевъ, сражавшихся подъ Бородинымъ! Изнуренные походомъ, Французы забыли труды и усталость, и были достойными представителями побѣди-

телей при Риволи, Маренго, Фридландѣ и Ваграмѣ. Багратіонъ кричалъ: *браво*! смотря какъ хладнокровно шли непріятели на баттареи его, осыпаемые картечью и пулями. Маршалы Наполеона не щадили себя, какъ послѣдніе рядовые. Но, умѣя отдавать справедливость непріятелямъ, скажемъ, что въ Русскихъ нашли они достойныхъ противниковъ. Кутузовъ показалъ отважность юноши, умъ великаго полководца. Посылка войскъ за Москву рѣку въ рѣшительную минуту, была маневромъ превосходнымъ, и передвиженія войскъ изумляли вѣрностью и порядкомъ. Войско русское оправдало надежды отечества. Полки русскіе бились, пока изъ тысячь оставались въ нихъ сотни, хотя въ русской арміи было много рекрутовъ, а противъ нихъ сражались закаленные въ бояхъ воины. Подвиги самоотверженія Русскихъ подъ Бородинымъ были неисчислимы. Барклай де-Толли искалъ смерти, бросался въ ряды непріятелей, и пять лошадей были подъ нимъ убиты и ранены «Мы накапунѣ сраженія, гдѣ, можетъ быть, удастся мнѣ совершеніе моихъ желаній,» писалъ онъ, и горестно прибавилъ на другой день: «мое пламенное желаніе не сбылось — Провидѣніе пощадило жизнь, которая тяготитъ меня!» Видя его въ смертельномъ огнѣ, Милорадовичъ восклицалъ: «Барклай не удивитъ меня!» и бросался далѣе его въ битву. Тучковъ палъ, когда, схвативъ знамя, шелъ впереди полка своего. Кутайсовъ разорванъ ядромъ, когда, вмѣстѣ съ Ермоловымъ, велъ въ штыки полкъ на баттарею, захваченную Французами. Дохтуровъ спо-

койно сидѣлъ на барабанѣ, когда противъ него ревѣла адская канонада. Лихачевъ, больной ногами, не сошелъ съ баттареи, взятой непріятелемъ. «Вѣдь умирать же подъ Москвой — такъ не все ли равно лечь здѣсь?» говорили русскіе солдаты, и умирали безтрепетно.

И такихъ людей Наполеонъ называлъ *Скиѳами, Московитами, варварами!* Но исполнилъ ли онъ самъ всѣ обязанности вождя, оправдалъ ли славу перваго въ мірѣ полководца, въ битвѣ, которой такъ жаждалъ, куда стремился, забывая всѣ разсчеты политики и стратегіи, и гдѣ сосредоточивалъ всѣ надежды, всѣ желанія? Согласное мнѣніе друзей и враговъ осуждаетъ его, и извиняетъ только болѣзнью распоряженія его въ бородинской битвѣ. Отвергнувъ совѣтъ Даву, рѣшась сломить Русскихъ, онъ ограничилъ всѣ свои дѣйствія натискомъ. Но въ нападеніяхъ были безпрерывныя остановки, отдыхъ Русскимъ, медленность, нерѣшительность, недостатокъ общности движеній. Наполеонъ оставался у Шевардина, не оживлялъ войска своимъ присутствіемъ, угрюмый, молчаливый, задумчивый, приказывая, и безпрерывно отмѣняя приказы. Главною ошибкою его полагаютъ, что онъ не довершилъ послѣдняго удара, и не ввелъ въ битву 25,000 гвардіи, когда она нетерпѣливо рвалась въ бой, когда о томъ просили, умоляли Наполеона, и когда у Кутузова оставались внѣ битвы только 4 егерскіе и два гусарскіе полка. «А съ чѣмъ буду я сражаться завтра?» отвѣчалъ Наполеонъ, и всегда по-

томъ устранялъ упрекъ тѣмъ, что у него оставалась только гвардія, когда впереди была еще армія русская, при увѣренности, что Москву станутъ защищать отчаянно. Невольно повторите слова Наполеона: «Судьба сильнѣе человѣка!»

Онъ ждалъ битвы на другой день, и забывая ужасъ бывшаго сраженія, не думая о потеряхъ, какія видѣлъ изъ донесеній маршаловъ и генераловъ, презирая тѣлесныя страданія, въ семь часовъ утра, Сентября 8-го, уже явился среди безмолвнаго поля битвы. Русскіе отступали. Наполеонъ ждалъ битвы не напрасно. Кутузовъ не только не думалъ объ отступленіи, но даже объявилъ войску о завтрашней битвѣ, писалъ о томъ Императору Александру, и только неслыханная потеря войскъ, умноженная имъ изъ донесеній, рѣшила его сблизиться къ Можайску, собрать и сообразить силы прежде боя. Наполеонъ не далъ на то времени, двинулъ, помчалъ за Русскими свои окровавленныя ополченія. Русскіе не пустили его въ тотъ день въ Можайскъ, но здѣсь Кутузовъ убѣдился въ необходимости отступленія дальнѣйшаго, и снова явилъ изумительную предусмотрительность и непоколебимое мужество. Имѣя не болѣе 60,000, не находя позицій, когда 100,000 непріятелей усильно шли по пятамъ и обходили его, Кутузовъ отступалъ, сражаясь на каждомъ шагу, не оставляя ни пушки, ни обоза, прикрывая безконечные ряды телѣгъ съ ранеными. Въ Можайскѣ остановился Наполеонъ, страдая столь жестокою простудою, что не могъ гово-

рить, и писалъ свои распоряженія. Преслѣдованіе ослабѣло; но едва отдыхъ возстановилъ силы Наполеона, Сентября 11-го, онъ выѣхалъ изъ Можайска, и устремился по большой московской дорогѣ, гдѣ Мюратъ, начальствуя авангардомъ, бился съ Милорадовичемъ, принявшимъ начальство надъ русскимъ арріергардомъ. Дрались за Можайскомъ, дрались у Крымскаго, и здѣсь Русскіе уничтожили всѣ усилія Мюрата. Наполеонъ усилилъ преслѣдованіе, напирая неотступно къ Москвѣ. Вице-король шелъ на Рузу и Звенигородъ. Понятовскій двигался на Верею. Остановиться Рускимъ было невозможно. Сближались къ Москвѣ. Кутузовъ рѣшился сражаться у воротъ столицы, тѣмъ болѣе, что Беннигсенъ, посланный впередъ, увѣдомилъ его, что подъ Москвою найдена выгодная позиція, и онъ велѣлъ укрѣплять ее баттареями. Сентября 13-го (1-го), русская армія двинулась къ древней столицѣ Россіи изъ Мамонова, и вечеромъ расположилась подъ Москвою, на смоленской дорогѣ и влѣво отъ нея, на берегахъ Сѣтуни и Воробьевыхъ горахъ. Безконечная Москва разстилалась передъ глазами Русскихъ. Пасть-ли имъ здѣсь въ битвѣ? Отдать-ли врагу только развалины Москвы, защищаясь въ самой столицѣ? Тревожная дума терзала сердца Русскихъ воиновъ, когда ни кѣмъ неожиданное извѣстіе поразило всѣхъ: *Москву уступали безъ боя*!

Великое пожертвованіе уже было рѣшено Кутузовымъ. Онъ предупредилъ пріѣздомъ приходъ арміи, осмотрѣлъ избранное Беннигсеномъ мѣсто битвы,

увидѣлъ невозможность сражаться и рѣшился принести послѣднюю жертву на спасеніе отечества — отдать Москву, ошеломить Наполеона торжествомъ его, сохранить армію, и за Москвою ждать врага съ новыми силами, спѣшившими отвсюду. Но что скажетъ Царь Россіи? Что скажутъ Россія и Европа? Какое дѣйствіе произведутъ на самую армію слова: *Москва взята Наполеономъ*? Если сіи страшныя слова поразятъ ее уныніемъ и трепетомъ? И какую отвѣтственность долженъ былъ принять на себя Кутузовъ, предавая святыню Россіи, Москву, съ ея богатствами, храмами, гробницами царей, врагу, означавшему путь свой на пространствѣ тысячи верстъ до Москвы пожарищами и раззореніемъ? Если и Москвѣ суждена участь Смоленска? Мысль отдать Москву не была чужда Кутузову даже на полѣ Бородинскомъ. «Если непріятель займетъ Москву, онъ расплывется въ ней, какъ губка, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу,» говорилъ онъ. Но когда наступила минута жертвы, Кутузовъ содрогнулся, соображая огромность ея. Никогда не терпѣвшій совѣтовъ, онъ, какъ говоритъ одинъ изъ историковъ 1812 года, «всегда державшійся правила древняго полководца, который не хотѣлъ, чтобы и подушка его знала объ его намѣреніяхъ,» еще утромъ, когда спорили объ избранной Беннигсеномъ позиціи, рѣшившій споры словами: «Тутъ моя голова, хороша ли, худа ли она, должна помочь самой себѣ» (ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit cependant s'aider que d'elle même), рѣшился собрать

совѣтъ. Въ деревнѣ Филяхъ, на смоленской дорогѣ, въ крестьянской избѣ, гдѣ была квартира Кутузова, собрались Беннигсенъ, Б. де Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Раевскій, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Кутузовъ опредѣлилъ вопросъ слѣдующими словами: «Доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, остается надежда счастливо кончить войну; но съ уничтоженіемъ арміи Москва и Россія потеряны. Ожидать ли нападенія въ неудобной позиціи, или отступать за Москву? «Явились два мнѣнія. Беннигсенъ, и съ нимъ Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ, говорили, что должно идти на встрѣчу непріятелю и сражаться; Барклай де-Толли и съ нимъ Остерманъ, Раевскій и Толь утверждали, что должно отступать и сохранить армію. Барклай де Толли предлагалъ отступленіе на сибирскую, Толь на калужскую дорогу; Кутузовъ согласился съ ихъ мнѣніемъ, но опредѣлилъ отступленіе по рязанской дорогѣ. «Съ потерею Москвы не потеряна Россія,» сказалъ онъ. «Первая обязанность сохранить армію, и сблизиться съ войсками, идущими на подкрѣпленіе. Уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Знаю, что отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою благу отечества. Приказываю отступать!» Совѣтъ разошелся. Оставшись одинъ, Кутузовъ не скрывалъ горестныхъ чувствъ своихъ. Приближенные его видѣли, какъ всю ночь онъ то сидѣлъ, то ходилъ, печальный, задумчивый, и слезы текли изъ глазъ его.

«Но доведу жь я проклятыхъ Французовъ, что они, какъ Турки въ прошедшемъ году, будутъ у меня ѣсть лошадиное мясо!» воскликнулъ Кутузовъ, ударивъ по столу.

Въ тотъ же вечеръ потребованы отъ главнокомандовавшаго московскаго провожатые, для проведенія арміи черезъ Москву. Рано утромъ, Сентября 14 (2-го), армія тронулась съ мѣста.

Москва уже не была тогда Москвою. Она являлась грустною, сирою вдовицею, а не великолѣпною столицею царей, гдѣ сосредоточивались богатства торговли, наслажденія роскоши, дѣятельность умственная, гдѣ триста тысячь жителей, почетное дворянство, богатое купечество, еще за два мѣсяца прежде, радостно привѣтствовали Царя Россіи. Вмѣстѣ съ ревностью на защиту отечества и ненавистью къ врагу, усиливались и опасенія жителей Москвы. Самая огромность пожертвованій на гибель его показывала мѣру опасности, а зловѣщіе слухи объ ужасахъ войны, тревогѣ въ Петербургѣ, стремленіи непріятеля во внутрь Россіи, начали распространять смущеніе въ Москвѣ. Два чувства различныя взволновали умы. Старики-вельможи, доживавшіе вѣкъ въ Москвѣ, отставные чиновники, богатые помѣщики, дворянскія семейства, капиталисты рѣшились оставить Москву. Среднія званія и чернь не вѣрили возможности приближенія непріятеля къ столицѣ, и хотѣли сражаться и умереть, если бы врагъ достигъ до золотоглавой Москвы, тѣмъ болѣе, что слышали о народной войнѣ, встрѣтившей

Бонапарта. Сіе чувство усиливало особенное обстоятельство. Передъ началомъ войны, главнокомандующимъ московскимъ опредѣленъ былъ графъ Растопчинъ, бывшій министръ императора Павла, возбуждавшій ненависть къ Наполеону и любовь къ отечеству своими сочиненіями въ 1806 и 1807 годахъ. Сдѣлавшись начальникомъ Москвы, онъ истощилъ всѣ средства поддержать и усилить сіи чувства, издавалъ особенныя *аффишки*, гдѣ простонароднымъ языкомъ говорилъ съ народомъ, ругалъ Наполеона и Французовъ, вызывалъ народъ собираться и бить непріятеля. Все было пригодно, что грозило истребленіемъ врага. Императоръ Александръ не препятствовалъ дѣйствіямъ Растопчина, и даже сказалъ, читая его аффишки: «Онъ на своемъ мѣстѣ!» (C'est l'homme de la chose!) Паденіе Смоленска возвело всѣ чувства и отношенія на степень необыкновенную. Растопчинъ, увѣренный, что до Москвы не допустятъ Наполеона, усиливалъ убѣжденія въ безопасности Москвы, но между тѣмъ начали вывозить казенное имущество, царскія сокровища, архивы, церковныя драгоцѣнности, и при умножившихся опасеніяхъ Москву стали оставлять не только всѣ знатные, но и всѣ зажиточные жители; купцы поспѣшно вывозили товары, и вскорѣ бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Москва рѣка запрудилась барками и судами; иногда до двухъ тысячь жителей выѣзжало въ одинъ день, и безконечные обозы тянулись по всѣмъ дорогамъ изъ столицы. Прекратились дѣла, общественныя увеселенія, торговля, сношенія.

Страхъ умножался съ приближеніемъ къ столицѣ непріятельскихъ войскъ, и особливо, когда тысячи раненныхъ наполнили госпитали и домы въ Москвѣ, усилились движенія и переходы войскъ, изъ Москвы побѣжали всѣ, кто только могъ бѣжать. Чины, званія смѣшивались; ѣхали въ чемъ попало, уходили цѣлыми семействами, увозили и уносили, чтò могли. Столица опустѣла. Оставался, кто не могъ выѣхать по недостатку средствъ, или по какой нибудь обязанности; осталась чернь, возбуждаемая воззваніями Растопчина, и отребіе общества, которое гнѣздится во всѣхъ столицахъ и большихъ городахъ, люди, которымъ терять нечего. До послѣдняго дня Растопчинъ не вѣрилъ оставленію Москвы безъ боя, ждалъ сраженія въ ея окрестностяхъ, даже не оставлялъ мысли, въ послѣдней крайности, собрать народъ, идти и драться съ непріятелемъ. Разумѣется, что такая безполезная жертва была воспрещена Кутузовымъ, и велѣно мѣстному начальству оставить столицу. Въ ночь отправились изъ Москвы митрополитъ, духовенство съ иконами изъ соборовъ и церквей, всѣ правительственныя мѣста, и наконецъ вышли полицейскія команды. Велѣно разбить бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и въ кабакахъ; истребить всѣ товары на Мытномъ дворѣ, всѣ казенные запасы, оставшіеся въ коммиссаріатѣ, и барки съ артиллерійскими и коммиссаріатскими поклажами, задержавшіяся мелководьемъ на Москвѣ рѣкѣ. Пожарная команда съ заливными трубами отправлена изъ

города. Оставшееся въ кремлевскомъ арсеналѣ оружіе отдано на расхищеніе народа.

Такова была Москва, опустѣлая, безъ властей и начальства, съ остаткомъ черни, когда армія проходила по ея улицамъ, смѣшиваясь съ тысячами послѣднихъ бѣглецовъ, стремившихся изъ столицы, съ рядами телѣгъ, на коихъ везли раненыхъ, съ казенными и частными обозами. Не смотря на стѣсненіе въ улицахъ, отступленіе арміи происходило въ изумительномъ порядкѣ, но тихо, уныло, безъ музыки и барабаннаго боя. Не только генералы и офицеры, солдаты плакали и рыдали, крестились на московскія церкви и прощались съ *матушкой-Москвой.* Домы и лавки были заперты. Чернь буйствовала въ кабакахъ и начинала грабежи въ отдаленныхъ частяхъ города. Толпа народа сбѣгалась защищать Кремль.

Наступала минута, которой такъ желалъ Наполеонъ. Ведя армію черезъ Москву, Кутузовъ оставилъ на смоленской дорогѣ Милорадовича съ аррiергардомъ. Ему велѣно было удерживать непріятеля, пока армія и всѣ обозы пройдутъ черезъ Москву; даже сражаться подъ Москвою, если будетъ необходимо. Онъ ночевалъ въ 10 верстахъ, и когда приблизился къ Москвѣ, она далеко еще не была очищена. Милорадовичъ послалъ къ Мюрату, шедшему по слѣдамъ его, требуя свободнаго прохода войскъ черезъ столицу, и извѣщая, что, въ случаѣ отказа, будетъ сражаться и зажжетъ Москву. «Такъ нельзя страшать французской арміи!» замѣтилъ ему кто-то. «Мое дѣ-

ло стращать, а ваше умирать!» (C'est à moi à la braver et à vous à mourir) вскричалъ Милорадовичъ. Паскевичъ сталъ у моста на Москвѣ рѣкѣ, рѣшаясь защищаться. Мюратъ принялъ посланнаго ласково, согласился не препятствовать отступленію Русскихъ до слѣдующаго утра, съ тѣмъ, что Французы немедленно вступятъ въ Москву. Онъ разспрашивалъ объ Императорѣ Александрѣ и Вел. Князѣ Константинѣ Павловичѣ. «Вашего Императора я уважаю, а съ великимъ княземъ другъ, «говорилъ онъ. «Жалѣю, что обстоятельства заставили насъ воевать. Тяжелая война!» — «Мы сражаемся за отечество, и не замѣчаемъ тяжести похода», отвѣчалъ ему посланный Милорадовича. — «Но почему не помириться?» — «Потому, что никто изъ насъ еще не разбитъ, и не похвалится побѣдою!» Мюратъ улыбнулся и замѣтилъ, что «мириться однако жь пора!»

Арріергардъ Русскій двинулся по Москвѣ. Мюратъ такъ спѣшилъ за нимъ, что передовые отряды его шли вмѣстѣ съ казаками Милорадовича. Впереди Мюрата ѣхали Поляки Уминскаго, за ними прусскіе уланы Вертера, виртембергскіе конные егери, четыре французскіе легкоконные полка и отрядъ конной артиллеріи. Мюратъ красовался въ своемъ фантастическомъ нарядѣ и гордо вскакалъ въ Кремль. Три пушечные выстрѣла разсѣяли толпу собравшейся тамъ черни. Мюратъ послалъ разъѣзды по опустѣлымъ московскимъ улицамъ.

Рано утромъ отправился Наполеонъ съ ночлега

изъ села Березокъ, остановился въ 12 верстахъ отъ Москвы, и послалъ къ Москвѣ Мюрата. Узнавъ объ условіи Мюрата съ Милорадовичемъ, онъ подтвердилъ строгое соблюденіе договора, велѣлъ сблизиться войску къ Москвѣ, Мортье занять Кремль, Понятовскому идти мимо города къ калужской заставѣ, вице-королю стать у прѣсненской и тверской заставъ, Даву и Нею готовиться къ парадному входу въ столицу. Странныя вѣсти доходили между тѣмъ до Наполеона. Уже самое уступленіе Москвы безъ боя изумило его, а еще болѣе донесеніе, что Москва оставлена безлюдною, опустѣлою, и что правительство выѣхало въ слѣдъ за русскою арміею. Скрывая нетерпѣніе, медленно приближался онъ къ столицѣ. Блестящая свита упредила его, когда подъѣхали къ Поклонной Горѣ, и раздавшіеся клики восторга встрѣтили Наполеона: Moscou! Moscou! На безконечномъ пространствѣ открылась передъ нимъ Москва, съ ея золотыми главами церквей, ея полуазіятскимъ видомъ, пестротою зданій, зеленью садовъ, страннымъ зодчествомъ Кремля и Иваномъ Великимъ, освѣщаемая яркими лучами осенняго солнца. Онъ не скрылъ своего удовольствія. «*А! такъ вотъ онъ наконецъ, этотъ знаменитый городъ*» (La voilà donc enfin cette ville fameuse)! сказалъ Наполеонъ, улыбаясь, и прибавилъ въ полголоса: «*пора было*» (Il était temps)!

Но изумленіе его возрастало. Громадный городъ, бывшій передъ его глазами, походилъ на очарованные города Восточныхъ Сказокъ, казался пустынею, горо-

домъ, гдѣ все уснуло, умерло — ни жителей, ни движенія. Наполеонъ сошелъ съ лошади, стоялъ сложа руки, ходилъ взадъ и впередъ, послалъ развѣдывать. «Можетъ быть, эти варвары не знаютъ *даже какъ сдаютъ города!* Тутъ все ново — они для насъ, а мы для нихъ!» Велѣно было привесть депутатовъ московскихъ. Приказано ѣхать въ городъ. «Говорятъ, Москва пуста. Что за нелѣпость? Подите и приведите ко мнѣ *бояръ* (les boyards).» Около часа прошло въ ожиданіи. Нетерпѣніе Наполеона увеличилось, когда привели нѣсколько Французовъ, оставшихся въ Москвѣ. Они подтвердили извѣстіе о запустѣніи русской столицы. «*Но гдѣ жъ Сенатъ?*» — Уѣхалъ. — «*Губернаторъ?*» — Уѣхалъ. — «*Народъ?*» — Народъ убѣжалъ. — «*Кто жъ въ Москвѣ?*» — Никого нѣтъ! — Разговаривавшій съ Наполеономъ хотѣлъ еще что-то говорить. «*Молчи!*» вскричалъ угрюмо Наполеонъ. Тутъ пригнали нѣсколько бродягъ, нахватанныхъ на улицахъ, и представили Наполеону, говоря, что это *Москвичи*, Гнѣвно взглянувъ на оборванную сволочь, Наполеонъ вскричалъ: «Прогоните этихъ мерзавцовъ» (Qu'on fasse retirer cette canaille)! велѣлъ подавать свою лошадь, скомандовалъ: «*впередъ*», велѣлъ Нею занимать городъ, и поскакалъ къ заставѣ. «Они еще сами не знаютъ, какое дѣйствіе произведетъ взятіе ихъ столицы!» вскричалъ онъ, остановился въ подгородной слободѣ, и стоя на берегу Москвы рѣки, задумчиво смотрѣлъ, какъ по мосту переходили войска. Вдалекѣ слышались взрывы, подымался дымъ: то были барки,

зажженныя на Москвѣ рѣкѣ, отъ которыхъ загорѣлось нѣсколько домовъ. Наполеонъ велѣлъ тушить огонь, прекращать безпорядки, учредить управленіе въ Москвѣ. Мортье назначенъ былъ губернаторомъ, генералъ Дюронель коммендантомъ. Интендантомъ московскимъ опредѣлили Лессепса, замѣчательнаго по странной судьбѣ его. *) Велѣно принять мѣры особенно противъ пожаровъ и грабежей. Отыскали типографію, и начали печатать объявленія къ жителямъ Москвы, уговаривая ихъ быть спокойными и безопасными. Прежде всего напечатали извѣстіе о занятіи Москвы, и отправили съ нимъ курьеровъ по всей Европѣ; **) но объявленія издать не успѣли, ибо если Наполеонъ былъ изумленъ страннымъ пріемомъ

---

*) Отецъ его былъ консуломъ въ Петербургѣ. Когда отправлялась экспедиція Лаперуза, молодаго Лессепса вызвали изъ Россіи, и опредѣлили въ экспедицію переводчикомъ. Изъ Камчатки Лаперузъ отправилъ его съ журналами и картами въ Парижъ, и Лессепсъ, проѣхавшій черезъ Сибирь, былъ *единственный* человѣкъ, спасшійся отъ экспедиціи Лаперузовой. Онъ занялъ потомъ мѣсто отца въ Петербургѣ, и прожилъ тамъ до 1812 года, а при объявленіи войны выѣхалъ во Францію. Наполеонъ взялъ его съ собой въ Россію, какъ знающаго русскій языкъ и Русскихъ.

**) «Великая битва Сентября 7-го поставила Русскихъ внѣ возможности защищать Москву, и они оставили сію столицу. Теперь три часа съ половиною. Побѣдоносная армія вступаетъ въ Москву. Его величество императоръ Наполеонъ сейчасъ прибылъ сюда съ своею главною квартирою. Москва, Сентября 14-го, 1812 года.» Для Поляковъ увѣдомленіе было напечатано по-польски.

его въ Москвѣ, на другой день ужаснула его русская столица событіемъ неслыханнымъ, и онъ убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ *варвары Московиты* не умѣютъ *сдавать городовъ*.

Вопреки приказамъ Наполеона, невозможно было удержать ни оставшейся въ Москвѣ черни, ни вступившей въ Москву толпы разноплеменныхъ войскъ, голодныхъ, измученныхъ, жадныхъ добычи и грубыхъ, чувственныхъ наслажденій. Ожидавши пріема, ласки, покорности, какъ въ другихъ Европейскихъ столицахъ, они приведены были въ бѣшенство бѣгствомъ Москвичей, и обманомъ въ надеждѣ на отдыхъ, довольство и наслажденія. Всюду разсѣялись буйные солдаты, врывались въ пустые домы, искали припасовъ и вина, грабили кладовыя, пьяные били, что̀ имъ попадалось, ломали окна и мебели. Особенною наглостью отличались Поляки и Нѣмцы. Грабежъ начался даже въ Кремлѣ. Солтыкъ, одинъ изъ польскихъ генераловъ, въ безсильной злобѣ, рвалъ бархатъ съ царскаго трона, находившагося въ кремлевскомъ дворцѣ. Другіе искали скрытыхъ сокровищъ. Буйные побѣдители не долго предавались радостному изступленію и безумнымъ порывамъ ярости. Среди мрака осенней ночи, внезапно вблизи Кремля поднялся огненный столпъ, и багровымъ заревомъ освѣтилъ небо, предшествуемый страшнымъ взрывомъ: загорѣлся москательный рядъ въ Китаѣ-городѣ, и отъ горючихъ веществъ, въ немъ бывшихъ, мгновенно запылали торговые ряды, состав-

ляющіе въ Китаѣ родъ азіятскаго базара. *) Удари-
рили сборъ. Мортье прибѣжалъ съ отрядомъ войскъ, старался тушить пожаръ, но средствъ къ потушенію не было, и огонь страшно усиливался. Донесли Наполеону. Онъ изъявилъ сильное негодованіе на безпечность начальства, велѣлъ послать на потушеніе пожара цѣлые отряды войскъ, безпокоился, не могъ

---

*) *Кремль*, старинная крѣпость, гдѣ находятся только соборы, дворцы, Сенатъ, нѣсколько монастырей, составляетъ средину Москвы, расположенный на горномъ, лѣвомъ берегу рѣки Москвы. Подлѣ него, съ лѣвой стороны, *Китай-городъ*, пространство, обнесенное каменными стѣнами въ началѣ XVI вѣка. Здѣсь торговые ряды, гостиный дворъ, склады товаровъ и средоточіе торговли московской. Кремль и Китай окружаетъ *Бѣлый-городъ*, названный такъ по *бѣлой* стѣнѣ, которою нѣкогда было ограждено сіе пространство; стѣна давно замѣнена бульварами. Бѣлый-городъ заключаетъ въ себѣ лучшія улицы и богатыя зданія. Далѣе слѣдуютъ заселенія, которыя можно назвать предмѣстьями, гдѣ множестве деревяннаго строенія. Отдѣльную часть Москвы образуетъ *Замоскворѣчье*, древній *Скородомъ*, на правомъ, луговомъ берегу Москвы рѣки. Къ валу, которымъ окружена была вся Москва, примыкали еще обширныя слободы. Улицы московскія, перепутанныя переулками, были неправильны, кривы, тѣсны. Особливо Китай городъ, гдѣ начался пожаръ, былъ стѣсненъ огромными строеніями, и лишенъ воды, удаленный отъ Москвы рѣки. Торговые ряды образуютъ особенное отдѣленіе среди Китая города, состоящее изъ множества лавокъ, тѣсныхъ и соединенныхъ сводами и крышами. *Москательнымъ* рядомъ (отъ слова: *мускатъ*) назывался рядъ лавокъ, гдѣ продавали химическія произведенія, колоніяльные товары, масла, спирты, чего невозможно было вывезти изъ Москвы торговцамъ.

спать — и такъ прошла первая тревожная ночь завоевателя Россіи въ русской столицѣ. На другой день утромъ Наполеонъ отправился въ Кремль, предшествуемый отрядомъ конницы и сопровождаемый блестящею свитою. Онъ ѣхалъ въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, на арабской лошади, молчалъ, и только зубчатая, старинная ограда Кремля, омраченнаго страшно разгорѣвшимся пожаромъ Китая-города, вырвала у него слова: «Какія горделивыя стѣны» (voilà des fières murailles)! Онъ прошелъ по комнатамъ дворца, заглянулъ въ кремлевскіе соборы, и безмолвно выслушивалъ донесенія о трофеяхъ и добычѣ, найденныхъ въ Москвѣ. Въ Кремлѣ оставлены были старинныя пушки и нѣсколько новыхъ, такъ, что всего насчитали до полутораста орудій; кромѣ того, въ арсеналѣ нашли болѣе 80,000 ружей и другаго огнестрѣльнаго оружія, 60,000 шпагъ и разнаго бѣлаго оружія, старинныя русскія, польскія и турецкія знамена (болѣе тысячи), и множество старинныхъ доспѣховъ. Въ пороховыхъ погребахъ за Москвою уцѣлѣло нѣсколько тысячь пудовъ пороху; въ коммиссаріатѣ были запасы вещей; нѣсколько тысячь раненныхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ найдены въ Москвѣ. Передъ приходомъ Французовъ скопилось ихъ въ столицѣ болѣе 30,000, изъ числа коихъ осталась треть, за невозможностью имѣть подводы, коихъ требовалось для вывоза только казенныхъ вещей болѣе 60,000. Жители, найденные въ Москвѣ, были бѣдныя, низшія званія, слуги, оставленные сторожами домовъ, и весьма немногіе купцы, дворяне и чиновники.

Если минутное упоеніе гордости и мысль о завоеваніи русской столицы мелькнули въ душѣ Наполеона, скоро всѣ горделивыя помышленія его разсѣялись, и весь ужасъ положенія его ярко освѣтился московскимъ пожаромъ. Огонь не только не утихалъ, но разгарался часъ отъ часу, лился по улицамъ и площадямъ, обнялъ всю Москву, и наконецъ явилъ страшное зрѣлище огненнаго моря. Перестали думать о потушеніи пожара, опасались только гибели въ потокахъ огня. Отъ разрѣженія воздуха взвились вихри, столь сильные, что невозможно было держаться на ногахъ. Вторая ночь послѣ занятія Москвы, проведенная Наполеономъ въ Кремлѣ, была ужасна. Онъ не могъ уснуть, ходилъ по заламъ дворца, и изъ кабинета Императора Александра нѣсколько разъ выходилъ на дворцовую террасу къ Москвѣ рѣкѣ. «Какой ужасъ!» говорилъ онъ. «Что скажетъ Европа! Москвы нѣтъ! Награда, которую обѣщалъ я моимъ храбрымъ солдатамъ — погибла!» На увѣренія окружавшихъ его, что Москву жгутъ Русскіе — «Это страшно, это непостижимо!» восклицалъ онъ. «Жгутъ сами! Что за необыкновенное рѣшеніе! Что за люди! Такъ вотъ какъ они воюютъ? Образованность Петербурга обманула насъ: они остались Скиоами!» На островѣ св. Елены Наполеонъ говорилъ, что никакія описанія не могутъ выразить ужаса московскаго пожара. «На зло поэзіи, никогда, никакія описанія пожара Трои не сравнятся съ дѣйствительностію московскаго пожара», говорилъ онъ. «Домы были деревянные, вѣтеръ

ужасный, трубы вывезены. Это, говоря буквально, былъ огненный океанъ! И въ одно мгновеніе погибли трудъ вѣковъ и милліоны богатствъ! Какое окончаніе! Одна мысль о томъ заставляетъ трепетать!»

Опасность и гибель положенія умножались. Уже не почитали безопаснымъ пребыванія Наполеона въ стѣнахъ кремлевскихъ, готовыхъ развалиться отъ жара. Стекла лопались въ окнахъ дворца; искры и головни отвсюду летѣли на Кремль; воздухъ былъ удушливъ отъ огня и дыма. Къ Наполеону явились вице-король, Лефевръ, Бессьеръ, Бертье, и умоляли его удалиться. Уже Кремль загорался, и зарядные ящики гвардейской артиллеріи, бывшіе въ Кремлѣ, готовы были вспыхнуть отъ огненныхъ хлопьевъ. Едва убѣдили Наполеона оставить Кремль, и затруднились выходомъ его, ибо вокругъ Кремля горѣло со всѣхъ сторонъ. Мрачный осенній день, при огнѣ и дымѣ пожара, застилавшихъ небо, при свистѣ вѣтра, трескѣ разваливавшихся зданій, смятеніи, бѣготнѣ, вопляхъ людей, являлъ подобіе ада. Сентября 16-го, послѣ полудня, Наполеонъ и его свита оставили Кремль, и съ трудомъ и опасностью пробрались до пресненской заставы, откуда полемъ достигли загороднаго Петровскаго дворца, на петербургской дорогѣ. Гвардія расположилась кругомъ дворца и передъ нимъ, на обширномъ Ходынскомъ полѣ.

Здѣсь свободно вздохнулъ, и могъ обдумать свое положеніе Наполеонъ. Москва горѣла еще четыре дня. Выгорѣло двѣ трети столицы, самыя богатыя и

многолюдныя части; изъ 9257 монастырей, церквей и зданій сгорѣло 6496. Убытокъ и потери жителей Москвы и ея уѣзда, въ движимомъ имѣніи, оцѣняли въ послѣдствіи до $83\frac{1}{2}$ милльоновъ рублей, въ недвижимомъ до 166 милльоновъ, а всего до 250 милльоновъ р. Но потери были неоцѣнимы, ибо въ московскомъ пожарѣ погибли, кромѣ капиталовъ, драгоцѣнные остатки древности, сокровища знаній и наукъ, заведенія промышленности, плоды труда, наслѣдіе вѣковъ, чего не успѣли и не могли вывезть. Пожаръ московскій сопровождался всѣми ужасами неистовства и позора страстей, до какого можетъ унизиться человѣкъ. Оставя тщетный трудъ тушить огонь, войско Наполеоново хотѣло спасти, что было возможно; солдаты сбѣжались на грабежъ, грабили, и пьяные, одурѣлые горѣли въ огнѣ. Тысячи раненыхъ, Русскихъ и Французовъ, погибли въ горящихъ домахъ; кто изъ нихъ имѣлъ силы, выползалъ, и съ воплемъ влачились по улицамъ люди безъ руки, безъ ноги, умирая отъ голода, жажды и страданій, когда окрестъ нихъ грабители дрались за добычу. Участь оставшихся въ Москвѣ жителей была плачевна. Лишенныхъ крова, одежды, пищи, солдаты вьючили добычею грабежа, и терзали, когда несчастные падали подъ тяжестью. Не были пощажены ни полъ, ни возрастъ. Забыты были подчиненность и всѣ чувства человѣческія. Ужасы нашествій Алариковъ и Аттилъ совершились въ Москвѣ, въ XIX вѣкѣ!

Кремль уцѣлѣлъ. Наполеонъ возвратился въ него

черезъ четыре дня. Огромнымъ пожарищемъ облегала окрестъ Кремля Москва, догорая, и заражая воздухъ дымомъ и смрадомъ; обгорѣлые трупы людей и лошадей, и еще дышавшіе, полумертвые люди лежали въ развалинахъ домовъ и зданій. Церкви обращены были въ бойни, конюшни, складки овса, сѣна, хлѣба, награбленныхъ вещей. Отъ Петровскаго дворца до Кремля биваками расположились войска, разводя огни драгоцѣнною мебелью, обломками экипажей; добыча лежала вокругъ нихъ грудами — чай, сахаръ, вина, ткани, мебель, книги, святые образа, церковные сосуды, все брошено было въ безпорядкѣ подлѣ кусковъ лошадинаго мяса; толпы солдатъ рылись въ домахъ, въ погребахъ, въ садахъ, отыскивая скрытое имѣніе; другія бродили закоптѣлыя, оборванныя, или въ странныхъ нарядахъ, дополняя недостатокъ одежды чѣмъ попало. Наполеонъ затворился въ Кремлѣ, строго охраняемомъ его гвардіею. Маршалы, генералы, офицеры заняли уцѣлѣвшіе домы.

Желая опредѣлить причины пожара московскаго, Наполеонъ рѣшилъ тѣмъ, что Москва сожжена была по волѣ Императора Александра и съ согласія Кутузова, главнокомандовавшимъ Растопчинымъ. Описывали даже планъ сожженія: Растопчинъ заготовилъ зажигательные снаряды, роздалъ ихъ при выходѣ преступникамъ, выпущеннымъ изъ острога и тюремъ, и, подъ надзоромъ переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ, они жгли Москву. Въ подтвержденіе словъ представляли показанія военной коммиссіи, учрежденной

Наполеономъ въ Москвѣ. Ее составляли генералы Монтіонъ, Лауеръ, Мишель, Сопье, Тьерп, и штабъ-офицеры Бодеденъ, Жаненъ, и Веберъ. Коммиссіи представлены были 26 зажигателей; девять назвали себя полицейскими солдатами, одинъ поручикомъ, остальные были ремесленники и слуги. Они разсказали планъ Растопчина, говорили, что зажигательные снаряды готовились въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, и прикрыты были приготовленіемъ будто бы воздушнаго шара для истребленія французской арміи. Но, вмѣсто шара, тамъ готовили зажигательные снаряды, и роздали ихъ зажигателямъ при вступленіи непріятеля въ Москву. *) Несчастныхъ осудили: *десятеро* были повѣшены, остальныхъ посадили въ тюрьму. Въ бюллетеняхъ, дипломатическихъ сношеніяхъ, въ разговорахъ, всегда отклоняя отъ себя обвиненіе въ пожарѣ московскомъ, Наполеонъ слагалъ его на Русскихъ и Растопчина. Такъ перешла повѣсть о гибели Москвы во всѣ историческія сочиненія, ужасая однихъ варварскою рѣшительностью, другихъ геройствомъ Русскихъ. Русскіе сначала обвинили Наполеона: такъ слѣдовало, ибо надлежало истощать всѣ средства возбужденія противъ него ненависти. Потомъ, когда Европа отвѣтствовала кликами удивленія на Наполеоновы обвиненія Русскихъ,

---

*) Шаръ былъ дѣйствительно приготовляемъ. Какой-то шарлатанъ-Нѣмецъ вызвался устроить его, летѣть на немъ, и огненными снарядами истреблять Наполеонову армію. Ему повѣрили, истратили болѣе полутораста тысячь рублей, и увидѣли обманъ или ошибку изобрѣтателя.

и увидѣла въ пожарѣ Москвы геройское самоотверженіе, когда самъ Наполеонъ, порицая Растопчина, и называя Русскихъ варварами, невольно изумлялся ихъ подвигу, *) Русскіе приняли на себя причину пожара. Находили дикую силу воли въ рѣшительности жертвовать столицею, «поэзію въ подвигѣ, вознесшемъ «нравственную силу народа до высокой степени героизма», который «оторвалъ Русскихъ отъ города и обратилъ къ отечеству». Даже одинъ изъ военныхъ историковъ русскихъ принялъ всѣ подробности сожженія Москвы за историческія истины. Но исторія не поэзія. Неумолимая, она ищетъ истины. **)

Наполеонъ не жегъ Москвы. Такое дѣло было бы безуміемъ съ его стороны. Но и Русскіе не жгли Москвы, если предполагать въ московскомъ пожарѣ

---

*) На островѣ св. Елены, когда ему замѣтили, что поступокъ Русскихъ былъ геройскій, онъ съ досадою отвѣчалъ: «Si beaucoup a Paris eussent pu le lire et sentir de la sorte, croyez que je le leur aurais vanté, mais je n'avais pas le choix» (Да, если бы въ Парижѣ могли такъ понимать, я превознесъ бы его, но мнѣ нельзя было!)

**) Д. П. Бутурлинъ. Приписывая пожаръ московскій произвольному распоряженію Растопчина, онъ прибавляетъ, что, противъ мнѣнія его, Растопчинъ, которому въ рукописи доставлена была книга, «не сдѣлалъ никакихъ возраженій», и что «съ другой стороны, *самыя положительныя изслѣдованія* (renseignemens les plus positifs) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что пожаръ Москвы былъ приготовленъ и исполненъ русскими властями» (par les autorités russes). Замѣтимъ, что сочиненіе Г-на Бутурлина было посвящено Императору Александру.

прежде обдуманную мысль: никакихъ слѣдовъ приказаній Императора Александра, ни свидѣтельствъ о согласіи Кутузова не находится. Знаемъ, что и сожженіе другихъ городовъ не было дѣломъ русскаго правительства: Смоленскъ зажженъ бомбами и гранатами Наполеона; Вязьму зажгли сами жители; Гжатскъ подожгли Французы. Дивнымъ промысломъ, столь явнымъ въ походѣ 1812 года, пожаръ Москвы сдѣлался одною изъ причинъ гибели Наполеона, но по всѣмъ разсчетамъ человѣческимъ, сожженіе Москвы по вступленіи въ нее Наполеона, вело его не къ гибели, но къ торжеству. Захвативъ все, что можно было, на пожарищѣ московскомъ, онъ могъ немедленно двинуться на русскую армію, и уничтожить ее, или, по крайней мѣрѣ, при тогдашней слабости силъ ея, открыть себѣ свободное отступленіе на Калугу, Минскъ и Смоленскъ.

Соображая доводы тѣхъ, кто приписываетъ сожженіе Москвы случайности и неосторожности, находимъ ихъ весьма важными, но не вполнѣ удовлетворительными. Разсмотрѣвъ всѣ подробности, намъ кажется, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ Растопчина, внушеннымъ ему отчаяніемъ, дѣломъ, по видимому, безразсуднымъ, и совершенно произвольнымъ. Онъ отрекся отъ него въ послѣдствіи, но молчалъ цѣлые годы, когда всѣ приписывали ему сіе дѣло. Не знаемъ причинъ его позднѣйшаго отреченія. Главнѣйшія доказательства состоятъ въ очевидно систематическомъ сожженіи Москвы: загорѣлся, прежде всего, ночью,

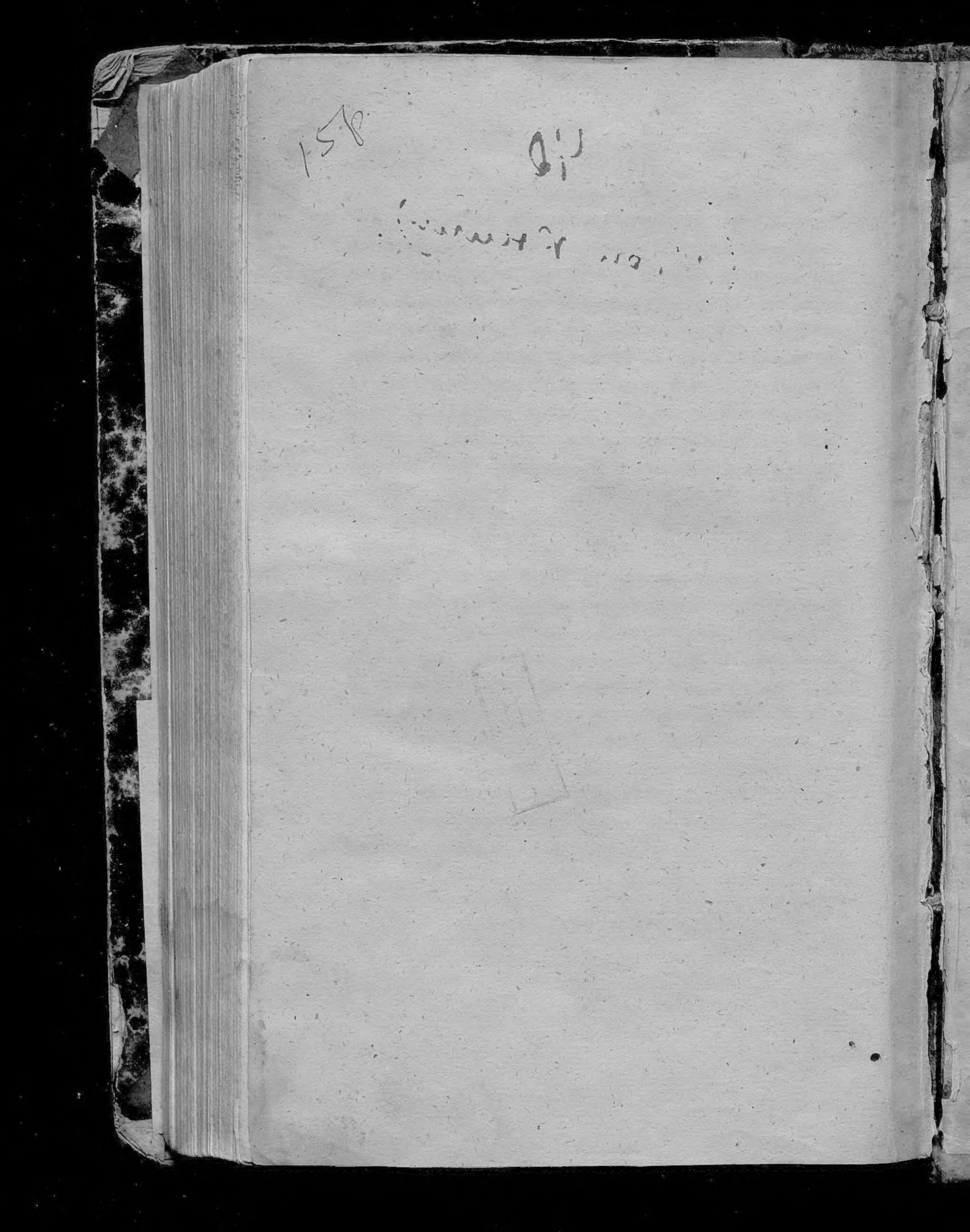
москательный рядъ, причемъ слышенъ былъ взрывъ. Потомъ пожары начинались по вѣтру, оканчивались въ одномъ, и возникали въ другомъ мѣстѣ, какъ будто невидимая рука бросала губительный огонь, пока, при начавшемся страшномъ вѣтрѣ, все слилось въ одно безмѣрное море огня. Особенныхъ приготовленій къ пожару не было сдѣлано. Растопчинъ вѣрилъ, что Москвы не отдадутъ, вѣрилъ, пока Кутузовъ накануне дня отступленія, вечеромъ извѣстилъ его о рѣшеніи военнаго совѣта въ Филяхъ — оставить Москву. Бѣшенство Растопчина было неизъяснимо. Онъ даже возненавидѣлъ Кутузова, и почиталъ Россію погибшею. «Государь!» писалъ онъ Императору Александру, «поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Мнѣ остается плакать объ участи моего отечества.» Растопчинъ самъ зажегъ домъ свой въ подмосковной деревнѣ своей, Вороновѣ, и выставилъ на пожарищѣ его слѣдующую надпись: J'ai embelli pendant huit ans cette campagne, et j'y ai vecu heureux au sein de ma famille. Les habitans de cette terre la quittent à votre approche, et moi, je mets le feu à ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par votre présence. Français, je vous ai abandonné mes deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi-million de roubles; ici vous ne trouverez que des cendres (Восемь лѣтъ украшалъ я сію деревню, гдѣ жилъ счастливымъ среди моей семьи.

Жители ея бѣгутъ, при вашемъ приближеніи, а я жгу мой домъ, да не оскверпится онъ вами. Французы! въ Москвѣ оставилъ я два дома, съ убранствомъ на полмилліона, а здѣсь найдете вы только пепелъ)! Кутузовъ сражался съ Наполеономъ, видѣлъ въ немъ врага, но нигдѣ не позволялъ себѣ укоризны, и не позорилъ Наполеона. «Молодой человѣкъ! кто тебѣ далъ право издѣваться надъ однимъ изъ величайшихъ генераловъ?» сказалъ Кутузовъ, когда одинъ изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ помѣстилъ нѣсколько смѣлыхъ выраженій о Наполеонѣ въ извѣстіяхъ изъ арміи. Напротивъ, не было ругательства и проклятія, которыхъ не употребилъ бы Растопчинъ въ своихъ афишкахъ. Оставляя Москву, гдѣ, не смотря на бѣгство жителей, оставались еще огромныя количества запасовъ, товаровъ, произведеній роскоши, квартиры для войска, больницы для раненныхъ, онъ рѣшился сжечь все. Онъ думалъ о томъ гораздо прежде, и писалъ Багратіону (Августа $\frac{12}{24}$): «Народъ здѣшній умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ не поможетъ ему въ его намѣреніи, то слѣдуя русскому правилу: «не доставайся злодѣю,» *обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милльоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу.*» Въ двухъ донесеніяхъ Императору Александру, послѣ уступленія Москвы (Сент. $\frac{13}{25}$ и Окт. $\frac{13}{25}$), Растопчинъ *условно* высказываетъ свое дѣло: «Я въ отча-

яніи, что Кутузовъ скрывалъ свое намѣреніе, потому что не бывъ въ состояніи удерживать города, *я зажегъ бы его*, и лишивъ Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее, и потомъ предать пламени, отнялъ бы у Французовъ плоды похода ихъ, и пепелъ столицы заставилъ бы ихъ думать, что они лишились великихъ сокровищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ бы съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло.» — «Сентября 1-го (13-го), когда я видѣлся съ Кутузовымъ,» говоритъ Растопчинъ, «онъ повторялъ мнѣ: «*И въ улицахъ буду драться!*» Я оставилъ его въ часъ пополудни.» Объясняя неожиданную перемѣну мнѣнія Кутузова, Растопчинъ заключаетъ: «Если бы Кутузовъ сказалъ мнѣ за два дня прежде, то *я зажегъ бы городъ*, отправивши изъ него жителей.»

Такова была первоначальная причина пожара московскаго. Страшный вѣтеръ распространилъ его. Буйство войскъ Наполеона дополнило бѣдствіе. Наконецъ многіе изъ хозяевъ, въ отчаяніи, сами зажигали свои домы и лавки. «Не доставайся злодѣю!» говорили они, и Москва погибла въ глазахъ Наполеона; явясь на мгновеніе, какъ волшебный городъ восточныхъ сказокъ, она исчезла, какъ сновидѣніе обольстительное, оставя наяву бѣдственную существенность. Какія же были слѣдствія?

Конецъ четвертаго тома.

(три книги).

